

ОРУЖИЕ
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
СОН
РАЗУМА

Annotation

3825 год.

Трагическая смерть профессора Кречетова, автора теории строения гиперсферы, неожиданно и невероятно отзывается на судьбе его племянника. Отпуск лейтенанта космофлота Андрея Кречетова превращается сначала в детективное расследование, а затем в экспедицию к центру загадочной «изнанки космоса», куда не добирался ещё ни один разведывательный корабль. Однако пункт прибытия лейтенанта оказался совсем не таким, каким он его себе представлял…

Андрей Ливадный СОН РАЗУМА роман

ПРОЛОГ

Три миллиона лет до нашей эры.
Неизвестная точка пространства.

Пять космических кораблей, каждый из которых был похож на огромную, отрубленную в запястье трехпалую кисть руки, медленно скользили на фоне блеклого желто-коричневого шара безжизненной планеты.

Существа, управлявшие космическими аппаратами, во всем отличались от людей – в их облике нельзя было угадать ни одной гуманоидной черты, разве что глаза, во взгляде которых сквозил разум, скрашивали вызывающую чуждость строение тел.

Две плоских головы, посаженные на длинных гибких шеях, могли смотреть в диаметрально противоположных направлениях, туловище у этих существ почти не прослеживалось – там, где сходились их гибкие мощные шеи, сразу начинались четыре лишенных суставов ногощупальца, снабженные по всей длине присосками и оканчивающиеся ороговевшими подобиями ступней… или ладоней?.. откуда росли острые загнутые когти.

Вероятно, их прародиной был океан, но исчезновение жаберных щелей и наличие когтей на гибких конечностях ясно свидетельствовали, что, выйдя на сушу, двухголовые миллионы лет эволюционировали на тверди материков родной планеты.

Их речь состояла из ритмичного чередования шипящих и щелкающих звуков, иногда переходящих в тихий нежный посвист.

Обстановка рубки управления головного космического корабля также разительно отличалась от технических решений, которые будут присущи цивилизации людей много тысячелетий спустя: центр шарообразного помещения занимали два непомерно широких «кресла», внешне напоминающих открытые створки ракушек земных моллюсков; пред ними изгибалось покатое дугообразное вздутие, по матовой поверхности которого мелькали едва приметные огоньки, и всюду, куда ни глянь, в воздухе без всякой видимой опоры висели замысловатые, причудливо изогнутые нити, набранные из черных кристаллов, образующих подобие статично подвешенных иероглифов.

Их назначение, по всей видимости, было узкоспециализированно – оно определялось формой изгибов и количеством отдельных кристаллов,

сопряженных в нить.

…Тихий тоновый сигнал прозвучал в тишине рубки; одно из существ, управлявших кораблем, повернуло правую голову, грациозно изогнув при этом змеиную шею, и одновременно коснулось острым когтем концевого кристалла ближайшего к нему «иероглифа».

Часть матовой стены мгновенно осветилась.

Существо, чье изображение возникло в глубинах активированного экрана связи, стояло на поверхности той самой планеты, по орбите которой скользили пять кораблей.

– Девятая попытка, Лю, – проскрежетал голос, похожий на медленный скрип плохо смазанных дверных петель. Издававшее эти звуки существо резко отличалось от тех, кто управлял космическими кораблями. Абонент, вышедший на связь с поверхности безжизненной планеты, выглядел как огромное насекомое, вставшее на задние конечности. Его широко расставленные фасетчатые глаза, лишенные зрачков, не отражали осмысленности взгляда, но их хозяин, несомненно, обладал разумом. – Если и этот эксперимент закончится неудачей, мы больше не сможем помогать вам, – завершил он начатую фразу.

– Я осведомлен об этом, – ответил пилот корабля. – Прошлые неудачи связаны с иными свойствами пространства, куда мы отправляем миры. Глава твоей Семьи должен понимать всю сложность эксперимента. Теперь мы изменили тип источника энергии и более надежно защитили порталы. Включайте свои устройства и срочно эвакуируйтесь.

– Да, – проскрежетало в ответ разумное насекомое.

Связь оборвалась.

Пять космических кораблей включили двигатели, удаляясь от планеты, которой был уготован путь в неизведанное.

Лишь бесстрастные объективы приборов видеозаписи продолжали наблюдать за огромным тускло-коричневым шаром, который начал плавно, без катастрофических рывков менять свою орбиту.

Изменения являлись столь незначительными, что зафиксировать их могли только самые чуткие приборы, но представители обеих сотрудничавших в этом эксперименте рас вполне отдавали себе отчет в том, что в ближайшие сутки станет с планетой и самим светилом системы.

Устройства, изобретенные разумными насекомыми, уже двигали огромный мир, выводя его на гибельную траекторию, которая пролегала в непосредственной близости от фотосферы звезды, а двухголовые ксеноморфы, чье автоматизированное оборудование было надежно спрятано в глубине планетарной коры, отвечали за конечную фазу

эксперимента.

В случае удачи для двух рас открывался путь к сотням иных миров, которые они смогут заселить.

В случае провала их всех ждала смерть, ибо их родные планеты уже подверглись разрушительным атакам со стороны неразумных, всепожирающих космических форм жизни…

Три миллиона лет спустя.

Планета Элио, столица Конфедерации солнц.

Андрея Кречетова разбудила назойливая трель компьютерного терминала.

Он открыл глаза.

Электронные часы, вмонтированные в потолочную панель над изголовьем кровати, показывали три часа ночи.

Пора было вставать – в семь утра он уже должен заступить на боевое дежурство.

Потянувшись, Андрей поднялся и прямиком пошел в ванную комнату, где уже шумел включенный домашней компьютерной системой душ. Через пару минут бытовой терминал выдаст подогретый завтрак, а еще через полчаса бортовой компьютер выведет его машину из подземного гаража здания и припаркует к подъезду.

Наступал обычный рабочий день, отличавшийся от других лишь тем, что завтра у лейтенанта Кречетова начинался отпуск.

Проходя мимо основного терминала домашней компьютерной сети, лейтенант вдруг услышал характерное шипение, и из стены в плоский поддон внезапно выскочила герметичная капсула пневмопочты.

Странно… – Он остановился, глядя на плотно укупоренный цилиндр. Его удивление можно было понять – Андрей не имел тесных знакомств на иных мирах, и получать посылки было просто не от кого.

Наверное, ребята из взвода решили разыграть перед отпуском, – подумал он, заходя в душ.

Вернувшись через пять минут, он сел завтракать.

Цилиндр по-прежнему лежал в поддоне, но Андрей вспомнил про него лишь после того, как отпил глоток кофе.

Протянув руку, он взял послание и приложил его торец к окошку сканера.

«Отправитель, – высветилась надпись, считанная с магнитного маркера, – *Земля, Институт Дальнего Космоса, профессор Кречетов».*

Дядя? – недоуменно подумал Андрей, и мысль о шутке отпала сама собой: между ним и единственным родственником, проживающим на Земле, уже много лет сохранялось стойкое неприязненное отчуждение, причиной которого были трагические события двадцатипятилетней давности. Андрею было трудно вообразить себе обстоятельства, при которых профессор Кречетов стал бы обращаться к племяннику с просьбами или отправлять посылки.

Это настораживало.

Андрей медленно положил цилиндр на стол, взглянул на часы и негромко произнес:

– Объемное сканирование.

Домашний терминал, настроенный на голос хозяина, послушно заморгал индикаторами.

Прошло около двадцати секунд, которые Андрей просидел не шевелясь, и голос домашней системы кратко сообщил результат:

– Сканирование завершено. Послание содержит инородный носитель информации. Взрывчатых, токсичных или иных вредных веществ не обнаружено.

Андрей опять взглянул на часы. У него в резерве оставалось от силы десять минут – опаздывать на боевое дежурство он не собирался ни при каких обстоятельствах.

Что ж… Посмотрим. – Он взял цилиндр, отвернул крышку и вытряхнул его содержимое на стол.

Клацнув о пластик столешницы, оттуда вывалился черный кристалл величиной с крупный грецкий орех.

Андрей сразу узнал, что перед ним. Это был так называемый *Логр* – мини-компьютер расы логриан, двухголовых ксеноморфов, которые, как и раса разумных насекомых, инсектов, вот уже пятнадцать лет входили в состав образованной человечеством Конфедерации солнц. Оба упомянутых народа принадлежали к древним цивилизациям космоса, пережившим свой расцвет и упадок три миллиона лет назад.

Контакт с молодым, энергичным человечеством и образование союза с объединенными планетами людей позволили двум древним расам начать новый виток своего исторического развития, постепенно возвращая утраченные за миллионы лет регресса знания.

Это был трудный процесс интеграции, и лейтенант Кречетов знал о нем не понаслышке, – пути сближения трех народов, населяющих известный участок космического пространства, были извилисты, а порой и противоречивы.

Андрей с подозрением смотрел на *Логр*, не касаясь его.

Для него не составлял секрета тот факт, что логриане были самой технически развитой цивилизацией древнего космоса, а наиболее ярким примером их технологий как раз являлись именно такие, умещающиеся в ладони миниатюрные вычислительно-запоминающие устройства, которые по своим характеристикам успешно соперничали с ультрасовременными компьютерами… И хотя большинство бытующих среди людей кристаллов являлись артефактами, пережившими миллионы лет забвения, но они не утратили за этот период ни своих свойств, ни помещенной на них информации…

Время поджимало, и, взглянув на часы, он аккуратно взял колючий *Логр*, внимательно рассматривая его поверхность.

Подделка или нет?

С тех пор как двухголовые ксеноморфы вошли в состав Конфедерации, человечеству были переданы многие древние технологии, и на некоторых планетах уже появились первые опытные производства, которые выпускали подобные кристаллы, но, рассмотрев полученный по пневмопочте *Логр*, Андрей безошибочно определил – перед ним оригинал, которому как минимум три миллиона лет.

В таком точном, безапелляционном выводе не было ничего удивительного – лейтенанту, чей взвод уже не раз выполнял миротворческие миссии на самых разных планетах, по долгу службы вменялось в обязанность обладать широкой эрудицией, владеть языком иных рас и специальными техническими знаниями из ряда областей науки…

…Решения этим ранним утром диктовал таймер, который показывал, что остается еще девять минут свободного времени, и Андрей, одеваясь, вставил полученный информационный носитель в адаптированное гнездо домашнего терминала.

Тускло вспыхнул полусферический стереомонитор, и в его глубинах внезапно появилось изображение, заставившее Кречетова на секунду застыть, так и не застегнув наплечной кобуры с табельным оружием.

…Четыре логрианских корабля, похожих на трехпалые кисти рук, включив маршевое ускорение двигателей, спешно удалялись от темно-коричневого шарика планеты, которая также разгонялась, все быстрее двигаясь на фоне неподвижного рисунка созвездий.

Что за сила толкала планету, Андрей догадался сразу, как только в поле зрения записывающей камеры попал стремительно удаляющийся от места событий космический корабль инсектов, имеющий вид длинного

черного конуса. Разумные насекомые владели уникальными технологиями – в частности, именно они построили знаменитую Сферу Дайсона, огромный искусственный мир, имеющий форму эллипсоида вращения, внутри которого было заключено тускло-красное родное светило инсектов. Для возведения этого циклопического сооружения они использовали материал планет своей солнечной системы и устройства, которые могли перемещать огромные планетарные массы, изменяя орбиты их движения.

Затаив дыхание, Андрей следил за явно ускоренной, сжатой во времени записью.

Ракурс съемки внезапно изменился – видимо, корабль, с которого она велась, остановился на безопасном расстоянии и включил системы оптического умножения.

То, что Андрей увидел в течение следующей минуты, потрясало…

Снятый крупным планом шар планеты приближался к звезде, следуя по касательной траектории относительно светила.

Шли секунды, в которые логрианское устройство записи спрессовало часы, а может, даже и дни реального времени, и прямо на глазах желто-коричневый шар планеты стал приобретать красноватый оттенок – он раскалялся, двигаясь на неимоверной скорости всего лишь в нескольких миллионах километров от границы фотосферы звезды. Однако полет планеты был столь стремителен, что ее поверхность не успевала расплавиться, по ней змеились трещины, от раскаленного шара к светилу внезапно взмывали огромные куски раскаленных пород – это тяготение взъярившегося солнца вырывало фрагменты планетарной коры, – но раскаленный шар, налившийся темно-вишневыми красками, уже проскочил критическую точку своей новой орбиты, и в следующий миг сжатая запись продемонстрировала закономерный итог: удаляясь от звезды, масса планетоида потянула за собой часть звездного вещества в виде узко направленного плазменного протуберанца, который нес в себе неимоверную энергию не прекращающегося даже в таких условиях термоядерного синтеза.

Еще секунда, и в космосе полыхнула вспышка, ослепившая все записывающие видеоустройства.

Запись оборвалась.

Андрей стоял, глядя в потемневшую полусферу стереомонитора, не в силах адекватно воспринять только что увиденный фрагмент.

Он не понимал ни смысла катастрофической записи, ни повода для странной посылки, которую профессор Кречетов не удосужился снабдить хотя бы краткой пояснительной запиской.

Из замешательства его вывел сигнал компьютерного терминала – машина уже ожидала его у подъезда, и Андрей, не раздумывая больше, вынул *Логр* из адаптационного гнезда, сунул его в клапан наплечной кобуры, где покоилась запасная обойма к импульсной «гюрзе», быстро оделся и вышел из квартиры.

С загадочным посланием можно разобраться позже, а впереди его ждал напряженный день: сегодня на Элио прибывали для переговоров главы планетных общин инсектов, и взвод лейтенанта Кречетова был призван обеспечивать их безопасность на одном из участков правительственной трассы, ведущей от космопорта планеты к президентскому дворцу.

Часть 1. СМЕРТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Глава 1

Точка пространства – неизвестна.
Реальное время – неизвестно…

Утро выдалось прозрачным, кристально чистым. В предрассветных сумерках слегка подмораживало, как это бывает в конце осени, но с восходом солнца стылая земля быстро прогрелась, и пожухлая трава, ломкая от ночного инея, вся покрылась дрожащими капельками росы.

Предательский след тянулся по росистому лугу, но его невозможно было скрыть: серые валуны, принесенные сюда в незапамятные времена сползавшим с гор ледником, лежали слишком редко, далеко друг от друга, чтобы можно было воспользоваться ими как тропой, перепрыгивая с камня на камень.

Все равно собаки найдут… – подумалось ей. – *От этих тварей не скроешь своего запаха, хоть пари в воздухе…*

Остановившись на краткое мгновение, она огляделась.

Выше и ниже темнел лес. По склону, что уходил вверх, росли редкие сосны, и там негде было укрыться – пространство между отдельными стволами просматривалось на сотни метров вперед, и лишь неизменные, поросшие мхом каменные глыбы могли дать защиту, но ненадолго…

Взгляд вниз рождал в душе невольную тоску.

Лиственный лес, пройденный в предрассветных сумерках, с первыми лучами солнца предстал во всей своей красе: кроны деревьев золотились осенним нарядом, кое-где среди моря листвы виднелись подпалины багрянца или полоской темнели никогда не расстающиеся с летней зеленью сосны.

Ветер нес оттуда пряный запах осени и поднимал вместе с восходящими потоками воздуха невесомые паутинки.

Умирать таким солнечным золотисто-багряным утром не хотелось – мысль о смерти становилась совершенно невыносимой…

А что делать, если осталось всего шесть патронов, а продержаться нужно до вечера, до темноты, когда небеса нальются фиолетово-черными красками ночи и Круг сможет начать свой танец-полет с единственной целью – достичь разума человека, который очень далеко отсюда и не подозревает о грядущих, назревающих с каждой секундой событиях.

Чуть прихрамывая, она наконец миновала предательский луг, где на

влажной примятой траве зримо пролегла дорожка ее следов, потом, остановившись под сенью пограничных деревьев соснового редколесья, оглянулась и вдруг увидела, как по промятой ею тропе мчится иссиня-черный пес с мощными лапами, широкой грудью и вставшей на загривке шерстью.

Вздрогнув от неожиданности, она машинально прижалась спиной к шероховатому стволу древа и, вскинув автомат, спустила курок.

Все произошло в считаные секунды. Пес был уже в десятке метров от нее и мощным усилием выходил на смертельный прыжок, когда в сторожкой утренней тишине звонко лопнул одиночный выстрел, пуля ударила чуть ниже лба, пробив голову зверя меж горящих злобным огнем красноватых глаз.

Жуткий охотник на людей, зверь, вскормленный специально для травли, вдруг коротко, по-щенячьи взвизгнул. Его тело, утратив упругость мышц, безвольным кулем прокатилось по траве, пачкая ее алой кровью. И тут же, без права на вздох, не давая опомниться, со стороны лиственного леса втугую ударил крупнокалиберный пулемет.

Стрелок был опытным, хотя вел огонь издалека, ориентируясь на слух. Пули с влажным треском впились в кору деревьев совсем рядом; вниз полетели подрубленные ветви, остро запахло сосновой смолой, звонко, визгливо ударил рикошет, и вдруг все стихло, только медленно кружили в воздухе кусочки остро пахнущей коры да во рту появился солоноватый привкус крови – это давало знать о себе внезапное напряжение.

Медленно повернув голову, она увидела свежую отметину на шершавом стволе в десяти сантиметрах от лица, ей даже показалось, что из глуби древесной раны выглядывает тупая оконечность пули, но это были мимолетные мысли и образы. Пригибаясь и чуть приволакивая вывихнутую на крутом склоне ногу, она поспешила вверх, туда, где темнели замшелые валуны, укрывшись за которыми она сможет видеть только что пройденный луг от края до края.

Пусть идут. Пусть…

Исчезло мимолетное наваждение утренней красоты, мир вокруг преобразился, став враждебным и неприветливым.

Теперь в ее автомате оставалось всего пять патронов.

Планета Элио.
Пригород Раворграда, правительственная трасса МК-17.
Утро…

– Блокпост пять, ответьте координатору.

Лейтенант Кречетов коснулся сенсора коммуникатора.

– Пятый на приеме. – Он оглянулся, машинально следуя привычке, и добавил: – Все чисто.

Правительственная трасса плавилась в знойном мареве подступающего полудня. От нагретого стеклобетона змеились зыбкие струйки горячего воздуха, искажая очертания далекой кромки леса.

– Орбитальные челноки завершили посадку, – сообщил голос в устройстве связи. – Главы Семей планетарных общин инсектов проследуют в загородную резиденцию через тридцать минут.

– Они будут проезжать мою зону ответственности? – уточнил Кречетов.

– Нет, кортеж будет двигаться по МК-12.

Значит, на сегодня все… – машинально подумал Андрей. Десять минут назад по семнадцатой трассе проследовали машины президента Конфедерации солнц. Сейчас Шейла Норман и сопровождающие ее лица уже достигли охраняемой резиденции, где будет проходить встреча глав всех планет, входящих в обновленную Конфедерацию.

– Хорошо, я понял, – ответил Андрей координатору. – Продолжаю наблюдение.

– Не расслабляйтесь. Смена в шестнадцать ноль-ноль.

– Понял вас, – повторил Андрей.

Коммуникатор тихо пискнул, отключаясь.

Закончив переговоры, лейтенант Кречетов оглянулся. Двое бойцов его взвода занимали позицию за скрытым среди листвы бронепластиковым бастионом, и с расстояния в десять метров невозможно было разглядеть, где именно расположен блокпост. Такие точки наблюдения являлись неизменным атрибутом правительственных трасс: скрытые в лесополосе, они не раздражали взгляд проезжающих высокопоставленных лиц и в то же время эффективно прикрывали свои зоны ответственности. Между лесополосой и полотном скоростной автомагистрали простиралось ровное как стол пространство, образованное участками коротко стриженных газонов. Благодаря их ширине и протяженности никто не мог незаметно подобраться к важной автомагистрали, а бойцы, надежно защищенные укрытием, контролировали окружность радиусом в полтора километра…

Андрей перевел взгляд.

По другую сторону лесополосы вдаль уходили пространства сельскохозяйственных полей, и лишь за ними начинался обычный рельеф, а вместе с ним и привычная рядовому обывателю жизнь. Сразу за полями, в

трех километрах от блокпоста, синели участки лесных массивов, меж которыми в электронную оптику хорошо просматривались окраины небольших городов-спутников, которые окружали столицу планеты Элио. Сам мегаполис имел форму подковы – его уступчатая масса протянулась вдоль маслянистой глади залива Эйкон, над поверхностью которого вздымались, соперничая с небоскребами, исполинские Раворы – знаменитая древесная форма жизни, оставшаяся от исконной биосферы планеты.

…Одиннадцать часов утра.

Сонный покой. Семь часов до смены.

Андрей направился к бронепластиковому бастиону, в тень. Через полчаса вдали проследует кортеж с главами планетных общин инсектов, и после этого на участке правительственных трасс, ведущих от космопорта планеты к столице Элио и загородным резиденциям, наступит глухое затишье, которое продлится до самого окончания переговоров.

Вообще-то несение службы на блокпостах не входило в обязанности подразделений космической пехоты, но базовый корабль, к которому был приписан взвод Кречетова, вот уже полгода как находился в планетарном доке Элио, на плановом техническом обслуживании, и космическая пехота вместе с другими подразделениями несла наземную службу.

Андрей вошел под сень деревьев, где среди кустарниковой поросли, образующей редкий подлесок, затаился камуфлированный бастион. Внутри укрытия работал кондиционер, подле амбразур расположились сержант Хилл Мортимер и рядовой Джон Скрег. Скрег был взводным снайпером, а Мортимер – специалистом по тяжелым видам вооружений, к которым относились импульсный лазер, установленный у левой амбразуры, и автоматическая мини-пушка, укрепленная на крыше бронепластикового укрытия. Каждые десять секунд механизм автоматического орудия совершал полный оборот вокруг оси, обшаривая стволом и сопряженными с ним сенсорами все триста шестьдесят градусов сектора обстрела.

– Пока тихо, командир, – доложил Мортимер, как только лейтенант перешагнул порог укрытия.

– Все внимание в сторону двенадцатой трассы, – произнес Андрей. – Минут через двадцать там будут проезжать главы планет инсектов.

– Ясно. – Мортимер вместе с креслом повернулся к тактическому дисплею, набрал директиву, и на экране появилось увеличенное изображение пустого отрезка МК-12, расположенного в семи километрах от зоны их ответственности, за двумя барьерами искусственных лесопосадок. Там располагались другие блокпосты, и изображение на

экран транслировалось через их приемопередающие устройства.

Андрей сделал глоток остывшего кофе из оставленной им чашки, потом подошел к Скрегу и взял снайперскую винтовку модификации «ИМ-200», снабженную оптико-электронным компьютерным прицелом и системой тепловидения.

Оружие было легким, удобным и эффективным.

Посмотрев на плоский дисплей, Кречетов поднял оружие, используя его как бинокль, и повел стволом из стороны в сторону, осматривая «тыловые» подступы к блокпосту.

Это было скорее данью профессиональной привычке, чем осознанной необходимостью, но, взглянув на плоский монитор снайперского прицела, Кречетов вдруг заметил нечто неординарное.

«Внимание» – машинально подал он условный знак рукой.

Все действия лейтенанта резко отличались от принятых уставом караульной службы, которому следовали силы самообороны планеты. Это объяснялось просто: Кречетов являлся боевым офицером, прошедшим не одну «горячую точку» обитаемой Галактики, и укоренившиеся привычки не могло изменить вынужденное полугодичное «прозябание» в казарменном городке сектора «Эригон»…

…Две гуманоидные фигуры бледно-золотистого цвета двигались в их направлении со стороны ближайшего поля, засеянного низкорослой гречихой.

В первый момент Андрей оцепенел: два нежно-золотых силуэта показались ему каким-то непонятным, причудливым бликом, воспринятым снайперской оптикой как световая помеха…

Он сморгнул, посмотрев поверх прицела на простирающееся по ту сторону лесополосы поле.

Никого. Лишь ленивый ветерок слегка волнует султанчики соцветий, тесно прилепившихся к тонким травянистым стебелькам.

– Хилл, отсканируй поле гречихи.

Мортимер, который после условного знака напряженно следил за командиром, повернулся к панели сенсоров.

Андрей протянул винтовку ее владельцу:

– Быстро доложи, что ты видишь?

Джон приник к снайперской оптике, чуть повел стволом и ответил:

– Две золотистые фигуры… – он запнулся, – гуманоидного типа, движутся к нам, дистанция триста метров.

– Подтверждаю, – раздался за спиной голос Мортимера. – Засвечиваются только в теплом диапазоне.

Кречетов коснулся сенсора связи.

– Первый, докладывает пятый пост. У нас гости. Включаю канал телеметрии с сенсоров бастиона.

Через несколько секунд пришел ответ координатора. Две золотистые фигуры за это время едва ли успели пройти десяток шагов.

– Пятый, вижу ваших гостей. Почему отсутствует нормальный видеоряд?

– Их фиксирует только инфракрасная оптика. В обычных лучах они невидимы.

– Броня «хамелеон» не дает такого эффекта…

– Я знаю. – Кречетов не был настроен рассуждать, обмениваясь техническими подробностями с незнакомым майором. – Они сейчас войдут в тыловую зону охраны. Прошу дать конкретные указания.

Мортимер и Скрег напряженно ждали, готовые действовать в любую секунду.

Андрей непроизвольно поморщился. Масса инструкций, регламентирующих несение службы в столице Конфедерации, связывала его по рукам и ногам, как липкая паутина. Он не привык запрашивать дополнительных инструкций, когда прямо на него спокойно движется *нечто неопределенное.*

Невидимость двух фигур в диапазоне нормального человеческого зрения для лейтенанта уже являлась знаковым фактом.

Не тяни, майор, шевели мозгами, это не грибники и не заблудившиеся обыватели из соседнего городка.

– Пятый, действуй по обстановке.

Развязываешь руки? – мелькнула в голове лейтенанта безошибочная мысль. – *А заодно и сваливаешь ответственность?*

Андрея вполне устраивал такой расклад.

– Скрег… – лейтенант взглядом указал на колено. Джон кивнул, не отрывая глаз от компьютерной оптики, лишь слегка шевельнул стволом, переводя точку прицеливания с головы левой фигуры на коленный сустав.

Автоматическая пушка, венчавшая пластиковый бастион, прекратила вращение. Теперь ее привод тихо повизгивал, осуществляя точную наводку.

Палец Кречетова коснулся сенсора громкой связи:

– Внимание, двое неизвестных, вы вошли в зону охраны правительственных трасс. У вас есть тридцать секунд, чтобы покинуть ее…

Это была чистой воды формальность, дань каналу автоматической передачи событий, который в реальном времени транслировал все происходящее на терминал координатора. Подсознательно Андрей был

уверен – они не повернут вспять.

С дистанции сто девяносто метров инфракрасная оптика начала выдавать детали, и теперь стало окончательно ясно: двое неизвестных являются людьми.

Оставался непонятен способ их маскировки, но тепловое излучение показывало, что у существ две ноги, две руки и одна голова… *Не факт, что люди…* – промелькнула в голове лейтенанта здравая мысль. – *Может, хараммины?.. Нет…* – Андрей умудрился сосчитать пальцы рук неизвестных. – *Пять пальцев. Значит, это не голубокожие братья по разуму…*

Цифры в окошке хронометра менялись удручающе медленно…

Двадцать четыре секунды… Дистанция – сто пятьдесят метров.

В этот миг они ударили первыми, не маскируясь, а продолжая при этом двигаться прямо на бастион.

Атака оказалась ошеломляющей даже для видавшего виды лейтенанта Кречетова и его бойцов.

Две золотистые фигуры внезапно остановились и начали темнеть, наливаясь тяжелым цветом расплавленного драгоценного металла. Андрею вдруг показалось, что он видит на дисплее инфракрасного сканера, как отовсюду: от деревьев лесополосы, от травянистых стебельков гречихи… да и от самой земли – к ним тянутся тончайшие нити золотистого цвета… но это длилось лишь секунду, спустя миг от застывших без движения фигур в отлично замаскированный бастион ударило два энергетических разряда.

Это не походило на слепящий росчерк молнии или острый укол лазерного луча. Два темно-красных переливчатых тепловых сгустка ясно прослеживались лишь на дисплеях термальной оптики, а в реальности их движение оставалось практически незаметно. Только воздух над полем неожиданно пришел в движение, струясь зыбким маревом, и в следующую секунду что-то ударило в укрепление, разорвавшись с оглушительным грохотом, похожим на сдвоенный раскат грома. Бастион, глубоко вкопанный в почву, вырвало из земли, заставив все сооружение подпрыгнуть от внезапно образовавшейся ударной волны, внутри укрытия лопнул экран и заискрила проводка, в воздухе резкий запах озона мгновенно смешался с флюидами расплавленной пластмассы и сгоревшей изоляции.

Мортимера оглушило, отбросив в дальний угол укрепления, Скрег и Кречетов удержались на ногах.

Дважды сухо щелкнула снайперская винтовка.

Экран инфракрасной оптики уцелел, и Андрей по-прежнему видел остановившиеся на краю поля фигуры, – он мог поклясться, что Джон попал. Два выстрела пробили золотое свечение фигур в районе колен, но зрение в этот миг словно раздваивалось, – лейтенант не мог игнорировать *пустую* окраину поля, которую различал невооруженный взгляд, и два султанчика выбитой вверх пыли в местах, где титановые шарики снайперского «ИМа» прошили воздух, подрубили несколько стебельков гречихи и наискось вошли в землю.

Это было какое-то наваждение. Вслед за выстрелами снайпера автоматически заработало орудие, и разрывные снаряды тугой очередью хлестнули по тепловой аномалии.

С тем же эффектом. Выбитые вверх султаны земли, сладкое крошево гречихи, сизый относимый ветром дымок и… две золотистые фигуры на дисплее термальной оптики, которые стояли не шелохнувшись, лишь вновь начали темнеть, наливаясь уже знакомым тяжелым цветом расплавленного золота.

Все описанное происходило очень быстро – удар тепловых разрядов, выстрелы Джона Скрега и ритмичная очередь автоматической пушки слились воедино. Сержант Мортимер еще только пытался встать, держась обеими руками за голову, а Андрей уже метнулся к противоположной амбразуре, которая выходила в сторону МК-17, схватил установленный на съемной треноге тяжелый импульсный лазер – и рывком перенес его к тыловой части укрытия.

Индикатор на панели накачки преданно тлел злобными красными огоньками – лазер был заряжен на пять импульсов. У каждой амбразуры бастиона имелись собственные крепления для тяжелого оружия; Кречетов с усилием опустил семидесятикилограммовый корпус в предназначенное для него гнездо и, не теряя ни секунды, одновременно с сухим лязгом фиксирующего устройства повел коротким толстым стволом, внутри которого был спрятан излучающий стержень из полуметрового искусственно выращенного рубина.

На прицельном дисплее лазерной установки, которая обладала своей системой тепловидения, отлично просматривались два контура золотистых человеческих тел, и Андрей успел нажать на сенсор огня раньше, чем они вторично разрядились накопленной энергией…

Два темно-красных луча вспыхнули и погасли.

Со стороны могло показаться, что потоки когерентного света прошили воздух, пустоту, как и пули снайперской винтовки, но последовавший за лазерными разрядами взрыв свидетельствовал об обратном. На краю поля

полыхнуло так, словно лазерные лучи как минимум прошили незримые энергоблоки, – свет, который залил окрестности, был *холодным,* от него не вспыхнуло ни единой травинки, лишь все предметы в окрестностях на миг отбросили угольно-черные тени да многострадальную гречиху прибило к земле, образовав два круга полегшей травы.

Кречетов успел заметить, как по всей площади дисплея разлетаются *клочья* золотистого цвета… и все.

Наступившая внезапно тишина показалась ему оглушающе-ватной.

Что бы там ни было, но атаку мы отбили, – подумал Андрей, пытливо вглядываясь в окошко целевого инфракрасного монитора.

Точка пространства – неизвестна.

Реальное время – неизвестно…

Позиция за замшелыми глыбами оказалась удачной: камни глубоко вросли в землю, между ними пучками выбивалась трава, а округлая форма обкатанных ледником валунов обусловливала наличие между ними расширяющихся зазоров, которые при умелом использовании представляли собой идеальные бойницы.

Лана хорошо знала науку маскировки и умела использовать преимущества, которые предоставлял тот или иной рельеф местности.

Ее, как и того пса, что валялся в окровавленной траве неподалеку отсюда, учили искусству боя с раннего детства. Смыслом ее жизни должно было стать убийство, а личные мотивации или желания обучающегося не имели при этом никакого значения.

Собственно, как она поняла позже, – ее просто зомбировали в ту пору, когда трехлетнюю девочку отдали на обучение в Храм.

Ненависть вырвала ее оттуда, а старые наставницы, повстречавшиеся на жизненном пути, сорвали пелену с глаз, и вот теперь настала пора отдать долг мудрым, но, как казалось ей, – беззащитным учителям.

Она не мучилась и не сомневалась. После раскатистой, упругой пулеметной очереди, что хлестнула по крайним деревьям лесистого склона, душа Ланы будто окаменела… остались только обострившийся разум, рефлексы и ощущения…

Ощущения…

Она, как дикий зверь, могла получать достоверную информацию об окружающем мире не только посредством глаз. Ее слух был более совершенным, чем у обычного человека, а обоняние по своим возможностям могло дать фору нюху застреленного пса.

Этими умениями она была обязана хирургам Храма, но ими не исчерпывались возможности Ланы, – благодаря урокам в школе Круга в распоряжении молодой женщины имелись иные способы восприятия реальности, но их черед пока не настал: день впереди был долгий, и тратить силы понапрасну казалось ей как минимум глупо – и так ясно, что со стороны лиственного леса приближается погоня…

Она едва успела оборудовать себе убежище, как внизу действительно появились люди.

Две маленькие фигурки отделились от образующих подлесок кустарниковых зарослей и сноровисто, перебежками, двинулись вперед вверх по склону.

Их вид не удивил и не испугал Лану – это были люди Храма, такие же отлично подготовленные бойцы, как и она сама. Затаившись на позиции меж гранитных валунов, она видела всю площадь горного луга и могла снять продвигавшихся в ее сторону бойцов двумя одиночными выстрелами, несмотря на все их уловки.

Она бы так и поступила при иных обстоятельствах, но количество оставшихся в магазине патронов невольно заставляло ее изменить надежную тактику сдерживания на более рискованную.

Ланита невольно приподняла голову, посмотрев на солнце.

Диск светила едва оторвался от линии горизонта. До заката еще восемь с половиной часов…

Двое беспрепятственно пересекли открытую местность и, не сговариваясь, упали на землю, укрывшись за стволами сосен в ста метрах от нагромождения каменных глыб.

Лана знала, что не сможет легко спровоцировать их, сыграв на неосторожности или любопытстве, – не те это были бойцы, чтобы купиться на слабый стон или иную неуклюжую уловку.

Они тоже чувствовали: цель рядом, близко, и рассчитывать на их ошибки, а тем более уповать на милосердие не имело смысла.

Отступников Храма уничтожали. Это был закон, она знала его, знала, что ее преследователи – опытные воины и взять их можно лишь одним способом…

Машинально закусив губу, она легла в расселину меж острых каменных глыб, постаравшись как можно надежнее, глубже укрыть голову в теснине смыкающихся серых плоскостей, и потому ее поза получилась неестественной, будто Лана уже умерла и ее тело выгнулось в предсмертной конвульсии…

Автомат она оставила в полуметре от себя.

Мысленно сосредоточившись, девушка впустила в свой разум вселенскую пустоту, позволила сознанию сжаться до размеров точки, и, только придя в состояние полной расслабленности тела, при максимальной концентрации духа, она застонала, громко и естественно, как стонет смертельно раненный человек, и тут же, не медля, оттолкнула собственное сознание в бездонную черноту…

…Один из ее преследователей, услышав стон, осторожно приподнял голову, осмотрелся, потом еделал знак напарнику, кивком указав в нужную сторону, а сам спокойно вытащил осколочную гранату, надавил на утопленный в корпус диск активации и точно выверенным движением метнул рифленый шарик в теснину, образованную нагромождением каменных глыб.

Взрыв ударил глухо, не было ни столбов земли, ни султанов дыма – только взметнулся меж замшелых валунов злой оранжевый сполох огня, дрогнула почва да с заунывным воем резанули осколки металла и камня.

Они синхронно вскочили и ринулись вперед, плавно, с грациозной пластикой зверя вскарабкавшись по валунам, на поверхности которых серели свежие царапины от осколков и тлел мох, истекая приятным, тревожащим обоняние травянистым дымком.

Оказавшись наверху, они посмотрели в обширное углубление, заваленное острыми осколками не выдержавшего многолетней эрозии валуна.

В теснине между двумя угловатыми гранитными глыбами лежало тело их жертвы – запрокинутая назад голова была зажата в узкой расселине, грудь обильно напиталась кровью, которая ритмичными толчками с бульканьем прорывалась из невидимых ран, выплескиваясь наружу сквозь посеченную осколками одежду. Ее автомат валялся в стороне.

Один из преследователей застыл на месте, направив ствол оружия на запрокинутую голову жертвы, второй осторожно приблизился к ней.

Оба преследователя были мужчинами, и на них, в отличие от простой домотканой одежды Ланы, присутствовала вся экипировка, положенная рядовым воинам Храма: плечи, грудь, спину и промежность прикрывал шуршащий при движении доспех, набранный из тесно пригнанных друг к другу серых пластин, ноги были обуты в высокие сапоги с толстой подошвой и шнурованным верхом, а головы бойцов прикрывали такие же серые, но не пластинчатые, а цельнолитые полушлемы с прозрачными забралами, прикрывающими глаза и переносицу.

На поверку выходило, что незащищенными у них оставались лишь бедра, затянутые в узкую ткань бриджей, нижняя часть лица и маленький

участок шеи…

Первый из преследователей, тот, что приблизился к окровавленному, не подающему признаков жизни телу, протянул руку и осторожно коснулся пальцем тонкой голубоватой жилки на испятнанной кровавыми брызгами шее девушки.

Она не затрепетала под сильным нажатием пальца, он не смог прощупать ни единого удара пульса и потому, уже распрямляясь, сказал:

– Мертва…

В этот миг Лана перестала удерживать свое сознание вне тела. Она позволила ему вернуться, ринувшись назад из черноты, мгновенно впитать все ощущения боли, которые исторгала порванная осколками плоть, и одновременно с этим окровавленное рубище пришло в стремительное движение, будто незримый дух насильно вторгся в холодеющее тело и поднял его жестким, целенаправленным, контролируемым ударом.

Тот, кто секунду назад наклонялся над «мертвой женщиной», не заметил, что в ее правое запястье глубоко вживлен заостренный конец полуметрового, сталистого на вид, но гибкого шунта, а в левом, спрятанном в широком рукаве одежды, зажат метательный нож.

Это походило на секундный кошмар, когда мертвое на вид, окровавленное тело внезапно поднялось одним плавным, тягучим рывком и обе руки Ланы стремительно вытянулись вперед. Обоюдоострый метательный нож с неприятным хрустом пробил кадык того воина, что стоял поодаль, а первый, только что констатировавший ее смерть преследователь удостоился участи более страшной: свободный конец шунта с раздвоенным, как язык змеи, острием глубоко вонзился в его горло, пробив две основные кровеносные артерии, и в ту же секунду, не давая ему упасть, освободившаяся от ножа рука Ланы перехватила обмякшее тело воина. Это был страшный миг запредельного восприятия реальности.

Она смотрела в его глаза, физически ощущая, как медленно, капля за каплей его жизнь перетекает через соединительный шунт в ее израненное тело. Этот процесс не имел ничего общего с сознанием, в нем участвовал только обмен веществ двух организмов да медицинский метаболический преобразователь – страшное в плане этики изобретение древности, посредством которого легко раненный боец мог забрать остаток жизненных сил у своего безнадежно умирающего товарища.

Сейчас данный процесс принял иную окраску, протекая в обратном направлении – заостренные концы шунта, пробив кровеносные сосуды на горле воина, «пили жизнь» из здорового тела. Два человека – убийца и жертва – на краткое время превратились в единое целое, связанное черной

глянцевитой пуповиной прибора. Все внутренние органы Ланы, остро борющиеся в данный момент за выживание, заставляли организм врага отдавать через шунт все необходимые метаболические реагенты, – она сжигала жировые запасы его тела, заставляла организм чужого человека бороться с ее собственными ранами, залечивая их… и это длилось не минуту или две, а гораздо дольше…

Рука Ланы онемела от напряжения, но она неотрывно смотрела в глаза воина, читая в них понимание протекающего процесса и жуткий животный страх… Взгляд девушки замораживал его разум, не давая пошевелить ни одним мускулом, – данному искусству ее учил Круг, и она предчувствовала, что рано или поздно ей придется воспользоваться этим запредельным для простого смертного навыком…

Кожа воина медленно усыхала, его щеки начали проваливаться, резко обозначая скулы, взгляд постепенно тускнел, теряя осознанную ясность мышления, прошло, наверное, минут десять, прежде чем Ланита со сдавленным вскриком вдруг оттолкнула от себя уже мертвое тело врага, позволив раздвоенному жалу шунта вырваться из его плоти.

Мир кружился перед затуманившимся взором, земля и небо стремились поменяться местами, и в эти мгновения ей хотелось выть, как зверю, но, кроме сдавленного стона, исторгнутого в момент обрыва контакта, ни один звук не вырвался из ее горла.

Круг…

Она должна защитить его…

Взор Ланы обрел некоторую ясность, осмысленность. Она поняла, что стоит, опираясь обеими руками о шероховатый камень, а подле распростерты два мертвых тела: под одним натекла, напитав землю, огромная лужа крови, до сих пор сочащейся из пробитого ножом горла… а второй боец Храма, лежавший у ее ног, выглядел как только что эксгумированный труп, который усох внутри своей одежды и доспехов, став похожим на хорошо экипированный, обтянутый кожей скелет.

Это сделала она…

Впервые в жизни Лане пришлось воспользоваться всеми опасными знаниями, навыками и хирургически имплантированными приспособлениями, которые были внедрены в ее сознание и плоть специалистами Храма и духовными наставниками Круга…

Взглянув на себя, она не ужаснулась, ибо то, что происходило минутой ранее, было для нее гораздо более впечатлительно, чем вид собственной одежды, покрытой ломкими пятнами свернувшейся и засохшей крови.

Зябким движением скинув со своих плеч бесформенное, но удобное рубище, которое теперь превратилось в рваную окровавленную тряпку, Лана оказалась совершенно нагой.

Взглянув на свое тело, она увидела множество длинных розовых шрамов, которые наискось тянулись по животу, задевая левую грудь.

Это были следы осколочных ранений, которые она залечила, высосав все жизненные силы из своего здорового врага при помощи жуткого древнего приспособления.

Она знала, что если судьба позволит ей пережить сегодняшний день, то многое предстанет в ее душе совсем в ином свете, но пока не имела ни минуты на раздумье.

Лана начала быстро, сноровисто раздевать усохший труп, отдавая предпочтение одежде и доспехам, которые не носили следов пролитой крови.

Надев мягкое нижнее белье, которое еще хранило остатки тепла от чужого тела, она привычным движением позволила шуршащему металлокевлару скользнуть на плечи, грудь и живот, чувствуя приятный ненавязчивый вес брони, затем обулась в высокие сапоги, в голенища которых были вшиты чехлы для метательных ножей, надела полушлем, но прозрачное забрало оставила откинутым вверх…

Повесив на спину автомат, Лана склонилась ко второму, залитому кровью телу, вытащила все имевшиеся у врага запасные магазины и гранаты, рассовала их по свободным отделениям своей экипировки, потом приподняла труп и с видимым усилием отволокла его к щели между камней, уложив так, чтобы с определенного расстояния храмовника можно было заметить в примятой траве.

Иссохший труп второго воина она привалила камнями, чтобы не мозолил глаза своей страшной наготой, и, лишь выполнив эти операции, вернулась к намеченному заранее убежищу.

Взглянув в щель между камнями, она увидела, что по лугу неторопливо движется цепь воинов-храмовников.

Человек двадцать… – мгновенно оценил их количество взгляд, а рука уже машинально передернула затвор оружия, и короткая емкая очередь сухо рванула тишину, с убийственной точностью повалив замертво двоих ближайших к ее укрытию врагов.

Остальные мгновенно залегли, исчезли среди высокой травы, а от опушки лиственного леса вновь прицельно ударил крупнокалиберный пулемет, кроша гранит, срывая мох и высекая искры из покатых валунов.

Солнце только-только начало карабкаться к зениту…

До вечера оставалось семь часов.

* * *

Планета Элио.
Три часа спустя после атаки на бастион…

Андрей Кречетов был материалистом, то есть он видел мир таким, каков тот есть на самом деле. В результате полученного воспитания и в силу рода своих сегодняшних занятий он не верил ни в мистические явления, ни тем более в конкретных существ, которым когда-либо приписывались громкие имена божеств.

В антиподов светлых сил он не верил также.

Кабинет генерала Дитера Грейна был просторным, но скупо обставленным, из предметов меблировки тут преобладали расположенные вдоль стен сиденья и небольшие столики перед ними, в которые были вмонтированы портативные компьютеры, соединенные в локальную сеть. Рабочее место генерала отличалось более внушительным рабочим столом и двумя установленными по бокам терминалами оперативных систем.

Усаживаясь на откидное сиденье, Андрей подумал, что тут могут собираться на совещание до полусотни человек.

Сейчас в кабинете Грейна их было только четверо: Кречетов, затем незнакомый ему майор, который осуществлял общую координацию действий отдельных блокпостов… напротив ссутулившегося майора сидел также незнакомый Андрею полковник и, наконец, сам хозяин кабинета, расположившийся за своим рабочим столом меж двух перемигивающихся огнями терминалов. На стенах, декорированных зеркальным деревом планеты Рори, выделялись огромные экраны, чья темная поверхность резко контрастировала с ртутным блеском зеркальной древесины.

– Итак, лейтенант, что вы можете пояснить по поводу сегодняшнего инцидента? – Голос генерала глухо прозвучал в большом полупустом помещении.

Кречетов встал, но Дитер Грейн остановил его мягким жестом:

– Сидите, лейтенант.

– Сэр, по существу я могу доложить лишь одно: в одиннадцать часов три минуты мной были обнаружены два неопознанных, светящихся в инфракрасном спектре существа, которые приближались к блокпосту со

стороны тыловой запретной зоны, – произнес Андрей. – Я связался с координатором и, получив приказ действовать согласно обстановке, по громкой связи оповестил неизвестных о том, что они нарушили границы зоны охраны правительственных трасс.

– Вы им дали время, чтобы уйти?

– Да, господин генерал. Тридцать секунд. Вполне достаточно, чтобы исправить оплошность, учитывая, что они едва пересекли отмеченную предупреждающими табличками линию запретной зоны.

– Понятно… – Дитер Грейн сцепил пальцы рук в замок. – И что последовало дальше, лейтенант? Они остановились?

– Нет. На двадцать четвертой секунде оба существа замедлили шаг, изменили интенсивность своего свечения, которое по-прежнему регистрировалось только в тепловом диапазоне, после чего в сторону блокпоста ими было выпущено два тепловых заряда, которые взорвались при соприкосновении с бронепластиком. В результате укрепление было сорвано с опор, а сержант Мортимер получил контузию. Рядовой Джон Скрег открыл ответный огонь из «ИМ-200», целясь по ногам неизвестных, но выстрелы импульсной винтовки не причинили им вреда. Секунду спустя сработало автоматическое орудие бастиона, но и его заряды также не возымели действия. Оценив обстановку, я по характеру атаки понял, что мы имеем дело с энергетическими образованиями, и применил к ним адекватное оружие.

– Лазер? – уточнил молчавший до сих пор полковник.

– Да, сэр. – Кречетов чуть повернул голову. – Я уничтожил их из импульсного стационарного лазера.

– Уничтожили, лейтенант? – с сомнением в голосе произнес полковник.

– Да. На мониторе инфракрасной оптики я отчетливо видел, как от эпицентра двух взрывов разлетались бесформенные фрагменты золотистого свечения.

– Хорошо, лейтенант, тогда скажите: как вы можете оценить природу этих существ и примененное ими оружие? – спросил Грейн.

– Оружия я не видел, сэр, – ответил Кречетов генералу. – По личным ощущениям удар может быть охарактеризован как выстрел маломощного плазмогенератора… – Он хмуро взглянул на хозяина кабинета и добавил: – Если верить собственным глазам и обычной оптике, то этих существ попросту не было.

– Да, – кивнул, соглашаясь с ним, полковник. – Замедленная видеозапись событий без применения инфракрасной расшифровки

выглядит именно так. На окраине поля, внутри границы запретной зоны, неожиданно появились две линии струящегося, перегретого воздуха; они удлинялись в течение пяти секунд, пока не соприкоснулись с замаскированным укрытием. Произошел взрыв, после чего по пустому участку территории было произведено два одиночных выстрела из снайперской винтовки, затем последовала очередь автоматической пушки и наконец два лазерных импульса, которые, без сомнения, уничтожили *нечто,* – он подчеркнул интонацией последнее слово, – находящееся там. Мои специалисты осмотрели стационарный пост и место попаданий ответного огня. Повреждения бронепластика свидетельствуют о воздействии на него высоких температур…

– А что обнаружено на месте ответных попаданий? – осведомился генерал Грейн.

– Воронки от снарядов и полегшая двумя окружностями трава. Лазерных шрамов нами не найдено.

– То есть? – приподнял бровь генерал.

– То есть лейтенант Кречетов стрелял со стопроцентной точностью, – спокойно ответил полковник. – Два разряда когерентного излучения попали в невидимые глазу образования и разрушили их структуру, что привело к «холодному» взрыву.

– Поясните, – потребовал Грейн.

– Холодный взрыв в данном случае означает разрушение устойчивой структуры энергетического поля, которое, потеряв стабильность, рассеялось, возбудив при этом воздушную ударную волну. Отсюда и круги прибитой к земле травы.

– И все же… – Генерал встал из-за стола и принялся шагать по кабинету. – Что это было? – Он повернулся к офицерам. – Это не оптические фантомы, – начал он рассуждать вслух. – Исходя из видеозаписи можно предположить, что лейтенант Кречетов вел схватку с редким, но реально существующим явлением природы. Нам известны случаи спонтанного формирования короткоживущих тепловых аномалий. – Он выразительно указал на зеркальную древесину планеты Рори, которой были отделаны стены кабинета.

Кречетов проследил за взглядом генерала и подумал, что поле гречихи никак не сравнимо с зарослями зеркальных деревьев и вряд ли генералу удастся списать все произошедшее на природные аномалии.

Однако тот и не собирался это делать.

– Инфракрасный спектр показывает иное… – продолжал рассуждать вслух генерал. – Мы видим две гуманоидные фигуры, которые при своих

передвижениях не потревожили ни одной травинки, но сумели атаковать бастион при помощи маломощных тепловых зарядов. И они тут же рассеялись без остатка, как только лейтенант нарушил их структуру двумя порциями когерентного света. Так что это было? – резко остановившись, повторил он свой вопрос. – Возможно, это неизвестная нам форма энергетической жизни?! – Генерал в упор посмотрел на майора, который исполнял обязанности координатора. – Вы приказали лейтенанту Кречетову действовать по обстановке, умыв тем самым руки… а вы подумали, что они могут не воспринимать звуковых волн, не понимать, что нарушили некую зону запрета?! Возможно, они были…

– Разрешите уточнить, господин генерал.

Дитер Грейн обернулся на голос.

– Говорите, лейтенант, – недовольно разрешил он.

– Эти существа напали первыми, – произнес Андрей. – Они атаковали блокпост, а все остальное являлось уже ответными мерами на их огонь. Учитывая, что поблизости, спустя десять минут после отражения атаки, проследовал кортеж с главами планетных общин инсектов, я расцениваю это как попытку силового прорыва на охраняемую территорию…

– Я понял вашу точку зрения, лейтенант.

– Нет, господин генерал, я бы хотел добавить.

– Да? – Грейн все более мрачнел, тяжело глядя на Кречетова.

– Если бы координатор не отдал мне команды действовать по обстановке, то блокпост, скорее всего, был бы уничтожен. Кто бы это ни был – иная форма жизни, фантомы или еще какое-то неизвестное нам образование, – он осуществил неспровоцированную атаку. Промедление привело бы к гибели личного состава блокпоста!

– Похвальная солидарность, – выслушав его, ответил генерал. – Ваше счастье, лейтенант, что мы располагаем полным каналом телеметрии событий, включая запись инфракрасной оптики. Иначе вам сидеть бы не тут, а в штрафном изоляторе.

– Я знаю это, сэр.

– Тем лучше. Мне сказали, что с завтрашнего дня вы должны находиться в плановом отпуске?

– Так точно, – ответил Андрей.

– Вот и отправляйтесь отдохнуть… А мы тут будем разбираться… – Генерал повернулся к полковнику и коротко завершил: – Весь личный состав блокпоста представить к наградам. С вами, майор, мы разберемся позже. Все, полковник, останьтесь, остальные свободны.

Дверь кабинета мягко затворилась за ними.

– Спасибо, лейтенант… – произнес майор, отирая выступившие на лбу градины пота.

– Все в порядке, – ответил Андрей, покосившись на закрывшуюся за ними дверь генеральского кабинета. – Главное, что все живы, – произнес он.

Майор кивнул, скорее машинально, чем осознанно. Видимо, беспокойство о собственной карьере затмило в его воображении ту реальную угрозу, которая вполне могла реализоваться, не взгляни Андрей в оптику снайперской винтовки.

– А все-таки что это было, лейтенант? – словно очнувшись, повторил он вопрос генерала.

– Не знаю, – пожал плечами Кречетов. – Честно, майор, не знаю.

– Билл. Меня зовут Билл Грехам. Я твой должник, лейтенант.

Андрей пожал плечами. Не высказывая мысли вслух, он подумал, что, если разобраться, они просто выполнили свою работу, а выяснять подоплеку событий – это уже головная боль генерала Грейна и того незнакомого полковника.

– Ты куда сейчас? – спросил его Грехам, по-своему расценив молчание Кречетова. – Могу подбросить, у меня машина возле штаба.

– Да нет, спасибо, – отказался Андрей. – Я в госпиталь, проведаю своего сержанта, а потом домой, готовиться к отпуску.

– Ну, как хочешь.

Андрей пожал протянутую руку.

– Еще увидимся, майор. Мир тесен.

* * *

По мнению Андрея, его жизнь складывалась вполне удачно.

Выйдя из здания штаба планетарной группировки военно-космических сил Элио, он направился в сторону сектора «Эригон», где располагались наземные службы его соединения.

Основные силы военно-космического флота Конфедерации солнц базировались по всему освоенному людьми пространству, но крейсер «Эригон», в состав которого входил штурмовой взвод лейтенанта Кречетова, дислоцировался на орбитах Элио, родной планеты Андрея. Держать на борту космического корабля подразделения пехотной поддержки вне периода конкретных боевых действий являлось неоправданной тратой жизненного пространства и ресурсов корабля,

поэтому их переводили на планету.

Военный городок, где служили и проживали пехотинцы «Эригон», располагался на самой планете неподалеку от Раворграда – столицы Элио.

В периоды так называемого «затишья» офицерский и сержантский состав корабля чувствовал себя вполне свободно. Отдавая каждый день по шесть часов служебным обязанностям, Кречетов по своему усмотрению распоряжался оставшимся временем суток. Как и у большинства офицеров, у него была своя квартира в городке, машина, вот только создавать семью он не спешил. Возможно, тут работала логика, здравый смысл, который подсказывал, что тебя в любой момент могут сорвать с насиженного места и швырнуть в самое пекло какого-либо конфликта, а может, просто не складывалось, хотя общения с женщинами он не избегал…

…Вечер двадцать шестого июля 3817 года по универсальному Галактическому календарю обещал быть вполне обычным.

Андрей навестил сержанта Мортимера, который не собирался залеживаться в госпитале с легкой контузией, договорился о встрече с ребятами своего взвода, затем оформил все надлежащие документы и, уже покидая часть, с оттенком грусти подумал, что вернется сюда не ранее чем через месяц.

В отличие от большинства людей, понятие «отпуск» не ассоциировалось у Кречетова с чем-то желанным, ожидаемым загодя. После боев – да, а в такие периоды, когда не происходит ровным счетом ничего экстраординарного, а твой базовый корабль вот уже полгода как стоит на приколе в планетарном ремонтном доке, дополнительный отдых кажется излишним.

Уже темнело, когда он подъехал к воротам контрольно-пропускного пункта. Опустив боковое стекл о своего «Волмара», Андрей протянул руку и приложил ладонь к пластине сканера. Через несколько секунд на панели электронного устройства судорожно моргнул красный сигнал, потом он сменился на зеленый, и массивные ворота начали открываться, а ощерившийся титановыми шипами выступ мягко, бесшумно утонул в специальной нише, открывая дорогу выезжающей машине.

Ну вот, прощай на месяц, – подумал Андрей, подмигнув дисплею охранного комплекса.

Он еще не знал, что выезжает из знакомых ворот навсегда.

Неизвестная точка пространства…

Расплывчатый диск фиолетовой звезды давно перевалил через зенит, и

полуденная жара понемногу начала спадать.

Под ногами катались стреляные гильзы, покрывавшие тесное пространство меж валунами толстым шуршащим и иногда позвякивающим слоем.

Воздух пах смертью.

Где-то вдали едва слышно простреготал движок летающей машины. Над участком горного склона стояли редкие в этот день минуты тишины, и потому после грохота разрывов и захлебывающихся очередей все звуки в наступившей внезапно тишине воспринимались с особой остротой.

Ланита посмотрела в лазурные небеса. Радоваться тому, что диск светила наконец начал клониться к горизонту, уже не было сил – все отнял, высосал затянувшийся бой.

Сколько их там осталось под непроницаемым для взгляда пологом желто-оранжевого лиственного леса?

Горный луг перед нагромождением гранитных валунов был изуродован до полной неузнаваемости – повсюду чернели воронки, помятый, подкошенный, порванный автоматными очередями травостой уже не скрывал разбросанные повсюду мертвые тела, а *обнажал* их, делая более резкими, заметными, будто притихшая на миг природа подчеркивала их чуждость…

Лана огляделась, посмотрела на труп, который несколько часов назад уложила между камнями. Тело храмовника было щедро нашпиговано пулями. Как она и рассчитывала, нападавшие поначалу приняли его за истинную цель, но сейчас все уловки уже потеряли смысл – близилась развязка, и наступившая тишина была обманчива, как тонкий слой мха, прикрывающий бездонную трясину.

В ушах звенело, ноги дрожали от усталости, кисловатый запах, исходящий от стреляных гильз, казалось пропитал кожу…

Пересилив дурноту, Ланита осторожно выглянула в зазор между камней. Прошло уже больше двух минут, как захлебнулась очередная атака храмовников, и теперь взгляд насчитал на изуродованном пространстве склона два десятка бездыханных тел – почти что весь манипул в полном составе…

Ее позиция, господствующая над склоном, надежная благодаря природной прочности гранита, оказалась неприступна для них, и теперь обе стороны, нападающая и защищающаяся, оказались одинаково измотаны, обескровлены. По расчетам Ланы, в лесу оставалось не более трех-четырех бойцов Храма, но и она, дважды легко раненная, расстрелявшая практически весь добытый с неимоверным риском боезапас,

не могла долго удерживать выгодный рубеж…

Последний автоматный магазин уже был присоединен к оружию, подствольный гранатомет заряжен, еще две гранаты для него оставались в запасе.

Что ж… Ее ситуация не предполагала широкого выбора. До заката оставалось примерно три часа, и если она оставит в живых хоть одного храмовника, те успеют до наступления сумерек добраться до известного им святилища и помешать Кругу.

Что собирались делать девять наставниц на территории древнего капища, для Ланиты оставалось загадкой. С ней никто не поделился смыслом происходящего. Однако то, что ее, единственную ученицу Круга, вдруг без объяснений и колебаний послали навстречу полнокровному карательному подразделению воинов Храма – то есть, по сути, на верную смерть, говорило Ланите о многом. Например, о беспрецедентной важности тех событий, что уже происходят или должны произойти сегодня вечером…

Она прижалась к теплой шероховатой, кое-где выщербленной пулями поверхности гранитного валуна, выглянула в узкий зазор, осматривая кромку лиственного леса, нашла знакомую примету – дерево с ярко-оранжевым пятном осенней листвы, и тщательно прицелилась, уперев приклад автомата в камень, направив оружие стволом вверх, чуть под углом к горизонту.

В горячке непрекращающихся атак она успела заметить, что не дававший ей житья крупнокалиберный пулемет бил из-за этого приметного дерева, и, зная психологию воинов Храма, было нетрудно предположить, что остатки карательного отряда собрались в данный момент возле огневой точки, чтобы обсудить план дальнейших действий.

Выстрел подствольного гранатомета нарушил тишину, вслед за ним подряд раздалось еще два характерных хлопка, и три гранаты, описав дугу, разорвались в лесу, сразу за отмеченным Ланитой деревом.

Глухо ударил строенный взрыв, видимая часть древесных крон вздрогнула, роняя листву и ветви, словно кто-то неистово встряхнул вековые деревья, сбивая с них осенний наряд, потом сразу за опушкой что-то зашипело, и вдоль образующего подлесок кустарника в разные стороны, выписывая немыслимые синусоиды, разлетелись три разноцветные сигнальные ракеты…

Попала…

Лана подумала об этом уже на бегу, покинув позицию и пересекая склон, пока оглушенный пулеметчик не мог достать ее прицельной

очередью.

Ее расчет оказался верным, но лишь наполовину: по старой позиции с запозданием ударила длинная автоматная очередь, которая оборвалась так же внезапно, как и возникла, – видно, у стрелявшего сдали нервы и он, выпустив остаток патронов из неполного магазина, сейчас спешно менял боекомплект.

Если там больше трех человек, я не справлюсь… – лихорадочно подумала она, на бегу наклоняясь, чтобы сорвать с валяющегося на примятой траве трупа пояс с боекомплектом.

Рывок получился слишком сильным, Лана едва не упала, с трудом удержав равновесие, когда ремни экипировки все же не выдержали и лопнули, а вожделенный груз оказался в ее руках.

Вожделенный ли?

Она не успела толком понять, что именно сорвала с мертвеца, но, судя по весу и размерам, это был не подсумок с магазинами, а что-то иное…

Из леса опять ударил автомат, но на этот раз уже не по старому укреплению, а по ней – пули резанули вокруг, подрубая траву и выбивая султанчики пыли из земли. Ланита машинально упала и боком, перекатом, используя энергию бега и уклон горного луга, мгновенно ушла в сторону, скрывшись от второй прицельной очереди, которая стала бы смертельной, продолжи она свой неистовый бег в полный рост…

У нее осталось несколько выигранных секунд, чтобы оглядеться.

Вот он, кустарник, в десяти шагах, за ним дерево с подпалиной багряной листвы, справа от него сочится дым, а слева колыхнулись ветки кустов…

Она выпустила длинную очередь, прошив ею все пространство подлеска, начиная от дымка до дрогнувшей ветки и дальше, пока не услышала отчетливый болезненный вскрик.

Еще один…

Автомат сухо щелкнул затворной рамой и замолчал.

Она отложила оружие в сторону и, не поднимая головы, вжимаясь в землю, посмотрела наконец на свой трофей.

Она бы выругалась, если б умела.

Оказывается, ей под руку попался мертвый офицер, командир храмовников, и вместо подсумка с боекомплектом она сорвала с его тела перевязь с достаточно легким обоюдоострым клинком в богато инкрустированных ножнах.

Хорошее оружие против автомата, – промелькнула в голове горькая мысль.

Все трупы убитых врагов остались далеко позади, и ползти назад, к ним, в надежде отыскать патроны было рискованно, если не бессмысленно.

«Нет пути назад, – учили инструктора в боевой школе Храма. – Возвращаясь по пройденному пути, ты рискуешь больше, чем выигрываешь».

«Хладнокровие и самоотрешенность – вот залог успеха в самой безвыходной, смертельной ситуации», – так говорили ей учителя Круга.

Где-то два прямо противоположных мировоззрения все же соприкасались…

Холод рифленой рукояти заставил Ланиту вздрогнуть.

Мысль-воспоминание прорвалась через глубины собственной памяти, и в который уже раз Ланита поймала себя на ощущении, что родившиеся вдруг образы принадлежат не ей…

Город… Горящий город, на который накатываются орды храмовников… Факелы в руках стоящих вокруг мужчин.

– Мы должны уходить! – Голос раздается за спиной, но она, не оборачиваясь, узнает говорящего.

– Нет! – Ее рука, в равной степени привычная как к огнестрельному, так и к холодному оружию, смыкается на рукояти кинжала…

– Но, госпожа…

Видение истончается, исчезает также внезапно, как и появилось, после него остается лишь дрожь в мышцах да ноющая горечь внутри. Весь жизненный путь ее последних лет усеян такими обрывочными воспоминаниями прошлого, будто Лана уже жила когда-то, неимоверно давно, и вот теперь мучительно и неосознанно вспоминает ту жизнь в самые неподходящие мгновения, когда какой-либо предмет или явление вдруг вызывают внезапные ассоциации…

Наваждение длилось секунду, не более.

…Не вставая, Лана вытащила из ножен голубовато-серый, тускло блеснувший сталью клинок и поползла в ту сторону, откуда сочился дымок, сознательно забирая чуть левее приметного дерева, подальше от того места, где шевельнулись кусты и раздался вскрик. Она знала, как в этом мире могут вставать мертвые тела, и потому справедливо опасалась как живых, так и мертвых.

Спасительный кустарник дохнул в лицо запахом прелой листвы, к которому примешивались флюиды дыма.

Еще несколько метров она проползла, стараясь не тревожить

свисающих к самой земле ветвей, и вдруг перед ней открылась небольшая полянка под тем самым деревом…

Три воронки от разрывов гранат курились ленивым дымом, меж ними, у выступающих из-под земли узловатых корней дерева, валялась опрокинутая пулеметная тренога.

У края ближайшей воронки лицом к ней сидел храмовник. Его автомат лежал на коленях, одна рука сжимала оружие, а второй он то и дело отирал кровь, сочащуюся из ушей.

Контужен… – поняла Лана, рывком вставая с земли, но храмовник, заметив, как шевельнулись кусты, вдруг резко вскинул автомат и дал короткую очередь, целясь наугад.

Пули перерубили несколько ветвей, одна обожгла бедро Ланы, заставив ее, невзирая на боль, что есть сил рвануться вперед. Через мгновение, выскочив на поляну, она едва не упала, споткнувшись о труп, который до сих пор скрывала трава, но контуженый храмовник не успел воспользоваться секундной заминкой – он только начал поворачиваться в ее сторону, когда Ланита достала его коротким твердым взмахом клинка, как учили когда-то в боевой школе Храма…

Отсеченная голова с глухим стуком укатилась в примятую траву, а тело врага кулем повалилось на бок, оползая по скату неглубокой воронки.

Лана едва устояла на ногах. В висках ощущался глухой стук, но у нее хватило сил, чтобы оглядеться, отыскать глазами еще один труп, который ничком лежал на обожженной земле, около опрокинутого пулемета.

Стандартный манипул Храма вместе с командиром насчитывал двадцать четыре человека.

Она видела двадцать три бездыханных тела, оставался последний, чей вскрик – настоящий либо притворный – она слышала в кустах чуть правее этой поляны.

Глаза застилала кровавая муть, боль в простреленном навылет бедре резко обозначилась, заставив онеметь мышцы.

Кровь. Слишком много крови вокруг, – подумалось Лане.

Она положила клинок на траву, подняла валявшийся на земле автомат, проверила, заряжен ли он, и, прихрамывая, двинулась в сторону зарослей.

Долго искать ей не пришлось – вскрик храмовника был предсмертным. Последний воин манипула лежал, широко раскинув руки. В него попали две пули из выпущенной наугад очереди: одна в грудь, вторая в плечо. Лана не стала приближаться к нему, опасаясь, что сознание вот-вот покинет ее измученное, израненное тело, поэтому она сделала контрольный выстрел шагов с семи и лишь затем, повернувшись, побрела

назад на поляну, где только что снесла голову одному из воинов.

Ей было необходимо найти пакет первой помощи, перевязать раны и сделать укол. Тогда, собрав трофеи, она попытается найти в себе силы, чтобы засветло добраться до древнего капища и воочию убедиться, что долг перед учителями выполнен, а сегодняшние смерти не напрасны, они служат делу действительно благому и важному, иначе все происходящее с ней теряло смысл, превращаясь в очередной кровавый эпизод длящегося уже более века противостояния…

К тому же ее подсознательно тревожила летающая машина, что прострекотала полчаса назад в заоблачной дали.

Планета Элио.
Жилой мегарайон Раворграда…

Учитывая утренние события, «отвальной» по поводу отпуска избежать не удалось, поэтому лейтенант Кречетов вернулся домой поздно. Хотя он выпил мало, но Андрею, как говорится, «хватило»: сказывался «сухой закон», который негласно соблюдался в подразделении космической пехоты, вне зависимости от того, несли пехотинцы боевую службу в космосе или «отдыхали» на Элионской базе постоянной дислокации.

Когда бортовой компьютер его «Волмара» заставил машину плавно съехать по наклонному пандусу в сумеречное помещение общественного гаража, Андрей вылез из салона, нетвердой походкой дошел до лифта, поднялся на сотый этаж и с третьей попытки открыл дверь собственной квартиры.

Снимая ботинки, Андрей чуть не упал и, разозлившись, решил, что с него действительно хватит.

Парадокс: бывали моменты, когда после тяжелейшего боя он выпивал много больше и при этом оставался трезв как стеклышко, а тут… Ну, развезло в общем.

Кое-как раздевшись и даже не зайдя в душ, он рухнул на кровать.

Закрыв глаза, Андрей рассчитывал, что сразу провалится в черноту беспробудного сна, но куда там. Перед плотно смеженными веками что-то вращалось, словно тьма закручивалась в тягучую спираль, к горлу периодически подступала тошнота… Он перевернулся на другой бок и испытанным приемом грубо приказал своему разуму, мысленно представив прямоугольник комнаты: вот «верх», тут «низ», хватит крутиться. СПАТЬ!

Подействовало. Дурнота отступила, вращение прекратилось – угомонился дезориентированный дозой спиртного вестибулярный аппарат,

а вот тьма осталась, и Андрей не мог с точностью определить – уснул уже или нет?

Раз задаю себе мысленные вопросы, значит, еще не сплю… – подумалось ему, и в этот миг из черноты начали прорезаться смутные контуры каких-то существ.

Андрей не любил, когда у него внезапно начинались кошмары, и он попытался осознанно проснуться, открыть глаза, чтобы пресечь бредовое видение на корню, но сделать этого не смог – тьма так плотно облепила веки, будто на них навалили непомерный груз, а силуэты, которые начали принимать черты существ, взявшихся за руки и несущихся по кругу в безостановочном, но плавном движении, проступали на фоне мрака все четче и четче…

Вообще Кречетов редко видел сны. Чаще всего процесс отдыха сливался для него в одно мгновение, когда кажется, что только закрыл глаза – и буквально секунду спустя тебя уже будят: либо трель компьютерного терминала, либо ревун общекорабельной тревоги – смотря по обстоятельствам.

На этот раз все складывалось абсолютно иначе…

Двоякость состояния раздражала: с одной стороны, он, наверное, все же провалился в глубокий сон, раз не смог открыть глаза простым усилием воли, и в то же время его разум продолжал необъяснимо бодрствовать, прокручивая перед мысленным взором эту странную картину, обрастающую все новыми и новыми подробностями…

То, что он поначалу принял за бессвязное сновидение, порожденное одурманенным алкоголем сознанием, постепенно принимало вид *реальности* – слишком подробной, осязаемой стала окружающая обстановка неизвестного ему места.

Первым, что поразило воображение, была взявшаяся из ниоткуда информация – *знание* того, что существа, кружащие во мраке, являются живыми, реальными людьми, – это Андрей почему-то понял сразу, но откуда в нем взялась такая уверенность в их сущности, Кречетов ответить не мог…

Он еще раз предпринял тщетную попытку проснуться, надеясь, что происходящее все же является бредом, но тщетно – глаза не открывались.

Оставалось лишь смириться и стоически разглядывать картины, что проступали на фоне окружающей его черноты…

Хотя нет… окружающее пространство уже нельзя было назвать чернотой. Андрей видел смутно прорисованный контур пологого холма, на уплощенной вершине которого какой-то титан установил необработанные

глыбы дикого камня, причем одни из них стояли вертикально, утопая в земле своим основанием, а иные лежали на них плашмя, без всякого намека на крепящий это сооружение раствор или другие применимые в строительстве составы…

Видение противоречило логике, но, присмотревшись, Кречетов понял, что глыбы камня, в комплексе очерчивающие грубую окружность, действительно держатся исключительно за счет собственного веса…

Какой-то образ, вырванный из далекого детства, смутно, но болезненно всколыхнулся в памяти, однако уловить четкой ассоциативной картинки Андрей не смог – все затмевала эта сумеречная, невесть откуда взявшаяся реальность…

Он в третий раз попытался проснуться, но опять ничего не вышло, лишь где-то рядом раздался переливчатый, неприятный смех, в котором, как ему показалось, прозвучала издевка.

Что ж… – мысленно смирился он, – *пусть себе снится…*

Порой философское, наблюдательное отношение к жизни в затруднительных ситуациях действительно выручало его… но только не сейчас.

Пока он пытался примирить свое сознание со странными грезами, картина окружающего приобрела еще большую материальность. Теперь Андрей отчетливо видел, как внутри сумеречного, угловатого, покрытого мхом сооружения несся хоровод из девяти взявшихся за руки фигур, причем Андрей умудрился различить даже тот нюанс, что их ноги не достают до земли…

Некоторое время он рассматривал мистический хоровод, все более погружаясь в детальную атмосферу непонятной псевдореальности.

В какой-то момент он перестал досадовать и действительно увлекся странным, с его точки зрения, зрелищем.

Тела таинственных порождений его спящего разума оказались полностью скрыты под свободно ниспадающими балахонами, но Андрей (опять-таки подсознательно) был уверен – это женщины, точнее старухи. Кому именно принадлежал прозвучавший смех, он угадать не смог…

Создавалось странное и неприятное ощущение, что некоторое количество информации о месте действия и сущности тех, кто вторгся в его сон, было попросту «закачано» в разум Кречетова неизвестным способом помимо его воли.

Сопротивление глухо нарастало в нем, превращаясь в навязчивую идею, но что он мог предпринять, оставаясь в объятиях глубокого сна? Разве что испытывать раздражение от осознания собственной

беспомощности да наблюдать за окружающим и слушать этот переливчатый смех, который попеременно казался ему сродни то нежному позвякиванию колокольчика, то грубому, хриплому карканью ворона…

…Внезапно в окружающем его сумраке раздались иные звуки – со стороны фигур, до этого безмолвно скользивших внутри каменного сооружения, донеслась странная речь: слова, зазвучавшие в гробовой тиши, произносились нараспев, на незнакомом языке, – это было нечто среднее между пением и речитативом; разум невольно воспринимал отдельные непонятные фонемы, подпадая при этом под ритм монотонного хоровода, который внезапно обрел двоякость, превратившись не только в круг тел, но и в плавный полет произносимых нараспев фраз…

Происходящее вновь в корне перестало нравиться Кречетову, который во всем любил ясность.

Все-таки это бред… – с усилием подумал он, предпринимая таким образом еще одну тщетную попытку избавиться от затянувшегося наваждения.

Его явно заставляли смотреть и слушать. Круг летящих над землей тел замкнул его сознание в ловушку мелодичного речитатива, сковывая рассудок и волю, не давая ни малейшего шанса на бегство или противодействие.

Андрей понял это и наконец бросил тщетные попытки либо высвободиться, либо принять происходящее за сон, – он непроизвольно впитал в себя таинственный сумрак, гнездящийся внутри неимоверно древнего сооружения, круг летящих над землей тел, тускло-фиолетовый купол небес, на котором не было видно ни облачка, ни звезды…

Ему сразу же стало легче, и Андрей, на мгновение поборов оплетающий его монотонный ритм, мысленно выкрикнул, обращаясь к головокружительному мельканию взявшихся за руки безликих фигур:

«Что вам от меня надо?!»

Опять зазвучал тот же самый смех, а потом на фоне продолжающегося речитатива внезапно раздался отдельный, хорошо различимый голос:

«Ты неверно истолковываешь реальность. Твой разум несет в себе морок, ты многое видишь, но не во все веришь».

С ним разговаривали на родном языке!..

Следующий мысленно произнесенный вопрос уже не стоил Андрею таких неимоверных усилий, как первый выкрик:

«Во что я должен верить?!»

Круг ускорил свое движение, не нарушая ритма непонятных фраз, а тот же голос ответил на заданный вопрос:

«Мир в твоем понимании удручающе прост, а на самом деле он сложен. Намного сложнее, чем это видит самый просвещенный из вас».

Собственно, с этого момента сам круг стал восприниматься им как фон. Главным стал голос, который существовал отдельно от ритмичного хоровода тел и звуков.

«Я не ученый, а обыкновенный человек. Зачем вы явились в мой сон?» – спросил Кречетов, рассудив, что его кошмар – это как минимум ошибка. Даже если кто-то воздействует на него извне, данное существо обратилось не по адресу.

«Предупредить», – нарушая успокоительный ход его мысли, ответил бестелесный голос на предыдущий вопрос.

«О чем?!» – опять вспылил Андрей, раздраженный расплывчатостью односложной фразы.

«Тебя хотят убить, – донеслось из темноты. – Будь осторожен».

Андрей вообще перестал понимать что-либо.

«Я – обыкновенный человек. У меня нет личных врагов».

«Да, у тебя нет личных врагов. Но они есть у твоего дяди. Его работа зашла слишком далеко», – пояснил голос.

Упоминание о единственном родственнике разозлило Андрея.

«Меня не интересует судьба дяди!.. – резко и неприязненно ответил он, не пытаясь скрыть внезапно всколыхнувшихся чувств. – У него своя жизнь, а у меня своя!.. Меня не касаются его исследования».

«Скоро коснутся. Уже. Сейчас».

Снова хохот, мелькание тел в темных балахонах, певучий речитатив фраз, в которых слух уже начал различать повторяющиеся элементы, и голос:

«Будь осторожен»…

Круг вдруг порвался, рассыпался на отдельные фигуры, которые, немного помедлив, взмыли в темно-фиолетовые небеса и исчезли во тьме за очертаниями мегалитов, оставляя за собой жуткое ощущение *реальности…*

Их исчезновение сопровождал затихающий вдали переливчатый смех…

Спустя секунду Андрей открыл глаза.

Резко сев на кровати, он понял, что абсолютно трезв, а его тело покрывает ледяной пот, который успел пропитать простыню и подушку…

Дьяволы Элио…

Несколько секунд он просто сидел в полнейшем оцепенении, ощущая, что у него занемел каждый мускул.

Из этого состояния его вывела внезапная трель коммуникационного устройства.

* * *

С трудом поборов слабость, Андрей встал, подошел к компьютерному терминалу, взглянул на индикатор вызова и понял, что ему звонят не с Элио.

– Да? – ответил он, вытащив устройство мобильной связи из специального гнезда на терминале.

– Это Андрей Сергеевич Кречетов? – осведомился голос, возникший в коммуникаторе.

– Да. Какого…

– Извините меня, господин Кречетов, но дело неотложное. Я адвокат вашего дяди…

– Что-то случилось?! – Андрей непроизвольно напрягся, мгновенно вспомнив только что посетивший его кошмар.

– Профессор Кречетов скончался. – Человек на том конце связи внезапно замялся, а затем добавил: – Полиция считает, что это несчастный случай, но я думаю, что его убили…

– Как?! – невольно вырвалось у Андрея недоуменное восклицание. Вопреки обычному хладнокровию, в этот момент он фактически не управлял своими эмоциями. Похоже, кошмарный сон продолжался, принимая совершенно недвусмысленный оборот…

Очевидно, его собеседник счел невольно вырвавшееся слово за конкретный, адресованный ему вопрос и потому ответил:

– Смерть наступила в результате сильного теплового удара. – Голос в коммуникаторе пояснял обстоятельно и сухо. – Это вполне можно было бы признать несчастным случаем, если бы весь дом профессора Кречетова не оказался перевернут кверху дном. Неизвестные лица что-то искали, тщательно и нагло, – разбита вся мебель, приборы, из компьютерных терминалов выдраны запоминающие устройства. Вы слушаете меня?

– Да… – Андрей присел на край кресла. Он окончательно пришел в себя, хотя весть о внезапной и загадочной смерти его единственного родственника была ошеломляющей… – Что я должен, по-вашему, делать? – осведомился он, пребывая в этот момент в плену своих мыслей и впечатлений.

– Было бы идеально увидеть вас на Земле, господин Кречетов.

– Это… – Андрей хотел сказать: «Это невозможно», но внезапно передумал. – Когда состоятся похороны? – Так и не закончив предыдущей фразы осведомился он.

– Через три дня. Полиция все равно выйдет на вас, господин Кречетов. Им потребуется ваша ДНК для опознания тела.

– Вы же сказали, что он умер от теплового удара!

– Да. У него до неузнаваемости обожжено лицо, руки обгорели до костей, и полиция смогла установить его личность только по вторичным признакам. Как вы понимаете, ни сетчатка глаз, ни отпечатки пальцев не могут быть отсканированы для сравнительного анализа. Остается лишь тест на ДНК.

Андрею вдруг стало не по себе. Волей или неволей вспомнился не только сон, но и события последнего дня службы, а также посылка, доставленная по пневмопочте ранним утром.

Два совпадения еще можно принять за случайность, но три… нет, четыре происшествия – это уже закономерность…

Мысль лейтенанта наконец заработала в нужном направлении. Более двадцати лет он не поддерживал с профессором Кречетовым никаких отношений – ни личных встреч, ни обмена корреспонденцией, ни звонков… а тут – утром он получает от него древний *Логр* с загадочной видеозаписью, потом происходит нападение на блокпост, затем этот странный сон с явно запоздавшим предупреждением об опасности, и, наконец, словно финал наскоро проигранной драмы – звонок с констатацией смерти…

Не слишком ли много для одного дня?

Он лихорадочно размышлял, слушая вежливую, терпеливую тишину в трубке.

Тепловой удар… Его дядя скончался в результате мощного теплового удара. В таком случае, если следовать логике, сегодняшняя атака двух непонятных сущностей была направлена вовсе не на делегацию разумных насекомых, а на него?

Андрей не смог дать однозначного ответа на заданный себе вопрос, но и принимать скоропалительных решений он не собирался.

– Я понял, что у меня есть время на размышление? – спросил он.

– Да. – Тем же ровным, деловым тоном ответил ему голос в трубке. – Думаю, что представители земного управления полиции позвонят вам не ранее, чем на Элио наступит утро. Они всегда соблюдают формальную вежливость в таких вопросах.

– Ладно… оставьте мне номер своего коммуникатора и код Земли.

Кстати, вы не представились, – запоздало напомнил Андрей.

– Меня зовут Уильям Лайкер, – охотно назвал себя адвокат. – Ваш дядя нанял меня незадолго до смерти. Мне показалось, что на протяжении последнего месяца своей жизни он был чем-то встревожен и обрадован одновременно…

– Я понял вас, господин Лайкер, – оборвал его Андрей. – Профессиональная деятельность профессора Кречетова меня не касается. Диктуйте свой номер, я свяжусь с вами в ближайшие часы, как только приму решение.

– Хорошо. – Лайкер продиктовал требуемые цифры и добавил, прощаясь: – Я буду ждать вашего звонка. До связи, господин Кречетов.

В трубке прозвучал тоновый сигнал отбоя, и в комнате внезапно наступила зловещая, гробовая тишина.

Некоторое время Андрей сидел, обдумывая сложившуюся ситуацию, потом встал, решив, что надо бы сварить кофе и принять душ.

Сказать, что его расстроила и взволновала смерть дяди, – означало солгать, но причина этого равнодушия крылась вовсе не в черствости души самого лейтенанта.

Он сделал несколько шагов в направлении ванной комнаты, потом остановился, вернулся к компьютерному терминалу и вызвал глобальную справочную сеть планеты.

Единственным космическим кораблем, который осуществлял гиперсферное всплытие в границах Солнечной системы, оказался грузопассажирский транспорт «Галифакс».

Андрей набрал код своего банковского счета, заказал билет и молча пошел одеваться, отказавшись от душа и кофе.

Последний принадлежащий «Галифаксу» челнок стартовал из космопорта Элио через час.

Что ж… Обдумаю все по дороге… – решил Андрей, доставая из наплечной кобуры маленький черный кристалл. Повертев между пальцев, Кречетов убрал его назад. Для этого логрианского устройства еще предстоит поискать логичное место во внезапной цепи неприятных событий.

Глава 2

Солнечная система.
Сутки спустя после событий на Элио…

За двадцать часов, проведенных на борту «Галифакса», Андрей успел столько раз прокрутить в своем сознании внезапно создавшуюся ситуацию, что откровенно измучился.

Путешествие казалось ему бесконечным, а попытки прийти к верному выводу на основе скудной разрозненной информации – тщетными.

Все его мысли, так или иначе связанные с профессором, носили откровенно неприязненный характер, и на то была особая причина. Чтобы понять ее, следовало взглянуть в прошлое лейтенанта, которое объясняло суть взаимоотношений племянника и дяди.

…Двадцать четыре года назад семья Кречетовых попала в авиакатастрофу. Родители Андрея вместе с сыном летели отдыхать на острова, где располагался парк дикой природы планеты Элио, когда их флаер попал в неожиданный грозовой фронт. Память мальчика не сохранила первопричины аварии – перелет над океаном был долгим, и он спал в тот момент, когда произошло несчастье, а проснуться его заставило внезапное ощущение невесомости, которое возникло из-за того, что машина, потеряв управление, резко вошла в штопор.

Единственным впечатлением, что навсегда врезалось в память мальчика, было это тошнотворное чувство, за которым внезапно последовал хлопок, и он, не успев толком испугаться, увидел, как часть обшивки отлетела в сторону, а кресло, в котором он спал, внезапно вышвырнуло вверх, навстречу черным клубящимся облакам, от которых в свинцово-серую муть проливного дождя то и дело ударяли ветвистые молнии.

Из-за грома, воющего ветра и собственного ужаса он даже не осознал, что над ним раскрылись пластиковые купола спасательной системы: расширенные глаза мальчика провожали черную стремительно удаляющуюся точку флаера, в котором остались папа и мама.

Он так никогда и не узнал, отчего не сработали катапульты передних сидений…

…Наутро, когда гроза прекратилась, а волнение на море улеглось, его подобрал вертолет береговой охраны, запеленговавший сигнал бедствия,

который испускал вмонтированный в кресло аварийный передатчик.

Единственным близким человеком, кто еще оставался у Андрея после гибели родителей, был родной брат отца – дядя Генрих. Сознание ребенка уцепилось за этот образ как за соломинку. Но беда никогда не приходит в одиночку…

Только повзрослев, Кречетов смог дать адекватную оценку действиям своего дяди. Генрих Иванович даже не удосужился прилететь на Элио, а нанял какого-то средней руки адвоката, который уладил имущественные дела и определил судьбу мальчика, отдав того на попечение государства.

Так трагически и незамысловато Андрей стал круглым сиротой при живом родственнике. Генрих Иванович продолжал заниматься какой-то важной научной деятельностью в одном из земных институтов, в то время как шестилетний Андрей Кречетов начал свой самостоятельный жизненный путь: сначала в детском доме, а потом, по достижении десятилетнего возраста, – в кадетском корпусе военно-космических сил планеты Элио.

Все, чего достиг Кречетов в своей жизни, он сделал сам, без чьей-либо помощи, а что касается дяди… то, повзрослев, Андрей сумел трансформировать глубокую горькую детскую обиду в чувство осознанного презрения к человеку, который бросил шестилетнего ребенка на произвол судьбы, по сути ограбив его при помощи ушлого адвоката.

Окончив в двадцатилетнем возрасте кадетский корпус, Андрей поступил на службу в ВКС Конфедерации солнц и был распределен на борт крейсера «Эригон», где в течение десяти лет прошел свой боевой путь – от рядового космической пехоты до лейтенанта.

Теперь, по прошествии четверти века, на Землю летел тридцатилетний мужчина, офицер с солидным боевым опытом, хорошо знающий цену себе и окружающим его людям.

Он не собирался менять своего отношения к жизни из-за того, что Генрих Иванович Кречетов скончался при таинственных обстоятельствах. Устав от горьких, бередящих душу воспоминаний и массы безответных вопросов, Андрей последние часы полета провел в созерцании тех картин, что открывал взгляду обзорный монитор суборбитального челнока, забравшего пассажиров с борта «Галифакса» и теперь возвращавшегося назад к Земле.

* * *

Прародина человечества…

Для лейтенанта Кречетова данное словосочетание изначально не несло в себе никакого трепетного исторического смысла. Он был рожден и воспитан на Элио, в центре стремительно развивающегося Содружества миров, где о планете, оставшейся на задворках колониальной империи, вспоминали редко, чаще в связи с теми или иными неприятными эпизодами Первой галактической войны. Такой однобокий, поверхностный взгляд, конечно, не мог сформировать верной и целостной картины восприятия Земли, поэтому Андрей, глядя на обзорный монитор суборбитального челнока, в полном смысле открывал для себя Terra Incognita.

Вопреки ожиданиям околопланетное пространство показалось ему удручающе пустым, хотя воображение, основываясь на информации, полученной из учебников истории, рисовало тут чуть ли не свалку. Он знал, что на протяжении сотен лет до начала Первой галактической войны людьми использовался каждый уголок перенаселенной Солнечной системы, но те орбитальные конструкции, которые в древности заполняли все доступные орбиты между Землей и Луной, теперь, по-видимому, канули в Лету. Исчезла даже знаменитая станция «Спейс-Вегас», на борту которой располагались первые доки космической верфи, где строилось большинство колониальных транспортов прошлого.

Сейчас о бурных событиях тысячелетней давности напоминал разве что обезображенный лик Луны, чью поверхность бороздили многочисленные глубокие шрамы карьерных выработок. Безудержная эксплуатация недр превратила спутницу Земли из желтого шара в безликий буро-коричневый планетоид с черными прожилками искусственных каньонов и бесконечными отвалами выработанных пород, расползшимися по огромным площадям уродливыми серыми кляксами.

Изредка на поверхности Луны угадывались контуры каких-то покинутых строений или тускло блестел металл брошенной тут за ненадобностью техники.

Утомленный долгим перелетом и удручающими, однообразными картинами, Андрей задремал в своем кресле и проснулся перед самой посадкой, когда кибернетический голос автопилота зазвучал в скрытых динамиках интеркома, вежливо посоветовав пассажирам пристегнуться перед входом в атмосферу.

Андрей выполнил требование машины и вновь посмотрел на расположенный перед его креслом обзорный монитор.

Челнок уже начал снижение, интенсивно тормозя двигателями. На Земле, в отличие от высокоразвитых планет Центра, не действовали

ограничения на применение планетарных двигателей посадки, и потому пассажирский корабль тормозил резко, с нарастающей перегрузкой, которая живо напомнила Кречетову ощущения, какие он привык испытывать, находясь в Десантном отсеке боевого спускаемого модуля.

Ватный слой серых облаков казался бесконечным. Отработав тормозными секциями, челнок выпустил короткие скошенные крылья и перешел в горизонтальный полет на турбореактивной тяге, двигаясь параллельно поверхности Земли.

Это была самая скучная, утомительная часть полета, но терпение Кречетова оказалось с лихвой вознаграждено, как только небольшой корабль пробил нижний слой облаков.

Картина, открывшаяся взору Андрея, завораживала.

Зелень. Куда ни глянь – везде океан зелени, из которого повсюду торчат, вздымаясь к небесам, ободранные скелеты исполинских мегаполисов прошлого. Такого сюрреалистического пейзажа не встретишь ни на одной из планет, и Андрей был откровенно ошеломлен.

…Челнок снижался плавно и медленно, нижний слой перистых облаков в зоне посадки практически отсутствовал, и потому ничто не мешало Андрею наслаждаться видами Земли тридцать девятого века.

Когда-то здесь кипела жизнь, города были похожи на переполненные муравейники, они покрывали коростой своих коммуникаций всю планету, захватывая обнажившееся дно таких высохших морей, как Каспий и Азов, да и мировой океан к началу Великого Исхода заметно обмелел, так что площадь суши заметно преобладала над водными пространствами.

Теперь все процессы медленно пошли испять.

Люди, вырвавшись наконец в дальний космос, колонизировали двести с лишним «кислородных» планет и постепенно, век от века покидали прародину. Ее города пустели, начиная ветшать без должного технического ухода, и в какой-то момент времени на мертвой, покрытой многоуровневыми слоями городских мегапостроек поверхности многострадальной, истощенной до предела Земли произошло это неистребимое биологическое чудо. Сколько ни травили планету ее разумные обитатели, как ни укутывали облаками смога и протяженными на тысячи километров конструкциями, но в глуби рукотворной техногенной оболочки, в вечном сумраке городских подземелий ожили дождавшиеся своего часа последыши миллионолетней эволюции – немногие из числа выживших представителей некогда многообразной флоры и фауны.

После закрытия основной массы производств и остановки жизненных циклов большинства городов процесс омертвения планеты внезапно пошел

вспять, небо постепенно очистилось от сумеречного покрова, все чаще проглядывало солнце, отравленные дожди сменились на обычную льющуюся с небес живительную влагу, а благодаря всеобщему глобальному потеплению над всей площадью земной поверхности установился теплый и влажный климат.

Конечно, растения, что вдруг вылезли на свет, мало походили на те, что росли когда-то на Земле, но, видимо, все только начиналось, и неизвестно, что за сюрпризы хранили в себе недра мрачных, постепенно разрушающихся городов…

Андрей смотрел вниз, на море зелени, различая в основном растения лианоподобного типа, которые цепко карабкались по уступам покинутых зданий, свисали многометровыми плетьми в бездонные провалы затененных, опустевших улиц, обвивали стеклобетонные ленты частично разрушенных дорог, что вились между постройками, опираясь на высокие прочные столбы, по которым тоже ползла, стремясь к солнцу, неистребимая зелень…

Кое-где на относительно ровных, уже давно разрушенных участках городских построек он видел деревья, похожие на сосны, иногда из руин вместо тугих сплетений лиан вдруг вырывались шатры непомерно больших папоротников – все это причудливо перемешивалось, образуя неповторимый по виду и содержанию, завораживающий пейзаж.

Пока Кречетов в немом изумлении созерцал проплывающие внизу ландшафты обновляющейся Земли, челнок пошел на снижение.

Взглянув вперед, Андрей разглядел прямо по курсу уступчатую громаду одного из трех уцелевших в первозданном виде городов-мегаполисов, рядом с которым располагался основной космопорт планеты.

Приближающийся мегагород носил древнее название: Россия. Кроме него, на Земле существовало еще два очага современной жизни – по свидетельству имевшейся у Кречетова электронной брошюры, в тысяче километров отсюда возвышался мегаполис Европа, а за океаном, на территории слившихся в единый материк Северной и Южной Америк, располагался последний населенный очаг технократической цивилизации – Атлантик-Сити.

Такое неравномерное, очаговое распределение населения и само местоположение сохранившихся городов было обусловлено еще в древности, когда Свободные Колонии сумели добиться радикального перелома в Первой галактической войне, – в тот период было осуществлено несколько бомбардировок земной поверхности, которые пришлись на основные промышленные районы Африканского континента, а также на

территорию Австралии и евразийского Дальнего Востока.

Упомянутые области работали «на войну», потому они и подверглись бомбардировкам с орбит.

Об этом вскользь упоминалось в справочной брошюре, где было еще много чего. Но Андрей, окинув взглядом огромные пространства обновляющейся Земли, уже составил свое собственное мнение: прародина человечества, чья дикая природа постепенно возрождалась из небытия, в данный момент представляла собой никем не управляемую бесконтрольную территорию труднопроходимых заросших руин. Это был сухой и логичный вывод военного человека, основанный на опыте посещения многих миров, где подразделению лейтенанта Кречетова приходилось выполнять те или иные задания.

Андрей был опытным офицером, и для него не составляло труда ответить на вопрос: почему остаточное население Земли постаралось всеми силами сохранить три огромных самодостаточных города и образовало в них компактные поселения, несмотря на кажущееся обилие свободного и привлекательного на первый взгляд пространства?

На самом деле территория заросших руин наверняка таила сотни, если не тысячи разнообразных опасностей, начиная от ненадежности самих сооружений и заканчивая непредсказуемыми мутагенными формами флоры и фауны. Не обязательно быть экзобиологом, чтобы понять: на свалках промышленных отходов и руинах городов расцвели генетически деформированные образчики новой жизни, – любое животное или пробившееся к свету растение современной Земли неизбежно должно было нести неизгладимый отпечаток *приспособляемости,* полученный в наследство от отравленной среды обитания прошлых столетий…

* * *

…Космопорт, где совершил посадку суборбитальный челнок, не отличался от сотен других подобных ему объектов, которые лейтенант Кречетов видел на множестве иных миров: чуть вогнутые чашеобразные стартовые и посадочные площадки образовывали кольцо, в центре которого располагался комплекс диспетчерских и административных зданий.

Несколько минут немногочисленные пассажиры челнока вынуждены были ждать, сидя на своих местах, пока не остынет обшивка космического корабля, а к шлюзу подадут специальный трап.

Наконец томительное ожидание завершилось, у трапа уже стоял

микроавтобус, который отвез всех пассажиров к центральному входу в здание космического порта планеты Земля.

Андрей не торопился. Он пропустил вперед нескольких своих попутчиков, а сам задержался у стеклянных дверей, оглядываясь по сторонам.

За глухим бетонным забором, тянущимся по периметру стартопосадочных полей, виднелась ясно различимая зеленая кайма, лес вплотную подступал к космопорту, резко контрастируя с серым стеклобетоном построек.

Заметив направление взгляда Андрея, пожилой офицер таможенной службы, уже уладивший все формальности с остальными пассажирами челнока, негромко откашлялся, привлекая внимание Кречетова, и философски заметил, когда тот подошел к стойке:

– Тысячелетие, сэр. – Он протянул руку за документами и добавил: – За это время многое изменилось. О Земле превратно пишут в учебниках галактической истории.

Кречетов машинально кивнул. Багажа у него не было, за исключением легкого дорожного кейса, в котором лежали предметы первой необходимости. Документы лейтенанта не вызывали никаких сомнений, поэтому процедура досмотра заняла всего пару минут.

– Вот тот господин, по-моему, ожидает вас, сэр. – Офицер таможенной службы вежливо указал на низкорослого лысого человека в деловом костюме, который переминался с ноги на ногу у дверей зала ожидания.

Андрей кивнул, забирая документы.

– Приятного пребывания на Земле, сэр!

– Спасибо, капитан. – Андрей забрал свой кейс и направился по узкому проходу между пустующих стоек в сторону выхода из зоны таможенного досмотра. Земля явно не страдала от наплыва туристов, и большинство пропускных пунктов бездействовало. Вообще, внутри огромное здание космопорта производило неприятное впечатление: оно было пустым, гулким, расставленные тут и там автоматы быстрой продажи не работали, пустовали бесконечные ряды кресел, не двигались эскалаторы, а искусственная зелень из пластмассы была покрыта тонким слоем пыли.

Ожидавший его мужчина действительно оказался тем самым адвокатом, что звонил ему сутки назад на Элио.

– Господин Кречетов?

Андрей кивнул, протягивая руку.

– Да. А вы, верно, Уильям Лайкер?

– К вашим услугам, сэр. – Ладонь Лайкера была сухой и узкой. – У

меня машина на стоянке, я забронировал вам место в гостинице и договорился о встрече с представителями следствия.

– Хорошо, спасибо, – сдержанно поблагодарил его Андрей, предчувствуя, что весь остаток дня ему придется провести, участвуя в рутинных и малоприятных процедурах.

* * *

– Чем занимался профессор в последнее время? – спросил Андрей, когда они, побывав в гостинице, направились к зданию управления полиции, при котором функционировал криминалистический морг.

– Он работал над теорией гиперсферы, – ответил Лайкер.

– У него был какой-либо бизнес?

– Нет, – покачал головой Уильям. – Профессор жил на полном обеспечении Института дальнего космоса, который существует еще с тех времен, когда Земля являлась признанной метрополией и центром всей человеческой цивилизации.

– Учреждение процветает? – уточнил Андрей.

– Да, – кивнул в ответ адвокат. – Несмотря на затянувшуюся блокаду Земли со стороны галактического сообщества, Институт дальнего космоса имеет вес в научных кругах, у него давние традиции и соответственный престиж.

– Не понимаю… – нахмурился Андрей. – Если вы говорите, что круг интересов моего дяди не выходил за рамки сухой теории, то кому он мог перейти дорогу? Я не вижу мотивов для насильственной смерти.

– Трудно судить однозначно, господин Кречетов. Боюсь, все более просто, я бы сказал – банально. Профессор недавно получил солидный гонорар и одновременно – премию за опубликованный им труд по изучению глубинных уровней аномалии космоса. Полиция, исследовав состояние банковского счета вашего дяди, а также его квартиру и офис, не нашла ни следа от полученных денег. Возможно, мотивом убийства являлось ограбление? – осторожно высказал свое предположение Лайкер.

– Он не держал деньги на счету в банке? – удивился Андрей.

– Скажем так, их там не оказалось, – ответил ему Уильям. – Сумма в четыреста тысяч галактических кредитов была снята со счета за месяц до смерти профессора, а куда они расходовались – неизвестно. Понимаете, господин Кречетов, на Земле в результате плачевного состояния компьютерных сетей вновь в ходу наличные деньги, так что система

взаиморасчетов не прослеживается так четко, как это практикуется в Центральных мирах Конфедерации.

Андрей кивнул, не став задавать дополнительных вопросов. Он не знал сидящего рядом с ним человека настолько хорошо, чтобы полностью доверять ему. Сумма в четыреста тысяч галактических кредитов действительно была внушительной, и ради нее человек определенных моральных принципов вполне мог пойти на убийство.

По логике вещей, адвокат покойного прежде всего должен был быть осведомлен о делах своего клиента.

Лгал ли ему Лайкер, расписываясь в собственном незнании, или говорил правду, Андрей мог лишь предполагать, но в любом случае он предпочитал сам оценивать факты, а не основываться на чужом мнении.

* * *

Все рутинные дела, связанные с опознанием тела, сравнительным анализом ДНК, осмотром офиса и квартиры профессора Кречетова, поглотили остаток дня, и в гостиницу Андрей вернулся лишь поздним вечером, в сопровождении все того же услужливого, вежливого, но немногословного в деловой части адвоката.

После утомительных и нелицеприятных процедур хотелось побыть одному, но логика дневных событий требовала расставить все точки над «i», и потому Андрей пригласил Лайкера к себе в номер.

– Итак, что вы можете сообщить мне по существу дела? – спросил он, когда принесли заказанный Кречетовым кофе и они остались наедине.

– Вы все видели сами, – неопределенно пожал плечами Уильям, усаживаясь в кресло. – В квартире и офисе что-то искали.

– Но не деньги, – произнес Андрей.

– Почему?

– Грабители, интересующиеся наличными суммами, скорее ободрали бы обшивку стен в поисках тайников, а не стали бы потрошить компьютеры и изымать черновые распечатки рукописей, верно?

– Да… – поразмыслив, вынужден был согласиться с ним адвокат.

– У вас по-прежнему нет иных предположений о мотивах убийства, кроме ограбления?

– Нет.

– Тогда оставим этот вопрос. Меня интересует материальная сторона сегодняшнего состояния дел. Что я унаследовал?

– Ничего, – ровным голосом ответил Лайкер. – Кроме долгов, – уточнил он. – Квартира и офис принадлежат институту, личные вещи приведены в полную негодность, банковский счет профессора пуст, исчезла также его машина – флаер довольно старой модели.

– Кому и сколько он должен? – насторожился Андрей.

– Суммы небольшие, – тут же успокоил его адвокат. – Несколько неоплаченных счетов в сфере бытовых услуг и задолженность передо мной за последний месяц работы.

– Сколько? – уточнил Кречетов.

– Пятьсот кредитов, – ответил адвокат.

Андрей немного помолчал, мысленно подсчитывая свои средства. Проверить честность Уильяма относительно названной суммы он не мог, все деловые бумаги профессора исчезли. Видимо, Лайкер уловил ход его мыслей, потому что прервал наступившую паузу словами:

– У меня есть копия контракта, подписанная вашим дядей, и я могу…

– Не стоит, – извиняющимся жестом остановил его Андрей. – Оставьте мне реквизиты своего банковского счета, я переведу туда требуемую сумму. Счета по бытовым услугам также оставьте мне, я все улажу лично.

– Это означает, что я уволен? – Лайкер не смог скрыть разочарования в своем голосе.

– Формальности с полицией соблюдены, ведь так? – вопросом на вопрос ответил Андрей.

– Да.

– В таком случае вы не ошиблись, господин Лайкер. Мне не нужны услуги адвоката. К тому же я не собираюсь задерживаться на Земле после дня похорон.

Уильям нахмурился.

– У меня складывается мнение, что вы не питаете к покойному теплых чувств, господин Кречетов.

– Это мое личное дело, – оборвал его Андрей.

Лайкер встал.

– Вот моя визитная карточка. – Он засунул руку во внутренний карман и извлек оттуда еще два пластиковых прямоугольника. – Это регистрационные карточки бытовых служб, услугами которых пользовался ваш дядя. Свяжитесь с ними по поводу задолженности по счетам.

– Спасибо. Я перечислю деньги на ваш счет в течение суток. – Кречетов убрал карточки и протянул руку. – Всего хорошего.

Когда за адвокатом закрылась дверь, Андрей наконец почувствовал

облегчение.

Похоже, что со всеми формальностями было покончено и он наконец мог приступить к делу, ради которого прилетел на Землю.

Лейтенант Кречетов собирался отыскать убийц профессора, но не из чувства мести или личной приязни к покойному, а из соображений, которые диктовал иной долг: полученный по пневмопочте *Логр* с записью катастрофических событий трехмиллионо-летней давности, необъяснимый сон, больше похожий на гипнотическое внушение, и два энергетических призрака, появившихся на Элио, формировали в его сознании четкое ощущение угрозы, а тесная связь покойного с изучением аномалии космического пространства только усиливала это чувство.

Андрей мог бы не лететь на процедуру опознания, отправив образец ДНК по компьютерной сети Интерстар, мог проигнорировать похороны, как однажды остался безучастен к его судьбе покойный профессор… но Кречетов был боевым офицером вырастившей его Конфедерации и привык серьезно относиться к происшествиям, которые потенциально могли выйти за рамки частностей и перерасти в глобальную угрозу.

Он вспомнил контуженого сержанта Мортимера, оплывший, будто стеарин свечи, бронепластик долговременного укрепления и подумал, что поступил правильно, прилетев на Землю.

Сев в кресло, он глубоко задумался. Мысленно перебрав все события истекшего дня, постепенно, шаг за шагом, Андрей пришел к двум выводам.

Во-первых, те, кто разгромил офис и квартиру его дяди, искали вовсе не деньги, а какую-то определенную информацию.

Во-вторых, тепловой разряд, изуродовавший голову и руки профессора, по своим характеристикам совпадал с теми, при помощи которых был атакован бастион на планете Элио.

И, наконец, в распоряжении Андрея имелся еще один важный информационный факт: воспоминания детства двадцатипятилетней давности, связанные с последним визитом семьи Кречетовых сюда, на Землю.

Обернувшись, Андрей снял трубку внутригости-ничного коммуникатора.

Было уже за полночь, и сонный голос портье ответил ему не сразу.

– Да? – наконец раздалось на том конце связи.

– Я бы хотел уточнить, – не представляясь, произнес Андрей, – где я могу арендовать транспортное средство и есть ли поблизости магазин, который торгует предметами экипировки выживания и разрешенным

оружием?

* * *

Тысячелетие…

Только под утро, покинув пределы спящего мегаполиса на арендованной машине и углубившись в окружающие город заросшие руины, Андрей начал понимать суть оброненной таможенником фразы.

Тысяча лет – это гигантский отрезок времени, и любая цивилизация проходит за такой срок немалый путь развития или же регресса, смотря по обстоятельствам.

Земля пошла по пути обновления.

Нужно было спуститься на самую ее поверхность под влажный сумрак зеленого покрова, чтобы понять это.

Учебники устарели, и их стоило бы переписать заново, вот о чем подумал Андрей, когда арендованная им машина медленно съехала по уклону старого автобана и остановилась у неимоверно древней дорожной развязки.

Растительность плотно обвивала нетленные железобетонные столбы с пластиковыми указателями направлений. Вокруг были в изобилии разбросаны обломки какого-то здания, рухнувшего много веков назад. Андрей, прихватив электронный планшет с картой местности, вылез из машины.

Подойдя к указателю, он вскарабкался на внушительную глыбу рукотворного камня и уже оттуда смог дотянуться рукой до плотной завесы лианоподобных растений, которые закрывали своими листьями старый щит с указателями дорожных развязок.

Когда-то, еще до появления тут растительности, пластик долгое время подвергался воздействию прямых солнечных лучей, и надписи на нем выгорели, но он все же сумел прочесть часть из них, отыскав нужное направление.

Стрелка указывала прямо, а потом круто заворачивала вправо. Надпись под ней гласила:

«Нью-Грандж, Новая Ирландия».

Сверившись с картой, Андрей понял, что интересующее его место расположено между существующими мегаполисами Россия и Европа, чуть западнее современных очагов технократического общества, в диких, давно заброшенных местах, которые ранее были окружены мировым океаном.

Исторически данная территория принадлежала Англии и Ирландии, но в двадцать втором веке, когда произошло второе великое движение народов, а Земля объединилась под эгидой Всемирного Правительства, границы государств и автономий оказались стерты.

На месте отступившего океана выросли новые города, которые теперь, тысячелетие спустя, лежали в руинах, медленно зарастая новоявленными джунглями.

Андрей вернулся назад к машине, хмуро посмотрел на ответвление старого автобана, которое было приподнято над землей, опираясь на мощные железобетонные столбы, и подумал, что это немалый риск – ехать в одиночку по территориям, где опасаются появляться коренные жители земных мегаполисов, но детские воспоминания подталкивали, напоминая, что именно там, на территории Новой Ирландии, у его дяди имелся вполне современный дом, куда однажды маленький Андрей приезжал вместе с родителями.

Раз офис и городская квартира профессора Кречетова оказались разгромлены, то следы уцелевшей информации следовало искать именно там.

Если, конечно, убийцы не были осведомлены об усадьбе профессора, где тот провел первую половину своей жизни, занимаясь какими-то научными изысканиями… – подумал Андрей, садясь в машину.

Неизвестная точка пространства…

Ланита покинула злосчастный, усеянный мертвыми телами склон, когда уже начинали подкрадываться сумерки.

Светило еще не ушло за горизонт, но коснулось его своим размазанным краем. С точки зрения классической астрономии диск звезды, освещавшей планету, выглядел странно. Его призрачно-голубой свет даже днем не казался резким, а к вечеру набирал фиолетовую густоту. Учитывая видимый размер голубого солнца, можно было сделать вывод, что родная планета Ланиты обращалась на небольшом удалении от светила, но его лучи не сжигали поверхность земли, а, наоборот, дарили ей жизнь.

Нечеткий контур звезды еще более насторожил бы взгляд искушенного наблюдателя, но Ланита не задумывалась над внешним видом солнца, под которым родилась. Ее не волновал вопрос интенсивности излучения, которое зримо смещалось к жесткой, ультрафиолетовой части спектра и должно было не ласкать обнаженные участки кожи своим прощальным предзакатным теплом, а покрывать ее волдырями ожогов.

Для Ланы это был обычный, ничем не примечательный в природном плане осенний закат.

Если бы не боль от полученных ран, физическое изнеможение от многочасового боя да душевное беспокойство, она, наверное, смогла бы насладиться красками уходящего на покой светила, как делала это раньше, в ту пору, когда только обрела свободу…

Сейчас же ей было не до красот природы. Поднимаясь по склону к своей прежней позиции, она по пути собирала с трупов необходимый боекомплект, потом, вконец измучившись, остановилась, сделала себе укол стимулирующего препарата, затем, вырвав пучок травы, долго оттирала им кровь, заляпавшую металлокевлар шуршащей, облегающей фигуру и почти невесомой брони. Движения Ланы, пока она обирала трупы и очищала экипировку от своей и чужой крови, были расчетливыми, хотя упомянутые процедуры вызывали у нее отвращение.

Добытый в бою легкий клинок она не бросила, наоборот, заботливо вытерла о траву его серо-стальное лезвие, отыскала ножны с порванной перевязью и, отбросив в сторону бесполезное подобие портупеи, просто пристегнула зачехленное лезвие к правому бедру, где на любом типе брони имелся специальный захват для крепления холодного оружия.

В довершение она подобрала два метательных ножа, которые также вытерла о траву и убрала в ножны, вшитые в голенища высоких удобных сапог из мягкой искусственной кожи.

Закончив экипироваться, она оглянулась вокруг.

Стояла мертвая предзакатная тишь, лес синел внизу сплошным пологом крон, которые уже не различались по цветам осенней листвы, словно впитали в себя падающую с небес сочно-фиолетовую мглу…

На темнеющем небе не просматривалось ни единой искорки света, лишь полоска перистых облаков выделялась на фоне черноты темно-лиловой слоистой линией. Мир вокруг постепенно наполнялся смутными тенями и невнятными шорохами подступающей ночи, поднявшийся ветерок нес зябкую прохладу осени, и становилось ясно, что к утру примятую траву на поле боя вместо ледяной росы подернет тонкий налет инея, сделав ее хрупкой и ломкой…

Прихрамывая, Лана прошла мимо служивших ей укрытием каменных глыб, которые громоздились смутной сереющей массой, и ступила в осязаемый мрак редколесья, которое тянулось вверх по склонам почти до самой вершины горы.

Там сейчас собирался Круг.

Ланита, исполнив свою кровавую работу, собиралась подняться на

плоскогорье. Вверх по склону, несмотря на усталость и ноющую боль от многочисленных ран, ее гнало не праздное любопытство: во-первых, она продолжала ощущать ответственность за безопасность учителей, а во-вторых, Лана пролила сегодня достаточно своей и чужой крови, чтобы получить это внутреннее моральное право – присутствовать при таинстве…

Да, она хотела знать, ради какой цели ее послали на верную гибель, зачем бросили в водоворот смертей, из которого ей помог выбраться лишь слитный опыт двух школ выживания, практикующихся в одном мире, но исстари враждующих между собой.

Идти было трудно, но не из-за полученных ран. С физической болью Лана справлялась достаточно легко. Она могла до определенной степени контролировать процессы метаболизма, протекающие в собственном теле, гораздо труднее было справиться с глухой нарастающей тревогой и обступающими со всех сторон ночными тенями.

Она не желала еще одного столкновения и машинально уклонялась в сторону, как только ее глаз или слух замечал намек на малейшее проявление опасной ночной жизни.

О том, что творится сейчас на усеянном трупами горном луге, ей не хотелось даже думать, хотя Лана была твердо уверена: ей так или иначе придется столкнуться с призраками убитых храмовников, не со всеми, конечно, но со многими, чей разум был в достаточной степени силен и подготовлен, чтобы в момент смерти покинуть изуродованную плоть…

Они вернутся. Обязательно вернутся и безошибочно найдут ее.

Лана надеялась, что до этого рокового мига она успеет достичь края плоскогорья и тогда защита станет взаимной – она, не мешая работе Круга, будет присутствовать при обряде, охраняя учителей от проявлений материального мира, а они, в свою очередь, уберегут ее от посягательств энергетических сущностей.

Земля.
Где-то между мегаполисами Европа и Россия…

Несколько часов Андрей беспрепятственно ехал по старой, но вполне прилично сохранившейся дороге, следуя в нужном ему направлении.

Плотная стена растительности обступала автобан с обеих сторон, во многих местах молодые побеги ползущих и вьющихся растений не только оплетали опоры и указатели, но и стелились по дорожному полотну. Поначалу Андрей останавливался, чтобы откинуть молодые плети

растений, но потом понял, что может делать это до бесконечности – чем глубже проникал он на заброшенные территории, тем сильнее зарастала дорога, и в конечном итоге он бросил это бесполезное занятие и ехал прямо по зеленому ковру, внимательно следя лишь за тем, чтобы не потерять твердой опоры под колесами машины.

Из мегаполиса Россия он выехал ранним утром. Сейчас солнце уже перевалило за полуденную отметку, вокруг стояла необычайная тишь, под сенью растительности царила влажная духота, от которой спасал лишь установленный в салоне машины кондиционер.

В окружающей обстановке Андрея радовали лишь две вещи: во-первых, на его машину не покушались никакие представители животного мира, чьи незнакомые, но достаточно грозные голоса он иногда слышал на почтительном удалении, а во-вторых, нетронутый ковер растительности, с тихим влажным хрустом проминающийся под колесами, говорил о том, что по этой дороге давно уже никто не ездил, а значит, и неизвестные ему люди, причастные к убийству профессора и разгрому его офиса…

Не факт… – мысленно одернул себя Кречетов. – *Они могли воспользоваться и воздушным транспортом.*

Подумав об этом и бросив взгляд на приобретенную экипировку, он решил сделать остановку.

Не выходя из салона, переоделся, поддев почти невесомый бронежилет под рубашку, сменив обувь с неудобных туфель на высокие, закрывающие колени сапоги военного образца из тончайшей искусственной кожи со встроенной системой терморегуляции, затем надел ремни удобной, не стесняющей движения «разгрузки».

Почувствовав привычный вес «гюрзы» в наплечной кобуре, Андрей ощутил себя увереннее. Дыхательную маску он пока оставил упакованной в специальный клапан, расположенный на перехлестнувшем плечо ремне, ограничившись на первый случай двумя фильтрами, которые вставил в ноздри.

Теперь, углубившись в неизведанный район, он мог без опасений ненадолго покидать машину. Фильтры, которые он приобрел вместе с экипировкой и оружием, обеспечивали химическую очистку вдыхаемого через нос воздуха, нейтрализуя при этом все виды известных на Земле бактерий, что являлось немаловажным для Кречетова, иммунная система которого не была приспособлена к борьбе против специфических для Земли вирусов.

…Через час дорога несколько раз свернула, а затем начала подниматься вверх. По всем признакам он приближался к

существовавшему в прошлом мегаполису, но въезжать на территорию не было никакого смысла, поэтому Андрей еще раз остановился у указателя направлений, отыскал знакомое название и свернул на первой же дорожной развязке, огибая разрушенный временем город, чей стеклобетонный скелет высился над морем растительности, словно окаменелая фигура ископаемого животного, каких полно в национальном музее Элио.

Развязка, на которой свернул Андрей, вывела его на новый, более высокий уровень автомагистралей, и теперь он ехал не между двух плотных стен зелени, а над ней.

Панорама, открывшаяся взгляду, была однообразной, лишь в одном месте впереди виднелся просвет, за которым начинались холмы и, как показалось издалека, каменистые пустоши между ними.

Почему вездесущая растительность не проникла туда, оставалось только гадать, но Андрей вдруг начал узнавать окрестности – заработала глубоко упрятанная детская память.

Да, именно там, среди странных каменных сооружений и пологих, оплывших от времени холмов, в прошлом располагалась усадьба его дяди.

Неизвестная точка пространства…

Ночь окончательно пала на горный массив, укутав окрестности непроницаемым пологом мрака, когда Ланита, ориентируясь будто зверь по запахам, звукам и интуитивному чувству направления, добралась до края плоскогорья.

Когда-то посреди каменного плато возвышался холм. Почву на бесплодную каменную пустошь носили из года в год те, кто приходил поклониться к Месту Силы. Люди по-разному преодолевали трудный путь. Кто-то приносил на плечах целую корзину плодородной земли из долин, расположенных в предгорьях, а кто-то лишь горсть, упрятанную в узелок, за пазухой, но так или иначе в центре горного плато за несколько десятилетий вырос громадный искусственный холм.

Лана знала, что Место Силы создано не ее расой. Когда в этом мире появились первые люди, огромные каменные столбы уже стояли посреди плато, образуя несколько концентрических кругов. Внешние окружности казались низкими по сравнению с титаническими каменными столбами и перекрывавшими их горизонтальными плитами, которые образовывали центр сооружения.

Кто, когда и зачем возвел эту постройку, оставалось загадкой. Возможно, кто-то из Круга знал истину о происхождении Мест Силы и их

исчезнувших строителях, но с Ланой подобной информацией пока что не делились.

Холм, выросший в центре сооружения, был данью людей этому таинственному месту.

Первых посвященных, кто соприкоснулся с древними знаниями, верно, не устроила мертвая, зловещая эстетика едва обработанного камня, и они решили оживить данное место, зная, что холм высотой в десяток метров едва ли скроет под собой основание титанических мегалитов и не сможет ни перекрыть, ни нарушить действующие тут незримые силы.

Когда принесенной почвы накопилось достаточно, тут посадили определенные сорта растений, в основном вьющихся, которые оплели мертвый камень, придавая ему вид живых колонн, а в самом центре сооружения, на вершине холма расположился небольшой цветущий садик с круглым прудом посредине, где собиралась дождевая вода.

По свидетельствам истории, то были золотые времена расцвета человеческой цивилизации. Места Силы находили и в других регионах освоенных людьми пространств, но это, первое, считалось главным.

Древние летописи утверждали, что на вершине холма в спокойные дни, когда гладь наполненного дождевой водой пруда была ровной, как ртутное зеркало, в отражениях можно было увидеть различные миры, включая далекую полузабытую прародину, откуда пришли сюда люди.

Тогда же на планете стали появляться иные существа, в корне отличающиеся от людей строением своего тела, но, несомненно, наделенные разумом. Что явилось причиной таких контактов – расширение ли освоенных областей планеты или приток упомянутых существ откуда-то извне, оставалось загадкой, которую не успели разрешить: на планету вторглись корабли храмовников.

С тех пор прошло более ста лет, история которых темна и полна пробелов… Единственное, что Ланита знала наверняка, – Древний Круг был уничтожен воинствующими пришельцами, а вместе с ним исчезла и большая часть истинных знаний. Позже девять женщин восстановили древнюю формацию, но это не смогло вернуть утраченных истин, а обновленный Круг был вынужден скрываться и действовать тайно, собирая по крохам чудом уцелевшие знания.

Она гордилась тем, что сопричастна этому поиску…

Земля.
Национальный парк истории мегалитов…

Автострада, по которой ехал Андрей, постепенно понижаясь, вела к знакомым по детским воспоминаниям местам. Въезд на территорию холмистых пустошей внезапно оказался обозначен аркой, на которой сохранилась старая, поблекшая от времени барельефная надпись:

«Парк-музей истории мегалитов».

Чуть ниже располагался указатель направлений с тремя изгибающимися в разные стороны стрелами, под которыми еще можно было прочесть поясняющие надписи:

«*Стоунхендж».*

«Нью-Грандж».

«Центральный офис мегалит-парка – 2 километра».

Андрей, не колеблясь, избрал центральное направление.

Въехав на территорию музея под открытым небом, Андрей быстро понял, почему окружающее пространство представляет собой каменистые пустоши. Очевидно, земля тут была некогда обработана губительным для сорняковой растительности составом, который, впитавшись в почву, сохранил свои остаточные свойства и до сей поры. Немногие побеги лианоподобных растений лежали высохшими пожелтевшими плетьми, и лишь на склонах холмов, укрепляя их от сползания почвы, росла короткая газонная трава, кое-где выгоревшая на солнце.

По обе стороны дороги высились непонятные каменные сооружения, каждое было обнесено невысокой символической оградой из покоробленного солнцем пластика и поясняющей табличкой.

Остановив машину, Андрей впервые за последние несколько часов покинул салон и подошел к группе каменных артефактов.

Присев возле выгоревшей на солнце таблички, он прочитал с трудом различимый поясняющий текст:

«Дольмены бассейна реки Аше. Перемещены в музей в 2106 году».

По другую сторону дороги высились несколько иные сооружения, табличка у которых гласила:

«Мегалиты Русской равнины. Собраны и перемещены в музей в 2096 году при участии Всемирного фонда охраны памятников».

Андрей беглым взглядом окинул камни, форма которых была разнообразна, начиная от отдельных, едва обработанных глыб и заканчивая целыми сооружениями с квадратным или круглым отверстием в центре. Все эти свидетельства древнейшей земной истории казались ему чужды и непонятны, а времени, чтобы внимательно рассматривать их, стараясь вникнуть в смысл, у него попросту не было.

Вернувшись к машине, он поехал дальше.

Вторично остановиться его заставило внезапное, шоковое *узнавание* очередной древней постройки, вид на которую открылся с вершины холма, куда вскарабкалась старая дорога.

Увидев ряд высоких мегалитов, образующих окружность, Андрей затормозил.

Это было поразительно похоже на то место, что он видел в своем странном сне в ночь, когда ему сообщили о смерти профессора Кречетова…

Он ощутил, как холодный пот потек по спине.

Машинально вцепившись в руль, он несколько минут потрясенно смотрел на круг из вертикальных столбов, часть из которых соединяли между собой положенные горизонтально плиты.

Не было необходимости выходить из машины, чтобы прочесть буквы на огромном рекламном щите:

«Стоунхендж».

Через пару минут ему удалось справиться с участившимся сердцебиением, и, присмотревшись внимательнее, Андрей внезапно понял: да, эта постройка похожа на ту, виденную во сне, но отличается от нее в деталях.

Цепкая профессиональная память тут же нашла десятки различий как в расположении отдельных элементов комплекса, так и в их структуре. Но, убедившись, что Стоунхендж не является точной копией подобного сооружения, виденного во сне, Андрей сделал немаловажный для себя вывод: сновидение нельзя игнорировать – он только что получил второе недвусмысленное подтверждение, что в ту роковую ночь на него было оказано реальное воздействие непонятной пока силы, которая, во-первых, была осведомлена о проблемах профессора Кречетова, а во-вторых, ее источник не являлся игрой воображения…

Одного Андрей пока что не мог взять в толк – при чем тут древние артефакты земной цивилизации, если его дядя всю жизнь занимался исключительно теорией гиперсферы?

Подумав об этом, он задал себе еще один вполне закономерный вопрос: почему в начале своей карьеры профессор Кречетов жил именно тут, на территории музея под открытым небом, куда со всей Земли были свезены древние мегалитические постройки различных времен и народов?

Здесь явно существовала какая-то взаимосвязь.

Отпустив тормоз, Андрей позволил машине мягко скатиться под уклон к воротам комплекса, состоящего из офисных и жилых зданий.

Судя по внешним признакам, здесь уже очень давно никто не работал,

лишь у одного из приземистых домиков стоял припаркованный у входа вполне современный флаер.

Заглушив двигатель, Андрей достал импульсную «гюрзу» и вылез из машины.

Неизвестная точка пространства…

Холм, расположенный посреди плоскогорья, оплыл от времени и потерял изначальную форму усеченного конуса.

От старого Места Силы остались лишь обломки. Внешние круги, состоявшие из небольших мегалитов, были разрушены не раз вторгавшимися сюда храмовниками, но центральная часть святилища не пострадала – единственное, чего сумели добиться воины Храма, – это уничтожить пруд и извести на корню всю растительность.

Печальная картина предстала взору Ланиты, когда она ступила на холодный камень продуваемой всеми ветрами пустоши.

Вокруг валялись расколотые взрывами глыбы. Острый гранитный и известняковый щебень ровным слоем покрывал лишенное растительности плато, посреди которого возвышался оплывший холм земли. Из него, словно указующие персты окаменевших великанов, торчали вертикальные глыбы центрального сооружения.

Силы, удерживающие их в равновесии, не поддались грубым взрывным устройствам храмовников.

Ни одна плита перекрытия не упала, хотя огромные камни не были скреплены раствором…

Оглядевшись, Лана вздрогнула.

По нежно-сиреневому мерцанию, которое исходило от центральной части холма, она поняла, что Круг уже завершил свою работу. Неясные огни, вспыхивающие над каменными столбами словно призрачные зарницы, были остаточным проявлением тех сил, что концентрировались тут на закате солнца.

Присмотревшись внимательнее, Лана не увидела никого из учителей, но зато сумела разглядеть летающую машину храмовников, которая стояла поодаль от древнего святилища.

Инстинктивно она рванулась в ту сторону, но, не пробежав и десятка метров, внезапно споткнулась о труп.

Остановившись, она увидела серый, не отличимый от цвета камня балахон. Внутри у Ланы все оборвалось, похолодело, она медленно опустилась на колени и дрожащими пальцами откинула ткань мешковатого

капюшона.

Мертвое лицо наставницы Круга смотрело в фиолетовые небеса остекленевшими глазами.

Кровь густой лужей натекла под усохшим от старости телом.

Ланита подняла глаза, с трудом оторвав взгляд от окоченевшего лица. Глухой стон, больше похожий на рык раненого зверя, вырвался из ее груди. Все же, несмотря на изменения, что принесли в ее душу учителя Круга, в сознании Ланиты оставалось много сформированных в боевой школе Храма понятий и чувств, например, эта дикая, необузданная, клокочущая в груди ярость, которая вдруг пружинисто подняла ее ослабевшее израненное тело и кинуло его вперед в порыве черной всепоглощающей ненависти.

Она опоздала.

Храмовники расчетливо обманули единственную защитницу Круга. Преследование на земле было лишь отвлекающим маневром, а главный удар они нанесли в самое сердце сопротивления, второй раз за всю историю противостояния добравшись до главных, *знаковых фигур*, на которых держалась старая вера, до тех, кто хранил собранные по крупицам истинные знания прошлого…

Последней надеждой Ланы была мысль о том, что не всех адептов Круга убили, – возможно, часть взята в плен и заключена сейчас внутри летающей машины?!

Ненависть – худший из советчиков.

Вне себя от горя и ярости она рванулась прямо на машину храмовников, на миг утратив рассудок, и, как следствие, получила сполна. Машина, неторопливо раскручивавшая свои лопасти в свистящий круг, вдруг огрызнулась длинной пулеметной очередью.

Лану отшвырнуло назад. Несколько крупнокалиберных пуль пробили навылет ее грудь, невзирая на надетый бронежилет, и, падая, она успела заметить, как ненавистная машина, покачнувшись, оторвалась от земли, тяжело, натужно взмывая в темные небеса…

…Последним усилием Ланита вытянула руку, растопырив пальцы, но ее организм уже не смог собрать достаточно энергии, чтобы деформировать окружающее пространство, и летающая машина храмовников, стрекоча двигателем, беспрепятственно скрылась в фиолетовой ночной мгле.

Глава 3

Земля.
Национальный парк-музей истории мегалитов.

Андрей не стал подъезжать к старым, уже начавшим ветшать офисным зданиям. Оставив машину за склоном ближайшего холма, он, несмотря на жару, накинул на плечи легкую куртку, которая скрыла под собой детали экипировки, не свойственной мирному страннику. Мельком взглянув на себя в зеркало, Андрей остался доволен – в высоких сапогах и невзрачной верхней одежде он теперь вполне мог сойти за случайно оказавшегося тут бродягу, который рискнул путешествовать по новоявленным джунглям Земли.

Импульсный пистолет системы «гюрза» он оставил в наплечной кобуре, подальше от чужих глаз, но был готов воспользоваться им в любой момент.

Нужно сказать, что Кречетова не смущали складывающиеся обстоятельства. За время своей службы он четко научился различать грань дозволенного и поэтому понимал: если в трех мегаполисах Земли действовали определенный правопорядок и сопряженные с ним своды законов, то данная территория явно не подпадала под их юрисдикцию, – на всем пространстве зарастающих джунглями руин действовали иные правила игры, ставкой в которой зачастую являлась жизнь. Кроме гипотетических людей, убивших его дядю, на диких этих пространствах существовали тысячи иных смертельных опасностей, и всякий, кто покидал пределы городов, мог рассчитывать здесь только на себя самого…

…Маскируясь за каменными укрытиями различных древних сооружений, Кречетов почти вплотную приблизился к центральному входу в комплекс одно-, двухэтажных строений, рядом с которым был припаркован смутивший его флаер.

Издали машина казалась новенькой, но это было обманчивое впечатление – просто ее современные «черты» резко контрастировали с общей картиной руин, пустошей и обветшалых, давно покинутых зданий мегалит-парка. На самом деле флаер эксплуатировался много и небрежно, о чем свидетельствовали следы чрезмерного обгорания на дюзах планетарной тяги и несколько вмятин на его выпуклых бортах. В местах, где отлетела заводская краска, виднелась ржавчина.

Подобравшись вплотную к машине, Андрей заглянул в сумеречный салон через щель приоткрытой дверцы. Все приборы на панелях управления были выключены, оба кресла пусты.

Обойдя машину, он посмотрел на регистрационный знак.

Флаер принадлежал его дяде. Именно о нем вел речь адвокат покойного.

Задаваться идиотским вопросом: «Мог ли мертвый профессор воспользоваться своей машиной?» – Андрей не стал.

Несомненно, на флаере сюда могли прилететь только его убийцы, – подумал он, – *но почему они бросили машину у входа в здание? Все еще пребывают тут?* – Андрей вытащил импульсный пистолет, одновременно коснувшись сенсора активации. – *Или воспользовались иным средством передвижения?*

Подумав об этом, он шагнул в дверной проем.

Холл был темным и пустым. Ствол «гюрзы», покрытый выпуклостями электромагнитных катушек, описал полукруг, но цели не нашел, и Андрей опустил импульсный пистолет, окидывая помещение уже более внимательным, изучающим взглядом.

В центре, покрытая слоем пыли, высилась рельефная модель мегалит-парка. На стенах просматривались поблекшие декоративные панно, изображающие пейзажи древней Земли в реконструкции современных ученых. Вдоль всего периметра помещения, ниже огромных картин, тянулись ряды ободранных кресел.

Андрей присел на корточки.

Следов, которые сохранил слой пыли, было множество. Отпечатки когтистых лапок мелких грызунов, замысловатые «лесенки», оставленные движением крупных пресмыкающихся, следы птиц в сочетании с пятнами помета… и два вида отпечатков обуви, которые вели в глубь комплекса, а затем обратно, на выход.

Андрей медленно выпрямился. Судя по отпечаткам, двое людей, побывав в здании, покинули его так же, как и вошли.

Он не стал двигаться дальше, а вернулся на улицу.

Детские воспоминания подсказывали, что профессор Кречетов занимал отдельный коттедж, который располагался где-то рядом. Логично было предположить, что убийцы этого не знали, а потому, обшарив центральный офис, вышли на улицу.

Что ж, посмотрим, удалось ли им отыскать нужный дом?

Вместо того чтобы блуждать между постройками, Андрей вернулся к холму и с возвышенности еще раз внимательно осмотрел комплекс зданий.

Он поступал так, будто находился на занятой врагом территории, рефлекторно, даже не задумываясь о последовательности своих действий.

Еще раз осмотревшись, Кречетов наконец узнал искомое здание. Двухэтажный коттедж с мансардными окнами действительно располагался чуть в стороне, правее основного комплекса сооружений.

Вокруг по-прежнему стояла знойная тишь, лишь легкий ветерок, не несший прохлады, лениво шевелил тонкие стебельки пожухлой травы.

Андрей не спешил спускаться с холма и идти прямиком к зданию. Вместо этого он присел, спрятавшись за грубо обработанный гранитный валун, и достал чехол с электронным биноклем.

Внимательный, подетальный осмотр окрестностей не дал ему никакой дополнительной информации. Судя по внешним признакам, незваные гости уже покинули это место.

О том, что они могли затаиться в одном из заброшенных строений и ждать, Андрей подумал, но вскользь – просидеть двое суток в старых, насквозь обветшалых зданиях в сомнительной надежде, что племянник покойного профессора, прилетев на Землю, прямиком ринется сюда, было, по его мнению, как минимум нерационально. Проще проследить за прибывающими в космопорту, тем более что многомиллионный город давал массу возможностей для быстрого и эффективного устранения нежелательного визитера.

Нет, – здраво рассудил он. – *Убийцы побывали тут и ушли.*

Единственной загадкой для него оставался способ их передвижения, но этим вопросом можно было заняться позже…

По-прежнему оглядываясь по сторонам, он спустился с холма и направился к одиноко стоящему зданию.

* * *

Дверь, ведущая в знакомый по детским воспоминаниям коттедж, была распахнута настежь. Ее механизм кто-то заклинил в крайнем положении, подложив в качестве стопора увесистый булыжник. Через открытый дверной проем виднелись следы царящего внутри дома беспорядка.

Андрей рывком преодолел отделяющие его от крыльца метры и резко присел, прижавшись к внешней стене здания.

Тишина…

Он осторожно заглянул внутрь, удерживая «гюрзу» стволом вверх. В доме не было прихожей, сразу за дверями начиналась гостиная. У самого

порога, на песке, что занес сюда ветер, виднелись те же следы, что и на полу центрального офиса, только тут они пестрели в разных направлениях, четко пропечатавшись среди беспорядочно разбросанных предметов.

Значит, булыжник положили не они… – машинально отметил Андрей. Песка в гостиную намело достаточно, а пропечатавшиеся в нем следы ясно говорили, что ветер уже давно хозяйничает в этом помещении.

Кречетов вошел внутрь, оказавшись среди хаоса сорванных со своих мест предметов.

Это был не обыск, а настоящий разгром. Все, что можно сломать или выпотрошить, оказалось тщательно препарировано двумя неизвестными. Переходя из комнаты в комнату, Андрей повсюду наблюдал одни и те же картины тотального разрушения. Два имевшихся в доме компьютера были разбиты и щерились прямоугольными дырами там, где в корпусах ранее были закреплены запоминающие устройства.

Дом на поверку оказался не таким большим, как рисовала память пятилетнего мальчика, и на его полный осмотр ушло немного времени. Исследовав последнюю комнату, которая когда-то являлась рабочим кабинетом профессора, Андрей пришел к неутешительному выводу – он опоздал как минимум на сутки. На полу, среди разломанной мебели и содранных стенных панелей, он не смог обнаружить ни единого листка пластбумаги, не нашлось и иных, более современных носителей информации…

Взглянув на изуродованный компьютер с выдранным кристаллодиском, Андрей подумал, что ему остается либо признать свое поражение, либо продолжать поиски, но в каком-то ином месте.

Задумавшись, он сел на системный блок опрокинутого на пол компьютера.

…Пытаясь понять, как действовать дальше, он скользил рассеянным взглядом по окружавшему его хаосу и вдруг заметил, что на старомодном диване, который стоял тут же, у стены, в беспорядке брошены легкое одеяло из синтетической шерсти и две подушки из мягкого пористого пластика.

Обивка дивана оказалась вспорота в нескольких местах, подушки аккуратно разрезаны на части, но это не имело значения. Спальные принадлежности выглядели новыми и не несли на себе следов многолетнего пребывания в доме…

Чтобы проверить свою догадку, Андрей встал, подошел к окну и взглянул на положение солнца.

Светило клонилось к закату, и его лучи уже начали проникать в

кабинет. Проследив за углом их падения, он сделал безошибочный вывод – если бы спальные принадлежности лежали на диване со времен бытности тут профессора Кречетова, то они неизбежно выгорели бы на солнце.

Так, значит, дом посещался кем-то, кто привез с собой одеяло и подушки, иногда оставаясь ночевать на старом диване… Кто это мог быть?

Ответ напрашивался сам собой – здесь бывал покойный профессор, а его убийцы, скорее всего, нашли это место самым незамысловатым способом. Они сняли информацию с блока автоматического пилотирования угнанного флаера, который содержал в своей памяти часто используемый маршрут, соединяющий мегаполис Россия и парковочную площадку мегалит-парка.

Андрей отошел от окна, продолжая размышлять над новой информацией. Это было нелегким занятием – строить выводы на крупицах разрозненных фактов.

Итак, убийцы перевернули офис и квартиру профессора, а потом направились сюда. Значит, в городской квартире и на рабочем месте убитого они не нашли необходимой им информации…

Стоп… – осекся он в своих мыслях. – *Они искали информацию или уничтожали ее?*

Андрей привык мыслить логически, последовательно, и, вспомнив, что он видел в городе, его разум тут же начал склоняться к последнему выводу.

Из общения с адвокатом и полицией Андрей узнал, что его дядя недавно опубликовал итоговую работу по многолетнему скрупулезному изучению аномалии космоса, которая была благосклонно принята и высоко оценена в научных кругах. Чтобы добиться такого успеха, он должен был изложить в своем труде все результаты жизненных исследований, в буквальном смысле «раскрыть все карты» ради последнего триумфа своей научной карьеры, и нужно отдать должное – он добился этого. Андрей не был специалистом по теории гиперсферы, он не читал дядиных трудов, но репутация земного Института дальнего космоса предполагала, что добиться успеха и признания в самом старом и консервативном учреждении Галактики можно только одним способом – для этого необходимо совершить поистине уникальное открытие, подтвержденное титаническим исследовательским трудом.

Значит, в опубликованной книге профессора можно отыскать все материалы его исследований!.. – Андрей нахмурился, вспомнив варварски вскрытые компьютерные терминалы, пустые ящики для бумаг – в квартире

и офисе профессора неизвестные изымали исключительно информационные носители.

Есть ли смысл в таких действиях, когда труд уже опубликован и доступен для заинтересованных лиц?

Да, – мысленно ответил себе Андрей, – *но только при условии, что не все выводы профессора Кречетова относительно аномалии пространства-времени вошли в изданный вариант рукописи.*

Опять сразу же вспомнился сон… летящий над землей Круг из облаченных в балахоны тел, а взгляд через окно на полуразрушенный Стоунхендж, мегалиты которого, окрашенные в багрянец заката, хорошо просматривались отсюда, заставил пробежать по спине ручеек мурашек.

Учитывая загадочные обстоятельства дядиной смерти и припомнив два совершенно неординарных события, накануне произошедших с ним самим, Андрей не мог не задуматься: а не возникло ли у профессора в ходе исследований неких маргиналий[1], которые он не решился внести в серьезный научный труд?

Чтобы проверить справедливость своей догадки, он вышел из дома и обошел его вокруг.

Интуиция не подвела – в задней части заросшего пожухлой травой двора он наткнулся на то, что надеялся увидеть, – округлое почерневшее пятно свежей золы. Кто-то совсем недавно сжигал тут документы, побросав в костер пачки пластбумаги и части разбитых на куски информационных носителей, извлеченных из нескольких компьютеров. Судя по количеству бесформенных обгорелых обломков, тут присутствовали кристаллодисковые накопители информации, снятые с компьютерных терминалов не только этого дома, но и те, что были украдены из городской квартиры и офиса профессора Кречетова.

Значит, неизвестные охотились за информацией, чтобы уничтожить ее… Вывод верный, очевидный, но никуда не ведущий. Андрей по-прежнему не знал, кем были убийцы его дяди и что за информация так сильно волновала их.

В этой ситуации ему оставалось лишь одно – вторично обшарить дом в надежде, что неизвестные пропустили какую-нибудь мелочь. К тому же Андрею было непонятно, зачем престарелому профессору покидать комфортную городскую квартиру и ютиться здесь по ночам на старом пыльном диване?

Всему в этом мире можно найти разумное объяснение. Данному постулату лейтенант Кречетов верил безоговорочно. Нет необъяснимых

загадок, есть люди, не способные решить ту или иную проблему…

…Направляясь назад, к входу в дом, он внимательно смотрел по сторонам; цепкий взгляд, привычный к подобного рода осмотрам, не пропускал ни одной мелочи, и лейтенант был неожиданно вознагражден за постоянную настороженную осмотрительность…

Сделав несколько шагов, Андрей вдруг остановился как вкопанный. Его внимание привлекла земля, которая чуть просела у фундамента, образовав едва приметное углубление относительно остального слоя почвы.

Подвал!.. – внезапно осенило его…

Точно… Ведь он помнил, как, будучи ребенком, заглядывал в подвал, расположенный под домом. Ему запомнились большие, разъезжающиеся в разные стороны двери, которые показались ему смешными из-за того, что не стояли, как положено всем нормальным дверям, а лежали на земле, чуть под наклоном к фундаменту… и еще он помнил холодные бетонные ступеньки, уводящие в таинственную черноту, и голос отца, который окликнул его:

«Андрей, не балуйся с приводом дверей, в подвале нет ничего интересного. Отойди, а то свалишься ненароком!..»

Воспоминание больно кольнуло сердце.

Он подошел к тому месту, где тонкий слой нанесенной ветром почвы скрывал памятный вход, и осторожно стал убирать скопившуюся супесь. Углубившись на пару сантиметров, его пальцы наткнулись на ровную твердую поверхность.

Так и есть – пластик!

Оглядевшись вокруг, Андрей убедился, что окрестности по-прежнему пусты, и быстро очистил старые двери от песчаных наносов, за которые уже зацепилась корнями росшая вокруг трава.

Механизм отпирания дверей давно превратился в ржавый ком, и потому он просто проломил пластик.

За уродливой дырой открылась уводящая вниз бетонная лестница.

* * *

Хвала старой, пожелтевшей пластбумаге и пыльным подвалам, куда принято складировать разный отслуживший свое хлам.

Андрей поудобнее устроился в старом офисном кресле, разложил вокруг найденные пачки бумаг и принялся неторопливо изучать документы

в неярком свете переносной лампы.

Разбирать дядин почерк было совсем не трудно, хотя большая часть листов являлась черновиками. Поначалу он задался вопросом – почему профессор не доверял черновых записей компьютеру, ведь набирать текст на клавиатуре намного быстрее и проще, чем писать от руки, но, вспомнив учиненный наверху бардак, тут же догадался: профессор просто не доверял электронным носителям, которые могли быть взломаны, а информация с них – прочитана кем-то еще. Потому в начале своей карьеры дядя и вел эти записи, еще совершенно не уверенный в состоятельности своих предположений, но уже опасавшийся разглашения пришедших ему на ум идей.

Первый же лист исчерканных записей говорил о важности и революционной новизне затронутого вопроса.

«Что мы на самом деле знаем о гиперсфере?

Это аномалия пространства-времени, иной континуум, которым пользуются все современные космические корабли для перемещения из одной точки трехмерного космоса в другую, удаленную на многие световые годы, – такой ответ на заданный вопрос даст любой школьник.

Это общие знания. Но что на самом деле представляет собой гиперсфера?

Это не параллельное пространство, ибо там нет звезд и планет, это не привычный нам космос, а его «изнанка». «Великое Ничто», как именуют гиперсферу пилоты и навигаторы, не обладает ни одной из привычных нам характеристик. Чтобы попасть в аномалию, космическому кораблю приходится разгоняться до скорости света, а затем, вплотную приблизившись к световому барьеру, включать дополнительные источники энергии, концентрируя их импульс по курсу корабля. В результате возникает пробой трехмерного континуума – абсолютно черная воронка гиперперехода, которая начинает затягивать материальное тело внутрь некой области пространства, где действуют иные физические законы.

По теории, чем больше энергии затрачено на переход, тем «глубже» проваливается корабль в аномальную область и тем напряженнее окажутся сопутствующие его дальнейшему полету энергетические поля.

Общая теория, чьи основные уравнения были выведены еще в двадцать третьем веке Иоганном Ивановым-Шмидтом, предполагает наличие десяти «уровней» аномалии, причем каждый последующий уровень обладает более высоким напряжением составляющего его энергетического поля, а с глубиной «погружения» понятия «время» и

«расстояние» стремятся к нулю, теряя свой физический смысл».

Андрей оторвался от чтения, на минуту задумавшись. Да, это было понятно даже ему, – в принципе любой человек, когда-либо совершавший межзвездные путешествия, знал: космическому кораблю, перемещающемуся в аномальном пространстве первого уровня гиперсферы, требуется не более часа для преодоления одного светового года. Большинство гражданских пассажирских судов перемещались именно на первом уровне аномалии, где время все еще играет роль физической величины, но и риск полета невелик. Более быстрые грузовые корабли, чаще всего беспилотные, управляемые автоматикой, погружаются до второго, а то и до третьего энергетического уровеня, где время, необходимое для полета, сокращается в геометрической прогрессии – то есть с глубиной проникновения в гиперсферу на пятом-шестом уровне аномалии полет из одной точки в другую должен превратиться в мгновенное перемещение, с точки зрения человеческих эталонов времени, конечно…

«Однако с глубиной погружения в аномалию космоса возрастает напряжение сопутствующего энергетического поля, и уже на третьем-четвертом уровне перемещающиеся там корабли должны иметь собственную энергетическую защиту, причем достаточно мощную, иначе они просто сгорят в окружающих силовых полях гиперсферы.

Следующая особенность аномалии, за что она, собственно, и получила просторечное название «изнанка космоса», заключается в том, что в этом пространстве от каждого реально существующего в трехмерном космосе объекта, будь то планета или звезда, тянется незримый след в виде силовой линии напряжения. На знании этой особенности и точной осведомленности, какая линия ведет к той или иной звезде, основана вся современная гиперсферная навигация».

Андрей опять оторвался от чтения, попытавшись зримо представить аномалию космоса.

В его воображении возникли десять вложенных друг – в друга сфер. Прослойки между ними являлись теми самыми «уровнями», о которых упоминалось выше, а внутри каждого слоя тянулись тонкие ниточки, связывающие между собой гравитационные отпечатки реально существующих звезд. Это походило на сложную пространственную паутину – линии тянулись не только от звезды к звезде, но и вертикально вниз в неизведанные глубины «Великого Ничто».

Перелистав несколько страниц, Кречетов увидел схемы, похожие на те, что нарисовало его воображение.

Ход мыслей дяди стал понятен ему при последовательном изучении схем. Возьмите русскую матрешку, внутрь которой вложены вторая, третья и так далее. Все они в точности копируют друг друга, но каждая последующая меньше предыдущей.

Так и в гиперсфере. Начерченные от руки сферические уровни были покрыты сеткой одних и тех же связей, но они укорачивались по мере уменьшения объемных рисунков.

Солнечная система была отмечена на каждой схеме отдельным цветом. От гравитационного отпечатка родной человечеству системы уходили одна вертикальная линия сочно-красного цвета и шесть десятков изумрудно-зеленых паутинок, ведущих к соседним звездам.

Именно по этим паутинкам, сами того не осознавая, перемещались первые колониальные транспорты с поселенцами на борту.

Далее в записях дяди следовало интересное замечание. По статистике, из Солнечной системы в период Великого Исхода, или, как его еще называли, Первого Рывка, стартовала одна тысяча триста семнадцать колониальных транспортов, но линий, по которым они могли «скользнуть» к иным мирам, было всего шестьдесят! Это уже последующее глубокое изучение аномалии космоса показало, что в принципе корабль может достичь любой звезды нашей Галактики, – от Земли нужно переместиться к одной из шестидесяти доступных точек всплытия, попав, таким образом, на новую «узловую развязку» гиперсферы, от которой тянулись такие же линии силового напряжения, но они вели уже к иным звездам. Многократное скольжение от узла к узлу, смена «ведущих» силовых линий аномалии в конечном итоге могла привести космический корабль куда угодно.

Так движутся современные корабли, – подумал Андрей, начиная понимать, что именно в данных статистики смутило профессора Кречетова: Великий Исход состоялся более тысячи лет назад, а первопроходцами гиперсферы стали транспорты, ресурс которых был ограничен одним «прыжком», – то есть энергетические установки корабля могли один раз пробить метрику трехмерного пространства и один раз обеспечить обратный переход…

Движение вне силовой линии гиперсферы невозможно – это доказала печальная практика, а значит, прямо на глазах из сравнительного анализа двух цифр напрашивался интересный вывод. Каждая доступная для транспортов Первого Рывка звездная система, которых было всего шестьдесят, должна была колонизироваться как минимум от двадцати до двадцати двух раз…

Знание истории полностью опровергало такое предположение. Была известна лишь одна планета – Кьюиг, куда в разное время совершили посадку три колониальных транспорта, остальные миры заселялись лишь единожды.

Существовала еще одна вероятность. Не ведая точных законов гиперсферной навигации, пилоты колониальных транспортов прошлого могли не «всплывать» в первой же узловой точке, а двигаться дальше, уже в неизвестном направлении, с огромным риском истощения энергоресурса корабля, до того, как им будет совершен обратный переход в трехмерный космос.

Такие прецеденты действительно имели место – более двадцати потерянных колоний, расположенных далеко за пределами первых шестидесяти узловых точек всплытия, действительно были обнаружены в процессе галактической войны и последовавшей за ней второй волны Великой Экспансии, но наличие двух десятков удаленных поселений все равно не снимало резкого несоответствия двух цифр.

Даже предположение о том, что половина колониальных транспортов попросту погибла, затерявшись в паутине ведущих от звезды к звезде силовых линий, не решало возникшего несоответствия.

Перевернув следующий лист, Андрей увидел десять нарисованных от руки постепенно уменьшающихся сфер, которые схематично отображали энергетические слои гиперсферы. На этих рисунках отсутствовала паутина зеленых горизонтальных линий, а оставались лишь красные, стержневые, вдоль оси которых осуществлялось «погружение» космических кораблей на тот или иной уровень аномалии.

От каждой реально существующей звезды или планеты в глубь гиперсферы вела только одна подобная линия. На первом рисунке, который отображал все исследованные небесные тела, расположенные на небольшом участке площади сферы, эти красные линии казались далекими друг от друга, но на следующем рисунке они уже сближались… Андрей невольно перевел взгляд на схему последнего, гипотетического десятого уровня аномалии и увидел, что красные линии, загнанные в небольшой объем, образовали несколько жирных жгутов, ведущих к некой центральной точке.

Что было расположено там, в месте, куда стремились вертикальные линии, оставалось только гадать. Как они связывались друг с другом – сплетались ли в узел, просто обрывались или там существовал переход с одной вертикали на другую?

Андрей отложил в сторону листы с записями и схемами. Ему

показалось, что мозг, перегруженный информацией, сейчас закипит.

По рассказам пилотов космических кораблей он знал, что скользнуть по вертикальной линии гиперсферы гораздо проще, чем выйти на горизонтальный управляемый полет в границах определенного уровня. Гиперсфера каждый раз «зовет», тянет попавшее в нее материальное тело в свои глубины, и только сопротивление силовых установок космического корабля способно остановить спонтанное скольжение вниз, вдоль оси вертикальной линии, сквозь губительные, насыщенные энергией слои…

Выходит, что сотни колониальных транспортов прошлого не смогли воспротивиться этому процессу и ушли вертикально вниз, сгорев в самых глубоких и напряженных слоях аномалии?

Логика подсказывала – да.

Но ведь всегда остается надежда на чудо: вдруг какому-то кораблю удалось пройти все десять вложенных друг в друга уровней гиперсферы и достичь того таинственного места, где сливаются воедино все силы энергетической вселенной?

* * *

Взяв найденные заметки, Андрей поднялся наверх, в дом.

На улице уже начало темнеть, солнце скрылось за горизонтом, и окрестности быстро погружались в прохладный сумрак.

Устроившись на разодранном диване у окна дядиного кабинета, Андрей отложил в сторону часть записей, с которыми уже успел ознакомиться в подвале, и взял в руки отдельную папку, на обложку которой было вынесено любопытное заглавие:

«Каменные сооружения древности и их связь с Вертикалью».

Прежде чем открыть папку, Андрей включил портативный коммуникатор и связался с сервисной службой мегаполиса Россия, мысленно досадуя, что не догадался захватить с собой переносной портативный компьютер.

Заказав через спутниковую сеть электронный вариант последней книги профессора Кречетова, он дождался, пока загрузятся первые страницы, которые заняли весь объем оперативной памяти коммуникационного устройства, а затем прервал связь.

Открыв полученный текст, он пробежал глазами по строкам.

На маленьком дисплее мобильного коммуникатора медленно прокручивались строки вступления к двухтомному труду, которое, к

удивлению Андрея, морально готовившегося столкнуться со специфичной научной терминологией, оказалось популяризировано.

«Может ли человек пронести руку сквозь бушующий огонь, не обжегшись при этом? – это было первое предложение книги покойного профессора. – Да, может, если станет действовать быстро. Говоря проще – существует скорость, при которой энергия частиц пламени не успевает воздействовать на руку.

Такую же аналогию я собираюсь доказать для гиперсферы, а именно – для движения в ней по вертикали, куда, следуя нехитрым расчетам, «соскользнули» две трети колониальных транспортов прошлого.

Расчеты, приведенные в данном научном труде, подтверждают, что движение материального тела через все десять условных энергетических уровней аномалии не только возможно, но и легко осуществимо. Нужно лишь сообщить космическому кораблю такую скорость, когда возрастающая энергия гиперсферы не будет успевать вступить в контакт с ним…»

На этом текст обрывался – оперативная память коммуникатора смогла уместить в себе лишь два вступительных абзаца, но Андрею с лихвой хватило этих строк, чтобы понять, какое именно открытие обосновал в своей книге его дядя.

Движение по вертикали к той гипотетической точке, где сходятся силовые линии напряжения, исходящие от всех звезд и планет Галактики…

Любопытно.

Он открыл папку с документами и углубился в изучение материалов, найденных им в подвале дома.

«Во всех уголках земного шара мы встречаем титанические сооружения, возведенные в разное время, начиная от эпохи Каменного века и заканчивая первым тысячелетием до Рождества Христова.

Одним из знаковых каменных сооружений, расположенных в центре Европы, является Стоунхендж, в комплекс которого входит множество каменных блоков, образующих замкнутый круг. Грубо обработанные глыбы камня, которые мы привыкли обозначать термином «мегалиты», варьируются по своему весу от пяти до двадцати пяти тонн. По уточненным данным, они доставлены из каменоломен, расположенных на удалении в триста километров от места постройки, а сам возраст сооружения составляет сто сорок тысяч лет.

Не менее загадочное сооружение находится «по соседству», на территории бывшей Ирландии. Это Нью-Грандж. Постройка представляет

собой каменное кольцо из шестисот пятидесяти блоков, окружающих курган, внутри которого позднейшие археологические раскопки выявили наличие внутренних комнат и залов.

Рассматривая вопрос о целесообразности строительства подобных сооружений людьми Каменного века, я пришел к закономерному выводу, который, впрочем, не нов: древние обитатели Земли не обладали теми знаниями и техническими возможностями, которые реализованы в этих титанических постройках.

В свете современных знаний о четырех расах древнего космоса логично предположить, что мегалиты возведены ими, но тут же возникает прежний вопрос: кто именно и с какой целью их построил?

Доподлинно известно, что Землю посещали логриане, но их визит носил разовый характер и преследовал сугубо научно-исследовательские цели.

Рассматривая вероятность строительства мегалитов иными известными нам расами древнего космоса, стоит вспомнить, что ни дельфоны, ни инсекты, ни хараммины не смогли сконструировать компактный гиперпривод и их планеты были связаны стационарными устройствами транспортировки, функционирующими на основе горизонтальных линий напряжения первого уровня гиперсферы. Но следует учесть, что горизонтали аномалии, связанные с Землей, не ведут ни к одной из колонизированных древними расами планет, а значит, их регулярное появление на Земле исключается.

Следуя логике, стоит предположить, что нашу планету могли посещать существа, освоившие вертикаль гиперсферы, и в таком случае каждая титаническая постройка служит всего лишь маркером – точным указателем места, откуда возможно попасть на вертикаль аномалии, осуществляя переход в иное пространство непосредственно с поверхности планеты…»

Андрей перевернул очередной лист, чувствуя, что информация постепенно начинает приобретать некоторую стройность, будто с каждым прочитанным словом в его голове вставали на свои места отдельные фрагменты мозаики.

Только он еще не мог предугадать, что выйдет, когда полотно логических выводов будет соткано полностью, от края до края…

Вновь углубляясь в чтение, он не вспомнил о маленьком колючем *Логре*, что по-прежнему находился при нем. Странная видеозапись на время забылась, ее оттеснили иные, более свежие впечатления…

Это всегда так: истина где-то рядом, нужно лишь верно ухватить суть

явления и правильно взаимосвязать разрозненные факты.

Андрей слишком увлекся чтением и упустил этот важный момент.

Неизвестная точка пространства…

Истекая кровью и расходуя последние силы, она доползла до подножия святилища. Вскарабкаться на холм Лана уже не могла – жизнь покидала ее стремительно и неумолимо.

Страшно было осознавать это. Ланита лежала на спине, изредка приподнимая голову, чтобы окинуть помутившимся взглядом сумеречные окрестности.

Никогда не думалось ей, что умирать придется вот так: истекая кровью от множества пулевых ран, ощущая полное поражение, слушая булькающий, сипящий звук собственного дыхания и…

От круга каменных глыб ее отделяло метров пятьдесят пологого травянистого склона, и в этом промежутке внезапно начали появляться смутные, призрачные фигуры.

Это были энергетические тела убитых ею храмовников.

Увидев их, Ланита не испугалась – все возможные муки уже были пройдены, она смирилась с собственной смертью, и чувство страха притупилось, исчезло, оставляя в душе лишь чувство безысходности, ощущение немощи умирающей плоти да обрывочные мысли, которые поддерживал угасающий разум.

Она в последнем усилии вцепилась окровавленными пальцами в землю, ощущая, как ногти продавливают ее, вторгаясь в сплетение корней росшей по склону травы.

Девять призрачных фигур шли прямо на нее. Со стороны казалось, что смутно очерченные человеческие контуры плывут в ночной мгле, едва заметно пульсируя при этом мертвым, холодным, лиловым свечением.

Они нашли ее, чтобы отомстить, а обессиленная Ланита не могла принять их вызова…

От пальцев рук внезапно пошло тепло.

Оно поднялось до локтей, затем выше, к плечам, притупляя саднящую боль от ран, давая еще несколько минут жизни…

Зачем? Не проще ли умереть без мучительного призыва стихийных сил, без сопротивления, просто отдавшись неизбежности?

Кто заложил в нее это качество – бороться до конца, даже умирая, когда нет ни шансов на победу, ни смысла продолжать борьбу?

Все рухнуло. Круг частично уничтожен, а частично – пленен, и теперь

в ее мире правят люди Храма, которые презирают древнее учение, хотя и пользуются его наиболее грубыми и доступными приемами при подготовке своих бойцов…

Доказательство последнего сейчас надвигалось на нее редкой цепью призрачных фигур. Часть воинов из уничтоженного ею манипула обладала достаточно развитым интеллектом и мужеством, чтобы осознать мгновение смерти и отринуть свое «я» от коченеющего тела, как сделала это Ланита накануне утром, обманывая двух настигших ее преследователей.

Сейчас она не могла уйти этим проверенным способом – чтобы отделить разум от материи, требовался максимум жизненных сил, а их уже не осталось…

Земля, трава, мегалиты святилища – все это обладало собственной энергетикой, и Лана в последнем порыве пыталась забрать часть мировой силы, но не для себя самой, а для последнего удара по врагам.

Призрачные фигуры уже приблизились к ней настолько, что стали различимы отдельные черты энергетических тел.

Тепло, идущее от корней травы, минуя израненную грудь, наикратчайшим путем вливалось в разум, протрезвляя его.

Пересохшие растрескавшиеся губы Ланиты прошептали певучие слова древнего проклятия, и внезапно от ее умирающего тела вверх по склону рванул тугой вал: незримый для человеческого глаза, он проявлял себя лишь упругим смещением воздуха, который, уплотняясь, ударил в очерченные лиловым сиянием фигуры…

Два тела порвало в клочья, – уронив голову, Ланита видела, как разлетаются частицы энергии, освещая окрестности, остальные, более устойчивые, отшвырнуло вверх по склону и три из них попали в самый центр древнего святилища.

Сумеречно-красный свет внезапно вспыхнул в середине очерченного мегалитами круга, раздался характерный хлопок, и три энергетических сущности мертвых храмовников исчезли.

Лана надеялась, что их души отправились в один из мертвых миров, чтобы вечно блуждать там, не причиняя более никому зла.

Она ошибалась…

Земля.
Мегалит-парк…

Он закончил чтение найденных рукописей далеко за полночь, когда тьма, окутавшая землю, уже давно стала черной, непроглядной, словно на

окно кто-то натянул непроницаемое полотно.

Странно было наблюдать мир без света, где не царят огни городов, не тянутся освещенные улицы, не светят прихотливым узором окон многоэтажные дома.

Тишина и мрак.

Андрей закурил, стоя у открытого окна.

Прохладный ночной воздух нес незнакомые обонянию флюиды свежести, он пах чем-то неповторимым, хотелось вынуть надоевшие антибактериальные фильтры и дышать полной грудью, впитывая тревожащие ароматы обновленной Земли.

Стоя у окна, Андрей, все еще находившийся под впечатлением прочитанного, думал о миллионолетней истории планеты, откуда по всему космосу расселились его предки.

Только сейчас, в полной тишине и мраке, до него стал доходить скрытый смысл этого заезженного термина: «прародина человечества».

Да, – думал он, – *мы прошли сквозь сотни световых лет, покорили множество миров, а тут, на покинутой нами Земле, остались неразрешенными загадки прошлого, здесь, судя по всему, кроются следы иных, не встреченных нами на пути экспансии разумных существ, ведь действительно, разве могли сто пятьдесят тысяч лет назад первобытные существа знать значения скорости света, иметь понятия о структуре земной коры, сейсмоустойчивости сооружений, периодах обращения планет?*

Сомнительно, что древние люди, разум которых еще не вышел из стадии дикости, могли создать астрономически выверенные постройки, не говоря о том, что созданные из мегалитов комплексы отражают строение неведомых звездных систем с различным количеством планет, а отдельно взятые каменные блоки, использованные для строительства, трудно установить даже с помощью современной техники…

Его мысли внезапно прервала вспышка мертвенного света.

Андрей вздрогнул, моментально осознав, что неожиданно возникшее сияние исходит от центральной, наиболее полно сохранившейся части Стоунхенджа.

Ледяной озноб опять пробежал по спине.

Словно завороженный, он несколько секунд смотрел на бледно-фиолетовое зарево, освещающее макушки мегалитов, а затем, очнувшись, быстро собрал папки с найденными рукописями и выскочил на улицу.

Свечение не пропало, наоборот, оно стало ярче, резко выделяясь на фоне чернильной тьмы окрестностей.

Андрей огляделся.

Его машина осталась за холмом, искать ее впотьмах, даже зная направление, представлялось сложным, и он, не раздумывая больше, бегом кинулся к флаеру, припаркованному у центрального входа в офис мегалит-парка.

Открыв водительскую дверь, он бросил папки с документами на пассажирское сиденье. Машина была двухместной и простой в управлении, рассчитанной на современного человека, который привык к комфорту и не любил утруждать себя утомительным вождением на большие расстояния.

Стоило Андрею сесть в кресло, как перед ним сразу же осветились панели приборов, обе дверцы флаера автоматически закрылись, на мониторе автоматического пилотирования вспыхнула схема наиболее часто использовавшихся в последнее время маршрутов.

Как он и предполагал, основная курсовая линия вела от мегаполиса Россия к мегалит-парку, но сейчас его не интересовала информация блока автопилотов.

Он боялся, что не успеет и внезапно возникшее над Стоунхенджем сияние погаснет, навек скрыв свою природу.

Отключив режим автоматического полета, Андрей поднял машину над землей.

Ручное управление использовалось редко, и некоторые программы попытались протестовать, но Андрей, общавшийся на «ты» с гораздо более сложными электронными системами, мгновенно заставил электронику действовать по его указаниям.

В результате машина плавно взмыла вверх, набирая стометровую высоту прямо над крышами зданий.

* * *

Вязкая тьма, окутавшая окрестности, отступала над Стоунхенджем, раздаваясь в стороны.

Андрей не верил своим глазам. Три фигуры, состоящие из призрачно-лилового сияния, медленно разбредались в разные стороны от центра древнего сооружения. Их движения были скованными, словно они продавливали себе путь сквозь воздух, роняя при этом капли световой ауры.

Невероятно!

Андрей смотрел на призраков со стометровой высоты парения и со

смятением понимал: они аналогичны тем двум существам, что атаковали вверенный ему блокпост на далекой отсюда планете Элио, с той лишь разницей, что находящиеся внизу фигуры, явно сотканные из энергетического поля, излучали в ином, зримом для человеческого глаза диапазоне.

Скорее излучают не они сами… – машинально сделал вывод Андрей, – *это молекулы воздуха, подвергаясь воздействию энергии, испускают вторичное излучение, которое демаскирует бредущие по земле фигуры.*

Догадка была верной, оставалось понять, чем или кем являются эти сущности и почему они внезапно возникли в центральной части неимоверно древнего сооружения?

Андрей, опасаясь спускаться ниже, включил оптическое увеличение и, взглянув на экран, испытал секундный шок.

Все трое были людьми.

На миг Андрею показалось, что он сошел с ума и бредит.

На излучающих фиолетовый свет фигурах явно просматривались детали боевой экипировки времен Первой галактической войны. Поверх тел была надета металлокевларовая боевая броня образца, который массово производился для бойцов десантных подразделений военно-космических сил Земного альянса… Но энергетическая копия древней боевой брони оказалась не самым удивительным в облике этих существ…

Жуткими, невероятными были их лица.

Андрей понял – эти люди мертвы. Холод охватил его грудь, когда экран оптического умножения показал черты лица ближайшего фантома. Они были искажены в предсмертной агонии, а во лбу существа зияло входное пулевое отверстие, откуда вместо крови сочился лиловый свет.

Есть вещи, которые отказывается воспринимать разум. Андрей был человеком реальности, и его отношение ко всякого толка мистическим практикам, различным религиозным сектам и прочим проявлениям всего *околоматериального* было в лучшем случае иронично-снисходительным…

Чему тогда следовало верить в данный момент? Своим глазам, электронике флаера, или лучшим выходом из положения было немедленное бегство с места событий с последующим визитом к психиатру?

За него эту дилемму решили три призрачных существа.

Пока Андрей медлил в смятении, они обнаружили парящий на стометровой высоте флаер и разом обернулись, будто между ними существовала незримая информационная связь.

На мгновение фигуры застыли, а затем синхронно начали

подниматься вверх, поначалу так же медленно, как до этого брели по земле, а затем все быстрее и быстрее…

Андрей схватился за сенсорные джойстики ручного управления, резко уводя машину из точки парения, но это лишь отсрочило не сулящее ничего доброго столкновение. Три существа, промахнувшись, легко разминулись друг с другом и снова нацелились на флаер, словно были не призраками людей, а хищными птицами, вышедшими на привычную ночную охоту.

Андрей ничего не знал об их сущности, но нутром чуял – они просто так не отстанут… Подумав об этом, он резко увел машину в сторону, удаляясь от мегалитов Стоунхенджа в слабой надежде на то, что преследовавшие его существа каким-то образом зависимы от древнего сооружения.

Ничего подобного. Три фантома с легкостью последовали за ним, выказывая абсолютную свободу в выборе направления и полную независимость от породившего их источника.

Если их возможности ограничены потолком скорости света в атмосфере, мне не поздоровится… – подумал Андрей.

На борту флаера не было никаких средств защиты или нападения, стрелять из импульсного пистолета в призраков бессмысленно, в этом лейтенант Кречетов убедился еще на Элио при атаке блокпоста, оставался один разумный выход – бежать, пытаться скрыться от преследователей, но куда двигаться и что он будет делать потом, даже если сумеет оторваться от энергетических фантомов?

Выход внезапно подсказал на время исключенный из процесса управления автоматический блок.

По мере того как Андрей вслепую уводил машину от мегалитов Стоунхенджа, на картографическом мониторе открылись новые участки известной бортовому компьютеру местности, а вместе с этим возникла еще одна, не отображавшаяся ранее курсовая линия, – проследив за ней, Андрей увидел, что она ведет к точке, подле которой читалось уже знакомое название «Нью-Грандж».

Из огня да в полымя? – подумал он, вспомнив, что читал об этой древней постройке, но ведь дядя летал туда, судя по появившейся курсовой нити?

Да, – ответил он сам себе, в третий раз уклонясь от прямой атаки непонятных существ, – *бывал и в конце концов получил тепловой разряд в лицо…*

* * *

Для лейтенанта Кречетова ситуация выглядела угрожающей и парадоксальной одновременно.

Его атаковали, это уже не требовало никаких доказательств, но существа, от которых исходила угроза, никак не вписывались ни в мир материальных тел, ни в привычные понятия Андрея.

Однако в сути явления стоило разобраться чуть позже. Чтобы разминуться с призрачным контуром человеческого тела, не уступающим по скорости флаеру, Андрею пришлось бросить машину вниз и в сторону. Совершая рискованный маневр на ручном управлении, он едва не врезался в старую опору линии электропередачи, чья решетчатая конструкция внезапно возникла из тьмы.

Мозг Андрея работал лихорадочно. Ясно, что столкновение с призраком приведет к холодному электромагнитному взрыву, который не убьет человека, но выведет из строя всю электронику машины. Но, учитывая, что флаер двигается на приличной скорости, придерживаясь коридора высот в двести – двести пятьдесят метров, такой оборот событий станет гибельным не только для электроники…

Из опыта короткого боя на Элио Кречетов знал, что против подобных существ нужно действовать энергетическим оружием, а в его распоряжении была лишь импульсная «гюрза»…

Бегло осмотрев приборные панели флаера, он заметил, что тот оснащен мощным прожектором, панель управления которым располагалась напротив пассажирского кресла.

Не лазер, конечно, но если узко сфокусировать луч, то можно хотя бы отогнать эти невесть откуда взявшиеся создания режущим мрак клинком света.

Если они состоят из электромагнитного поля сложной структуры, о чем недвусмысленно свидетельствовало их внешнее сходство с людьми, то поток фотонов должен повлиять на их целостность… *Не зря же далекие предки верили, что солнечный свет убивает всех призраков,* – мелькнула в голове Андрея мысль, которая никогда не пришла бы ему в голову в обычных обстоятельствах.

Чтобы эффективно управлять прожектором, он должен был покинуть кресло пилота и переползти на сиденье пассажира.

Сама по себе операция не сложная, но ручное управление придется бросить, отдав машину во власть временно отстраненного автопилота.

А Фрайг с ним.

Призрачные фигуры опять опасно приблизились, не собираясь отставать, и выбора фактически не осталось.

Быстро пробежав пальцами по сенсорной клавиатуре, Андрей вернул полномочия блоку автоматического пилотирования, включив режим сложных метеоусловий, рассчитывая на то, что автоматика станет уклоняться от столкновений со светящимися объектами.

Он не ошибся – машина тут же вошла в крутой вираж, огибая невидимое глазу препятствие и одновременно уклоняясь от не опознанных автоматикой объектов.

Куда автопилот поведет машину, Андрей не знал – перебираясь в соседнее кресло, он был занят другими проблемами, – в данной ситуации ему было достаточно того, что он по-прежнему удалялся от центра мегалит-парка и древнего сооружения, породившего этих непонятных энергетических фантомов.

Пристегнувшись к креслу пассажира, он несколькими касаниями сенсоров активировал бортовой прожектор, и мощный яркий конус света разрезал тьму прямо по курсу машины, контрастно высветив руины высотных зданий и освещая проносящуюся внизу землю бледным, рассеянным отсветом.

Три фантома, скользившие во мраке позади флаера, немного отстали, и Кречетов, бегло оценив расстояние до них, решил, что у него есть пара минут на отладку своего импровизированного оружия. Вопреки его опасениям автопилот машины хорошо справлялся с задачей, уводя флаер в сторону от города, куда Андрей умудрился залететь, следуя слепым курсом на ручном управлении.

Оглянувшись назад, он заметил, как один из фантомов задел угол здания с обрушившимся фасадом, и понял, что энергетика этих существ намного сильнее, чем он предполагал. Взаимодействуя с ними, не только воздух начинал испускать вторичное излучение, выдавая проекционный контур фигур. Не среагировав на препятствие, фантом неожиданно напоролся на длинную металлическую балку, торчащую из руин здания на высоте около семидесяти метров, и в сумраке внезапно сверкнула яркая вспышка, во все стороны полетели искры, а кусок металлической конструкции, отделившись от здания, рухнул вниз, сверкая уродливым, вишнево-красным от нагрева, отрубленным торцом.

Этот жутковатый наглядный пример заставил Андрея действовать быстрее. Он сузил фокусировку прожекторного луча, превратив его из рассеянного конуса в столб, а затем в ослепительный напряженный луч,

свет которого резал глаз и отражался на руинах полуметровым нестерпимо белым пятном.

Флаер под управлением автоматики опять начал маневр набора высоты с одновременным уклонением от прежнего курса. Угол поворота прожекторного луча охватывал всю полусферу по курсу машины, и несколько отставшие фантомы оставались до этой секунды вне пределов его досягаемости, но, ложась на новый курс, автопилот машины оказал Андрею неоценимую услугу – три светящихся во мраке создания вдруг очутились на левом траверсе, и Кречетов не замедлил воспользоваться этим, резко потянув сенсорный рычаг управления пространственным положением прожектора.

Узкосфокусированный ослепительный луч, похожий на пылающий перст титана, полоснул по чернильным небесам, перечеркнув при этом одну из призрачных фигур.

Казалось, что на мгновение ночь превратилась в пасмурный день, – Андрей уже видел нечто подобное на Элио, во время атаки на его блокпост. Небеса вдруг озарились вспышкой яркого голубоватого света, земля на миг показала все подробности скрытого во мраке рельефа, и в следующий миг слух уловил тревожный сигнал.

Взглянув на приборы флаера, он понял, что вся электроника машины выведена из строя и его летательный аппарат падает.

Андрей не рискнул отстегнуться от пассажирского кресла, предчувствуя гибельный удар о землю, но этого не произошло – секунду спустя машина, натужно взвыв двигателями, вдруг резко задрала нос, вновь набирая высоту, – это включились резервные, аварийные цепи автоматического управления.

От мгновенной перегрузки у Андрея помутилось в глазах, а когда черные круги начали рассеиваться, на флаер со стороны кормовой части вдруг обрушился страшный неожиданный удар.

Земля и небо несколько раз стремительно поменялись местами, в кабине резко пахнуло гарью, а затем он ощутил холодный ток свежего воздуха.

Оглянувшись, Андрей увидел огромную дыру в хвостовой части. Срез металла источал вишневое свечение, какие-то предметы вываливались из багажного отделения и падали во мрак, облицовочные панели чадили, истекая вонючим дымком, но это была лишь малая часть бед. Внезапно в недрах машины раздался резкий, режущий по нервам скрежещущий звук, и вслед наступила звонкая, зловещая тишина.

Флаер с изуродованной кормой автоматически выпустил последнее

средство аварийного спасения – из его бортов выдвинулись короткие, специально сконструированные для планирования крылья, оба двигателя заглохли, на панели управления светилось лишь несколько сиротливых тревожных огней, свидетельствующих о критическом повреждении корпуса и систем турбореактора, однако машина не падала, а плавно снижалась в направлении какого-то огромного, похожего на холм или курган сооружения.

Очевидно, автопилот, несмотря на вынужденные рыскания, все же придерживался той курсовой нити, которую Андрей видел на картографическом дисплее в момент передачи управления, и теперь машина снижалась над каменистой пустошью, расположенной у основания непонятного холмообразного сооружения.

Два призрака неторопливо следовали за изуродованной машиной, не приближаясь к флаеру, но и не отставая от него.

Удар о землю оказался жестким, но Андрей бывал и не в таких переделках. Он заранее сгруппировался, а грамотно сконструированное кресло вкупе со страховочными ремнями не дали динамическим силам, раздирающим металл, причинить человеку серьезных увечий – он лишь на миг потерял сознание, когда машина врезалась в каменистую почву и по инерции пропахала в ней глубокую борозду…

Очнувшись, Кречетов услышал, как в зловещей тишине в углубление осыпается гравий. Отстегнувшись, он толчком распахнул дверь, не чувствуя в этот момент боли в одеревеневшем теле, которое наверняка превратилось в сплошной кровоподтек от резких запредельных перегрузок и жесткого динамического удара при крушении. Выбравшись из изувеченного флаера, он увидел край глубокой борозды, а над ней подсвеченную неведомым источником огромную вывеску:

«Нью-Грандж».

Автопилот машины перед крушением вывел его ко второй древней постройке, подробное описание которой приводилось в рукописи профессора Кречетова. Это не было совпадением – получив управление в свои руки, автоматика направила машину к ближайшей внесенной в базу данных курсовой точке, где, следуя логике, профессор бывал не реже, чем в своем старом доме…

Все эти мысли промелькнули в голове Андрея, пока он карабкался по предательски осыпающемуся склону. Выбравшись наконец из длинной борозды, в конце которой бесформенной мятой грудой металла застыл его летательный аппарат, он огляделся и увидел, что два призрачных существа также опустились на земную твердь и вновь побрели в разные стороны,

словно они больше не видели цели…

Чувствуя, что его силы на исходе, Андрей, пошатываясь, направился к мегалитам Нью-Гранджа, вспомнив по описанию, что внутри кургана, окруженного каменными глыбами, есть какие-то помещения…

* * *

Оказавшись внутри исполинской постройки, Андрей почувствовал себя немного увереннее. Сейчас он преследовал одну цель – уйти подальше от энергетических призраков, которые на земной поверхности проявляли странную апатию и дезориентацию. Ему казалось, что стены древнего сооружения укроют его от внимания двух непостижимых для разума существ.

Пройдя по длинному, явно проложенному при помощи современных строительных средств коридору, Кречетов оказался в огромном куполообразном зале, потрескавшийся свод которого подпирали железобетонные крепежные столбы, а вот пол, выложенный из неровных каменных плит, показался ему неимоверно древним.

В центре зала высилось какое-то сооружение, издали не похожее на привычные каменные ансамбли.

Подойдя ближе, Андрей опять испытал секундное замешательство, хотя казалось, что после необъяснимых бурных коллизий вечера и ночи ему уже нечему удивляться…

На шероховатых каменных плитах в центре древней площадки стоял малогабаритный космический корабль класса «Нова».

Это была очень дорогая и надежная машина – редкое сочетание изящества, комфорта, функциональности с малыми размерами и мощью двигательной установки. Подобные аппараты, как правило, составляли неизменный атрибут богатых, преуспевающих людей. «Нова» являлась чем-то вроде визитной карточки владельца, подчеркивающей его высокий социальный статус…

Заинтригованный и настороженный Андрей подошел ближе, заметив, что легко узнаваемые обводы машины, сочетающей в себе функции малого космического корабля и атмосферного флаера, на самом деле изменены. В кормовой части «Новы» имелись нехарактерные вздутия обшивки, которые, судя по форме, скрывали дополнительные секции гиперпривода, под днищем, меж телескопических опор, выступали, нарушая эстетику обтекаемых форм, дюзы жидкотопливных реактивных двигателей, а по

бокам у основания коротких атмосферных крыльев были закреплены турбины воздушной тяги…

Андрея откровенно озадачила эта вызывающая, бросающаяся в глаза нестандартная компоновка, которая совершенно не сочеталась с основной функцией корабля данного класса. «Нова» являлась надежным и респектабельным средством передвижения для богатых, влиятельных людей, но внесенные кем-то усовершенствования превратили изящный корабль в некий гибрид, оснащенный мощными, но примитивными силовыми установками, более уместными для оснастки боевого десантного модуля…

Все происходящее уже не воспринималось Андреем как стечение обстоятельств, и потому, преодолев замешательство, он направился ко входу в шлюзовую камеру корабля.

Подойдя вплотную к странной машине, он некоторое время смотрел на ее отдельные детали, пытаясь определить истинное предназначение видоизмененного аппарата, а потом вдруг подумал, что установить его тут мог только покойный профессор.

Нью-Грандж и Стоунхендж особо упоминались в его записях – профессор отмечал, что две эти постройки единственные не претерпели пространственного перемещения, – все остальные мегалиты парка были свезены на его территорию из разных концов земного шара, оторваны от исторически связанных с ними мест, а значит, потеряли свой практический смысл…

Исходя из этих соображений еще в начале своей карьеры молодой ученый обозначил их как потенциальные места для исследования, – он хотел выяснить, не проходит ли через древние постройки вертикаль аномалии, принадлежащая собственно Земле. Он полагал, что если это будет доказано, то из Стоунхенджа и Нью-Гранджа возможен старт в гиперсферу прямо с поверхности планеты, без предварительного перемещения в зону космического пространства, удаленную от гравитационного влияния небесных тел.

Рассматривая гибридный корабль, Кречетов задал себе закономерный вопрос: не является ли переоборудованная «Нова», установленная на каменных плитах древнего зала в центре Нью-Гранджа, прямым доказательством того, что профессор в результате своих работ нашел полное подтверждение осторожным гипотезам юности? Возможно, перед Андреем сейчас высится «материальный итог» тех изысканий, которые не вошли в издание книги?

Такой вывод напрашивался сам собой, оставалось лишь понять,

почему данная информация была скрыта и что в конечном итоге привело профессора к гибели.

Андрей еще раз окинул взглядом непонятный аппарат, и его рука непроизвольно потянулась к углублению сканера, расположенного рядом с люком шлюзовой камеры.

Если по сравнительному анализу его ДНК автоматика полицейского управления мегаполиса Россия с уверенностью идентифицировала труп профессора Кречетова, то не сработает ли сейчас сходство его и дядиного геномов?

Наложив ладонь на пластиковый контур руки, Андрей выждал несколько секунд, ощущая легкое покалывание на своей коже, и…

Плотно запертый люк внезапно дрогнул и открылся, скользнув в толстую обшивку корабля.

Теперь у него уже не осталось никаких сомнений в том, что корабль действительно принадлежал покойному профессору, – он купил «Нову», заказав на заводе-изготовителе необычную комплектацию силовых установок исходя из каких-то запредельных условий вероятной эксплуатации корабля.

Именно на эту покупку были истрачены деньги, полученные им за издание фундаментального научного труда…

* * *

Внутри корабля сразу за шлюзовой камерой начинался длинный коридор, который освещало несколько секций потолочных панелей. Стандартная планировка «Новы» предполагала наличие на борту четырех кают, медицинского модуля и небольшого салона, но, осмотревшись, Андрей заметил, что стены коридора содержат лишь технические люки – значит, все место за переборками занимало какое-то дополнительное оборудование, и лишь в самом конце прохода взгляд различил три двери.

Одна из них действительно вела в небольшую каюту, вторая – в складское помещение, а третья, расположенная прямо, – в пилотажный отсек.

Бегло осмотрев бытовое помещение и склад, Кречетов вошел в рубку. Этот корабль с первого момента не уставал удивлять его. Обойдя противоперегрузочный пилот-ложемент с единственным креслом, установленным посередине сложной конструкции, Андрей взглянул на приборные панели и смог только покачать головой. Большая часть

оборудования ничего не говорила ему о своем предназначении, хотя Андрей повидал немало весьма специфичных устройств.

Перед креслом на выдвинутой плоской панели лежал переносной компьютер с встроенным программатором, какой обычно используется для предварительной разметки курса.

Сев в кресло, Кречетов активировал ноутбук.

Шлейфы, тянувшиеся от него к блокам управления, были подключены в специальные разъемы, связанные с комплексом систем автоматического пилотирования.

Взглянув на осветившийся монитор ноутбука, Андрей увидел грубую карту местности, исполненную вручную при помощи графического редактора. У него сразу же создалось впечатление, что покойный профессор рисовал ее сам, основываясь на каких-то обрывочных сведениях. В некоторых местах схематичная карта походила на детские каракули – чего стоила, например, цепь наложенных друг на друга треугольников с подписью под ними: *«горы»*. Ниже условные значки обозначали лес, через который текла река, а прокрутив карту, Андрей нашел на ней еще несколько отметок в виде обыкновенных кружков. Одни были обозначены подписями: *«город»*, иные, обведенные двойным красным кругом, оказались обозначены вопросительными знаками. Очевидно, красное подчеркивание означало опасность.

Глядя на схематичный план местности, Андрей глубоко задумался, на минуту забыв о своих преследователях и связанных с их появлением ночных злоключениях.

Художник из дяди был, мягко говоря, «никакой», но Андрея встревожила не примитивность исполненного от руки плана, а вопрос – откуда профессор взял информацию о данном месте? Побывал ли он там лично или рисовал с чьих-то слов? А быть может, информация была передана ему таким же нетрадиционным путем, как и самому Андрею в ту памятную ночь, когда ему явился странный круг из девяти существ, скрывавших свое обличье под мешковатыми балахонами?

Элемент мистики, постоянно довлеющий над событиями последних дней, не давал сосредоточиться и мыслить здраво. Разум Кречетова вторгся в область, которую он всегда считал недостойным внимания вымыслом, но события на Элио и их стремительное продолжение на Земле опровергали многие устоявшиеся понятия, превращая твердую жизненную позицию в шаткие, ненадежные мостки, пролегающие над бездной неизведанного…

В связи с этим стесняющим разум обстоятельством логика начинала работать лишь при серьезных допущениях из той области знаний, которую

лейтенант Кречетов не воспринимал всерьез… Его материалистическая позиция была проста: Андрей отчетливо понимал, что корни большинства религий и мистических верований терялись во тьме веков, в том периоде, когда формировавшийся на Земле человеческий разум еще не мог объяснить большинства явлений с научной точки зрения и потому приписывал их действию мифических сил. Не в состоянии верно истолковать протекающие вокруг физические и химические процессы, люди придумывали для себя целые пантеоны богов – добрых и злых, населяли землю и небо духами, демонами и прочими существами, которых никто и никогда не видел воочию.

Хотя нет… – мысленно поправил себя Андрей, подразумевая не сегодняшние ночные события, а недавно открывшийся исторический факт, свидетельствующий о посещении Земли логрианами три миллиона лет назад, в период технического расцвета расы двухголовых ксеноморфов. Ксенологи тут же сопоставили новую информацию с мифологией древних народов и нашли массу упоминаний о логрианах, образ которых, обрастая мифическими подробностями, постепенно трансформировался в легендарных двух– и трехглавых драконов, упоминания о которых присутствовали в эпосе большинства народностей Земли.

Означало ли это, что под каждым элементом тех или иных верований или в дошедших до наших дней упоминаниях о мистических явлениях действительно скрывалось погребенное под вымыслом и преувеличениями рациональное зерно истинно происходивших событий?

Это был сложный вопрос, на который у Кречетова не могло найтись немедленного, однозначного ответа. Чего стоили одни злоключения сегодняшней ночи, когда на территории древнего сооружения внезапно появились три энергетических существа.

Вспомнив про них, Андрей кинул косой взгляд на работающие экраны внешнего обзора, но вымощенная каменными плитами древняя площадка была пуста.

Успокоившись, он вернулся к плану местности, который демонстрировал монитор ноутбука.

Поверх коряво нарисованных деталей рельефа тянулась прямая изумрудно-зеленая нить, какой обычно обозначают курс для систем автоматического пилотирования. Начинаясь в произвольной точке карты, она вела к условному обозначению гор, среди острых вершин которых была схематично изображена ровная площадка – очевидно, тут подразумевалось горное плато, посреди которого был изображен небольших размеров бугорок – видимо, холм…

У Андрея начали возникать определенные ассоциации.

Холм… Горы… Ровное каменистое плато… Уж не оттуда ли к нему явились загадочные, вторгшиеся в сон существа?

Ну вот… – подумал он… – *Теперь и я начинаю мыслить, принимая его за данность…*

Однако при всей подсознательной неприязни к профессору считать его глупцом или маразматиком Андрей не мог. Он обладал неоспоримым доказательством того, что до последней минуты своей жизни дядя находился в здравом уме и твердой памяти, более того, опубликовав триумфальный научный труд, он продолжил работу над темой аномалии космоса…

Андрей опять вернулся к рисунку. Он пытался понять, насколько функционален данный план местности. Мог ли он действительно нести в себе конкретную программу для автопилотов?

Внимательно присмотревшись к изумрудной линии, он нашел наконец недостающее звено – маленький текстоглиф[2], значение которого было хорошо известно Андрею. Этот символ обязывал системы автоматического пилотирования следовать к точке, расположенной среди горного массива, вне зависимости от того, где будет осуществлен вход в атмосферу планеты. Теперь становилась ясна логика рисунка.

Кибернетической системе указывались приблизительные ориентиры в виде гор, лесного массива, реки и нескольких населенных пунктов, часть из которых следовало избегать. Оказавшись в условиях реальной местности, автоматике вменялось в обязанность начать облет территорий, пока не будет опознано указанное сочетание примет, а затем, опознав ориентиры, двигаться к горному плато, где и следовало осуществить посадку.

Пусть дядя был скверным художником, но с логикой у него было все в порядке, – подумал Андрей, перенося внимание со схемы на приборные панели.

Часть из них относилась к гиперсферному пилотированию и была вполне узнаваема. Среди средств контроля выделялась знакомая полусфера масс-детектора – прибора, работающего исключительно в аномалии и предназначенного для обнаружения линий силового напряжения гиперсферы.

Чуть левее на отдельную консоль была вынесена панель управления оружием. Оказывается, гибридный аппарат был оснащен двумя импульсными инфракрасными лазерами, один из которых располагался над рубкой, а второй – под днищем. Установки когерентного излучения имели

свободу вращения в пределах трехсот шестидесяти градусов и, действуя в комплексе, обеспечивали полный сектор обстрела верхней и нижней полусфер. Такое грамотное, а если говорить точнее – идеальное расположение энергетического оружия говорило о том, что в конструировании аппарата принимал участие высококлассный специалист по вооружению.

Постепенно, шаг за шагом вникая в устройство приборных панелей, Андрей пришел к убеждению, что аппарат готовился для *непредсказуемых* условий полета, словно специалист, занимавшийся переоборудованием серийной «Новы», мог лишь догадываться о том, как будет проходить дальнейшая эксплуатация корабля…

Занимаясь изучением приборных панелей, Андрей ни на секунду не забывал о преследовавших его флаер фантомных существах. Он то и дело поглядывал на экраны внешнего обзора, которые неизменно демонстрировали замкнутое, тесное пространство подземелья, и постепенно его тревога сменилась недоумением – вызывающая странность окружающей обстановки заставила Кречетова задуматься: зачем космический корабль был помещен в замкнутое пространство древней пещеры, расположенной в глуби кургана? Скрыть его от посторонних глаз можно было более простым способом, например установив в ангар…

В конце концов, неужели профессор всерьез считал, что можно совершить прыжок в аномалию прямо из этого зала? – подумал Андрей.

Все подводило именно к такой мысли, но, чтобы выяснить истину, следовало активировать не отдельные приборы, которые функционировали в режиме пассивного ожидания, а весь комплекс кибернетических систем, – только по информации, которую содержал бортовой компьютер «Новы», можно было с точностью определить, каким образом покойный профессор собирался использовать переоборудованный корабль.

В этот момент, глядя на ноутбук, Андрей заметил торчащий из-под него краешек листа.

Что это? – Он потянул за уголок, извлекая на свет обычный лист пластбумаги, на котором оказалась изображена та же самая схема, что по-прежнему демонстрировал монитор, только символы, начерченные в явной спешке, были корявыми, а внизу листа имелось несколько рукописных строк с восклицательными знаками в конце:

Опасаться храмовников!..

Они говорят, что есть… – дальше шел пробел, за ним красный кружок и опять восклицательный знак.

Нужен пилот… я не смогу посадить корабль в таких условиях!

Пометки были сделаны дядиным почерком, причем первые две строки писались в спешке, а последняя скорее походила на резюме…

Что бы это могло значить? – задумался Андрей. – *Кто такие «храмовники», почему перед красным кружком отсутствует поясняющее слово и что имел в виду профессор, оставляя столь категоричный вывод в нижней части листа?*

Зачем аппарату класса «Нова» пилот, когда тут все автоматизировано? – продолжал размышлять он, покосившись на устройства ручного управления, которые были смонтированы рядом с креслом, на специальных дугообразных консолях, дублирующих основной пульт. Астронавигационные рули, сопряженные с жидкотопливными реактивными двигателями, показались ему в этот момент излишней перестраховкой. Не стоило забывать, что базовая, серийная модель данного корабля предназначалась для людей, которые имели лишь общее представление об искусстве пилотирования. В силу этих причин бортовой компьютер любой «Новы» по праву считался сверхнадежным…

…Размышляя над этими странностями, Андрей ввел в память автопилотов нарисованную дядей схему вкупе с программой и отключил шлейфы переносного компьютера.

Убрав его, чтобы не мешал работе, он задвинул подставку, подогнал кресло под свою фигуру и привел в движение пилот-ложемент, расположившись так, чтобы приборные панели обтекали его со всех сторон.

Реактивация…

Экраны обзора на миг погасли, потом зажглись вновь, по панелям управления пробежала целая гамма контрольных огней, свидетельствующих о тестовом включении множества систем, но главная информация, ради которой он производил перезапуск, отразилась на центральном мониторе.

Там на нейтральном фоне ритмично мерцала одна-единственная команда, шифрованная коротким словом:

«ВЕРТИКАЛЬ».

Разум Андрея, конечно, обладал гибкостью восприятия, да и подсознательно Кречетов ожидал увидеть нечто подобное, но в первую секунду он все же не поверил своим глазам.

Прыжок в гиперсферу прямо с поверхности планеты, с последующим скольжением вдоль вертикальной линии напряжения к тому таинственному, гипотетическому центру, где сходятся воедино миллиарды подобных линий, идущих от всех без исключения звездных систем Галактики?!

Не рано ли он отверг мысль о старческом безумии профессора?

Надпись на дисплее настойчиво моргала: для запуска программы ему было достаточно коснуться сенсорной кнопки с символом «ввод», и…

Нет… – подумал Андрей. – *Я в такие игры не играю…*

Мысль была здравой, логичной, но иногда возникают обстоятельства, фатальное стечение которых способно раздавить любое здравомыслие…

Тихо взвизгнул какой-то предупреждающий сигнал.

В замешательстве Кречетов поднял взгляд к обзорным экранам и вдруг увидел, как в зал через единственный проход направляются два уцелевших в безумной ночной гонке энергетических существа…

Андрей едва успел осознать факт их появления, как на одной из вспомогательных консолей «Новы» внезапно заморгал злобный индикационный сигнал, на центральном информационном дисплее промелькнула и исчезла надпись, сообщавшая об автоматической активации систем защиты, и в следующий миг из-под днища корабля ударил инфракрасный лазер.

Импульсы когерентного излучения прошили ведущий в зал тоннель, породив в нем нестерпимую для человеческого глаза вспышку, что-то глухо, угрожающе зарокотало, от растрескавшегося каменного свода вниз посыпался щебень, и в тот же миг заработала лазерная установка верхней полусферы, посылая веер разрядов по второму призрачному существу, которое успело пересечь порог замкнутого помещения.

Опомнившись, Андрей резко протянул руку, отключая автоматическую систему ведения огня, но было поздно: два подпирающих свод железобетонных столба, разрубленные лазерным залпом, вдруг накренились, тяжко рухнув вниз, а вслед, едва не задев обшивку «Новы», с адским грохотом обвалилась каменная плита весом в несколько тонн.

Обзорные экраны заволокло взметнувшимися клубами пыли, что-то с глухим стуком забарабанило по обшивке корабля, и Андрей понял: еще пара секунд промедления, и внутрь куполообразной пещеры обрушатся сотни тонн земли…

Вертикаль…

Десять энергетических уровней аномалии космоса, откуда еще не вернулся ни один специально оснащенный автоматический корабль-разведчик… место, о котором не существовало даже догадок…

Быть заживо погребенным под обломками корабля или… – его мысль оборвалась, потому что для бортового компьютера «Новы» в данной ситуации не существовало никаких дилемм. У кибернетической системы имелся свой взгляд на оправданность тех или иных действий… и надпись

«ВЕРТИКАЛЬ», настойчиво моргавшая на центральном дисплее, внезапно погасла…

Андрей успел заметить лишь мертвенно-бледный свет, который полыхнул на экранах внешнего обзора, прежде чем их затопил абсолютный мрак.

Он не испытал никаких перегрузок, не было ощущения полета, только моргнуло освещение рубки да вмонтированная в центральную панель управления полусфера масс-детектора внезапно покрылась сложным узором трепещущих силовых линий.

Кречетова, вышедшего живым из десятков боев, вдруг охватила паника.

Его корабль находился в гиперсфере и, подчиняясь заложенной программе, уже пронзил первый энергетический уровень аномалии, соскальзывая вдоль ярко-изумрудной линии, проходящий через центр полусферического монитора масс-детектора.

Это была ВЕРТИКАЛЬ…

Часть 2. ВЕРТИКАЛЬ

Глава 4

Пространство гиперсферы.

Через минуту после головокружительного старта «Нова», продолжая разгон вдоль вертикальной силовой линии, пересекла границу третьего энергетического уровня аномалии.

Обзорные экраны демонстрировали абсолютный мрак.

Андрей окаменел от напряжения, не прерывая работы автоматических систем. У него хватило рассудка, чтобы осознать пагубность любого вмешательства в работу автопилотов. Третий энергоуровень аномалии был доступен лишь специально оборудованным транспортным судам, обладающим мощной силовой защитой, а у его суденышка не было даже намека на генераторы защитного поля. Главным преимуществом «Новы» являлась скорость, но классическая теория аномалии утверждала, что с погружением в гиперсферу понятия «время», «скорость» и «расстояние» постепенно, от уровня к уровню, теряют свой смысл. Все три физические величины стремились к нулю, и Кречетов, не имея возможности перевести «Нову» в горизонтальный полет, лишь нервно сглатывал, ожидая, что произойдет дальше.

Вспышка…

Цифра в окошке индикатора меняется, силовые линии в полусфере масс-детектора сходятся ближе друг к другу, в точности как на исполненных от руки рисунках профессора.

Четвертый энергоуровень. Здесь побывали несколько кораблей-разведчиков.

Вспышка…

Скорость гиперпространственных переходов, которую демонстрировал маленький корабль, казалась невероятной. Андрей не испытывал при этом никаких перегрузок, возрастала лишь внутренняя тревога, подсознательное ожидание катастрофы, ведь окружающее его пространство наполняли энергии такой напряженности, что в них сгорали самые современные исследовательские зонды…

Пятый энергоуровень…

Вспышка…

Думать о том, куда он попал, стало по-настоящему страшно. Здесь еще не бывал никто, хотя отличие от предыдущих вложенных друг в друга

пространств заключалось лишь в том, что линии на масс-детекторе сошлись еще ближе…

Вспышка…

Обзорные экраны на доли секунды показывают блик, отраженный от плоскости скошенных крыльев космического аппарата, давая возможность воочию убедиться, что они не оплавлены, – возрастающее напряжение энергетических полей аномалии не успевает вступить во взаимодействие с крохотным материальным телом, которое стремительно пронзает их, наглядно иллюстрируя необычное вступление к последнему научному труду профессора Кречетова.

Восьмой энергоуровень…

Андрей оцепенел в кресле пилот-ложемента, не смея оторвать глаз от полусферы масс-детектора, где отдельные линии напряжения гиперсферы стали сливаться друг с другом, образуя толстые энергетические жгуты.

Их сеть, распределенная в пространстве аномалии, стала настолько тесной, что проскочить сквозь нее казалось делом невозможным, однако автопилот «Новы» имел свой взгляд на данную проблему.

Еще один зримый всплеск энергии, выработанной генераторами высокой частоты, озарил экраны, и «Нова» перешла на девятый уровень, по-прежнему следуя вдоль вертикальной линии погружения.

Сердце Андрея замедлило темп ударов. Через мгновение он достигнет последнего, десятого уровня, и что потом? Устремится ли его корабль прежним курсом, пронзая энергоуровни в обратном порядке, чтобы выйти в трехмерный космос на диаметрально противоположной окраине галактического диска, или…

Последний гиперпереход оказался стремительнее, чем мысль…

У Андрея вырвался невольный возглас изумления.

Он находился в центре мироздания, внутри самой малой по объему энергетической сферы, и тут, впервые за всю практику гиперсферной навигации, человеческий глаз увидел свет.

В пространстве аномалии всегда царил абсолютный мрак. Свет на краткие мгновения превносили в него космические корабли в моменты осуществления прорыва на тот или иной уровень, а тут обзорные экраны внезапно затопило неяркое голубое свечение, имеющее зримый источник. Им являлась дискообразная, вспухающая посередине и истончающаяся по краям туманность с ярко выраженными спиралевидными завихрениями…

Сгусток голубого сияния разительно походил на миниатюрную копию родной Галактики… Андрей невольно бросил беглый взгляд на приборы и понял, что горизонтальная сеть линий исчезла из полусферы масс-

детектора, остались лишь вертикали, которые вливались в сияющий диск со всех сторон и растворялись в нем, как реки, впадающие в океан…

…Кречетов был потрясен до глубины души. Внезапно открывшаяся перед ним реальность должна была вызывать ужас, ощущение безвыходности, но на самом деле происходящие события уже перешагнули границы человеческого страха – все инстинкты на время утихли, подавленные необычайным возбуждением разума.

Это длилось несколько мгновений, а потом внезапно наступил мрак…

Андрей не успел ничего понять, только запоздало накатила жуть в тот миг, когда разом погасли все экраны внешнего обзора, отключилось освещение рубки и он остался в кромешной темноте.

Не горел ни один сигнал на консолях пульта управления; он испытал внезапное ощущение невесомости, почувствовал давление страховочных ремней, не давших его телу всплыть над креслом пилот-ложемента, и вдруг…

Необычайные коллизии следовали одна за другой, не давая ни опомниться, ни по-настоящему испугаться…

Тускло вспыхнул, разгоняя навалившуюся со всех сторон тьму, небольшой информационный дисплей. Андрей резко подался вперед, считывая появившиеся на экране строки:

«Внимание! Достигнут пик сверхсопротивляемости проводников. Электропитание неосуществимо, реактор заглушён в аварийном режиме, активирован фотонный сопроцессор, накачка микролазеров производится из забортных источников света.

Пилоту рекомендовано перейти на ручное управление. Ожидаемое время включения информационных подсистем – минус пять минут».

Холодный пот щекотливыми струйками сбегал по спине.

Никогда в жизни, ни в одном бою Андрей не испытывал такого стресса.

Кто мог предположить, что надежнейшие системы «Новы» вдруг разом превратятся в мертвые, бесполезные муляжи, как только корабль проникнет в пространство последнего энергетического уровня гиперсферы?

Электрический ток либо вовсе не вырабатывался генераторами, либо иссякал, не доходя от источника к потребителю, – только так можно было истолковать полученное от дублирующего компьютера сообщение.

Теперь Андрей уже не сомневался, что профессор был отлично осведомлен о свойствах пространства десятого уровня – это доказывал включившийся фотонный сопроцессор, который не зависел от наличия

электропитания, источником энергии для него являлся свет, но даже эта предусмотрительность не спасала положения: микролазеры могли лишь кодировать информацию, обрабатывать ее, передавать визуальные данные… но не более того.

Корабль по-прежнему оставался мертв, в том плане, что на борту не работал ни один микродвигатель, управляющий механическими подсистемами, к тому же отключились все сенсоры, связанные с потемневшей полусферой масс-детектора, который являлся основным прибором гиперсферной навигации…

Андрей понимал, что в данный момент «Нова» медленно дрейфует в аномальном пространстве и не было никаких гарантий, что корабль в ближайшие минуты вдруг не пересечется с одной из вертикальных линий напряжения…

…Нарушая ход его мыслей, под сводом рубки управления тускло подсветился сиротливый плафон, и из плотного сумрака тут же проступили очертания обесточенных приборных панелей.

Их вид угнетал, но ситуация уже не казалась Андрею столь безвыходной, как несколько минут назад. Дублирующие системы, связанные оптиковолоконными кабелями с забортными датчиками, медленно оживали, и спустя какое-то время в рубку проник голубоватый свет – это заработали экраны внешнего обзора, но картинка на них оставалась размазанной, нечеткой: требовалось время, чтобы зарядились фотонные накопители и появилась прежняя контрастность изображения.

Минуту спустя на дугообразных панелях, где располагались органы ручного управления, осветились еще два монитора. Один тут же заполнила объемная координатная сетка, связанная с сенсорами лазерных дальномеров, а второй пока оставался пуст – по-видимому, он служил для вывода текстовых и цифровых сообщений фотонного вычислительного устройства.

Нужно было брать ситуацию в свои руки, причем немедленно, пока не случилось очередной непредсказуемой неприятности…

Подумав об этом, Андрей подтянул к себе две необычные панели управления. Когда они коснулись подлокотников кресла, раздался характерный щелчок фиксаторов, и от них отделились две подпружиненные штанги, оканчивающиеся рукоятками.

Это были астронавигационные рули весьма необычной конструкции: их оплетало множество тросиков, свитых в толстые жгуты, которые сквозь специальные отверстия уходили в недра пилот-ложемента. В отсутствие электропитания ручное управление основывалось на чистой механике:

Андрей быстро сообразил, что, двигая рычагами, он может ориентировать положение сопел реактивной тяги, а расположенные под ногами педали, по всей вероятности, открывали доступ компонентам самовоспламеняющегося топлива в камеры сгорания реактивных двигателей правого и левого борта соответственно…

Кроме перечисленных приспособлений, на астронавигационных рулях имелись механические переключатели рычажного типа, снабженные лаконичным пояснением: «космос» и «атмосфера».

Осмотрев доступные органы управления, он немного успокоился.

При наличии телескопического обзора и системы лазерного сканирования Андрей мог управлять кораблем – однажды он уже побывал в подобной ситуации. При высадке их подразделения на Терраин были убиты оба пилота десантно-штурмового модуля, а бортовой компьютер вышел из строя из-за множественных повреждений энергоцентралей, – тогда лейтенанту удалось посадить изувеченный модуль на поверхность планеты, но то был реальный, физический космос, а куда он должен лететь сейчас, находясь в самом центре «Великого Ничто»?

Мысли Кречетова перескакивали с одной проблемы на другую в поисках выхода из создавшейся ситуации.

Сразу же вспомнился лист пластбумаги с начерченной от руки картой. Андрей оглянулся и увидел, что тот парит в невесомости недалеко от кресла. Протянув руку, Кречетов поймал его и закрепил за обод информационного экрана, подумав при этом, что покойный профессор не мог самостоятельно предугадать произошедшие с автоматикой корабля коллизии – его кто-то предупредил об аномальном воздействии пространства десятого энергоуровня, а значит…

Он поднял взгляд к экранам телескопического обзора, которые уже работали в режиме нормальной контрастности изображения, и внимательно присмотрелся к огромному дискообразному сгустку энергии.

Голубое свечение резало глаза, и тогда Андрей сосредоточил внимание на окружающем пространстве, глядя чуть выше плоскости эклиптики сияющей копии галактического диска.

Некоторое время он тщетно всматривался в размытую границу света и тьмы, пока вдруг не почувствовал, как нервная дрожь вновь охватывает тело: над расплывчатым краем туманности медленно двигалось светлое пятнышко, похожее на ущербный полумесяц…

Во имя Элио… Это была планета!..

* * *

Через полчаса, когда наконец заработали оптические умножители, стало ясно: планета не одна, девять небесных тел окружали сияющий сгусток, словно невероятное ожерелье. Нарушая все законы построения звездных систем, они обращались по одной орбите, на равном удалении от центра сияющей туманности.

Андрей не знал, как отнестись к этому открытию, – разумом он понимал, что в центре аномалии не могут присутствовать материальные тела, но оптика бортовых умножителей доказывала иное.

С каждой минутой пребывания в этом пространстве что-то менялось в душе Кречетова. Стремительный спуск по вертикали, в критические моменты низводящий разум до состояния шокового ожидания смерти, подвел к закономерному итогу: Андрей начал сопротивляться нарастающему стрессу, уже не так остро воспринимая внезапные потрясения.

…От экранов телескопического обзора его отвлекли цифры, появившиеся на вспомогательном дисплее, – это были данные лазерного сканирования. Фотонный сопроцессор запоздало сообщал пилоту, что корабль вышел в пространство десятого энергоуровня всего в четырех миллионах километров от поверхности ближайшего планетоида, и Андрей понял, что лишь глобальный сбой электронных систем не позволил ему сразу же заметить наличие небесных тел.

Зрелище уже не подавляло психику – оно казалось необычайно красивым и в то же время каким-то зловещим…

Направив умножители на расположенную ближе всех планету, он увидел характерные белесые разводы облачности, меж которыми явственно угадывалась более темная поверхность укутанного атмосферой мира.

Невероятно…

Оглянувшись, он посмотрел на экраны заднего обзора и увидел угольно-черную тьму гиперсферы: ни одной звезды в необозримой бездне, ни искорки света, ничего…

Наглядное сравнение двух разноликих пространств заставило его задуматься над создавшейся ситуацией.

Да, он остался жив после рывка через девять энергоуровней аномалии и теперь воочию наблюдал картины, не снившиеся ни одному астрофизику современности, но какие чувства он должен был испытывать, отдавая себе отчет, что генераторы «Новы» безнадежно мертвы и путь назад, вероятнее

всего, отрезан? Андрей не отчаивался, он всего лишь спрашивал себя: не был ли рассчитанный профессором прыжок билетом в один конец?

Мысль показалась ему абсурдной, заставила разозлиться на самого себя, и это чувство помогло собрать волю в кулак и принять решение.

Нужно идти на сближение с планетой и искать место, отмеченное на карте, – подумал он, разрешая таким образом свои внутренние сомнения.

* * *

Около часа потребовалось Андрею, чтобы освоить непривычное управление и вывести корабль из точки дрейфа, направив его в сторону имеющей атмосферу планеты.

Остальные восемь миров казались одинаково мертвыми: дальность расстояния не позволяла рассмотреть деталей строения их поверхности, но тускло-коричневый цвет освещенных полушарий и угольная чернота теневых сторон наводили на мысль об отсутствии у них атмосфер.

Первоначально Андрей смог сделать лишь один теоретический вывод. Вспомнив последнее показание масс-детектора, он предположил, что множество вертикалей, со всех сторон вливающихся в сияющую туманность, неизбежно пересекаются с поверхностью планетоидов, однако умножители не фиксировали никаких катастрофических вспышек или иных зримых свидетельств соприкосновения вещества и линий напряжения гиперсферы. Это обнадеживало, потому что при неработающем масс-детекторе Андрей более всего опасался случайного столкновения с незримыми энергиями аномалии…

…Еще два часа он провел в томительном ожидании, пока по мере сближения с избранной планетой в оптике умножителей не стали видны подробности строения двух соседних миров, а также разделяющего их пространства.

Теперь Андрей смотрел на экраны в немом оцепенении.

В первый момент ему показалось, что он внезапно попал на одно из кладбищ космических кораблей, оставшихся в пространстве трехмерного космоса после битв Первой галактической войны.

Системы активного лазерного сканирования повсюду отслеживали навигационные маяки неимоверно древних моделей, которые дрейфовали в пространстве, двигаясь по эллиптическим орбитам. Большинство из них, по оценкам фотонного сопроцессора, являлись колониальными

транспортами прошлого, стартовавшими из Солнечной системы более тысячи лет назад.

Но это было еще не все. На мертвой поверхности безвоздушных миров оптика умножителей демонстрировала огромные пространства, сплошь покрытые разбитыми, изувеченными обломками космических кораблей. Создавалось ощущение, что, израсходовав весь автономный запас горючего, они падали, подчиняясь воле тяготения планет, и разбивались об их поверхность, не в состоянии совершить мягкой посадки…

Ужасные, подавляющие разум картины сменяли одна другую. Кречетов видел не только многочисленные свидетельства крушений, сама поверхность безвоздушных планетоидов была исковеркана и оплавлена, будто эти небесные тела, прежде чем попасть сюда, прошли через бушующее горнило беспощадных энергий…

От созерцания мертвых пространств его отвлек резкий световой сигнал. Андрей вздрогнул, отрывая взгляд от экрана умножителей. Пораженный открывшимися ландшафтами, он всего лишь на минуту позабыл, что у его корабля более нет автопилота…

Спокойно… – приказал он самому себе, при помощи струйных рулей ориентации уклоняясь от столкновения с ощерившимся антеннами древним спутником.

Полутораметровый шар беззвучно проплыл мимо, едва не задев обшивку его корабля.

Бело-голубой мир приближался, постепенно заполняя собой все экраны внешнего обзора, и Андрей, продолжая лавировать меж обломками былых катастроф, начал гасить скорость корабля, выводя его на первый орбитальный виток.

Сложные маневры на ручном управлении поглотили все его внимание. Кречетов нервничал, он был не в силах определить, сколько горючего для реактивных двигателей уже израсходовано, и потому, как только параметры орбиты стабилизировались, Андрей тут же переключился на исследование расположенной внизу поверхности планеты.

Ее укрывала густая пелена облаков, лишь кое-где сквозь разрывы облачности были видны участки суши, освещенные рассеянным голубоватым светом энергетического сгустка. Андрей так и не решился применить к сияющему диску привычный термин «звезда». Центр необычной планетной системы скорее являлся скоплением чистой энергии, не вырабатывающейся в его недрах в результате каких-либо известных реакций, а притекающей извне, по незримым для невооруженного глаза каналам.

…Через минуту корабль пересек размазанную линию терминатора, и теперь полет продолжался над ночной стороной планеты.

Облачный покров стал редеть, а затем исчез вовсе. Внизу не было видно огней больших городов, лишь кое-где возникали и тут же пропадали тусклые пятнышки света. Система глобального лазерного сканирования передавала на дисплей однообразный равнинный рельеф, и, совершив полный виток, Андрей решил изменить параметры орбиты, чтобы охватить иные территории планеты.

* * *

Только на седьмом витке он обнаружил местность, схожую с изображением на карте.

Его корабль в очередной раз пересек границу света и тьмы, вновь пролетая над неосвещенным полушарием, когда системы лазерного сканирования, работающие на накопленной энергии светового потока, выдали на монитор искомую модель рельефа.

Прямо по курсу располагалась холмистая равнина, по которой петляла знакомая река, дальше должны были появиться горы, и Андрей внезапно оказался перед дилеммой: начинать снижение немедленно или совершить еще один виток, постепенно сбрасывая орбитальную скорость?

Пока он размышлял над этим, его корабль миновал зону, где на карте профессора были отмечены двойные красные кружки, и впереди действительно показались горы.

Андрей начал готовиться к торможению с расчетом входа в атмосферу на следующем витке.

Его по-прежнему волновало количество планетарного топлива, расход которого он не мог отеледить, поэтому вопрос о том, чтобы дождаться наступления дня над данным полушарием планеты, он даже не рассматривал.

Благополучно миновав опасную зону, он пролетел над горным массивом, отметив, что компьютерная модель действительно показала наличие внизу нескольких горных плато, и начал постепенно снижаться.

В последний раз пролетая над освещенными территориями, Андрей понял, что параметры орбиты меняются слишком медленно, и решил интенсивнее гасить скорость.

Впереди уже показалась линия терминатора, когда корабль вошел в плотные слои атмосферы и его обшивка начала стремительно

разогреваться. Чтобы избежать этого, Андрею вновь пришлось включить реактивные двигатели торможения, но теперь уже на полную мощность.

На высоте в две тысячи километров Кречетов перекинул рычажные переключатели в режим «атмосфера». Теперь топливо подавалось в реактивные турбины, расположенные под основанием коротких крыльев, и его корабль продолжал полет как обыкновенный «шаттл».

Вокруг сгустилась тьма, но он справедливо полагал, что накопленного запаса фотонной энергии вполне хватит для работы лазерных дальномеров вплоть до окончания посадки.

В сетке компьютерного рельефа вновь появились холмистая равнина и река, но теперь сканирование было более детальным, и Андрей ясно различил не только сами возвышенности, но и скопления расположенных внизу построек. Именно они были отмечены алыми маркерами на карте, однако в сложившейся ситуации он не рискнул проводить траверсманевров – не зная истинного значения плотности атмосферы, Андрей не мог предсказать, как поведет себя корабль при крене на крыло. С его точки зрения, было безопаснее лететь по прямой, экономя при этом запас планетарного горючего для маневрирования непосредственно над зоной посадки.

Он понял, что жестоко ошибся, когда, пролетая над вторым населенным пунктом, внезапно увидел внизу частые ритмичные вспышки, похожие на моргающие хоботки огня.

В темноте внезапно засверкали оранжевые сполохи разрывов, и «Нову» затрясло от попаданий зенитных снарядов.

Бронеплиты основного корпуса корабля выдержали шквал их шрапнельной начинки, но масса мелких повреждений, в основном рулей высоты и плоскостей крыльев, тут же дала о себе знать – «Нова» вдруг резко накренилась, стремясь опрокинуться на одно крыло.

В таких ситуациях все решают мгновения. Резко сбросив тягу левого двигателя, Кречетов компенсировал крен, не давая кораблю сорваться в штопор; одновременно он отдал рули от себя, и «Нова», содрогаясь от повторных попаданий, медленно выровнялась, уходя в пологое снижение с набором скорости.

Оранжевые вспышки остались далеко вверху, но несколько снарядов все же попали в днище – Андрей явственно слышал, как что-то скрежещет под напором встречных потоков воздуха, на пульте злобно вспыхивал предупреждающий сигнал лазерных дальномеров – поверхность планеты стремительно приближалась, а скорость росла.

Он осторожно начал поднимать нос машины. В режиме атмосферного

полета тяжелый корабль, лишившийся всех своих преимуществ из-за отказа стандартных бортовых систем, был сравним с неуклюжими аэрокосмическими челноками доколониальной эпохи, и только богатый опыт управления разными типами техники дал Андрею реальный шанс вырваться из критической ситуации.

До поверхности планеты оставалось менее километра, когда поврежденный корабль вышел из зоны огня и начал набор высоты, теряя набранную при снижении скорость.

Оглянувшись, Андрей увидел, как далеко за кормой в черно-фиолетовых небесах прихотливо скрещиваются пунктирные линии трассирующих снарядов.

Внезапная атака встряхнула нервы, но она не ошеломила лейтенанта, а, наоборот, привела его в чувство, мгновенно мобилизовав все профессиональные навыки и инстинкты.

Опасаться храмовников?

Дядя был прав, и хотя Андрей не знал, что за сила обозначена этим необычным термином, пренебрегать пометками на исполненной от руки карте он не стал. Очередной населенный пункт следовало огибать стороной, раз обитатели планеты столь жестко и недвусмысленно контролируют воздушное пространство над определенными районами.

* * *

Небо над горным массивом было чистым, безоблачным, но ночь, укрывшая окружающее пространство вязкой фиолетово-черной мглой, существенно затрудняла маневры.

Сравнивая компьютерную модель местности с начерченной от руки схемой, Андрей повел корабль на набор высоты, расширяя зону действия лазерного сканирования, пока дальномеры не обнаружили указанное на карте плоскогорье.

На мониторе оно выглядело как ровная плоскость площадью в четыре квадратных километра с обрывистыми краями и небольшой возвышенностью в центре.

Андрей предчувствовал нелегкую посадку, но выбора, по сути, не оставалось – простая логика подсказывала, что покойный профессор не зря отметил плато на своей карте, и Кречетов повел корабль на снижение.

Его нервы были напряжены до предела – к кромешной тьме и сложному рельефу постоянно добавлялись новые затруднения, которые

являлись прямым следствием зенитного обстрела. «Нова» по-прежнему стремилась войти в крен, а встречный воздушный поток неумолимо усугублял полученные повреждения. Андрей периодически слышал скрежет, иногда ему казалось, что этот звук перерастает в треск разрываемого металла, а через открытую дверь рубки управления внутрь проникает холодный забортный воздух.

Критический момент настал, когда сканеры показали, что до горного плато осталось не более километра.

Посмотрев на экраны внешнего обзора, Андрей различил сумеречный холм и тут же увидел, что по его склону медленно двигаются знакомые призрачные фигуры, источающие бледно-фиолетовый свет.

Худших условий для посадки не могло нарисовать даже самое богатое воображение. Он не знал истинной природы возникновения данных существ, но уже имел возможность убедиться в их агрессивности, которая являлась первопричиной его безумного рывка через аномалию космоса.

Решение нужно было принимать немедленно.

Взглянув на индикатор накачки лазерных установок, он понял, что накопленной фотонной энергии хватит на два-три выстрела, после чего неизбежно отключатся микролазеры, сканирующие рельеф, и омертвеет сопроцессор корабля.

Оценка степени угроз была очевидна, и пальцы Кречетова машинально перекинули рычажные переключатели в позицию «космос». «Нова» уже миновала край плато, когда стихли атмосферные турбореакторы и из-под днища корабля ударил ослепительный факел реактивных струй, осветивший все плоскогорье от края до края.

Резкий импульс торможения заставил корабль завибрировать; у Андрея на миг помутилось в глазах, когда «Нова» рывком погасила горизонтальную скорость и зависла, опираясь на пламенные струи.

Андрей должен был освободить руки, чтобы произвести лазерный залп, и он пошел на этот риск. Зафиксировав астронавигационные рули, Кречетов резко подтянул к себе консоль ручного управления бортовым оружием; в следующий миг «Нова» вдруг начала спонтанный подъем, одновременно кренясь на правый борт, но он успел прицелиться и трижды разрядил лазеры в группу призрачных существ.

На склоне холма полыхнула ослепительная вспышка, а космический корабль, потеряв управление, вдруг начал резко смещаться вбок – сила реактивных струй уже не приподнимала его над землей, а толкала в сторону скального массива, с одной стороны ограничивающего горное плато…

* * *

Лана в предсмертном усилии подняла голову. Сознание то покидало ее, то возвращалось вновь, стирая всякое представление о времени.

Она понимала, что для нее все кончено. Отбив атаку призраков, Ланита, истекая кровью, отползла от холма, пытаясь достичь того места, где лежали мертвые учителя, но сил на это не хватило. Она надолго потеряла сознание, а когда пришла в себя, то вновь с содроганием увидела несколько сущностей, неторопливо бредущих по склону святилища.

Значит, только троих мертвых храмовников поглотило Место Силы, а остальных просто снесло с плоскогорья, и вот теперь они вернулись, вновь отыскав ее след в сумеречной ночи…

Приподняв голову, Лана беспомощно оглянулась.

В этот момент где-то вдали в небеса беззвучно высыпали прерывистые трассы огоньков – это работала зенитная артиллерия одного из Храмов, расположенных на равнине, но Ланите уже было не до того… Она умирала, и собственное бессилие перед надвигающимися энергетическими последышами убитых ею воинов превращало смерть в адскую муку…

Призраки искали ее на холме. Они поднялись на его вершину, потом начали вновь спускаться вниз. Их бестолковая медлительность только затягивала муки…

…Спустя некоторое время, тщетно пытаясь сконцентрировать остатки сил, Лана услышала басовитый нарастающий гул, и в небесах внезапно появилась тень непонятного летательного аппарата. Ланита чуть приподняла голову, ощущая, как надламывается корка запекшейся крови на груди и шее, и в этот миг в черно-фиолетовом небе внезапно вспыхнул ослепительный огонь. Он бил из-под днища странного корабля, не похожего ни на одну из машин храмовников.

Взгляд Ланиты постепенно терял осмысленность, все расплывалось перед глазами, но она продолжала упрямо бороться, удерживая сознание на зыбкой границе между жизнью и смертью…

Судьба вознаградила ее за это: Лана думала, что в этом мире более не осталось сил, способных бросить вызов проклятым тварям, но поняла, что ошиблась.

Со стороны пламенного сияния в остановившихся на склоне холма призраков внезапно ударили три ослепительные рубиновые молнии.

Вспышка холодного бледно-голубого света на миг озарила окрестности, затмив слепящий, рвущийся из-под днища странного корабля огонь. Лана уже не могла двигаться, тело больше не повиновалось ей, лишь зрачки ее глаз продолжали жить…

С трудом переведя взгляд на склон холма, она увидела там лишь шипящую, истекающую дымом и вспыхивающую язычками робкого пламени траву…

Неведомая сила смела призраков, разрушив их структуру энергией, более мощной, чем та, из которой состояли эфемерные на вид тела мертвых храмовников.

Только сейчас, увидев окончательную гибель своих врагов, Лана поняла, что на тонкой грани между жизнью и смертью ее удерживали именно они – медленно надвигающиеся фантомы.

Теперь благодаря неведомой силе их не стало.

Ланита закрыла глаза, бессильно уронив голову. Ее окровавленные губы тронула прощальная улыбка.

Она умирала и более не сопротивлялась этому.

* * *

Второй раз за прошедшие сутки субъективного времени Андрею пришлось совершать аварийную посадку.

Он шел на осознанный риск, открывая огонь по призракам, – Кречетов ясно понимал, какую опасность они представляют для поврежденной, расходовавшей остатки топлива и энергии «Новы».

Расчистка зоны посадки имела лишь половинчатый успех – фантомов уничтожило лазерным огнем, но корабль, на миг потеряв управление, успел накрениться, и сила реактивных струй толкнула его в сторону скал.

Ситуация мгновенно стала критической – он уже не мог плавно опустить «Нову» у подножия холма, как собирался сделать это секунду назад…

Перехватив управление, Андрей всеми силами пытался избежать рокового удара, но изображение на экранах уже начало тускнеть, лазерные дальномеры отключились – иссякали остатки фотонной энергии, и ему лишь чудом удалось вырвать искалеченный корабль из бокового скольжения и поднять его над островерхой скалой.

Немногочисленные устройства на пульте ручного управления предусматривали подобное развитие событий – еще перед входом в

атмосферу Андрей обратил внимание на отдельный рычаг, под которым располагалась поясняющая надпись: «Отстрел бронеплит», и сейчас он, не задумываясь, рванул его на себя.

Частые вспышки сработавших пиропатронов осветили замкнутое пространство над пилот-ложементом, и сегменты брони, закрывающие прозрачный купол рубки, вдруг отлетели в стороны, открывая круговой обзор.

С каждым новым злоключением застарелая ненависть Андрея к собственному дяде постепенно истончалась, прошлое уже казалось не таким значительным, словно обновлялось сознание, в котором одни знаковые чувства и события постепенно замещались иными.

Выравнивая корабль в горизонтальном полете, Андрей осмотрелся.

В сумраке, обозначая подножие холма, горела пожухлая осенняя трава – там лазерные лучи, поразив группу призраков, соприкоснулись с почвой планеты.

Ориентируясь на этот отсвет, Андрей вновь повел корабль на снижение, постоянно корректируя курс короткими импульсами реактивной тяги. Не зная, сколько горючего осталось в емкостях, он решил отказаться от вертикальной посадки с использованием планетарной тяги, и направил «Нову» к ровному участку каменного плато, намереваясь посадить машину по резервной схеме, чуть левее холма, на вершине которого смутно серели столбы мегалитов, образующие знакомый круг.

…На высоте пятидесяти метров он освободил механизм шасси, и многоосные опоры, снабженные цельнолитыми колесами, царапая о поврежденные куски обшивки, с ощутимым сопротивлением вышли из своих гнезд.

Скорость уже упала ниже значения ста километров в час, и Андрей, дождавшись толчка, засвидетельствовавшего полную фиксацию опорных стоек, сделал последнее, что оставалось в его власти: вновь переключившись в режим «атмосфера», он перевел поврежденные закрылки «Новы» в положение посадки.

От соприкосновения с твердой поверхностью корабль вновь подбросило вверх; вокруг взметнулись облака пыли и острого щебня, динамический удар едва не лишил Андрея сознания, но он сумел мгновенно прийти в себя и вовремя задействовать тормозную систему, резко замедляя скорость пробега при повторном касании.

Искалеченный корабль с глухим ударом опустился на три опорные стойки шасси, его начало разворачивать, накренив так, что короткая плоскость крыла чиркнула о камень, и наконец, в последний раз

подпрыгнув на попавшем под колеса каменном обломке, «Нова» остановилась, не дотянув всего сотни метров до отвесной каменной стены скального выступа.

Сел…

Глава 5

Окраина горного плато…

Первым, самым острым ощущением после посадки была тишина.

Андрей отстегнул страховочные ремни и в полном изнеможении откинулся на спинку кресла пилот-ложемента.

Позади остался несоизмеримый с термином «расстояние» путь. Кречетов запрокинул голову, глядя на зловещее, бездонное небо без единой звезды. Узкая полоска экранов обзора на протяжении полета не давала такой глобальной панорамы *чужой вселенной*, какую он мог наблюдать сейчас сквозь прозрачный купол из бронестекла.

Вокруг, скрывая подробности рельефа, клубилась поднятая посадкой пыль, но она быстро оседала, и, пока Андрей смотрел на черные небеса, воздух вокруг корабля снова обрел горную прозрачность, соединяя беззвездное небо с сумеречной землей.

Чувства постепенно возвращались к нему, чуждая реальность подступала со всех сторон, прорезаясь неясными чертами окружающего ландшафта. Справа, в полукилометре, высился холм с темнеющими столбами мегалитов на плоской вершине, слева чернела отвесная стена скал, а впереди расстилалось пространство горного плато, за границей которого к небесам вздымались горные вершины, окрашенные, как показалось Андрею, в нежно-голубой цвет.

Он еще не знал, что видит первые предрассветные краски нового мира.

До слуха Андрея внезапно донесся шорох, тут же сменившийся глухим стуком падающего камня.

Звук… Он проник через пробоины в обшивке корабля, формируя в сознании лейтенанта скупую, но емкую мысль: *посадка на вражеской территории…*

Перед глазами смутно белел листок, на котором почерком покойного дяди было написано:

Опасаться храмовников…

Рука Андрея потянулась к наплечной кобуре, доставая импульсную «гюрзу».

Он нажал сенсор активации оружия, настороженно покосившись в сторону холма, на вершине которого смутно угадывались очертания

мегалитов, но пожар на склоне уже унялся, и теперь было невозможно различить деталей древней постройки. Кроме уничтоженных призраков, никто не присутствовал при посадке корабля, а ведь Кречетов всерьез надеялся встретить на плоскогорье тех, кто поддерживал связь с покойным профессором. Учитывая полную несостоятельность энергосистем «Новы», эти гипотетические «друзья» являлись единственной надеждой на возврат…

Случайный звук больше не повторился, а импульсный пистолет никак не отреагировал на касание сенсора активации. Оружие не работало: индикатор питания и счетчик зарядов оставались мертвы, интегральный затвор даже не шелохнулся.

Глядя на мертвую «гюрзу» и такие же безжизненные консоли управления кораблем, Андрей не мог ответить на заданный себе вопрос: окончательной ли была заплаченная им цена за прорыв в пространство, спрятанное в самом сердце аномалии космоса, где по определению не мог выжить ни человек, ни механизм, или настоящие проблемы только начинались?

Убрав импульсный пистолет назад в кобуру, он встал, понимая, что ждать рассвета, оставаясь внутри корабля, бессмысленно и опасно.

Существовало несколько негласных правил поведения при посадке на неизвестной территории. Все они были написаны кровью, и Кречетов никогда не пренебрегал ими.

Покинув рубку, он открыл грузовой отсек. Сориентироваться в темноте ему помогла фосфоресцирующая маркировка на упаковочных кофрах. Он на ощупь отстегнул крепления и взял два контейнера, похожих на пластиковые кейсы с удобными ручками.

Открыв люк корабля, Кречетов спрыгнул на землю. Воздух, который он вдохнул, был холодным, свежим и разреженным. От перенесенных перегрузок ломило мышцы и кружилась голова. Распаковывать кофр из-за кислородной маски он не стал – пробоины в корпусе, полученные при попадании зенитных снарядов, позволили забортному воздуху проникать внутрь кабины, так что с атмосферой планеты он вступил в контакт поневоле, убедившись при этом, что она вполне пригодна для дыхания. В кармане его куртки оставалось несколько дыхательных антибактериальных фильтров, и он воспользовался ими.

Отойдя от корабля, Андрей направился в сторону холма.

С его вершины наверняка открывался вид на все пространство горного плато, а сереющие в сумерках мегалиты могли послужить временным укрытием, хотя бы до рассвета. Он собирался оставить там

контейнеры, содержащие комплект выживания и набор экстренной медицинской помощи, после чего осмотреть прилегающую местность в поисках более подходящего убежища на ближайшие сутки.

Первое правило, усвоенное лейтенантом в ходе боевых операций, в которых принимал участие его взвод, настойчиво рекомендовало покинуть зону вынужденной посадки, организовав скрытое наблюдение за ней.

Если в течение суток его кораблем никто не заинтересуется – значит, прилегающая территория относительно безопасна, и тогда он получит возможность вплотную заняться проблемой ремонта. Перед стартом Андрей лишь бегло осмотрел «Нову», и его не покидала надежда, что на борту все же есть неизвестные ему резервные системы, при помощи которых покойный профессор намеревался вернуть корабль из аномального пространства в метрику материального космоса…

Размышляя подобным образом, Андрей действовал разумно и последовательно, не замечая, что ведет себя так, словно он действительно находился на территории, занятой врагом. Он не видел вокруг ни души, но инстинкты брали свое – за десять лет службы в космической пехоте Конфедерации он превратился в зрелого, опытного офицера, умеющего находить выход из любого положения. Или почти любого…

Он не искал себе врагов, но всегда старался соблюдать осторожность, четко ощущая грань, отделяющую смелость от безрассудства.

* * *

Осмотр каменных построек не дал никакой конкретной информации. Обыкновенные замшелые глыбы грубо обработанного гранита очерчивали традиционный круг; в центре виднелись засыпанные гравием остатки водоема, который, по-видимому, служил когда-то для сбора дождевой воды. Андрей спустился на дно углубления, оставив там оба кофра с комплектами выживания, и направился в противоположную от корабля сторону, рассчитывая осмотреть ближайшие окрестности в поисках более выгодного и безопасного наблюдательного пункта.

Проходя мимо частично выгоревшего участка склона, где лазеры «Новы» поразили призраков, он остановился.

В местах попадания разрядов почва оплавилась, приняв вид неглубоких конических воронок.

Глядя на пожухлую траву, которая покрывала склон, Андрей понял, почему она не вспыхнула ковром пламени, – сухие стебли были прибиты к

земле, точно также, как гречиха на окраине памятного элионского поля… Холодный взрыв, произошедший сразу за разрушением структуры фантомных существ, породил воздушную волну, которая мгновенно сбила огонь, не дав ему распространиться по всей площади холма.

Вокруг по-прежнему стояла глухая тишь. Небо слегка просветлело, утратив угольную черноту, и окружающий рельеф начал постепенно выступать из мрака.

Внимательно оглядываясь по сторонам, Кречетов продолжил спуск, отметив, что подножие холма окольцовывает цепь камней полутораметровой высоты. Да, без сомнений, эта постройка являлась аналогом Стоунхенджа, но Андрей не спешил с выводами – пока что он лишь собирал информацию, запоминая бросающиеся в глаза факты…

Вот как сейчас, например…

Он вдруг резко остановился и машинально присел, внимательно глядя на участок плато, который на первый взгляд ничем не отличался от остального пространства… за исключением одной детали: недалеко от подножия холма каменистая пустошь была начисто выметена, словно кто-то тщательно убрал в пределах круга диаметром около двадцати метров песок и все мелкие камушки.

Кречетов несколько секунд настороженно смотрел на аномальное пятно, потом с недобрым предчувствием огляделся вокруг, но редеющие сумерки хранили полную тишину и неподвижность, даже ветерок, слабо ощущавшийся на вершине холма, утих.

В небесах царили густо-фиолетовые краски, но Андрей уже не верил этой неподвижной тишине. Он понял, что у подножия холма накануне вечером либо этой ночью садился вертолет – только поднятый лопастями воздушный поток мог сдуть песок и камни, убрав их с определенной площади.

Не заметив никакого движения вокруг, Кречетов быстро спустился к обнаруженному месту посадки и присел, внимательно осматривая покрытый змеистыми трещинами участок каменной поверхности в поисках дополнительных подтверждений своей догадки.

Он нашел их в неглубокой расселине, где застряло с десяток пустотелых цилиндров из тускло-желтого металла. Андрей двумя пальцами достал один из них, внимательно рассмотрел, затем понюхал и оглянулся, сравнивая местоположение находки с диаметром круга.

Гильза от крупнокалиберного пулемета еще хранила слабый кисловатый запах, но уже утратила тепло, значит, с момента стрельбы прошло несколько часов… – это были выводы, сделанные на основе

профессиональной памяти, пока взгляд пытался определить вероятный сектор обстрела.

Подсознательное чувство опасности нарастало, оно начинало давить на разум, но Андрей не поддался секундному замешательству – все свидетельствовало о том, что вертолет отстрелялся и улетел задолго до появления «Новы».

По кому он вел огонь? – задал себе вопрос Кречетов, одновременно соображая: здесь применялось морально устаревшее оружие, но ведь по-иному и быть не могло, примером тому являлась его собственная «гюрза». Непонятные свойства аномального пространства ставили жирный крест на любых устройствах, использующих энергию электрического тока или его производные, но это не препятствовало течению химических реакций, необходимых для работы двигателей водородного типа или для сгорания взрывчатой смеси…

Значит, тут существует цивилизация, поддерживающая ряд технологий, на которые не налагает запрет энергетика аномалии? – подумал Кречетов, рассматривая гильзу, обнаруженную на месте предполагаемой посадки вертолета.

Лейтенант был хорошо знаком с основными видами огнестрельного оружия, которое все еще использовалось на ряде планет, хотя не любил его за шумность, а также за проблемы, возникающие при стрельбе в невесомости, но сейчас его волновало несколько иное. Андрей уже убедился, что любые автоматические устройства, использующие электронику и электроприводы, тут бесполезны, значит, вся техника, попавшая сюда на борту космических кораблей-невозвращенцев, подвергалась коренной реконструкции.

Подумав об этом, он обернулся и пошел в том направлении, куда, по его расчетам, бил пулемет.

* * *

В стылой предрассветной тишине все звуки слышатся особенно остро. Андрей непроизвольно вслушивался в нее, но не улавливал ничего, кроме звука собственных шагов.

Метров через пятьдесят он увидел смутно выделяющиеся на фоне камня неподвижные человеческие тела.

Сердце глухо стукнуло. Рассвет в горах наступал удивительно быстро, и пять минут назад, во тьме, он попросту прошел бы мимо распростертых

на каменистой пустоши тел.

Ускорив шаг, он подошел к первому из них и присел на корточки подле трупа, внутренне содрогнувшись от мгновенной мысленной аналогии – тело человека скрывал знакомый по сновидению мешковатый балахон из грубой ткани.

Кисть руки, видневшаяся из-под складок просторного рукава бесформенной одежды, покрывали старческие морщины. Андрей потрогал ее, убедившись, что трупное окоченение уже началось, и, слегка приподняв край капюшона, взглянул на обезображенное лицо древней старухи.

Андрея уже давно не мутило от картин насильственной смерти, но в этот раз он, не выдержав, вздрогнул: в лоб старой женщины был произведен контрольный выстрел.

Метрах в десяти от нее лежали еще три тела, облаченные в точно такие же балахоны. Он осмотрел их, убедившись, что все убиты с одинаковой хладнокровной жестокостью, однако их раны не соответствовали калибру виденных им гильз.

Выпрямившись, Кречетов еще раз внимательно осмотрелся и только теперь заметил пятое тело, лежавшее в стороне от остальных, недалеко от его корабля.

Даже издали оно резко отличалось своей одеждой, а если быть точнее – экипировкой. Тело лежащего на спине человека облачала древняя по современным меркам боевая броня, сочетающая в себе функции бронежилета и легкого костюма планетарной защиты. Комплект экипировки оказался не полным – в нем не хватало полушлема с системой дыхательного аппарата, и Андрей, сделав несколько шагов, смог разглядеть, что это женщина лет двадцати пяти… Ее лицо было искажено мукой, пальцы правой руки глубоко впились в пожухлый кустик травы, левая, безвольно откинутая в сторону, казалось, тянется к валяющемуся поодаль автомату.

Склонившись над ней, Андрей увидел лужу крови, которая щедро обагрила камень. Четыре пулевых отверстия зияли чудовищными ранами – пули прошли навылет, прошив правый бок, бедро и предплечье. Наметанный взгляд лейтенанта мгновенно определил, что органы грудной клетки и брюшной полости не задеты и женщина умерла от критической потери крови.

В этот миг тело незнакомки, до этого казавшееся мертвым, внезапно содрогнулось в конвульсии.

Она еще жива!.. – Мысль обожгла разум, мгновенно мобилизовав волю. Действовать следовало быстро, но бережно.

Осторожно перевернув напряженное, изредка содрогающееся тело, Кречетов увидел четыре рваных выходных отверстия, убедившись, что все пули действительно прошли навылет.

Организм смертельно раненной женщины сам остановил кровь, которая запеклась в ранах, но лейтенант по опыту знал – стоит раны потревожить, как кровотечение возобновится.

В этом случае помощь нужно оказывать на месте.

Кречетов огляделся. Время, до этого растянутое в неопределенную вечность, внезапно вновь обрело свои свойства и смысл. Мгновенно оценив расстояние до вершины холма, он понял, что гораздо быстрее достать новый комплект первой помощи из грузового отсека «Новы», чем карабкаться на холм за оставленным там кофром.

Подумав об этом, он бегом бросился к открытому люку космического корабля, который предусмотрительно оставил распахнутым настежь, понимая, что сканер и система запоров в отсутствие энергии уже не сработают на открывание от простого прикосновения его ладони.

Страшась упустить драгоценное время, он не оглядывался по сторонам и не заметил того, как в разрывах утреннего тумана, чуть ниже плоскогорья по узкой и извилистой горной тропе движется отряд вооруженных мужчин численностью в два десятка человек.

* * *

Снова внезапные обстоятельства довлели над ним, диктуя свой сценарий событий. Прояви лейтенант обычную осмотрительность, и многих злоключений последующих дней можно было бы избежать, но в те роковые минуты разум Андрея был занят иными проблемами – его внимание сосредоточилось на раненой, и отряд бойцов Храма продолжал незамеченным двигаться по узкой тропе, преодолевая подъем к плоскогорью…

…Склонившись над женщиной, тело которой уже перестало содрогаться в конвульсиях, Андрей быстрыми и точными движениями обрезал пробитый крупнокалиберными пулями металлокевлар, действуя при этом специальным ножом из мономолекулярной стали, чье лезвие имело прочность алмаза и остроту, превосходящую заточку любой бритвы.

Хирургический нож прекрасно справился с материалом брони. Теперь вокруг ран были вырезаны восемь круглых отверстий диаметром в десять сантиметров каждое. Закончив с этой операцией, Андрей достал

стерильные, останавливающие кровь тампоны, пропитанные специальным антисептическим составом, и наложил их на открытые раны, залив сверху пористым материалом из баллончика, который, твердея, пропускал воздух, но при этом прочно удерживал кровоостанавливающие тампоны на своих местах.

Закрепив повязки, Андрей посмотрел на разгладившиеся черты смертельно бледного лица своей негаданной пациентки и, взяв ее за запястье, попытался нащупать пульс.

Слабые редкие толчки, которые ему удалось ощутить, свидетельствовали, что она все еще жива.

Недолго думая, он распечатал упаковкус микро-инъекторами, сделал ей два укола в шею, введя антишоковый препарат и стимулятор общего действия, затем достал специальную пластину, поместил на нее сгусток запекшейся крови, капнул на него входящим в комплект тестовым раствором и, определив по цвету реакции группу крови, отделил от стенки кофра один из четырех мягких тубусов с консервированной кровью, снабженный системой капельного ввода.

Игла глубоко вошла в синеватую вену, резко выделяющуюся на бледном запястье. Убедившись, что кровь поступает по тонкой капельнице, Андрей положил тубу на здоровое предплечье женщины и накрепко примотал резервуар куском прозрачной липкой ленты.

Покончив с этими действиями, он облегченно вздохнул.

Первая помощь была оказана, теперь, по крайней мере, раненую можно транспортировать, не опасаясь, что вновь откроется обильное кровотечение, унося остатки ее жизненных сил.

Закрыв медицинский кофр, он подложил его под голову незнакомки, затем взял в руки ее автомат и задумался, глядя исподлобья на окоченевшие тела в мешковатых одеждах.

Каждой из четырех пожилых женщин был произведен контрольный выстрел в голову, и калибр автоматического оружия, которое он сейчас держал в руках, совпадал с диаметром пулевых отверстий…

Оглянувшись, Кречетов с сомнением посмотрел на незнакомку, которой только что оказывал первую помощь. Кем она была – убийцей или защитником?

Андрей не мог утверждать наверняка, что мертвые тела принадлежат таинственным фигурам, вторгшимся в его сон той памятной ночью, – рано было судить об этом, основываясь лишь на схожести окружающего рельефа и совпадении одежд, но с каждым новым злоключением он все острее понимал, что стал участником неких глобальных событий, смысл которых

постоянно ускользал от него.

Кречетову как воздух была необходима информация. Он вновь посмотрел на незнакомку и подумал: кем бы ни являлась эта женщина – убийцей или жертвой, она будет жить, и он лично приложит все усилия к ее успешному выздоровлению.

* * *

Вокруг окончательно рассвело, но воздух еще хранил ночной холод, да и камень отдавал могильной стылостью. Андрею это не доставляло неудобств, но теперь ему следовало позаботиться о раненой, и он решил изменить свои планы. Ее нужно было срочно перенести на борт корабля, в более комфортные условия.

Склонившись к незнакомке, Кречетов снял с нее часть экипировки в виде ремня, на котором крепилось два увесистых подсумка, и длинный клинок с незамысловатой ручкой, зачехленный в ножны. Не тратя время на осмотр необычного оружия, он надел пояс, застегнув его поверх куртки, и уже хотел приподнять безвольное тело, чтобы нести к кораблю, но вовремя вспомнил, что из шлюза не выдвинут трап.

Разогнувшись, он посмотрел в сторону «Новы» и на мгновение остолбенел.

Около открытого люка корабля стояли пять человек, облаченных в полную боевую экипировку времен Первой галактической войны. Не скрываясь, они что-то обсуждали между собой, яростно жестикулируя при этом. Все были вооружены точно такими же автоматами, какой подобрал сам Кречетов, и теперь, увидев облачение незнакомцев, Андрей внезапно вспомнил название модели оружия, которое сжимал в руках. Это был последний серийный огнестрельный образец, массово выпускавшийся в начале Галактической войны на планетах-колониях.

«АРГ-8» – пришла мгновенная вспышка памяти.

В этот момент с другой стороны корабля показалась еще одна группа из четырех воинов. Один из них, заметив Кречетова, вдруг вскинул руку в недвусмысленном жесте, что-то гортанно прокричав при этом.

Пятеро, толпившиеся у шлюза, резко обернулись, одновременно, будто по команде рассыпаясь в стороны.

Судя по такой мгновенной реакции, это были умелые, хорошо подготовленные бойцы, и Андрей, который хотел было поднять руку в миролюбивом жесте, вдруг со всей очевидностью осознал: еще секунда

промедления, и он получит пулю.

Машинальный рывок в сторону, с перекатом за ближайший гранитный валун, спас ему жизнь, одновременно выдав все намерения пришельцев – как минимум четыре автоматные очереди прошили то место, где секунду назад находился Андрей.

Прижавшись к холодной поверхности гранитного валуна, Кречетов машинально нашел предохранитель оружия, но тот оказался снят с нулевой позиции и установлен в режим автоматической стрельбы. Тогда он вручную передернул затвор, но и это оказалось излишним – затворная рама выплюнула тускло-желтый патрон. Значит, женщина, которой принадлежал автомат, шла сюда настороже, в полной готовности открыть огонь в любую секунду.

Все эти мысли и действия заняли не более двух-трех секунд, и в следующий миг Андрей, мысленно наметив новое укрытие, подальше от распростертого тела незнакомки, метнулся к трем грубо обработанным каменным глыбам, уходя в сторону с таким расчетом, чтобы она не получила еще одной шальной пули, оказавшись на линии огня.

Это был рискованный маневр, учитывая численность вооруженных пришельцев. Им пришлось открыть огонь навскидку, заранее не зная, что он метнется к следующему укрытию, но тем не менее пули крошили камень, выбивая искры под ногами Кречетова, которого спасли лишь стремительность и профессиональный навык в действиях подобного рода.

Резко присев в расселине между камней, он оперся на колено и, не медля ни секунды, ответил им, предварительно, еще во время своего рывка, переведя оружие в режим одиночного огня.

Три отрывистых выстрела прогремели во внезапно наступившей тишине, и двое из нападавших, неразумно выслеживающие его, стоя на открытом пространстве, рухнули навзничь.

У Кречетова будто что-то переключили внутри.

Его разум, заработавший в привычном темпе боя, моментально отсек все эмоции, осталась лишь непроизвольная дрожь от резкого выброса адреналина да железистый привкус во рту.

Хорошее оружие.

На планете Элио в военном городке «Эригон» космическую пехоту готовили к любому обороту событий, и сейчас, не вспоминая подробностей изнурительных тренировок, когда их заставляли осваивать все существующие типы вооружений, Андрей воспользовался накопленным опытом, обращаясь с «АРГ-8» так, будто автомат был его давним проверенным боевым спутником.

Отстрелявшись, он резко присел, прежде мгновенно оглянувшись по сторонам.

Новая позиция оказалась удачной. Камни, за которыми он спрятался, на самом деле были истертым временем трилитом небольшой высоты, перед которым простиралась обширная ровная площадка. Теперь, чтобы обойти его с флангов, противнику придется пересекать открытое пространство, а зайти в тыл Кречетову можно было лишь одним способом: вскарабкаться на вершину холма с противоположной стороны. Единственным укрытием, расположенным перед его позицией, были три внушительных обломка скал, отколовшихся в результате эрозии от царящего над краем плато горного массива.

После выстрелов лейтенанта на некоторое время воцарилась зловещая тишина, и Андрей не преминул воспользоваться затишьем.

В любой ситуации возможны недоразумения, а фактор внезапности иногда играет злые шутки с участниками тех или иных событий, поэтому, не поднимая головы, он крикнул:

– Не стреляйте! Это недоразумение! – Он намеренно использовал простые лаконичные фразы, не имея твердой уверенности в том, что внезапно атаковавшие его люди понимают интеранглийский. – Я хочу говорить с командиром подразделения!

Спустя секунду он убедился, что интеранглийский они понимают, но вступать в переговоры не намерены. Со стороны каменных глыб прозвучала хриплая отрывистая команда: «Вперед!» – и на его укрытие внезапно обрушился шквал автоматического огня.

Ему пришлось вжаться в землю – пули крошили камень над головой, словно по трилиту хлестал косой металлический дождь, не давая Кречетову ни малейшей возможности приподнять голову или огрызнуться ответным огнем.

Лежа на земле, он прекрасно понимал цель их маневра. Пока часть бойцов удерживала его шквальными очередями, несколько человек бегом преодолевали открытое пространство пустоши, чтобы вскарабкаться на склон холма и достичь той точки, откуда будет видна его позиция.

По всем расчетам, жить Андрею оставалось секунд тридцать, не больше.

Лежа на земле, он извернулся, не обращая внимания на каменную крошку, которую выбивали рикошетирующие пули. Теперь если он резко привстанет, то сможет окинуть беглым взглядом пологий склон, господствующий над его укрытием.

Шквальный огонь по трилиту велся из двух точек, пули от автоматных

очередей перекрещивались, многократно отскакивали от камней, наполняя воздух изматывающим нервы визгом и мелкими кусочками гранита, которые больно секли незащищенную кожу, оставляя кровоточащие порезы.

Противники Кречетова действовали нагло, самоуверенно и грубо. Очевидно, они не привыкли к достойному отпору, и слаженность действий вкупе с массированным безжалостным огнем, как правило, приводила их к полной победе.

Огонь со стороны каменных глыб внезапно оборвался, так же резко, как и начался, – у стрелявших кончились патроны.

Андрей не знал, прикрывает ли истративших боезапас третья группа и насколько сноровисты сами бойцы – сколько времени у них уйдет на элементарную замену магазина – две… три секунды?..

Рывком поднявшись на одно колено, он открыл огонь.

В наступившей тишине четыре отрывистых одиночных выстрела прозвучали особенно громко, зловеще, учитывая, что ни одна пуля не прошла мимо цели: трое человек, перебегавших по склону холма, рухнули как подкошенные, а четвертый, дико заорав, покатился вниз, пачкая пожухлую траву обильно хлещущей из раны кровью.

Отстрелявшись, Андрей нырнул на дно укрытия, ожидая, что сейчас автоматический огонь возобновится с новой силой, но тишина, окутавшая плато, внезапно затянулась, лишь звериный вой раненого нарушал ее…

Это было похоже на внезапное наваждение – неожиданно вспыхнувший бой длился менее минуты, но в субъективном восприятии время всегда меняет свои свойства…

Вот и сейчас несколько секунд тишины показались чуть ли не вечностью…

Очевидно, командир неожиданно появившегося отряда нашел в себе достаточно здравомыслия, чтобы по достоинству оценить выдержку и точность стрельбы незнакомца. Побывав под уничтожающим психику прессом шквального огня, он должен был прекратить всякое сопротивление, но пятеро убитых и один тяжело раненный доказывали обратное.

– Эй, ты… – услышал Андрей хриплый голос. – Выходи. Мы не станем тебя убивать.

Это ты своей бабушке расскажи… – подумал Андрей, пытаясь понять: с ним действительно начали переговоры или это всего лишь отвлекающий маневр, пришедший на замену автоматным очередям?

– Кто вы такие? – спросил он, не поднимаясь из укрытия.

– Перед тобой воины Храма, смертный, – прозвучал надменный ответ на трудно воспринимаемом интеранглийском. Язык, на котором разговаривал невидимый оппонент, разительно отличался от современного, привычного для Андрея языка межпланетного общения.

– Мне это ничего не говорит, – громко ответил Кречетов, пытаясь вспомнить, сколько патронов содержит в себе стандартный магазин «АРГ-8».

– Ты наглец. Храм правит этим миром.

Сорок… Точно, сорок, – вспомнил наконец Андрей. – *Значит, в магазине еще тридцать два патрона…* – Он перевел взгляд на подсумки, снятые вместе с поясом с тела раненой женщины, и, расстегнув их, увидел рифленые рубашки осколочных гранат.

– Хорошо, я сейчас встану, – громко произнес Кречетов. Он не надеялся на благополучный исход – лейтенант был не настолько глуп, чтобы поверить в добрые намерения людей, так рьяно пытавшихся его убить, но все же мизерный шанс на переговоры нужно было использовать. – Думаю, нам стоит поговорить, – добавил он, удобнее устраиваясь на дне укрытия. Расстегнув ремень, он вытащил две гранаты, положил их рядом с собой, а оставшийся пустым чехол надел на ножны приторoченного к поясу клинка. – Не стреляйте. Я встаю. – Он приподнял примитивный муляж над укрывавшими его глыбами, и тут же тугие автоматные очереди резанули по пустому подсумку…

Все… С переговорами было покончено.

– Твой Храм, может быть, и правит миром, но не мной, – громко произнес Кречетов, взяв в руку осколочную гранату.

– Почему? – раздался в ответ напряженный голос.

Андрей мысленно усмехнулся. За информацию нужно платить, учитывая, что она – порой самое дорогое, что есть в мире материальных ценностей. *Воины Храма…* похоже, именно о них предупреждали покойного профессора неизвестные доброжелатели.

– Если я скажу тебе об этом, храмовник, ты умрешь. Согласен на такую сделку?

– Попробуй. – Это уже был не ровный голос, а какой-то раздраженный рык.

Прикинув на ладони непривычный вес гранаты, Андрей сосредоточился на ощущениях.

Стоны раненого смолкли, вокруг установилась зловещая тишина, в которой слышались тихие, едва уловимые звуки. Вот проскрипел гравий под ногами нескольких человек, тихо клацнул плохо пригнанный предмет

экипировки, кто-то шепотом отдал приказ…

Они подбирались к его укрытию и, судя по звукам, находились метрах в двадцати от посеченного пулями трилита.

Андрей, лежа на спине, на ощупь нашел углубление на рубашке гранаты и ногтем зацепил за расположенную в глубине прорезь. Старое оружие не ведало вездесущих в современности электронных систем, и таймер взрывателя являлся чисто механическим устройством, которое по умолчанию было выставлено на восемь секунд.

Поворотный диск поддался под давлением ногтя, двигаясь назад, против часовой стрелки.

Раздался тихий щелчок, затем второй, третий.

Андрей остановился на трех секундах, резко нажал на заглубленный в осколочную рубашку диск и легким взмахом руки закинул гранату прямо за укрытие.

Буквально в нескольких шагах от трех каменных глыб вдруг раздался истошный, нечленораздельный вопль и одновременно грянул взрыв.

Осколки еще свистели, уходя на излет, когда Андрей рывком привстал на одно колено. Автомат в его руках задергался будто живой, безжалостно посылая пулю за пулей в уцелевших после взрыва храмовников.

Для командира воинов Храма все происходящее было сущим кошмаром.

Его противник, действуя в одиночку, за пару минут сумел уничтожить фактически весь манипул, оставив в живых лишь четверых бойцов, которые вместе с офицером прятались за обломком скалы.

Ослепленные внезапным взрывом, они не успели отреагировать на отчетливые одиночные выстрелы, а когда перед глазами перестали плавать оранжевые круги, то командир и четверо его бойцов увидели страшную картину: перед грубо обработанными каменными плитами, образующими вросшую в склон холма П-образную конструкцию, остались лежать тринадцать воинов их подразделения.

Трудно было поверить, что взрыв единственной гранаты в сочетании с безжалостным хладнокровием незнакомца привел к таким фатальным последствиям для подбиравшейся к его укрытию группы.

Это был очевидный разгром, и офицер прекрасно осознавал данный факт. В такие моменты решающее значение имеют сила воли, выдержка, но именно этих качеств храмовник больше не чувствовал в себе.

Выхватив сверкнувший серо-голубоватой сталью клинок, он очертя голову ринулся к посеченному пулями трилиту, спотыкаясь о тела павших.

Он не контролировал себя в эти секунды, снедаемый ненавистью и единственным желанием – собственноручно отсечь голову своему врагу.

Ворвавшись в тесное укрытие, он нашел его пустым.

* * *

Андрей знал, сколько секунд действует световая вспышка от взрыва на сетчатку человеческого глаза, поэтому, расчистив себе путь, мгновенно бросился в сторону, стремясь скрыться за покатым склоном холма, пока пятеро оставшихся в живых храмовников не могли открыть по нему прицельного огня.

Упав на землю, он приподнял голову, осматривая поле боя.

Обезумевший воин, по-видимому офицер, бежал, спотыкаясь, к его недавнему укрытию.

Кречетов хотел, но не успел выстрелить – офицер уже скрылся за трилитом, а вот четверо его подчиненных, присевших за гранитным обломком, просматривались с отлогого склона холма как на ладони, и палец лейтенанта машинально перевел скобку предохранителя в режим автоматического огня.

Длинная очередь хлестнула по затаившимся храмовникам; двое из них повалились на землю, даже не вскрикнув, а два других, не задетые пулями, не выдержав психологического прессинга постоянных смертей, вдруг рванулись прочь от проклятого, по их мнению, места.

Проследив за их петляющим бегом, Андрей не решился тратить остаток патронов – слишком велико было расстояние для прицельной стрельбы. Это была единственная ошибка, допущенная им во время боя.

Объятые страхом храмовники, убегая по ровной как стол пустоши, постоянно ждали выстрела в спину, и это сводило их с ума, иначе как объяснить, что вместо того, чтобы скрыться на тропе, ведущей от горного плато вниз, они вдруг свернули к одиноко стоящей «Нове» и, заскочив в открытый шлюз, в панике потянули за рукоять массивного люка…

Глядя, как встала на место овальная плита шлюза, Андрей едва не взвыл от досады. Полностью обесточенный корабль превратился в ловушку для двух перетрусивших идиотов, но легче от этого не становилось – теперь и ему не проникнуть на борт лишенного энергии корабля…

Его мысли об удручающем стечении обстоятельств были внезапно прерваны – Кречетов вдруг услышал быстрые приближающиеся шаги и успел вскочить на ноги, мгновенно вспомнив об офицере, которого упустил

из поля зрения.

Еще бы секунда – и серо-голубая сталь необычного клинка обагрилась кровью лейтенанта, но, резко обернувшись на звук шагов, он успел блокировать рубящий удар прикладом вскинутого вверх автомата.

Сталь встретилась с армированным волокончатым пластиком поглощающего отдачу демпфера[3], раздался хруст прорубаемого приклада, и клинок увяз в нем; Андрей, с трудом удержав удар, резко дернул автомат в сторону, одним движением обезоружив противника, и, отшвырнув в сторону «АРГ-8», резко ударил не успевшего опомниться офицера – ребром ладони по незащищенному горлу и тут же, с разворотом, ногой в висок.

Воин Храма обмяк и медленно упал, сначала рухнув на колени, а затем безжизненно, словно куль, опрокинувшись на спину.

Его широко открытые, остекленевшие глаза свидетельствовали о том, что удар в висок был излишним – голова командира храмовников, которая более не удерживалась на перебитых шейных позвонках, неестественно запрокинулась набок.

Он был мертв.

* * *

Андрей не смог позволить себе даже минуты отдыха после скоротечного, но измотавшего его боя.

Что делать с «Новой»? Как теперь попасть внутрь корабля?

Он поднял свой автомат, с усилием вырвал из приклада клинок и бегом спустился вниз.

Забыв о брезгливости, он быстро раздел одного из погибших храмовников, чья экипировка почти не пострадала при взрыве гранаты, сняв с него легкую металлокевларовую броню, набранную из отдельных, лежащих внахлест пластин, закрепленных на мягкой подложке.

С точки зрения защитных качеств она была прочнее его бронежилета и закрывала большую часть тела, поэтому Кречетов не колебался – переоблачившись, он получил сразу два преимущества: во-первых, издали его теперь стало сложно отличить от воина Храма, а во-вторых, боевая броня, выпускавшаяся промышленностью Земного альянса, была изначально ориентирована на сопротивление пулям, а не титановым шарикам импульсного оружия, что являлось немаловажным фактором в условиях данного мира.

Отыскав два боевых шлема – себе и спасенной им незнакомке, он

подобрал два автомата, затем тщательно обыскал остальные трупы, собрав все имевшиеся у них боекомплекты. Ничего похожего на еду в виде сухих пайков не нашел, зато отыскал десяток ручных гранат.

Отсутствие рационов и фляг с водой заставило Андрея поторопиться – данный факт наводил на мысль, что база храмовников расположена неподалеку, и каждая минута промедления грозила обернуться новой схваткой.

Откуда они поднялись на плоскогорье?

Перезарядив автомат, Кречетов быстрым шагом направился к краю плато. Не доходя десяти шагов до обрыва, Андрей лег на живот и пополз, пока рука не ухватилась за край отвесной скалы. Он осторожно подтянулся и заглянул в разверзшуюся внизу пропасть.

Утренний туман уже растопили лучи взошедшего светила, и он отчетливо увидел далеко внизу, на широкой, хорошо проходимой дороге маленькие фигурки людей, которые шли, не скрываясь, несколькими группами человек по двадцать в каждой. Это была целая колонна, во главе которой беззвучно ползла тяжелая БПМ, кажущаяся с такой высоты детской игрушкой…

Ну вот и крышка тебе, лейтенант… – невольно подумал он, на миг теряя привычный самоконтроль – это давала знать о себе смертельная усталость, но Кречетов не позволил распространиться волне глухого отчаяния, смешанной с полнейшим неприятием происходящих вокруг событий.

Его пытались убить, не поясняя причин, не проявив ни грамма здравого смысла или иных рациональных чувств.

Беглый взгляд по сторонам с одновременной оценкой позиций подсказал, что в принципе колонну можно затормозить, осложнив ей подъем на плоскогорье, – если грамотно выбрать укрытие, то, пожалуй, есть реальный шанс продержаться как минимум сутки… только зачем?

Он вновь перевел взгляд вниз на маленькие безобидные фигурки людей. Не понимая смысла происходящих вокруг событий, он интуитивно чувствовал, что попал в их эпицентр и запущенная кем-то военная машина попросту раздавит его…

Короткий, но жестокий бой дал ясную оценку противнику, и обстановка диктовала лишь один выход: хотел того Андрей или нет, но он должен оставить мысль о корабле и уходить. Цепляться за «Нову», вступив в неравную схватку, было равносильно самоубийству.

Вспомнив, что на умирающую незнакомку его навел след, свидетельствующий о посадке вертолета, он внес существенную поправку

в свои мысли. Нужно не просто убираться прочь, а уходить в горы, на высоту, куда разреженный воздух не позволит подняться ни одному летательному аппарату, использующему подъемную силу вращающихся лопастей…

Оглядевшись вокруг, он понял, что с плато, несмотря на обилие узких уводящих вниз троп, для него существует только один приемлемый путь: в отвесной стене, с одной стороны ограничивающей плоскогорье, существовал вход в ущелье, которое вело в глубь горного массива.

Не станет ли такое решение очевидным и для них? – подумал Кречетов, наблюдая за медленным продвижением колонны. – *Нет, вряд ли…* – тут же рассудил он, посмотрев в другую сторону, где ясно просматривались лесистые склоны предгорий. – *Скорее они станут искать меня там…*

Главное – незамеченным пройти мимо «Новы», чтобы двое затворившихся внутри храмовников не смогли точно указать, в какую сторону он ушел.

Его тревога и напряжение росли с каждой секундой.

Прикинув вес туго набитого рюкзака, Андрей вернулся к месту недавней схватки и воспользовался окровавленными ремнями чужих экипировок, чтобы закрепить его не на спину, как предполагали лямки, а на грудь.

Закончив приготовления, он, прячась за обломками скал, добрался до раненой женщины, найдя ее в том же бессознательном состоянии. Андрей торопился, постоянно ожидая новых неприятностей; он то и дело поглядывал в сторону «Новы», но двое храмовников, запертые внутри корабля, видимо, пытались в эти минуты совладать с запорами главного шлюза.

Лишь бы не поднялись в рубку… – подумал Андрей, понимая, что прозрачный купол бронестекла откроет им отличный обзор.

Осторожно приподняв безвольное тело незнакомки, Кречетов связал ее руки в запястьях таким образом, чтобы не нарушить кровообращения. Мысли о том, чтобы уйти налегке, бросив ее тут, у Андрея не возникало. *Нет… Только вдвоем…* – сказал он ей, просовывая свою голову между связанных рук, а затем с усилием встал.

Она была чуть ниже ростом, чем Андрей, но все же ее ноги доставали до земли носками сапог, однако с этим уже ничего нельзя было поделать.

Вес женщины оказался невелик – килограммов пятьдесят, но надетая на ней экипировка добавляла свою долю, и, делая первый шаг, Кречетов слегка пошатнулся. Груз, который ему предстояло нести, вроде бы

равномерно распределился между спиной и грудью, но, даже сбалансировав нагрузку, он поставил перед собой нелегкую задачу.

Оглянувшись на мертвые тела в серых мешковатых балахонах, он на секунду застыл, молча окинув их взглядом.

Мысли лейтенанта были просты и честны.

Побывав во многих боях, он разучился кривить душой. У него не было времени, чтобы похоронить принявших жестокую смерть женщин, он по-прежнему не знал, кого он сейчас держит на своей спине – друга или же врага, – одно лейтенант знал наверняка: раненых не бросают, а когда на тебя движется жестокая и непонятная сила, разумнее отступить, оставаясь в живых, чтобы ослабить прессинг чужой непонятной воли и, разобравшись в сути событий, начать самому формировать обстоятельства…

…С такими мыслями он отправился в путь, огибая холм, чтобы его не заметили двое запертых внутри корабля храмовников. Время по-прежнему работало против Андрея, – он справедливо опасался, что с минуты на минуту в небе могут появиться летающие машины, и потому спешил, даже не подумав подняться к мегалитам, где оставил два кофра с неприкосновенным запасом еды и медикаментов.

Предвидя логику противника, Андрей предполагал, что если он успеет незаметно углубиться в теснину ущелья, то его не станут преследовать в этом направлении – путь вниз предпочтительнее для бегства, и они невольно начнут прочесывать узкие тропы, которые ведут к лесистым предгорьям…

Лишь бы не появился вертолет…

Глава 6

Горный массив неизвестной планеты…

Стремясь оторваться от вероятного преследования, Андрей, обуреваемый мрачными мыслями, шел несколько часов кряду, делая лишь короткие остановки, пока силы не начали окончательно покидать его.

Почувствовав, что ломота в груди становится невыносимой, а колени подгибаются, отказываясь держать вес двух тел, он сделал первый привал.

Бережно опустив свою ношу, он развязал посиневшие запястья незнакомки и сел рядом, растирая кисти ее рук, чтобы восстановить в них кровообращение.

В висках Кречетова глухо стучала кровь, перед глазами все плыло, он тратил последние силы, но не остановился, пока не увидел, что кожа пальцев женщины начала медленно розоветь.

Теперь нужно позаботиться о себе, – борясь с усталостью, подумал он. Андрей не спал уже более суток, не говоря о том, что в последний раз поесть ему удалось еще на Земле, в гостинице…

Среди препаратов комплекта первой помощи имелись пищевые таблетки, немного дистиллированной воды и упаковка с сильнодействующим стимулятором. Достав инъектор, он сделал себе укол, потом разжевал одну пищевую таблетку и закрыл глаза, ожидая, пока начнет действовать введенный препарат.

Примерно через минуту он ощутил, как проясняется его сознание, и, открыв глаза, огляделся.

Еще на входе в ущелье он отметил, что оно больше напоминает титаническую трещину в скалах. Разлом горных пород был глубоким, но узким, отвесные стены фактически не тронуты процессами естественной эрозии, а дно щедро усеивали острые обломки базальта.

Теперь, оглянувшись назад, Андрей понял, что миновал самую труднопроходимую часть ущелья, где приходилось пробираться меж хаотических нагромождений каменных глыб, а дно разлома разительно изменилось, и лишь предельная усталость не позволила ему сразу обратить внимание на необычность окружающей обстановки.

Еще во время одной из вынужденных остановок, когда он отдыхал, привалившись боком к холодной поверхности скал (сесть или лечь он не мог, опасаясь потревожить бессильно повисшую на его спине женщину),

Кречетов заметил, что по дну струится, петляя между препятствиями, небольшой ручеек, который брал начало в каком-то из расположенных выше ледников, и сейчас невольно вздрогнул, увидев, что тот выпрямился и течет в гладко отшлифованном каменном желобе.

Стоило осмотреть его внимательно. Природа иногда выкидывает занятные фортели.

Нет, желоб, по которому текла вода, не имел ничего общего с игрой воображения, как и грубо обработанные каменные плиты с шероховатой поверхностью, которые проглядывали из-под мелкого щебня, пришедшего на смену крупным обломкам скал. Уложенные попарно, они образовывали неширокую, уводящую вверх дорогу.

Заинтригованный этим внезапным открытием, Андрей отгреб ногой щебень, обнажая поверхность каменной плиты, которая при ближайшем рассмотрении оказалась не грубо обтесанной, а специально обработанной: каждая бороздка на поверхности камня являлась не просто сколом, а тщательно исполненным элементом сложного рисунка. Ровные ряды углублений и горизонтальных насечек чередовались в строгом порядке, причем одни были направлены выступом вверх, а иные вниз, относительно уклона ущелья, и, рассматривая их, Андрей невольно подумал: «*Чтобы идти по такой дороге, нужно иметь специальную шипованную обувь либо… когти на лапах*», – услужливо дополнило его мысль подсознание.

Странное открытие не насторожило, а скорее озадачило Кречетова. Дорога из попарно уложенных плит выглядела древней, камень в некоторых местах истерся, но кто и зачем ее проложил, оставалось только догадываться.

Ломать голову над этим было попросту некогда. Весь окружающий мир являлся для Андрея сплошной загадкой, и, почувствовав прилив сил, вызванный действием стимулятора, он решил, что разумнее всего двигаться дальше.

…Возобновив движение, он вновь углубился в мысли, которые одолевали его еще в самом начале пути, а затем угасли, раздавленные усталостью.

Он думал о том, что ему делать дальше, пытался взаимосвязать разрозненные факты, чтобы построить из них приемлемую модель событий, но логика работала из рук вон плохо. Вопросов на поверку оказалось много больше, чем ответов на них. Да и неоспоримые факты, сомневаться в которых он не мог, не находили места рядом друг с другом, словно он в своих размышлениях пытался сопоставить исключающие друг друга явления.

Андрей шел с трудом – крутой подъем отнимал физические силы, а тяжелые мысли истощали разум, и в конце концов он опять подпал под тяжелое влияние монотонного ритма ходьбы. Машинально переставляя ноги, он поднимался все выше и выше, уже без эмоций отмечая, что дно ущелья стало расширяться, каменные обломки полностью исчезли, а образующие дорогу орнаментированные плиты занимали все доступное взору пространство; рядом тихо журчал ручеек, сбегающий вниз по каменному желобу, а необработанными оставались лишь отвесные стены ущелья, меж которыми, застилая узкую полоску неба, клубились первые облака.

* * *

Уклон старой дороги становился все круче.

Где-то около полудня Андрей вошел в густой пласт облачности. Стены ущелья к этому времени раздались в стороны на несколько сот метров, и в просвете между ними неожиданно проявился ориентир: сквозь молочно-белую пелену просвечивало яркое пятно, имевшее голубоватый оттенок, и Кречетов понял, что видит диск энергетического сгустка, который взошел над вершинами горного хребта.

Ориентируясь на яркое пятно, он преодолел мощный слой молочно-белой пелены, одновременно ощущая, что идти стало легче, – подъем постепенно терял свою крутизну, а когда покрывало облаков превратилось в отдельные сгустки, похожие на висящие в разреженном воздухе клочья ваты, взгляду Андрея предстала поразительная картина.

Он понял, что миновал ущелье и теперь стоял на краю еще одного плоскогорья, которое покрывали руины каких-то неимоверно древних построек.

Внезапно открывшиеся его взгляду остатки древних сооружений походили на толстую стену, завитую в спираль. По всей площади высокой и некогда монолитной постройки чернели овальные отверстия, к которым вели узкие дорожки, напоминающие множество пристроенных к спиралевидной стене пандусов, исполненных из узких орнаментированных каменных плит.

Андрей остановился, во все глаза глядя на развалины. Потрясение Кречетова было вызвано тем, что его разум вдруг начал проводить аналогии, дополняя картину руин, реконструируя истинный образ постройки при помощи собственной памяти!..

Сразу же вспомнился полученный по пневмопочте кристалл. Только логриане имели мощные конечности, снабженные подходящими по размеру когтями, способными цепляться за характерные выемки на плитах дороги, и лишь они строили исполинские сооружения, похожие на закрученную в спираль стену, сплошь покрытую овальными отверстиями… Память лейтенанта хранила зрительные образы, связанные с космическими сооружениями расы двухголовых ксеноморфов, а тут он воочию наблюдал примитивный, полуразрушенный аналог подобной постройки, расположенной непосредственно на поверхности планеты… и, наконец, кристалл, с записью древнего катаклизма, содержал образы логрианских кораблей…

Неужели это они отправили девять миров в аномалию космоса? – обожгла его разум внезапная догадка. – *Но зачем?!*

Он смотрел на древние руины, будто ждал от них вразумительного ответа на свой вопрос, но камень молчал, демонстрируя лишь змеящиеся по нему трещины да осыпи щебня, образовавшиеся в местах пол: ного разрушения стен.

* * *

Вскарабкавшись по осыпи камней в один из разломов, Кречетов, едва живой от усталости, увидел перед собой панораму плоскогорья.

Сразу за руинами логрианского города начиналась обширная, лишенная растительности пустошь, по которой тянулась наполовину скрытая перистыми полосами облаков дорога. Она вела к подножию скального монолита, который возвышался над противоположным краем плато, и, изгибаясь, начинала карабкаться на него, извиваясь неравномерными петлями серпантина.

Эта дорога не имела ничего общего с той, что пролегала по дну ущелья. Она была гладкой, ровной, словно ее построили иные существа.

Он не ошибся…

Подняв взгляд, чтобы проследить за направлением горного серпантина, Андрей вдруг различил скрывающиеся в туманной дымке, сливающиеся с серым фоном скал титанические укрепления в виде бастионов и башен, соединенных естественными стенами из скальных пород, лишь кое-где дополненных кладкой из огромных каменных блоков.

Если город логриан вызвал у него потрясение, то вид искусно врезанных в скальный монолит укреплений вверг разум Кречетова в

состояние шока.

Он видел перед собой творение рук человеческих… Зубчатые стены, выступающие контрфорсы башен, узкие бойницы…

Андрею казалось, что он сошел с ума и бредит. Это была архитектура древней Земли, эпохи докосмической эры!

Его рука машинально потянулась к клапану экипировки, и второй микроинъектор с метаболическим стимулятором впился в кожу, впрыскивая препарат. Андрей отлично знал, что за повторное применение стимулирующего средства ему впоследствии придется дорого заплатить, но остановиться тут, среди руин логрианского города, не поднявшись хотя бы к первым бастионам человеческой цитадели, было выше его сил.

* * *

Время снова начало утрачивать свой физический смысл.

Он шел, напрягая последние силы. Голубой, размазанный по краям диск сгустка энергии уже давно перевалил полуденную отметку, а Андрей упорно продвигался к цели, машинально делая шаг за шагом.

Два передовых бастиона исполинской цитадели росли, и это придавало Кречетову сил, если не физических, то моральных. Он смотрел вперед, на мощные контрфорсы укреплений, на округлые верхние площадки двух передовых бастионов с частично обрушенными зубцами защитных стен, снова и снова переставляя одеревеневшие от усталости ноги.

Пересекая плоскогорье, разделявшее два архитектурных ансамбля, Андрей несколько раз натыкался на глубокие выбоины в камне, похожие на воронки от тяжелых снарядов или авиабомб, затем, уже на середине пути, он заметил несколько темных точек, мимо которых неизбежно пролегал его маршрут, а подойдя ближе, понял, что это выгоревшие дотла остовы трех вертолетов. Их корпуса из легкого алюминиевого сплава не смогла затронуть коррозия, но они почернели от бушевавшего некогда огня, а все внутренние механизмы, аппаратура давно превратились в спекшиеся стекловидные фрагменты либо в ржавые комья потерявшего форму металла.

Свидетельства времени были безжалостны, но разнородны. Если город логриан нес в своем облике следы долгого, неумолимого обветшания под действием разрушительных природных сил, то образчики разбитой человеческой техники немо свидетельствовали о драматических событиях,

принадлежащих не столь далекому прошлому, и лишь стены врезанной в скальный монолит цитадели на первый взгляд казались неподвластны ни разрушительным процессам эрозии, ни жестокой мощи какого-либо оружия…

…Чем ближе подходил Андрей к передовым укреплениям, тем выше поднимались стены двух округлых бастионов, – теперь, чтобы увидеть частично разрушенные зубцы их наверший, приходилось запрокидывать голову.

Стены исполинских сооружений при ближайшем рассмотрении оказались сложены из тщательно подогнанных друг к другу прямоугольных гранитных блоков. Глядя на их размеры, почти зеркальную полированную поверхность и идеальную геометрию, Андрей не мог не задуматься – каким образом они были вырезаны из скального монолита и сложены в кладку?

Ответ вроде бы плавал на поверхности – для работ такого рода в современности использовались горнопроходческие лазеры и подъемные устройства, основанные на принципе антигравитации, но Кречетова тут же взяло сомнение – откуда у обитателей этого загадочного мира могли появиться передовые технологии тридцать девятого века?!.. Наличие лазерных установок он еще мог допустить – в период Великого Исхода уже существовали достаточно мощные образчики этих устройств, а вот принцип антигравитации был открыт не так давно…

Мысли о строителях цитадели отвлекали его разум от физических усилий измученного тела, и благодаря этому Андрей все же смог добраться до основания двух исполинских бастионов, за которыми дорога поворачивала, превращаясь в плавный серпантин. Благодаря такой конструкции угол ее подъема оставался небольшим, но возрастала протяженность пути, который было необходимо преодолеть, чтобы добраться до верхней точки.

Осознавая, что впереди лежит немалый отрезок дороги, Андрей решил устроить очередной привал. Присев на корточки, он осторожно прислонил бессознательное тело женщины к стене левого бастиона, затем дал ей возможность опереться спиной о камень, освободив свою шею и плечи от кольца ее рук.

Осмотрев свою невольную спутницу, он по частоте выровнявшегося дыхания и ритму пульса понял, что ее состояние остается тяжелым, но стабильным. Резервуар с кровью опустел, однако повязки, закрытые герметизирующим составом, оставались сухими – значит, кровотечение не возобновлялось.

Вовремя сделанное переливание крови вкупе с антишоковыми

инъекциями позволили ей выжить, но в сознание она не приходила, что при ее ранениях было нормально. При самых оптимистических прогнозах ей еще предстоит пережить кризис, и только на вторые или третьи сутки можно будет судить о том, сумеет ли ее организм справиться с полученными ранениями.

Андрей долго смотрел на ее бледное лицо, неброское, но симпатичное, испытывая неодолимое желание сесть рядом и не двигаться, но не поддался искушению, понимая, что вряд ли найдет после этого силы на то, чтобы встать и двигаться дальше.

Нет, сейчас, находясь уже у цели, Андрей не мог позволить физическому изнеможению взять верх над силой воли, что восемь часов кряду толкала его вверх по крутому подъему ущелья.

Он должен найти укрытие, прежде чем наступит ночь…

На всем протяжении пути он постоянно оглядывался, пытаясь определить признаки погони, и не замечал их, однако это не гарантировало, что, обыскав ведущие вниз тропы, храмовники не поднимутся вверх по ущелью…

Лейтенант, словно гонимый зверь, интуитивно ощущал опасность. Он понимал, что столкнулся на плоскогорье не со случайными людьми, а с регулярным воинским формированием, бойцы которого поднялись на плато не ради праздного любопытства, а колонна, замеченная им уже после боя, только подтверждала мысль о том, что эти безлюдные места жестко контролируются…

Взглянув вверх, на отвесные стены укреплений, Андрей подумал, что оказался в ловушке. Он ожидал встретить за ущельем горный перевал, а попал на очередное плато, с двух сторон ограниченное бездной. Сюда вел единственный путь – через узкий тектонический разлом, а впереди за зубчатыми венцами башен вздымались скалы такой высоты, что их вершины терялись за облаками.

Смогут ли эти стены дать нам временное убежище? – подумал он, пытаясь принять окончательное решение: двигаться ему вверх по изгибам дороги или все-таки поискать укрытие в одном из передовых укреплений?

Внутренние сомнения заставили его вспомнить, как на протяжении последних суток судьба швыряла его по своей прихоти от одного испытания к другому, не давая ни остановиться, ни опомниться. В результате он оказался тут, на неведомой планете, затерянной в недостижимых глубинах аномалии космоса, с массой вопросов в голове, смертельно раненной женщиной на руках, изможденный морально и физически, без средств к существованию, но зато обвешанный оружием и

боекомплектами…

Размышляя, он хмуро разглядывал отрезок дороги, ведущий к верхним укреплениям цитадели. Вырезанный в скале серпантин был не так крут, как подъем в ущелье, но и силы у Андрея уже окончательно истощились, и он вовсе не был уверен, что сумеет добраться до заоблачных башен.

Нет, по всем раскладам выходило, что выгоднее искать убежище в одном из передовых укреплений. Единственное, что смущало Кречетова, – это глухие стены бастионов. Несомненно, такие огромные сооружения должны иметь массу внутренних помещений, но его взгляд не находил ни бойниц, ни окон…

Ладно, разберусь на месте… – решил он.

* * *

Подойдя еще ближе, Андрей понял, что был не прав в своих оценках, – цитадель также пострадала, но не от времени, а в результате штурма…

Между двумя бастионами некогда существовали ворота, о которых сейчас напоминали лишь масса гранитных обломков да фрагмент сохранившейся кладки с выщербленными, частично раскрошенными блоками. Создавалось впечатление, что не так давно тут велись широкомасштабные боевые действия с применением тяжелой планетарной техники…

Оценив тактические преимущества образовавшейся на месте разрушенных ворот теснины, Андрей решил обезопасить себя от внезапного нападения со стороны плоскогорья. Перенеся раненую женщину через завалы камней, он бережно уложил ее у края ведущей вверх дороги, а сам вернулся в тесный проход, снял со своей груди рюкзак и извлек из него десяток гранат.

За время, прошедшее с момента изобретения первой ручной бомбы, этот вид оружия постоянно эволюционировал, превратившись из громоздких и тяжелых устройств в рифленые сфероиды размером с теннисный мяч. Многовековой опыт, накопленный людьми в деле взаимного истребления, отражался в этих небольших устройствах с особенной наглядностью. Начиненная таугермином сфера была снабжена тремя видами взрывателей, каждый из которых выполнял свою функцию.

Самым простым был нажимной поворотный диск, предназначенный

для активации гранаты перед броском, но, кроме него, в осколочной рубашке имелось еще два сегмента.

Кречетов знал все характерные особенности скрытых под ними устройств. Подцепив ногтем защитную пластину, он вытащил из корпуса тонкую длинную проволоку, соединенную с дублирующим взрывателем. Заклинив гранату двумя обломками камня, он протянул сталистую нить над самой землей, закрепив ее свободный конец по другую сторону прохода. Теперь любое неосторожное касание проволоки неизбежно должно было привести к взрыву.

Установив еще четыре подобных растяжки, он поднялся на гребень завала, образовавшегося на месте разрушенных ворот. Наметив места минирования, Андрей поочередно извлек из-под защитных заглушек подпружиненные столбики нажимных взрывателей и заложил шесть гранат под обломки гранита, превратив заваленную камнями теснину в смертельную ловушку.

Закончив минирование прохода, он с расстояния в десяток шагов критически осмотрел свою работу.

Вроде бы все было сделано грамотно.

Дай бог, чтобы не пригодилось… – подумал Андрей и, снова взвалив на спину незнакомку, пошатываясь, пошел вверх, двигаясь по закругляющейся дороге, ведущей к открытым площадкам двух передовых укреплений древней цитадели.

* * *

Спустя час, когда похожий на звезду энергетический сгусток начал постепенно клониться к изломанному линией скал горизонту, Андрей достиг первого ответвления дороги, которое, как он и рассчитывал, вело к открытой верхней площадке одного из бастионов.

Свернув, он прошел еще около ста метров, двигаясь уже на пределе сил, и наконец увидел высеченную в камне лестницу, которая вывела его через арочный проход на открытую всем ветрам округлую площадку, венчавшую правое укрепление.

Он остановился, оглядываясь по сторонам.

Да, несомненно, когда-то тут кипел жестокий бой – многочисленные отметины от пуль густо покрывали гранитные блоки титанической кладки, в центре площадки зиял глубокий провал – очевидно, сюда угодил снаряд или авиабомба. Вокруг дыры каменная плита была покрыта трещинами, а

устоявшую часть массивного перекрытия усеивали острые осколки ржавого железа и вездесущий гранитный щебень.

Отыскав более-менее чистый участок, где невысокая зубчатая стена давала защиту от холодного ветра, Андрей бережно опустил свою спутницу, прислушался к ее дыханию, потом подложил ей под голову наполовину опустевший РД и укрыл своей истрепавшейся курткой, чувствуя, что в любой момент он сам может оказаться в ее незавидном положении…

Вокруг уже начали сгущаться сумерки.

Ему неодолимо хотелось сесть, но Кречетов все же собрал остатки сил, решив подробнее осмотреть площадку, пока окончательно не стемнело. Он надеялся отыскать вход на внутренние этажи бастиона, но, обойдя весь периметр, наткнулся лишь на сохранивший смутные очертания ржавый остов какого-то механизма, установленный на выступе контрфорса, обращенного к руинам логрианского поселения. Сумерки уже окончательно пали на землю, скрадывая очертания предметов, но, подойдя ближе и присмотревшись, он различил два погнутых ствола, легированная сталь которых не поддавалась коррозии, и понял, что перед ним серийная зенитная установка времен Первой галактической войны. Все детали орудия, кроме высокопрочных стволов, насквозь проржавели, превратившись в единый ком, рядом валялись обломки от расколотого вдребезги пластикового ящика из-под снарядов, под самым основанием поребрика виднелась тусклая россыпь тридцатисантиметровых гильз, среди которых попадались изогнутые пластины пустых обойм.

Осматривая орудие, Андрей вдруг почувствовал, что ноги больше не держат его. Дурнота накатила столь внезапно, что ему пришлось ухватиться рукой за ржавую станину.

Это уже был не признак предельной усталости, а явный постэффект, неизбежно наступающий после применения метаболических стимуляторов.

Придя в себя и немного отдышавшись, он с трудом добрел до зубца стены, под защитой которого оставил свою спутницу. Сев на холодный камень, Андрей прислонился спиной к невысокой стене, положил рядом два снаряженных автомата и закрыл глаза.

Тьма, резко навалившаяся на него, больше походила на потерю сознания, чем на сон.

* * *

Лана очнулась, когда голубое светило уже перевалило за полдень, начиная клониться к закату.

В первые минуты ее разум, все еще пребывающий в плену предсмертного травматического шока, никак не мог адекватно воспринять окружающую реальность, но постепенно к ней начали возвращаться ощущения. Прошло какое-то время, и она почувствовала тупую боль от ран, стесненную позу задеревеневшего тела, а также – мерное покачивание, синхронное с тяжелым, прерывистым дыханием человека.

Кто-то нес ее на своей спине!..

Прояснившийся взгляд Ланиты скользнул по окрестностям, и вдруг что-то будто перевернулось душе, когда она увидела серые скалы и гордо возвышающиеся вровень с ними укрепления древней цитадели, вызвавшие ясные, четкие до боли воспоминания…

– Храмовники! Машины идут!

Этот крик, прозвучавший с вершины сторожевой башни, резанул по нервам нескольких сот человек, порвав тонкую струну напряженного ожидания: в кристальной утренней тиши раздался шелест взводимых механизмов метательных орудий, отчетливо лязгнули казенники зенитных установок, расположенных на площадках передовых бастионов, вторя им, клацнуло с десяток затворов ручного огнестрельного оружия.

Утро выдалось стылым.

Стены укреплений вздымались серыми колоннадами замшелого камня. Воздух, в котором седыми космами повисли редкие облака, был чист, свеж и хрупок. Облака цеплялись за стены укреплений в тщетной попытке скрыть выступы контрфорсов от посторонних глаз, но люди, застывшие за зубцами стен, не могли позволить себе иллюзий – крик часового вкупе с многочасовым ожиданием развеял последнюю надежду: на них шли машины Храма… а это означало гибель. Люди могли противостоять людям, но не механизмам. Для этого защитников горного укрепления было слишком мало, их оружие никуда не годилось, а рядом с пятью зенитными установками, чьи спаренные стволы были опущены сейчас на прямую наводку, стояло всего лишь по два пластиковых ящика с тупо поблескивающими обоймами.

И все же они не собирались сдаваться.

Каждый из защитников цитадели знал, что пощады не будет. Машины Храма спускаются с небес не для того, чтобы миловать, – они созданы для убийства, которое – единственная цель существования их хозяев. Они – инструмент власти, карающая длань небес, до которых отсюда, с

укреплений, можно было дотянуться рукой.

Воины стояли на стенах, напряженно всматриваясь в пласты тумана, чьи ленивые утренние языки выползали из змеистого разлома ущелья. Их лица, посеревшие от напряжения, казались сродни холодному камню. Здесь не было случайных людей. Все они, прежде чем встать на защиту последнего оплота прежней жизни, прошли свой путь, утверждаясь в осознанном желании противостоять тому укладу бытия, который навязывали им внезапно обрушившиеся с небес пришельцы. Для каждого этот путь сомнений и невзгод был сугубо личным, неповторимым, но итог оказался равен для всех – они сошлись тут, в последнем прибежище среди скал, о стены которого разбились все прошлые карательные экспедиции, и вот настал закономерный итог: Храм прибег к своему последнему резерву.

…Первая из машин появилась внезапно, но не на дороге, которая тянулась от руин древнего города двухголовых, а над самими развалинами. Белое покрывало густого утреннего тумана внезапно взвихрилось, сминаемое режущими воздух лопастями, и из мутного белесого водоворота вынырнул первый механизм.

– Вот он!

Крик отозвался глухим многократным эхом.

Боевая машина поднялась над густым покровом тумана и зависла. Ее винт резал прозрачный утренний воздух, который был слишком разрежен на такой высоте, чтобы вращающиеся лопасти могли и дальше поднимать многотонное механическое исчадие Храма.

Естественные укрепления скальных выступов, дополненные серой кладкой из многотонных блоков, молчали. Для примитивных метательных орудий вражеский механизм висел слишком далеко, а стрелки у зенитных установок ждали команды.

…*Лаонита* стояла на полукруглом выступе нижнего бастиона в окружении восьми существ, ни одно из которых не принадлежало к расе людей.

Все они напряженно ждали, и не напрасно…

В пластах тумана наметилось еще шесть завихрений, белесое покрывало всколыхнулось сразу во многих местах, выпуская из-под своего полога серо-стальные машины. Они поднялись до уровня, на котором, басовито стрекоча, висел первый механизм.

Ожидание, казалось, звенело, перекрывая утробный вой режущих воздух лопастей.

Укрепления располагались высоко. Так высоко, что было трудно дышать. Отсюда был виден верхний пласт облаков, а над ним двигались

три точки. Они появились внезапно и стремительно росли, летя совершенно беззвучно, словно призраки.

– В укрытия! – прозвенел голос.

Серые фигурки людей метнулись в расселины между скал, и как оказалось – вовремя.

Три точки стремительно пронеслись над укрепленными выступами, на долю секунды показав свое истинное строение, – это были машины, которые двигались со скоростью, обгоняющей звук. Они походили на короткокрылых, горбоносых блестящих птиц, но людям некогда было рассматривать страшные контуры, – воины, подчиняясь приказу, укрывались в расселинах, и лишь восемь разноликих существ остались стоять на нижнем бастионе, образовав плотное кольцо. Лаонита стояла в центре Круга, глядя немигающим взором на затормозившие свой полет машины, а ее губы шевелились, выталкивая монотонный, нарастающий по напряженности речитатив, но произносимые ею слова вдруг заглушил внезапно накатившийся вой – это звук, отставший от породивших его машин, наконец накрыл бастионы, разрывая барабанные перепонки; поднявшийся шквалистый ветер ринулся подметать каменные площадки, а звено машин Храма, сбросив скорость, вальяжно поворачивалось, чуть кренясь при этом набок… и спустя мгновение из их чрева вниз посыпались бомбы.

Лаонита фактически не воспринимала окружающее.

Она была полностью погружена в себя, в свои внутренние ощущения. Звук турбореактивных двигателей воспринимался ею как отдаленный фон – ее уши были заблаговременно заткнуты ватными пробками, смоченными в растопленном воске.

Речитатив отдавался в костях, резонируя через них в разум.

Слова, срывающиеся с ее губ, не имели конкретного смысла – они являлись лишь средством отчуждения от мира, катализатором внутренней концентрации для нее самой и восьми образовавших Круг существ.

Лаонита остро ощущала, как происходят в ней перемены. Реальный мир будто отдалился. Да, она видела оранжевые вспышки, которые расцветили правый бастион, ее глаза воспринимали полет бомб, взрывы, тонны выброшенного вверх камня, но разум был сосредоточен на трех ярко отблескивающих точках, которые набирали скорость, завершая свой разрушительный вираж…

Это было непросто – сконцентрировать свою волю, допуская при этом лишь одно желание: жажду разрушения. Лаонита имела богатый опыт манипуляций окружавшей энергетикой, и сейчас она осознанно управляла

жизненными процессами своего тела, активно меняя метаболизм, заставляя организм пережигать жировые запасы клеток, отдавая энергию в кровь, а та несла ее к кончикам пальцев… но впервые она действовала во зло, во имя разрушения, а не созидания или пассивной защиты…

Восемь разноликих, чудовищных для неподготовленного взгляда, но равных в своей разумности существ по-прежнему окружали ее, образуя Круг в центре верхней площадки левого бастиона. Они застыли в напряженных позах, подняв к небу взгляды и, каждый по-своему, медленно выговаривая монотонную формулу, навязанную им волей Лаониты.

Кожу начало пощипывать. Воздух вокруг внезапно стал змеиться, словно стояло не стылое утро, а полуденная жара.

Глаза Лаониты тускнели, на висках выступали бисеринки пота, кожа серела, – теперь накопленная энергия, сконцентрировавшись на кончиках пальцев, начала влиять на силовые линии окружающего пространства, деформируя их нужным образом, и вдруг…

Одно из образовывавших Круг существ, наиболее отвратительное с точки зрения человеческой эстетики, внезапно напряглось, словно его мышцы свела судорога, и одновременно с этим в воздухе разлился жар. Ослепительный сгусток, зародившись на конечностях существа, сорвался в свободный полет, прочертив слепящую дугу между бастионом и заходящими для повторного бомбометания машинами, – первая вспышка длилась не более секунды, но вслед за ней ударили новые – это остальные члены Круга достигли пика своей концентрации, и восемь новых тепловых разрядов один за другим пронзили разреженный воздух…

Восемь, потому что один из сгустков внезапно ударил в сторону, поразив одиноко растущую сосну, которая умудрилась зацепиться корнями за выветренные расселины в скалах. Дерево моментально вспыхнуло, превратившись в жаркий факел, а в небе над ним одна из машин, которую догнали шесть разрядов, вдруг потеряла плавность своего смертельного скольжения и начала переворачиваться, роняя из своего чрева груз бомб, которые сыпались не на укрепления, а вниз в ущелье…

Еще секунда, и летательный аппарат начал падать вслед за своим разрушительным грузом…

Это была память… *Ее реальная память,* которая по какой-то причине долго сидела в узилище подсознания и вот внезапно вырвалась на свободу под воздействием знакомого горного пейзажа, где скалы дополнены полуразрушенными рукотворными укреплениями…

А как же я… моя память… моя жизнь… Храм… Круг… все, что было

со мной, начиная от раннего детства и до этой самой минуты?!

Лана не смогла ни ответить на заданный самой себе вопрос, ни выдержать эмоционального напряжения внезапного стресса.

Она вновь потеряла сознание. Ее разум, очнувшийся от забытья, вновь погас, как оплывшая восковая свеча под порывом ветра.

* * *

Андрей проснулся от резкого, неприятного ощущения: кто-то стоял рядом и внимательно смотрел на него.

Сколь ни глубок был сон Кречетова, он отреагировал мгновенно – не открывая глаз, скользнул пальцами по автомату, который, засыпая, держал в руке, и, лишь только палец коснулся тугой спусковой скобы, резко откатился с одновременным рывком на колено.

– Стой, где стоишь!

В темноте раздался приглушенный нечленораздельный вскрик, в котором было больше ужаса, чем угрозы.

Сон у Андрея как рукой сняло. Глаза быстро адаптировались к фиолетовому сумраку, и он смог разглядеть внезапного визитера.

Существо, которое нарушило его провальное забытье, выглядело как минимум странно. Оно было сгорбленным, всего метр ростом, с ног до головы укутанное в какое-то тряпье, образующее подобие одежды… при этом из-под складок ветхой ткани торчали лишь сморщенные кисти рук да поблескивали пронзительные, будто подсвеченные внутренним огнем глаза без зрачков.

Какой-то жутковатый, неправдоподобный глюк…

– Чутко спишь… – не то похвалил, не то посетовал на бдительность Андрея едва слышный, похожий на шелест ветра голос.

– Ты кто такой? И что тут делаешь? – требовательным тоном спросил Кречетов, не отнимая пальца от спусковой скобы.

– Я? – В тихом шепоте отчетливо прозвучали нотки уязвленного самолюбия. – Я здесь живу. А вот ты кто? Как забрался сюда?

– Ногами, – буркнул в ответ Андрей, которого подобное пробуждение вовсе не радовало.

– Это кто? – Сморщенный палец, покрытый кожей коричневатого оттенка, указал на незнакомку, что лежала поодаль. Перед тем как впасть в забытье, Андрей заботливо прикрыл ее голову трофейным полушлемом, а на лицо на всякий случай опустил забрало с дыхательными фильтрами.

– Женщина, – лаконично ответил Кречетов. – Раненая, – добавил он, заметив, что карлик сделал мелкий осторожный шажок по направлению к ней. – Не тронь ее! – повысил он голос, и карлик, вздрогнув, отдернул руку.

– Лицо, – тихо попросил он. – Посмотреть.

– С какой стати?

Маленькая фигура огорченно пожала плечами:

– Пожалуйста!

От существа не исходило зримой, осязаемой угрозы, его руки были пусты, телосложение тщедушно, голос тих, но Андрей, хоть и видел все это, не спешил исполнить вежливой просьбы.

Он по-прежнему стоял, припав на одно колено, и его заметно трясло, будто Кречетова внезапно пробил необъяснимый приступ лихорадки.

Его взгляд помутился, став расплывчатым, мускулы огрузнели – минута напряжения да резкий рывок после варварского применения стимуляторов по пути сюда мгновенно исчерпали его силы…

Досадуя на неизбежную слабость, он хотел встать, но вдруг повалился на бок, автомат при этом глухо стукнул о камень, а Кречетов, упав, уже не шевелился – он потерял сознание в тот миг, когда попытался совершить еще одно резкое движение.

Глядя на такой оборот событий, карлик лишь слегка покачал головой и уже без помех сделал то, к чему стремился, – подошел вплотную к телу женщины и откинул вверх полупрозрачную дыхательную маску.

Его реакция на открывшееся взору бледное лицо с заострившимися чертами оказалась столь же непредсказуема, как и внезапный обморок Андрея, – маленькое существо попятилось в ужасе, его тело, укутанное в лохмотья, странно всколыхнулось, словно в нем не было костей, и сиплый вздох вырвался из невидимого горла…

Судя по резкому уменьшению роста существа да по колыханию его одежд, карлик в этот миг рухнул на колени, не отрывая взора горящих глаз от смертельно бледного лица.

– Ты ее знаешь? – раздался за спиной голос Андрея, который, придя в сознание, пытался встать, опираясь на автомат.

Карлик медленно повернулся всем телом. Он дрожал – это было отчетливо видно по частому колыханию его одежд.

– Назови мне ее имя, воин… – едва слышно произнес он. – Прошу…

– Ты задаешь вопросы не по адресу. – Голос Кречетова звучал хрипло и глухо от того напряжения, что он испытывал при борьбе с собственным организмом. – Я нашел ее умирающей, внизу… – добавил он в ответ на тихую мольбу карлика. – На горном плато около холма со святилищем, –

после небольшой паузы уточнил он.

– Ты перевязал ее раны? – полуутвердительно произнесло существо.

– Да, – ответил Андрей, не находя никакого смысла отрицать очевидные факты.

– А потом? Приходил кто-то еще? – Карлик проницательно указал на засохшие пятна крови, которые Андрей просто не успел счистить со своей экипировки.

– Приходили… – буркнул он, больше озабоченный борьбой с собственным организмом, чем осмысленным разговором с негаданным гостем. – Человек двадцать…

– Воины Храма? – продолжало допытываться странное существо.

– Да… – хрипло подтвердил Андрей, без сил опираясь спиной на древнюю кладку.

– И где они? – Карлик подошел к стене и заглянул вниз, в пропасть.

– Я их убил, – успокоил его Кречетов, пытаясь угадать, что же за тело скрывается под этим подобием одежд.

– Всех? – Морщинистые пальцы сжались в маленький кулачок.

– Нет. Двое убежали и спрятались, – ответил ему Андрей.

Карлик некоторое время в раздумье смотрел вниз, а затем глубокомысленно заметил:

– Плохо. Снова придут.

– Придут – значит, встречу, – огрызнулся Кречетов, которого мутило от возобновившихся спазмов в желудке. Психика Андрея была ориентирована на иные стрессовые нагрузки, и разум понемногу сдавал позиции, отступая перед образом нелепого создания, чьи горящие глаза, казалось, прожигали насквозь, сверкая из-под низко опущенного капюшона.

К сожалению, лейтенант уже не единожды имел возможность убедиться, что некоторые явления, встречавшиеся ему на протяжении последних дней, при всем желании нельзя списать на галлюцинацию или сон.

Хорошо… – подумал он, пытаясь примирить свой рассудок с образом этого существа, – *раз явился, пусть остается…*

– Слушай, тут есть какая-нибудь еда? – спросил он, глядя на странного обитателя древних укреплений. Это был своего рода практический тест, совмещавший познание и рациональную сторону действительно заботившего его вопроса. Первый шок от внезапного пробуждения прошел, но ему все равно подсознательно хотелось, чтобы маленький уродец исчез, сгинул…

Карлик обернулся. Андрей по-прежнему не мог разглядеть его лица, словно под подобием одежд скрывалось не натуральное тело, а нечто аморфное…

– Еда?.. – тихо прошелестел его голос, и на этот раз в интонациях существа Кречетову послышалось удивление, сопряженное с мучительной попыткой вспомнить значение короткого знакомого слова.

– Чем ты питаешься? – попробовал задать наводящий вопрос Андрей.

– Всем. – Рука карлика неопределенно взметнулась, приподняв край одежды.

Андрей глубоко вздохнул, поняв, что толку он не добьется. В медицинском кофре, который он успел забрать с борта «Новы», кроме препаратов оказания экстренной помощи, имелись пищевые таблетки, но только одна упаковка…

Взглянув на бессознательное тело своей невольной спутницы, Андрей подумал, что легко усваиваемый концентрат, содержащий большой процент глюкозы, вскоре понадобится и ей.

Проблема пищи и воды уже давно вышла на первый план. Во время длительного подъема он видел ручеек, из которого дважды пил, но набрать воды про запас оказалось не во что, а вот зверья или птиц он не заметил вообще. На горных склонах и в расселинах скал в лучшем случае попадались чахлые древовидные растения да редкие пучки травы, цепляющейся корнями за каменистые осыпи…

Карлик молчал, погрузившись в глубокое раздумье, затем, не оглянувшись на Андрея, вдруг засеменил к краю площадки и скрылся из глаз. Все произошло так стремительно, что Кречетов не успел даже окликнуть его.

С трудом встав на ноги, он взглянул вниз, но толком ничего не смог разглядеть. К его удивлению, было раннее утро и ущелье, которое должно было хорошо просматриваться с такой высоты, полностью закрывали лениво движущиеся молочно-белые пласты тумана. Наполовину разрушенный город логриан также тонул в белесых космах испарений, оторвавшихся от основной массы. Хорошо была видна лишь дорога, которая вела от города к передовым укреплениям цитадели.

Неужели я проспал всю ночь? – подумал Андрей, пытливо всматриваясь в молочно-белую мглу.

Слабость и дурнота медленно отпускали, сменившись головокружением и редкими спазмами в пустом желудке.

Внизу не намечалось никакого движения, и Андрей, немного успокоившись, решил перевязать свою спутницу, пользуясь тем, что

любопытный карлик куда-то исчез.

Присев рядом с ней, он сначала прощупал пульс, затем некоторое время прислушивался к ее дыханию и лишь потом, убедившись, что внешние симптомы свидетельствуют о стабильности ее состояния, начал осторожно срезать герметизирующий состав повязок.

Наложенные им антисептические тампоны пропитались кровью и присохли к ранам. Пришлось смачивать их дистиллированной водой из скудного запаса, чтобы отлепить повязки от тела, не нарушая целостности образовавшихся под ними тромбов.

Обнажив входные отверстия пуль, Кречетов был откровенно удивлен состоянием ран. Они не только не воспалились, но и заметно уменьшились, показывая розоватую кожицу, окаймляющую засохшие сгустки крови.

Сменив повязки, он осторожно повернул женщину на бок и проделал ту же процедуру в местах выхода пуль. Эти раны были больше по размерам, и их состояние показалось ему много худшим. Пули на выходе из тела вырывали плоть, и Андрею пришлось дважды менять тампоны – кровь вновь начала сочиться из-под потревоженных перевязкой тромбов.

Наконец, закончив с обработкой ран, Андрей сделал женщине еще два укола, на этот раз введя препараты общей стимуляции, и, насильно разжав рот, положил под язык пищевую таблетку, зная, что слюна растворит ее, а пронизанные капиллярами слизистые оболочки передадут все растворенные питательные вещества непосредственно в кровь, минуя желудочно-кишечный тракт. Это был верный, испытанный способ принудительного кормления.

Закончив со всеми процедурами, он уложил по-прежнему не приходящую в сознание незнакомку на правый бок, чтобы раны на спине не застыли – от камня шел холод, а металлокевларовая броня являлась скверным теплоизолятором.

Теперь, когда женщина была перевязана и накормлена, следовало позаботиться о себе самом.

Превозмогая непроходящую слабость, Андрей встал и вновь взглянул вниз.

Туман несколько поредел, сквозь его растрепанные народившимся ветерком пласты стали видны смутные очертания руин города и устья ущелья. Не заметив ничего подозрительного внизу, Андрей уже начал всерьез подумывать о том, чтобы установить растяжку на нижних ступенях ведущей к площадке бастиона каменной лестницы, а самому попробовать пройти по серпантину дороги в поисках возможного источника воды и пищи, но его мысленные планы нарушило вторичное появление карлика.

Странное существо будто выросло из-под каменной кладки – такое впечатление создавалось его низким ростом и высотой ведущих на площадку бастиона ступеней.

На этот раз он явился не с пустыми руками – в маленьких кулачках были зажаты два плотно укупоренных пластиковых пакета.

– Вот… – сипло выдохнул он, остановившись перед Андреем и протягивая ему свою ношу.

Кречетов опешил, но вида, что удивлен, не подал. Взяв из рук карлика две герметичные упаковки – одну тяжелую, а вторую легкую, – он как бы невзначай коснулся при этом его сморщенной коричневатой кожи… но ощутил лишь едва уловимое тепло.

Внимательно посмотрев на непрозрачные пакеты из плотного полимерного материала, он увидел длинные надписи на старом интеранглийском. Буквы местами истерлись, сами упаковки носили следы долгого хранения, а затем частых перемещений, причем их транспортировка осуществлялась не самым корректным образом. Некоторые особо характерные царапины и потертости, повредившие надписи, явно свидетельствовали, что мягкие упаковочные контейнеры иногда просто таскали волоком…

В одном находилась вода, во втором – сухой рацион пищевых концентратов. Обе упаковки, несмотря на потертости, сохранили важнейшую для Кречетова часть надписей – ему незачем было читать инструкции по применению, а вот маркировка…

«Колониальный транспорт „Сигма-16“. Земля, 2297 год».

Вот так… Пакетам, что принес карлик, было более тысячи лет, и они стали еще одним попавшим в руки Андрея неоспоримым вещественным доказательством той теории, что выдвигал покойный профессор Кречетов. Большая часть стартовавших с Земли колониальных транспортов времен Первого Рывка вместо того, чтобы перемещаться вдоль горизонтальных линий первого энергетического уровня аномалии космоса, самопроизвольно соскользнули на вертикаль, которая привела их в самое «сердце» гиперсферы.

Как они сумели пройти сквозь энергетический ад, не имея ни защитных полей, ни толковых инструментов гиперсферной навигации?

Ответ, скорее всего, крылся в особенностях вертикальных линий гиперсферы: колонистов, по-видимому, спасли их же слепота и беспомощность – поневоле отдавшись во власть энергетического потока, пронзающего все уровни аномалии, они двигались со скоростью составляющих его частиц, не взаимодействуя при этом с иными

составляющими сложного пространства энергетической вселенной.

На ум тут же пришла фраза, выхваченная из контекста вступления к последнему научному труду профессора Кречетова:

«Может ли человек пронести руку сквозь бушующее пламя, не обжегшись при этом? Да, если он действует достаточно быстро».

Вот он, логичный, простой ответ на загадку тысячелетия: все корабли-разведчики сгорали, не продвинувшись глубже четвертого уровня, потому что двигались *медленно*, взаимодействуя при этом с сопутствующими полями энергоуровней и сопротивляясь им…

…Мысли о необычайной структуре окружающего пространства не притупили ни голода, ни жажды, не умерили усталости измученного тела, и Андрей быстро вернулся в реальность, – прочтя надписи и взглянув на сгорбленную фигуру карлика, он сказал:

– Спасибо…

Существо слегка пожало плечами, как бы отвечая: «Мне нетрудно было достать это», а затем, указав на незнакомку, он тихо прошелестел своим едва слышным голосом:

– Дай ей.

Андрей сел, распечатывая более легкий пакет.

– Я уже накормил ее, – ответил он.

– Как? – с подозрением спросил карлик, видимо убежденный, что у Кречетова не было еды.

Андрею пришлось показать ему упаковку с пищевыми таблетками.

– Знаешь, что это такое?

Существо задумалось, глядя на продемонстрированный предмет, его глаза умерили свой блеск, а потом вспыхнули с прежней силой – видимо, он вспомнил нечто подобное, виденное раньше.

– Да, – энергично кивнул он. – Ты кормил ее и не ел сам?

– Она ранена, а я здоров, – спокойно ответил Андрей.

По-видимому, его поступок был высоко оценен странным существом.

– Ты хороший человек, – внезапно произнес он.

– Спасибо… – Андрей справился наконец с герметичной упаковкой и заглянул внутрь пакета. Там действительно оказались различные пищевые концентраты, обезвоженные и спрессованные в брикеты, а также две пачки сигарет, допотопные, но весьма эффективные спички, маленький раскладывающийся наподобие телескопического стаканчика котелок из жаростойкого пластика и спиртовка, работающая на сухих таблетках.

– Как тебя зовут, спаситель? – спросил Андрей, зажигая спиртовку и устанавливая над ней котелок, который имел соответственную

вдавленность в днище.

Существо опять задумалось.

– Ромель… – наконец едва слышно представился карлик.

– Хорошее имя. – От Кречетова не укрылся тот факт, что странному существу пришлось задуматься, прежде чем произнести собственное имя, будто маленькое создание *вспоминало* его. – А меня зовут Андрей. – Он осторожно надрезал край второго пакета и вылил часть воды в котелок. – Ты будешь есть? – осведомился он у Ромеля, выясняя, на сколько персон готовить.

– Нет, – отрицательно покачал головой карлик. – Мне не нужно. Только ты и она, – его горящие глаза указали на незнакомку.

– Ты знаешь ее? – вторично задал Андрей возникший по логике разговора вопрос.

Ромель не ответил. Задержав взгляд на женщине, он весь как-то съежился, но это телодвижение нельзя было воспринять как утверждение или отрицание.

– Ладно, не хочешь отвечать – не надо, – успокоил его Андрей, опуская брикет пищевого концентрата в быстро разогревшуюся воду.

* * *

Поев, Андрей опять почувствовал свинцовую усталость. Разбухший в воде концентрат был безвкусным, дистиллированная вода отдавала горьковатым привкусом, сигареты, пролежавшие столько времени в одной упаковке с пищей, умудрились впитать посторонние запахи, но он впервые за последние двое суток испытывал настоящее наслаждение. Кречетов курил, сидя на холодном камне, его голова опиралась на зубчатый край защитной стены бастиона, глаза смотрели в наливающееся утренними красками небо, а в пальцах, истекая дымком, тлела сигарета.

Нехитрое блаженство. На самом деле человеку мало нужно для счастья, – думал он, глубоко затягиваясь.

Ромель сидел рядом, видимо, опустившись на корточки. Его странные горящие глаза смотрели на Андрея, словно карлик пытался взглядом прожечь его голову, но Кречетов, хоть и фиксировал его поведение краем глаза, решил не одергивать негаданного союзника.

– Твой разум спит… – внезапно прошелестел голос Ромеля.

– В смысле? – не понял Андрей. Повернув голову, он посмотрел на Ромеля. – Ты хочешь меня загипнотизировать?

– Я вижу.
– Что? – опять не понял его Кречетов.
– Сон разума. Ты не воспринимаешь реальность.
Андрея задела такая трактовка, но он сдержал свои эмоции.
– Если знаешь больше меня, так расскажи, – предложил он. – Я действительно многого не понимаю, потому что прилетел сюда из другого мира… – Он запнулся, а затем добавил: – Даже из другого пространства, если хочешь знать.
– Я знаю. Тебя вызвал Круг.
– Ты знаком с Кругом? – мгновенно напрягся Андрей.
Карлик пожал плечами.
– Я видел их. Они вызывали кого-то, значит – тебя.
– А зачем? – спросил Андрей, которого внезапно взволновало и задело лаконичное утверждение карлика. Сутки назад он склонен был считать, что его появление тут является лишь следствием целой цепи непредвиденных обстоятельств, но некоторые события, произошедшие после аварийной посадки «Новы», уже не подпадали под определение «случайность», – он давно почувствовал это, хотя и не понимал сути протекающих вокруг него процессов.
– Не знаю. – Голос Ромеля вдруг стал сварливым, несмотря на свое тихое, шипящее звучание. – Возможно, чтобы ты защитил ее? – Взгляд горящих глаз недвусмысленно указал на незнакомку.
– Похоже на сказку, – ответил Андрей.
– Твой разум спит, – упрямо повторил карлик и, не дав Андрею возразить, добавил: – И ты спи. Я посторожу.
Андрей, который возмущенно напрягся, мысленно махнул рукой. Он не утратил ни бдительности, ни иных присущих ему качеств, но понимал, что в последней части карлик прав – если не дать полноценного отдыха измученному организму, то еще через час, ну от силы два он вновь начнет впадать в кому – двукратный прием стимулятора вкупе с запредельными физическими нагрузками истощили его.
– Хорошо, Ромель. Если ты обещаешь никуда не отлучаться, я, пожалуй, прилягу. А потом мы с тобой поговорим, согласен?
Ромель кивнул, хотя исходя из предыдущего опыта общения Андрей сомневался, что маленькое существо верно истолковало смысл последней фразы.
Он уснул, сам не заметив того, как провалился в черную бездну, лишенную сновидений.
Кречетов даже не поменял позы, лишь голова бессильно свесилась

набок да окурок сигареты выпал из расслабившихся пальцев и откатился в сторону по каменным плитам, лениво истекая сизым дымком.

Глава 7

Передовые укрепления древней цитадели.
Правый бастион, девять часов спустя…

Поговорить им не удалось – помешали обстоятельства.

Андрей спал глубоко, крепко, и тем не менее он мгновенно проснулся, когда в черноту его сна вдруг ворвался громкий и тревожный, словно набат гулкого колокола, монотонный призыв:

ОПАСНОСТЬ!

Широко открыв глаза, он несколько секунд осоловело смотрел в фиолетовую тьму, не в силах вспомнить, где находится и что происходит с ним… Потом, когда оцепенение сна окончательно отступило и резко, болезненно вернулась память, он, превозмогая одеревенелость затекших от неудобной позы мышц, резко повернулся и привстал, уцепившись обеими руками за зубчатый край стены бастиона.

Вокруг царила густая черно-фиолетовая ночь, в ясном небе не было видно ни единой звезды, зато внизу, на плоскогорье, которое простиралось между руинами логрианского поселения и человеческой цитаделью, мрак разрезало несколько бледно-голубых конусов света, в которых он с трудом признал лучи прожекторов, установленных на приплюснутых башнях трех медленно движущихся по плато боевых планетарных машин.

Кречетов отлично знал контуры всей боевой техники, когда-либо производившейся людьми, и даже во тьме по малым отблескам, что прихотливо пробегали по броне машин в момент поворота странных, слишком маломощных осветительных устройств, он сразу же определил тип БПМ – по каменистой пустоши двигались тяжелые планетарные танки производства Земного альянса. Подобная техника широко применялась в самом начале Первой галактической войны, пока, после разгрома сил альянса на Дабоге, на смену БПМ не пришли радикально иные, шагающие образчики боевой техники.

– Ромель… – хрипло позвал Кречетов, рукой нашарив автомат.

В темноте, справа от него, зашевелилась какая-то масса.

– Ты что, спал?

– Не спал. Смотрел.

– Почему не разбудил сразу? Давно они выползли?

Слишком много заданных подряд вопросов ввергли маленькое

существо в замешательство.

– Ты крепко спал, – наконец ответил он. – Не разбудить.

– Я спрашиваю, давно они появились?

Видимо, с отсчетом отрезков времени у Ромеля были проблемы, потому что смутная фигура, едва просматривающаяся в темноте, лишь пожала плечами.

По оценке Андрея, три боевые планетарные машины находились сейчас приблизительно посередине плато, метрах в четырехстах от теснины, образованной двумя передовыми укреплениями цитадели.

Слишком далеко для точного броска гранаты, да и обнаруживать себя раньше времени было глупо.

Пусть эти бронированные монстры подойдут ближе и окажутся под отвесными стенами бастиона, тогда и «поговорим» с ними, – решил про себя Андрей, на ощупь раскладывая боекомплект в привычном для себя порядке. – *Вряд ли спаренные стволы их башенных орудий могут подниматься вертикально вверх,* – завершил он мысленную оценку той тактики, которую подсказывал опыт. – *Разве что зенитные установки…* – с сомнением подумал он, пристально вглядываясь в скупо освещенные контуры машин.

Конусы призрачно-голубого света по-прежнему обшаривали плоскогорье, и Андрей по их интенсивности понял, что источником является не электричество, а скорее какое-то флюоресцирующее вещество.

– Как ты думаешь, кто это? – спросил он, обращаясь к Ромелю.

– Храмовники, – не задумываясь, ответил карлик, и в его сипящем голосе прозвучала ясно выраженная лютая ненависть.

– Ты сталкивался с ними раньше? Кто они такие?

– Люди, – лаконично ответил Ромель, – очень плохие люди.

Очевидно, добиться от него более подробных разъяснений было невозможно, но Андрею хватило знакомого термина, чтобы утратить все иллюзии относительно намерений приближающихся сил.

Боя не избежать. Учитывая события, произошедшие накануне в районе посадки «Новы», сейчас к древней цитадели, скорее всего, двигалась карательно-разведывательная экспедиция.

– Как они выследили меня? – вслух спросил Андрей. – Ведь я мог пойти и вниз, в долины?

– Собаки, – односложно ответил карлик.

* * *

Ромель был прав в своем предположении. Невидимые во тьме, по каменистому плато, далеко опередив боевые планетарные машины, неслись четыре иссиня-черных пса.

Их лоснящаяся шерсть стояла дыбом на загривках, мускулистые лапы пружинисто толкали поджарые тела, глаза даже в темноте светились злобным огнем, когда на них падал отблеск прожекторного луча…

Мгновенно родившийся в голове Кречетова план был хорош, но он не учитывал наличие у храмовников собак, которые незамеченными добежали до основания двух башен и тут замешкались – их сбили с толку сложный запах и множество следов, оставленных Андреем.

Ему повезло, что псы были натасканы на слежку и убийство, а не на поиск взрывчатки.

Первая растяжка, установленная им на входе в теснину, сработала неожиданно для всех участников ночных событий – у подножия бастиона тьму внезапно резанула оранжевая вспышка, вслед за которой раздался грохот разрыва, свист разлетающихся осколков, шуршание мелких камней, оползающих в воронку, и громкий, отчетливый скулеж двух раненых собак.

«Кто предупрежден, тот и вооружен», – гласит древняя пословица, и Андрей с досадой убедился в ее справедливости: вместо того чтобы ползти под основание башен, три БПМ, лязгнув гусеницами, остановились метрах в двухстах пятидесяти от закругляющихся стен бастионов.

Прожектора начали активнее обшаривать тьму, и наконец три бледно-голубых луча скрестились на тесном проходе, устье которого заполняли собой обломки от рухнувших в незапамятные времена ворот. На краю оползня истекала ленивым кисловатым дымком полуметровая коническая воронка. От пса, который напоролся на растяжку, остались лишь клочья шерсти, тлеющие и смердящие на ветру, две другие собаки, по-прежнему поскуливая, разбежались в разные стороны, лишь четвертый пес, не задетый осколками, застыл перед оползнем словно статуя.

Секунду или две он стоял в перекрестье прожекторных лучей, а потом, услышав раздавшуюся из тьмы гортанную команду, резко прыгнул вперед, одним движением покрыв метров шесть, не меньше.

Андрей напряженно отсчитывал секунды, которые текли в такт глухим ударам его сердца, но напрасно он ждал очередного взрыва – пес благополучно миновал оползень и теперь наверняка несся по изгибающемуся серпантину, устремившись вдоль путеводной нити запаха – к каменному лестничному маршу, который вел на верхнюю площадку бастиона.

Мысленно оценив ситуацию, Кречетов отложил автомат, взяв в руки трофейный клинок, который он забрал у убитого офицера храмовников.

– Следи за ними… – шепнул он Ромелю, направляясь к арочному входу на площадку.

Странные вещи творились в эти минуты с лейтенантом военно-космических сил Конфедерации солнц. Его зрение будто раздваивалось: на реальное видение предметов накладывалось еще одно, смутное, но правдоподобное. Застыв у невысокой арки, он напряженно вглядывался в черноту, окутывающую ступени лестничного марша, а видел размазанный, чуть светящийся контур пса, который в этот момент, не замедляя скорости своего стремительного бега, преодолевал крутой поворот изгибающейся дороги. Андрею показалось, что он не только видит эту непонятную разуму ауру, окружающую животное, но и слышит, как когти пса заскрежетали о камень, когда его занесло на крутом повороте.

…Через минуту он *реально* увидел его.

Смутная тень метнулась вверх по лестничному маршу, по запаху безошибочно определив затаившегося человека, – пасть пса была открыта, из его горла вырвался короткий рык, который вряд ли был слышен внизу, а Андрей, глядя на вытянувшееся в яростном прыжке животное, даже не шелохнулся.

Жуткая, натасканная на убийство тварь обладала огромной силой, которую удваивала ярость, рожденная ощущением близости жертвы, но даже этого не хватило, чтобы одним прыжком преодолеть двенадцать крутых каменных ступеней, и пес приземлился на девятой, ударившись брюхом о каменный выступ. Из его пасти вместе со зловонным дыханием вырвался хрип, лапы вновь пружинисто заработали, когти отчетливо проскрежетали по камню, наверняка оставляя на нем царапины, и он еще раз прыгнул, теперь уже безошибочно целя в горло человеку.

Андрей ждал его, широко расставив ноги. Сероголубоватый клинок он держал обеими руками, опустив лезвие к земле. Он отчетливо видел, как взвилась вверх черная тень, и в тот же миг машинальным движением резко отклонил назад голову и грудь – это был обычный прием рукопашного боя, рассчитанный на то, что противник, уже распластавшийся в прыжке, не мог изменить направление атаки… и действительно – когти адской твари лишь слегка задели плечо Кречетова, а клыки отчетливо лязгнули, схватив пустоту, и в этот миг Андрей резко взмахнул клинком снизу вверх, вложив в бесхитростный удар всю свою силу.

Сталь мягко вошла в плоть, наискось разрубая живот взвившегося в прыжке пса, пока лезвие не встретило позвоночник, но сила удара была

такова, что мутный от крови клинок перерубил препятствие и вышел наружу, внезапно освободившись от нагрузки.

От смены динамических напряжений Андрей, не имевший богатого опыта фехтования, едва устоял на ногах, – ему показалось, что лезвие рвануло вверх, стремясь вырваться из пальцев и уйти в черные небеса, а тело пса, разрубленное пополам, влажно шлепнуло о камень, два обрубка плоти, бывшие секунду назад смертельно опасной тварью, раскатились в стороны, пачкая плиты укрепления обильно хлещущей кровью…

Для Кречетова, который привык к совершенно иным методам ведения боя, эта короткая схватка казалась черным наваждением – он стоял, до боли в ладонях сжимая рукоять клинка, а повсюду вокруг него была кровь – она капала с рук, ощущалась на лице и шее, с тихим свистящим бульканьем била множеством фонтанчиков из перерубленных артерий бездыханного тела собаки…

– Достойный удар… – раздался тихий, сипящий голос Ромеля. – Поторопись, они движутся к баррикаде.

От этих тихих слов разом схлынуло напряжение. Андрей снова слышал, видел, обонял, тишина заполнилась отчетливым лязгом гусениц планетарной машины, чьи-то трудно различимые голоса донеслись снизу, от основания двух башен-близнецов, и Андрей, аккуратно поставив окровавленный клинок у зубчатой стены, вернулся к наблюдательному пункту, где оставил автомат и заранее разложенные боекомплекты.

Карлик вовремя предупредил его. Две БПМ по-прежнему стояли в двухстах с лишним метрах от бастионов, освещая прожекторными лучами узкий проход между ними, а третья, в сопровождении цепи пеших воинов, двигалась к подножию башен. Луч ее осветительного устройства, будто липкий бледно-голубой язык, облизывал закругляющуюся кладку стен, скользил по венцам, заставляя каменные зубья отбрасывать резкие удлиненные тени, – храмовники искали невидимого врага, присутствие которого уже ощутили, потеряв четырех псов.

Кречетов не зря рискнул взяться за непривычный для себя вид оружия – смерть последнего животного не выдала его позиции, и находящиеся внизу воины по-прежнему не ведали, где именно затаился их враг.

Головная БПМ остановилась, не доезжая метров пятидесяти до теснины, из которой выползал бурый уклон оползня.

Несколько гортанных выкриков, в которых слух Андрея не смог различить смысловой нагрузки, раздались почти одновременно, как только прожектор осветил обращенный к наступающим скат каменной осыпи. Очевидно, наступавшие разглядели тонкие, предательски сверкнувшие

проволочки неразорвавшихся растяжек – цепь воинов мгновенно подалась назад, и Андрей понял, что они не станут утруждать себя ручным разминированием прохода. Покатая башня БПМ с визгом повернулась, и установленное на ней спаренное автоматическое орудие вдруг выплюнуло длинную очередь снарядов, покрывших разрывами все пространство меж закругляющихся стен бастионов.

Грамотно… – не без досады подумал Андрей, оценив действия противника. Он понимал, что настоящее противостояние еще не начиналось, а он уже лишился части своих преимуществ. Рискнув поднять голову, он выглянул за зубчатую стену и убедился, что оставленные им гранаты обезврежены, а вот заминированный завал – нет.

И то дело… – подумал он, подаваясь назад.

Наступила короткая пауза, все стихло вокруг – очевидно, храмовники совещались, решая, как действовать дальше. Если бы не две планетарные машины, которые по-прежнему страховали их действия со стороны плато, Андрей бы уже открыл огонь по хорошо различимым фигурам, но тогда автоматические пушки мгновенно покроют его своим огнем – в этом не стоило даже и сомневаться.

В тишине, что на короткое время разлилась вокруг, настороженный слух Кречетова вдруг различил странный шуршащий звук, который раздавался с площадки бастиона.

Оглянувшись, он в смутном рассеянном свете прожекторов различил фигуру Ромеля. В первый момент он не понял, чем занят карлик, но, присмотревшись, догадался, что маленькое существо заботливо оттирает от крови оставленный у стены клинок, используя в качестве ветоши полы своих одежд.

* * *

Спустя минуту совещавшиеся внизу храмовники приняли определенное решение: головная бронемашина, оснащенная переделанным под энергетику данного мира оружием и двигателем, взревела моторами, выпустив при этом белесое облачко выхлопа, и двинулась вперед, наползая на завал. Вслед за ней короткими перебежками продвигались три группы воинов общей численностью до двадцати человек.

Благополучно миновав покрытый воронками оползень, БПМ начала наползать на гребень завала, стремясь к чистому от камней участку горного серпантина.

Оглушительный, поколебавший стены взрыв грянул, когда храмовники уже уверовали, что проход свободен, и втянулись в теснину между стен, двигаясь за кормой боевой планетарной машины.

Эффект от одновременной детонации шести заложенных Андреем гранат оказался убийственным в основном благодаря обилию камня вокруг и узости замкнутого меж двух закругляющихся стен пространства.

Взрывы, ослепительно сверкнувшие сразу под обеими гусеницами БПМ, разворотили несколько траков, а следовавшим позади храмовникам досталась большая часть осколков и щедрый шрапнельный удар острых кусков гранита, выброшенных взрывом из-под днища планетарного танка.

Уничтожающее действие каменной шрапнели было сравнимо с режущим огнем бьющего в упор автоматического орудия – в свете прожекторов страхующих машин было отчетливо видно, как выкосило большую часть следовавшего за кормой БПМ отряда, – храмовников отшвыривало назад, словно невидимые титанические кулаки избирательно били в них, и те, кому досталось от этого каменного дождя, уже не шевелились – их тела оставались лежать там, куда их отбросил удар, лишь несколько человек пытались отползти от дымящегося завала, на гребне которого косо застыл лишившийся обеих гусениц планетарный танк.

Реакция со стороны двух остановившихся на плоскогорье машин, как зачастую случается в подобных неожиданных ситуациях, оказалась неадекватна обстановке – обе БПМ одновременно разрядили свои орудия: одна в исковерканный взрывами проход, вторая – по венцам бастионов.

Это была спонтанная неприцельная стрельба по призракам, плод нервного перенапряжения, когда одному наводчику башенного орудия показалось, что враг прячется за гребнем осыпи, а второму почудилась вспышка или отсвет на вершине передовых укреплений.

Последствия такого беспорядочного огня оказались плачевны, прежде всего для застрявшей на гребне осыпи машины, – два снаряда угодили ей в корму, вырвав оттуда столб ярко-оранжевого пламени.

Андрей не видел момента попаданий – очередь снарядов, хлестнувшая по вершине бастиона, снесла несколько каменных зубцов, раскрошив их в щебень. Кречетова отбросило от стены, обдав жаром, но, несмотря на легкую контузию, он быстро пришел в себя.

Осмотревшись, он увидел, что карлик спокойно продолжает оттирать клинок, а вот тело женщины опрокинуло на спину взрывной волной.

Не поднимаясь с каменного пола, Андрей ужом прополз к ней и, лишь убедившись, что она по-прежнему дышит, поспешил вернуться к стене, обращенной в сторону пустоши.

Паника среди уцелевших храмовников прекратилась так же быстро, как и возникла. Оценив этот факт Андрей вторично пришел к выводу, что они, несмотря на некоторые ошибки, все же являются хорошо подготовленными бойцами, а все их оплошности происходят оттого, что они, по-видимому, давно и безраздельно правят в этих местах, не встречая достойного сопротивления своей власти. Причин такого положения вещей он, естественно, не знал, и даже догадок по этому поводу у Кречетова не возникало, прежде всего из-за абсолютного отсутствия какой-либо информации. Он не представлял ни общественного строя, существующего на освоенных людьми территориях данного мира, ни смысла исторических процессов, протекающих здесь, – вся доступная ему информация умещалась в термине «Храм», который, судя по всему, являлся тут синонимом слова «власть».

Как ни досадно было признавать это, но он по-прежнему не контролировал события, а вновь оказался заложником обстоятельств, защищая собственную жизнь в навязанной ему борьбе. И почему эти люди так исступленно преследуют его, даже не зная наверняка, кто он такой и откуда появился в их мире?

У Андрея создавалось стойкое впечатление, что его либо путают с кем-то, либо всякий, кто оказался на данной территории, подлежит, по мнению властей предержащих, физическому уничтожению, – иначе как объяснить, что с ним никто не пытался вступить в переговоры, ведь даже самому узколобому из командиров этого пресловутого Храма должно было хватить одного взгляда на «Нову», чтобы понять: они столкнулись с человеком из иного мира…

А может быть, века изоляции вытравили из их памяти все знания о космосе? В принципе, такое могло произойти – заточенные в недрах аномалии пространства-времени люди вполне могли утратить память о планете Земля, откуда появились их далекие предки.

Хотя… – Андрей приподнял голову, выглянув из-за зубца стены… – *Нет, их оружие и техника принадлежат более позднему историческому отрезку. Предки храмовников явно не из числа пассажиров колониальных транспортов – они современники Первой галактической войны…*

Этот вывод, сделанный на основе анализа техники и вооружений, был, скорее всего, близок к истине, но он не объяснял практически ничего – ни таинственного появления существ, вторгшихся в его сон, ни загадочной смерти дяди, ни сделанных им потрясающих открытий, которые Кречетов был вынужден проверить на практике, ни мистического явления энергетических существ, возникших среди отшлифованных временем

мегалитов Стоунхенджа на далекой Земле.

В сложившейся ситуации Андрею оставалось лишь одно – сражаться за свою жизнь. Возможность выйти с поднятыми руками, уповая на здравомыслие противника, он не рассматривал, памятуя о трупах на плато возле холма. Те, кто убивает женщин, делая им контрольные выстрелы в голову, не станут проявлять разумного милосердия к воину, уничтожившему уже как минимум два их регулярных подразделения.

…Его мрачные мысли прервало движение на плато.

Осторожно выглянув из-за зубца стены, Андрей понял: шутки закончились. Ни одного храмовника не было видно на открытом пространстве пустоши, все бойцы рассредоточились за укрытиями, из двух боевых планетарных машин одна осталась на месте, задрав спаренные стволы башенного орудия на уровень венцов передовых укреплений цитадели, а вторая, взревев двигателями, медленно поползла к злополучной теснине меж бастионов, где чадным костром пылал третий планетарный танк.

Намерения противника были ясны: разобрав завал и отбуксировав подбитую машину, они войдут внутрь периметра укреплений и начнут, планомерную зачистку.

Силы были слишком неравными, и Андрей понимал, что преимущества позиций, хитрости, уловки, боевой опыт – все это лишь отодвигало развязку, но не могло предотвратить ее.

Дальше он размышлять не стал. БПМ уже вползла в узкий, – освещенный чадным пламенем, задымленный проход, и из открывшегося люка выскочили двое храмовников с металлическим буксировочным тросом в руках.

Они медленно подступали к объятой огнем машине, и Кречетов резко привстал из-за укрытия, вскидывая автомат.

* * *

Смертельная дуэль началась с двух одиночных выстрелов.

Один воин упал – пуля пробила его шлем и голову, второй, раненный в плечо, громко вскрикнул, повалившись на бок, но троса не выпустил, а, судорожно изгибаясь, пополз к объятой огнем БПМ.

Андрей не успел произвести третий выстрел, как на защитную стену верхней площадки бастиона обрушился шквал автоматического огня.

Он нырнул под прикрытие толстых каменных блоков, которые

прекрасно защищали от пуль, рассылая их в визгливый рикошет, но тут заговорило башенное орудие планетарного танка, наводчик которого наконец увидел цель.

Часть гранитного поребрика содрогнулась, будто в нее ударил титанический молот, и с грохотом рассыпалась, роняя вниз обломки весом в несколько центнеров.

Андрея встряхнуло взрывной волной, которая звонко хлестнула по барабанным перепонкам. Вокруг продолжали бесноваться автоматные очереди, визгливый звук рикошета пуль не прекращался ни на секунду, и стоило поднять голову, как какая-нибудь из них обязательно зацепила бы…

Лежа на каменном полу, Андрей одну за другой бросил в узкий проход между бастионами две гранаты.

Разрывы прозвучали глухо и отдаленно, ощущаясь как внезапная вибрация пола и стен.

Он надеялся, что раненый храмовник уже не доползет до объятой огнем БПМ, чтобы зацепить трос.

Бастион вновь содрогнулся, но теперь уже в опасной близости от позиции Кречетова. Снаряды легли чуть ниже уровня кладки зубчатого навершия, но один из прямоугольных блоков, расположенный прямо перед Андреем, внезапно заскрежетал, накренился и начал соскальзывать вниз…

Кречетов вскочил с пола укрепления и, пригибаясь, побежал вдоль уцелевшей части зубчатого поребрика.

Плато лежало перед ним как на ладони, орудие планетарного танка перезаряжалось, а с разных сторон во тьме вспыхивали короткие злобные хоботки огня, обозначая укрывшихся за камнями стрелков.

Огрызаясь короткими очередями, он сменил позицию, и вовремя – третий залп автоматической пушки наконец достал то место, где он прятался минуту назад. В воздух взлетели обломки камня, и часть кладки не выдержала, с грохотом осыпаясь вниз.

Припав на колено, Кречетов расстрелял остаток патронов в магазине и рванулся назад, к прежней позиции, на ходу перезаряжая автомат, благо патронов у него было в достатке. Маловато сил и гранат, вот что обидно…

Еще большую досаду он испытал, услышав надсадный рев двигателей планетарной машины. Добежав до края каменной площадки, он выглянул вниз, не обращая внимания на прожектор и свистящий разлет пуль. Мертвый храмовник лежал на осыпи камней, его тело было порвано осколками от гранатного разрыва, но он успел накинуть стальной трос на буксировочный крюк подбитого планетарного танка, и теперь тот, оттаскиваемый своим собратом, медленно отползал, освобождая узкий

проход.

Автоматная очередь резанула по гребню стены, выбивая султанчики каменной крошки, и Андрей, осознав, что его заметили, нырнул вниз.

Дьяволы Элио… Сейчас они освободят проход, и он останется один на один с двумя планетарными танками, которые беспрепятственно пройдут сквозь теснину и вырвутся на серпантин внутренней дороги, ведущей к верхним укреплениям цитадели.

Автоматический огонь по-прежнему не утихал, в отрывистый лай очередей то и дело вплеталось оглушительное стаккато автоматической пушки БПМ, от защитной зубчатой стены бастиона уже практически ничего не осталось, площадку усеивали горячие осколки металла и камня, от непрекращающегося грохота и ударов взрывных волн Кречетов начал терять ориентацию, из его ушей сочилась кровь, перед глазами начали расплываться оранжевые круги…

Надо… радикально… менять… позицию… – припав к огрызку стены и схватившись за голову, подумал он…

Его обрывочные мысли были словно подхвачены на лету.

Из дымного сумрака внезапно показалась сгорбленная фигура карлика. Ромель бежал, комично раскачиваясь из стороны в сторону, а в его руках, отражая вспышки непрекращающихся разрывов, тускло поблескивал очищенный от крови клинок.

* * *

Андрей понимал, что нужно уходить, – еще минута, и будет поздно, древняя кладка стен не устоит под напором бесноватого огня. Но сразу возникал вопрос: куда отступать? Двигаться вверх по серпантину равнозначно самоубийству – едва живой от усталости и контузий, с незнакомкой на плечах, далеко ли он сможет оторваться от наступающих планетарных машин?

Полуосознанный взгляд Андрея скользнул по исковерканному, освещенному оранжевыми вспышками взрывов бастиону и остановился на ржавом остове зенитной установки, которую, в дополнение к тем разрушениям, что причинило орудию время, достало шальным снарядом, сорвав с опор и опрокинув набок…

Ромель, который все это время тряс и дергал Андрея за порванный, окровавленный рукав одежды, проследил за его взглядом и еще энергичнее принялся привлекать внимание Кречетова.

Убедившись, что контуженый человек не воспринимает его знаков, он прибег к иному способу. В голове Андрея внезапно возник сумеречный образ соседнего бастиона вкупе с коротким отрезком пути, соединявшим два укрепления. Он не понял, что эту картину телепатирует ему карлик, мысленный образ был воспринят как свой собственный.

Да… Успею проскочить, пока БПМ добивают этот бастион… – Мысли стали проясняться, и Андрей, подхватив рюкзак с боекомплектом, куда он засунул и остатки принесенной Ромелем еды, метнулся в ту часть укрепления, где неподвижно лежала так и не пришедшая в сознание женщина.

Взвалив на плечи ее безвольное тело, Андрей, пошатываясь, начал спускаться по крутым каменным ступеням. Карлик, который так и не смог добиться осознанного внимания к своей персоне, засеменил следом, с трудом волоча клинок, словно его вес был непомерен для маленького существа.

* * *

Две башни передовых укреплений цитадели когда-то соединяли ворота и поперечный подъемный мост, который опускался с одной площадки на другую, но сейчас все эти сооружения лежали в руинах и путь к соседнему бастиону оставался один: вниз по каменной лестнице, затем на дорогу и снова вверх по крутым ступеням.

Понимая, что терять уже нечего, Андрей, поднимаясь к верхней площадке соседнего укрепления, двумя последними гранатами заминировал сначала вход на лестницу, а затем и середину пути, в районе шестой или седьмой ступени.

Поднявшись на сумеречную площадку, зажатую периметром зубчатых стен, он оглядел место, где ему предстояло принять последний бой, не осознавая того, что укрепление освещают уже не отсветы прожекторов, а первые бледные краски занимающегося утра.

В отличие от навершия соседнего бастиона, эта площадка не имела опасного пролома в центре – очевидно, при прошлом штурме цитадели ее обошла стороной тотальная бомбардировка.

В центре каменного пола был выложен круг из выступающих плит гладко отшлифованного мрамора. По его периметру имелось восемь возвышений, похожих на кубические постаменты, девятый находился в центре каменной окружности.

Андрей быстро огляделся, решая, куда бы уложить тело незнакомки, чтобы уберечь его от шальных осколков и пуль.

Не найдя взглядом более подходящих укрытий, он отнес ее за самый дальний из постаментов, заботливо уложив на пол.

Вытащив шесть оставшихся в запасе магазинов, но оставив еду и воду, Кречетов подложил похудевший рюкзак под голову раненой.

Если ей суждено уцелеть и очнуться, поборов тяжесть ранений, она, по крайней мере, найдет еду и питье… – с такой мыслью Андрей обернулся, понимая, что оборудовать позицию нужно в тыловой части укрепления, в районе лестницы, потому что рев двигателей БПМ уже был слышен в злополучной для храмовников теснине и вскоре они появятся в поле зрения на ровном отрезке серпантина. Андрей не сомневался, что, обыскав соседний бастион, его преследователи непременно сунутся сюда…

Шансов выжить фактически не было. Кречетов мог противостоять пешим воинам Храма, но ему нечего противопоставить огню автоматических пушек двух планетарных танков, которые, скорее всего, и решат исход боя.

Отыскав удобную позицию, Кречетов уложил магазины, перезарядил автомат и выглянул из-за зубца круговой стены, оценивая сектор обстрела.

Выход из теснины и поворот к соседнему бастиону просматривался как на ладони. Так же хорошо был виден участок дороги, которая спустя полкилометра резко сворачивала, начиная свой спиральный подъем к верхним укреплениям цитадели.

Вот тут я и возьму их… – подумал Андрей, глядя на выход из теснины. Не было смысла пускать храмовников на развороченную площадку соседнего бастиона, где они окажутся на равной высоте с ним. *Нужно бить их, пока они вынужденно сгруппируются, чтобы пройти теснину,* – решил он, понимая, что планетарные танки будут в этот момент бессильны – слишком велик угол атаки для их башенных орудий, и, прежде чем достать его позицию, им нужно будет как минимум выползти на дорогу.

* * *

Кречетов вовремя сменил позицию – прошло всего две минуты, и он увидел, как в узкий проход входит передовой дозор воинов Храма.

На этот раз, наученные горьким опытом, они действовали с предельной осторожностью – группа из шести человек продвигалась

крайне медленно, четверо постоянно озирались по сторонам, концентрируя внимание на атакованном укреплении, а двое под их прикрытием тщательно осматривали каменные завалы в поисках ловушек.

Андрей смотрел на них с высоты не тронутого огнем бастиона. Эту группу храмовников он собирался пропустить мимо – рано обнаруживать себя, пока основные силы не втянулись в проход.

Утробное урчание двигателей приближалось – в теснину входили два планетарных танка, вслед за которыми, теперь уже соблюдая разумную дистанцию, двигалось основное ядро карательного отряда: человек шестьдесят, не меньше.

Андрей, ощущая непомерную усталость, которая уже подходила к опасной грани безразличия, смотрел на бледно-голубоватые пятна лучей все еще включенных прожекторов, сизый парящий выхлоп, который исторгали расположенные в корме БПМ, прикрывающие двигатель бронежалюзи, и ждал. Самое трудное – это видеть врага и ждать…

…Два планетарных танка медленно проползли середину теснины, и наконец в дальнем конце прохода показались пешие воины Храма, которые, несмотря на преподанные уроки, были вынуждены подчиниться узости исковерканного взрывами пространства, перебегая небольшими группами по пять-шесть человек. Учитывая, что Андрей расположился на высоте тридцати метров над ними, все отряды были видны ему как на ладони, и их попытки спрятаться меж хаотично наваленных каменных глыб не помешали ему спокойно прицелиться, намеренно избрав самую дальнюю, замыкающую группу воинов, и дать по ней две короткие очереди.

В первые секунды после выстрелов сработал эффект внезапности – часть храмовников из передовых групп шарахнулась назад, не понимая, откуда ведется огонь, две БПМ, наоборот, увеличили скорость, выбрасывая камни из-под траков своих гусениц, стремясь быстрее прорваться сквозь гибельную теснину, а Кречетов, воспользовавшись замешательством, скосил еще нескольких человек и нырнул под прикрытие стены, прежде чем враги смогли обнаружить его позицию.

Гортанные выкрики команд, стоны раненых, лязг гусениц и утробный вой двигателей – все слилось в единую какофонию звуков, которую дополнили несколько беспорядочно выпущенных автоматных очередей.

Низко пригибаясь, Андрей пробежал вдоль закругляющегося выступа стены и снова выглянул в проем между зубцов.

Как он и предполагал, перебежка привела его к позиции, расположенной в тылу опомнившихся воинов Храма, которые по примеру планетарных машин бросили свои уловки и теперь стремились одним

рывком преодолеть теснину. Похоже, что узилище прохода, зажатого меж двух закопченных стен, стало внушать им ужас – храмовники потеряли деление на отряды и бежали гурьбой, карабкаясь по предательски осыпающимся камням.

Андрей опять спокойно прицелился, и «АРГ-8» забился в его руках, прошивая узкий проход длинными разящими наповал очередями.

Огонь в спину вызвал среди отряда полную дезориентацию и панику. Человек тридцать прорвались вперед, стремясь укрыться за броней остановившихся планетарных танков, остальные залегли среди трупов, но Андрей не стал наглеть, понимая, что некоторые приемы работают только один раз. Нажав на сбрасыватель, он скинул на пол бастиона пустой магазин, присоединил полный и опять, согнувшись, побежал назад.

Он все отчетливее понимал, что игра в прятки со смертью, несмотря на временные успехи и преимущества, не могла продолжаться вечно. Сейчас враги опомнятся и по положению трупов поймут, что огонь велся с левого бастиона. Единственное, чего противник не мог определить наверняка, – это истинное количество защитников древних укреплений.

Заняв заранее намеченную позицию, Кречетов осмотрелся и понял, что его действительно вычислили. Оба планетарных танка, развернув башни в сторону бастиона, медленно продвигались вперед, стремясь занять выгодную для стрельбы позицию на ровном участке горной дороги, а храмовники, минуту назад группировавшиеся за их броней, будто испарились, засев во всех мало-мальски пригодных укрытиях.

Андрей затаился в ожидании последней атаки.

Уже не было сил ни на мысли, ни на переживания. Он просто ждал, зажав в полусогнутой ладони прикуренную сигарету, выпуская дым вниз, в гладко отшлифованные каменные плиты, не думая при этом ни о чем.

Какой смысл мучиться собственным бессилием, когда нет реальной возможности остановить две бронированные машины? Повернув голову, он еще раз окинул взглядом бастион, но не заметил ничего похожего на второй выход из укрепления, хотя дыра в полу на месте его прошлой позиции явно свидетельствовала, что укрепления многоэтажные. Однако зримого входа на другие уровни Андрей не заметил и там – в каменном перекрытии соседнего бастиона просто зияла дыра, через которую в сумраке смутно проглядывали очертания провалившихся вниз балок следующего яруса…

…Его мысли прервал отрывистый ритмичный грохот – это заработали башенные орудия планетарных танков.

И опять, в который уже раз, вокруг вздыбился камень, превращаясь в раскаленную, рубящую все на своем пути гранитную крошку. Один из

таких осколков резанул Кречетова по щеке, заставив Андрея рефлекторно упасть плашмя на каменный пол. Он не почувствовал боли, лишь ощутил, как липкий горячий ручеек струится по подбородку и шее, затекая за ворот металлокевларовой брони.

Вытерев кровь тыльной стороной ладони, Андрей взглянул на свою грудь и невесело усмехнулся. Видок был еще тот… Блестящая, тщательно ухоженная прежним хозяином металлокевларовая броня теперь превратилась в грязное окровавленное рубище, сплошь покрытое шрамами от шальных осколков, в некоторых местах легкие, но чрезвычайно прочные бронепластины были вырваны с корнем, и на их месте торчала рваная ткань подложки.

Почему же они так злы и настырны?.. – угрюмоподумал он, разглядывая свою потрепанную броню. – *Неужели им так важна моя смерть?*

Словно в ответ на эту мысль, прямо над головой с грохотом вырвало изрядный кусок кладки, и взрывная волна обдала жаром лицо, встряхнув измученное тело так, что Андрей вскрикнул от боли…

* * *

Шквальный огонь двух спаренных орудий бушевал не меньше пяти минут. Андрею оставалось лишь распластаться на полу и лежать, ожидая, когда стихнет артподготовка и в узкий лестничный проем полезут храмовники.

Хотел он того или нет, но за это время взгляд его покрасневших от многочисленных контузий глаз несколько раз обежал замкнутый периметр древнего укрепления, машинально подмечая те детали, что он пропустил в горячке подготовки новой позиции.

Собственно, его внимание привлек Ромель, о котором Андрей совершенно забыл. Оказывается, карлик все это время находился рядом – не обращая внимания на шрапнельный разлет каменных осколков, он возился в дальней части бастиона, где имелся выступ контрфорса, обращенный в сторону разрушенного города логриан. Выступ титанической кладки стен оканчивался небольшой округлой площадкой, аналог которой Кречетов уже видел на соседнем укреплении. Андрей вспомнил, что именно на подобной площадке была закреплена ржавая, потерявшая свои боевые качества зенитная установка.

Присмотревшись, он вдруг с холодком в груди осознал, чем именно

занят карлик: Ромель тщетно пытался своими слабенькими руками сорвать тяжелый полог защитной прорезиненной ткани с чего-то угловатого, до боли знакомого и…

Андрея внезапно прошиб холодный пот.

Серая камуфлированная ткань сливалась с фоном стен, и потому он не заметил этой конструкции сразу, как только поднялся на площадку укрепления, но, несомненно, под ней было скрыто зенитное орудие.

Тщетно… – подсказывал рассудок, но душа уже трепетно вздрогнула, внезапно ожив под робким лучиком надежды, и Андрей, не обращая внимания на разрывы, пополз по каменном полу, пересекая площадь укрепления по наикратчайшему пути.

Каменные осколки падали вокруг, больно барабанили по спине, оставляя кровоподтеки под металлокевларом брони, по телу струился липкий холодный пот, когда справа или слева внезапно вырастал тугой оранжево-черный султан разрыва и горячая взрывная волна, перемешанная с осколками, подбрасывала его измученное тело, больно отзываясь в каждой мышце…

Это походило на кошмарный сон, с той лишь разницей, что не было никакой возможности очнуться, вырваться из объятий дурной, исковерканной реальности…

Раньше, очень давно, еще в самом начале службы, после первых настоящих боев Андрея действительно мучили подобные сны, в которых он полз среди разрывов, не ведая ни направления, ни цели… но те кошмары были излечимы и в конце концов прошли, этот же – нет…

Есть предел стойкости человеческого организма, черта, за которой одни впадают в безвольную кому, а иные бьются до конца, хотя и осознают, что сопротивление превосходящим силам противника лишь оттягивает роковой миг…

В такой ситуации одинокого бойца может спасти лишь чудо, но Андрей в чудеса не верил.

Он уже слабо помнил, как дополз до Ромеля, и очнулся, лишь коснувшись упругого прорезиненного полотнища.

– Что под ним?! – хрипло, не узнавая собственного голоса, проговорил он, а глаза карлика злобно сверкнули в ответ, и тихий шелестящий голос, непонятным образом перекрывающий грохот разрывов, ответил:

– Ты упрямый, глухой!.. Ромель кричал тебе, звал тебя…

– Ну, извини… – нашел в себе силы Кречетов, чтобы вытолкнуть сквозь зубы эту идиотскую в грохочущем аду фразу.

Вместо того чтобы задавать вопросы, он приподнялся и, опираясь на локоть, потянул на себя край полога, который сначала упрямился, растягиваясь, цепляясь за выступы скрытого под ним механизма, а потом вдруг поддался, ниспадая вниз тяжелыми складками.

Под ним на поворотной платформе стояло, тускло отблескивая металлом и смазкой, полуавтоматическое зенитное орудие, прототип которого когда-то был разработан на планетах-колониях для охраны периметра космических портов. Оно предназначалось для борьбы со штурмовиками и космическими истребителями Земного альянса, – мгновенно подсказала память Кречетова, – то есть снаряд этого орудия мог пробивать даже многослойную керамлитовую броню внеатмосферных летательных аппаратов.

В первую секунду Андрей испытал потрясение, шок.

Орудие выглядело новеньким, функциональным, рядом стоял початый короб со специальной смазкой и открытый пластиковый ящик, в котором желтоватыми бликами глянцевито отблескивали уложенные в пазы тяжеленные обоймы, содержащие по пять снарядов каждая. Казенные части обоих стволов были плотно закрыты – по-видимому, в коробчатые механизмы подачи уже был загружен полный боекомплект.

Однако более всего Андрея поразила мумия стрелка, которая по-прежнему сидела в кресле. Погибший много лет назад оператор превратился в скелет, обтянутый усохшей, прилипшей к костям кожей, которую едва прикрывали остатки ветхой одежды.

– Осторожно… – просипел под ухом голос карлика. – Осторожно сними меня и посади около стены.

Андрею показалось в этот миг, что он окончательно свихнулся.

Глядя то на мумифицированный труп, то на Ромеля, он совершенно забыл о творящихся вокруг событиях.

– Да, это я… Я смазывал… Я чистил… Я сильно трудился, натягивая ткань… Мне было больно, когда попала пуля… – Ромель дотронулся до своей груди, и Андрей, машинально переведя взгляд, увидел, что грудь мумии прошита навылет вместе со спинкой кресла.

– Это сделали они, – маленькая ручонка взметнулась в сторону едва различимых отсюда планетарных танков храмовников.

В этот миг у подножия бастиона раздался приглушенный взрыв, и страшное наваждение закончилось – Андрей вдруг *ощутил* ломкую, зловещую тишину и осознал, что артподготовка прекратилась, а звук, который вывел его из состояния шока, был не чем иным, как разрывом первой установленной на входе к лестничному маршу растяжки.

Нельзя было медлить ни секунды.

Содранные в кровь, саднящие от боли пальцы отпустили автомат. Он встал на колени, потом выпрямился в полный рост, оказавшись лицом к лицу с кривым оскалом пожелтевших зубов мумии, затем, преодолевая внутреннюю дрожь, взял мертвое, навек окостеневшее в одной позе тело, как берут ребенка, и, с неприятным звуком оторвав его от кресла, осторожно отнес к стене, усадив так, как и просил карлик.

Бред или явь?

Андрей уже не понимал этого, не ощущал границы. Ему оставалось лишь одно – оттолкнуть прочь все, что мешало здраво мыслить, и жить этими решающими секундами, используя внезапно дарованный ему шанс к сопротивлению.

Орудийная площадка, которой венчался контрфорс бастиона, не просматривалась с дороги – ее закрывал огрызок истерзанной снарядами стены, но в один из образовавшихся проломов Андрей видел покатую башню планетарного танка, да и арочный вход, которым оканчивался лестничный марш, был виден отсюда как на ладони.

Он сел в жесткое металлическое кресло без подлокотников. По бокам высились незнакомые приспособления, похожие на стойки с округлыми вращающимися рукоятками, снабженными лимбами, которые покрывали вертикальные засечки с обозначением градусов – от нуля до трехсот шестидесяти.

Взглянув на необычное приспособление, нетрудно было догадаться, что это механическая система наводки, которую волей-неволей пришлось конструировать древним обитателям цитадели, учитывая, что все автоматические электроприводы и связанные с ними сервомоторы, работающие исключительно в комплексе с компьютером орудия, безнадежно отказали в условиях энергетики данного мира.

Крутанув одну из рукояток, Андрей ощутил, как его поворачивает вместе с креслом вокруг оси вращающейся платформы. Вторая рукоять управляла наклоном стволов относительно горизонта. Обе ручки были снабжены дублирующими друг друга гашетками, от которых тянулись тонкие металлические тросики, покрытые, как успел заметить Андрей, толстым слоем консервирующей смазки.

Стояла звонкая, оглушительная тишина.

Кречетов, действуя словно в полусне, вращал снабженные лимбами рукоятки, опуская стволы параллельно земле и одновременно разворачивая платформу к тыльной части бастиона.

Спокойнее… Спокойнее… – стучала в висках назойливая мысль, но он

был напряжен, словно этот древний механизм сопротивлялся движению его рук, не желая подчиняться воле механических приводов.

Это действительно было так. Несмотря на видимый уход, какая-то часть скрытых механизмов все же застарела, и привод вращался туго, что-то скрипело, временами скрежетало, но платформа поворачивалась, и стволы неизбежно клонились вниз, к заветной бреши в стене, пробитой огнем боевых планетарных машин.

Однако схватка началась раньше, чем полагал Андрей, все чувства которого сконцентрировались на непривычных системах управления древним механизмом.

Он не слышал взрыва второй установленной на ступенях гранаты – видимо, храмовники вовремя обнаружили и обезвредили ее, поэтому их появление на верхней площадке бастиона оказалось для Кречетова полнейшей неожиданностью.

Группа из шести-семи человек внезапно выскочила из арочного проема. Храмовники не сразу заметили его – они тут же рассыпались в стороны, припадая на колено, и стволы их автоматов, синхронно с взглядами, задвигались из стороны в сторону, обшаривая обширную площадку в поисках противника.

Внутренний холод превратился в ледяной озноб.

Спаренные стволы зенитной установки уже были опущены параллельно ровной плоскости каменного пола площадки, но Андрею оставалось еще немного довернуть рукоять горизонтального привода, чтобы в паутину нехитрого прицела попала виднеющаяся сквозь брешь покатая башня планетарного танка… но вместо этого Андрей рефлекторно нажал на гашетку, продолжая при этом вращать лимб.

Зенитное орудие ударило со звонким ритмичным лязгом, сливающимся в короткий непередаваемый звук, – десять снарядов, выпущенные за пару секунд, тугим веером хлестнули по арочному входу, сметая человеческие тела, камень, все, что попадалось на их пути…

Через мгновение, когда рассеялся дым, Андрей увидел жуткую картину. Тыльной части венчавшей бастион кладки более не существовало, вместо нее протянулась иззубренная брешь – снаряды смели и стену, и арку, наверняка завалив обломками верхнюю часть лестницы… И, как последний штрих к этой картине, он увидел ровный участок дороги, на котором стояли две БПМ с развернутыми в сторону бастиона башнями.

– Рычаги… Рычаги вперед… От себя…

Голос карлика звучал в голове, словно сиплый набат треснувшего колокола.

Андрей скорее догадался, что нужно делать, чем осознал инструкции Ромеля. Рукоятки, при помощи которых он вращал лимбы наводки, имели еще одну степень свободы движения – их можно было отклонить от себя, что он и сделал, услышав в наступившей ватной тишине отчетливые щелчки невидимых фиксаторов и вслед – тонкий жалобный звон вылетевших пустых обойм, пружинистый удар перезарядного механизма, и…

В немом запредельном напряжении он чуть довернул горизонтальный привод, совмещая открывшийся взору борт планетарного танка с перекрестьем паутинообразного прицела, выполненного из обыкновенной сталистой проволоки, и вторично нажал на спуск.

На этот раз очереди снарядов, вырвавшиеся из двух стволов, оказались зримыми – он видел отдельные, похожие на раскаленные шарики боевые части, которые на доли секунды вытянулись двумя параллельными нитями и вдруг разорвались, ударив в планетарный танк…

Многотонную машину подбросило совокупной мощью десяти разрывов, и в следующий миг Андрей увидел, как медленно отделилась башня танка, взлетая вверх по параболической траектории…

Это был миг полнейшего торжества, какой-то извращенной нирваны, что снизошла на его разум, – он машинально толкнул вперед рукояти перезарядки, не замечая, как второй планетарный танк доворачивает башню в его сторону.

Сдвоенный взрыв прогремел, как показалось Андрею, прямо перед его лицом, потом, после ослепившей его вспышки, он испытал короткое болезненное чувство полета – это древнее орудие, уязвленное в самый центр станины, сорвало с поворотной платформы и швырнуло прочь, а Андрея выбросило из кресла взрывной волной, ударив спиной о каменную стену.

Сознание погасло, но лишь на секунду, не более, – он почти сразу пришел в себя, не понимая, жив или мертв, по всему телу судорожно, самопроизвольно сокращались мышцы, словно его било в предсмертных конвульсиях, но спустя какое-то время это дикое ощущение прошло, остались лишь дрожь да нервный тик, который периодически сводил щеку и левый глаз.

Андрей потряс головой, потом со стоном привстал, видя пред собой лишь одну цель – автомат, отброшенный взрывом в сторону.

Кое-как добравшись до него, он передернул затворную раму, чтобы убедиться в работоспособности оружия, потом, припадая на правую ногу, которая обильно кровоточила, кое-как дохромал до уцелевшего участка

кладки и выглянул поверх посеченного осколками поребрика.

То, что он увидел, трудно воспринималось рассудком.

Башня планетарного танка, вырванная взрывом собственного боекомплекта, сдетонировавшего в момент попаданий зенитных снарядов, рухнула на вторую планетарную машину, погнув спаренные стволы ее орудийной установки.

Судя по тому, что двигатель БПМ заглох, внутренние повреждения были гораздо тяжелее, чем мог определить поверхностный взгляд, но самым поразительным для полуживого лейтенанта все же оказалась не картина двух уничтоженных боевых машин.

Переведя взор вниз, Андрей увидел человек двадцать храмовников, которые уже преодолели теснину меж бастионов и *бежали* в сторону разрушенного города логриан.

Из его горла вырвался хриплый, булькающий звук…

Они убегали… Потеряв всех командиров, три планетарных танка, они бежали, так и не осознав, что против них сражался всего лишь один человек…

А как же Ромель?..

Он обернулся, чувствуя, что кровь струится не только по правому бедру, – горячий ручеек бежал по левому боку, и, посмотрев назад, на только что пройденный путь от исковерканной станины орудия до полуразрушенного поребрика, он увидел длинный кровавый след…

Сгорбленная фигура Ромеля смутно виднелась у стены. Карлик горестно взмахивал своими маленькими бессильными ручками, тщетно пытаясь собрать воедино растерзанные взрывом останки ветхого мумифицированного тела…

Во имя Элио… Неужели все это не бред и он действительно пытается собрать собственные останки?..

Это была последняя осознанная мысль Андрея.

Он пошатнулся и упал.

Часть 3. ВЕЛИКОЕ НИЧТО

Глава 8

Левый бастион передовых укреплений цитадели.
Вечер того же дня…

Туман медленно полз, лениво выпуская из ущелья свои белесые эфемерные языки…

Наступал вечер долгого кровавого дня.

Они очнулись почти одновременно – не видя друг друга, а Ланита вдобавок и не зная о своем спасителе, два человека пребывали в плену у собственного, далеко не лучшего состояния.

Лане казалось, что она провела много времени в беспробудном сне. Последние воспоминания, которые запечатлела ее память, были болезненны, но не так остры – ненависть и отчаяние, душившие ее, куда-то исчезли или притупились настолько, что потеряли практический смысл…

Вечер… – машинально отметило ее сознание, когда взгляд скользнул по опрокинутому куполу небес, в глубинах которого играли фиолетовые краски заката.

Она с трудом повернула голову, склонив ее набок, и увидела край мраморного постамента. Прямоугольная плита была очень старой, истертой по краям, местами поцарапанной и выщербленной.

И тут же, словно вспышка, всколыхнулось воспоминание о человеке, который нес ее на своей спине, двигаясь в сторону древней цитадели.

Кто он? Где он?..

Два мысленных вопроса вызвали неимоверное внутреннее напряжение, и она вновь едва не лишилась сознания.

Тело почти не ощущалось, Лана с трудом могла поворачивать голову, но не чувствовала рук и ног.

Глухо застонав, она собрала всю свою волю и, оттолкнув прочь тревожащие воспоминания, занялась проблемой более насущной – ей было необходимо вернуть власть над одеревеневшим телом, чтобы разобраться, где она и что произошло вокруг…

* * *

Для Андрея возвращение в реальность оказалось намного более

неприятным.

Правое бедро полностью онемело, левый бок при попытке пошевелиться отозвался вспышкой боли.

В поле зрения Кречетова находился лишь участок пола и зубчатой стены, память хранила нечеткие обрывочные воспоминания боя – это давали знать о себе многочисленные контузии.

Серую плиту кладки внезапно закрыла сгорбленная тень, и он, мучительно вывернув шею, увидел Ромеля.

Карлик с трудом тащил рюкзак, который Андрей оставил под головой женщины.

– Пить… – едва слышно простонал Кречетов.

Ромель присел рядом. Его маленькие руки, покрытые странной морщинистой коричневатой кожей, с трудом справлялись с элементарными застежками, и Андрей вдруг понял, почему кожа карлика выглядит так необычно: на кисти его рук были натянуты перчатки – очень старые, из скверного синтетического материала, который когда-то ко всему прочему покоробило в огне.

Вид Ромеля пробудил яркие воспоминания последних минут боя, и Андрей, превозмогая мучительную сухость во рту и боль от ран, которая пульсирующими волнами расходилась по всему телу, спросил, едва шевеля потрескавшимися губами:

– Кто ты?

Карлик достал мягкую емкость с водой, некоторое время возился с винтовой пробкой, а затем поднес горлышко к губам Андрея и ответил своим тихим, шелестящим голосом:

– Я воин.

Андрей смог сделать лишь один небольшой глоток тепловатой воды. В голове сразу же помутилось, сознание на секунду расплылось, но он не дал ему угаснуть, намеренно разбудив боль.

– Пакет… – хрипло попросил он, конвульсивными движениями пытаясь сесть, так чтобы спиной опираться о стенку.

Рядом с рюкзаком лежал тот самый голубовато-серый клинок, тщательно очищенный Ромелем от крови убитого пса.

Андрей протянул к нему дрожащие непослушные пальцы, с трудом сжал их на рукояти и слабыми неточными движениями вспорол заскорузлую от запекшейся крови ткань на правом бедре.

Рана была глубокой, болезненной, но не опасной. Осколок лишь вскользь полоснул по бедру, глубоко распоров кожу и мышцы.

Придется шить… – отстраненно подумал Андрей, но прежде

следовало разобраться с источником боли, которая терзала левый бок. Повернув голову, он испытал резкий приступ слабости; от напряжения мелко дрожали губы…

– Помоги…

Ромель понял, что хотел от него Андрей. Двигая своими короткими слабыми руками, он помог ему повернуть голову.

Так и есть… – Кречетов увидел пластину, согнутую пополам ударом пули или осколка. Металлопластик не выдержал подобного напряжения и лопнул, вонзившись одним концом излома в плоть.

Пальцы Андрея, такие же немощные, как и у карлика, ломая ногти, прошлись по замкам, пока весь левый бок изуродованной, посеченной осколками брони не распахнулся, обнажая напитавшуюся кровью рубашку и рану под косым надрезом, в котором остался торчать осколок металлокевлара.

– Пакет… – повторил Андрей, но Ромель уже выполнил эту просьбу – вскрытая по шву стерильная пластиковая упаковка, содержимое которой Андрей уже дважды использовал для перевязки ран незнакомки, лежала около него.

Он уже не мог работать над собственными ранениями здраво и взвешенно. На это не было сил, и он вопреки осторожности действовал грубо, так, как получалось… Достав тампон, он одной рукой поднес его к ране, а другой просто выдернул торчащий осколок, ощутив слепящую вспышку боли.

Кровь обильно хлынула из открывшегося отверстия, и Андрей не сразу смог унять ее – некоторое время он бессильно сидел, плотно смежив веки, его голова тряслась, и он, поглощенный изматывающей, нестерпимой для разума болью, грешным делом подумал, что уже не сможет открыть глаза или поднять руку…

Ему на помощь внезапно пришел Ромель.

Глядя, как Кречетов с трудом удерживает свое сознание, истекая при этом кровью из открытой раны, он вдруг вытряхнул все содержимое медицинского пакета первой помощи прямо на залитые кровью каменные плиты пола и требовательно просипел:

– Смотри!..

Этот шепот уже второй раз необъяснимым образом воздействовал на разум Андрея, будто действительно являлся громким гневным окриком.

Он с трудом разлепил веки, пытаясь сфокусировать зрение на карлике.

– Что? – односложно спросил Ромель, указывая на россыпь препаратов и перевязочных средств.

Андрей зажал наконец рану приготовленным тампоном и, теряя остатки сил, слабым движением указал на шприц-тюбик с красной окаемкой.

– Сними… защитный… колпачок…

– Не учи, знаю. – Ромель действительно проявил ловкость, одновременно доказывая, что знаком с одноразовыми инъекторами.

Введя препарат в пульсирующую на шее Андрея вену, он откинул использованный шприц-тюбик и участливо спросил:

– Лучше?

Зрение Кречетова начало проясняться.

Это был последний антишоковый и одновременно стимулирующий препарат из набора выживания. Вскоре, кроме стерильных повязок, у него не останется никаких специальных лекарственных средств…

Мысль прошла на фоне медленно утихающей боли, и Андрей понял, что может двигаться.

– Спасибо, Ромель… – прохрипел он, меняя напитавшийся кровью тампон.

* * *

Минут через десять, обработав собственные раны, Андрей застегнул посеченную броню и без сил прислонился спиной к каменной кладке. В его пальцах, кое-как очищенных от крови, была зажата сигарета.

– Спасибо, Ромель… – повторил он, глядя на карлика, который собирал обратно в пакет остатки перевязочных средств. – И все же кто ты?..

– Воин… – упрямо и односложно ответил тот, не отвлекаясь от своего занятия.

Кречетов затянулся, выпустил дым, ощущая резь в отшибленных легких, и подумал, наблюдая за теми усилиями, что прилагал Ромель, собирая легкие упаковки: *«Нет, он не человек».*

Мысль обожгла. Она давно топталась где-то на пороге сознания, но ясна сформулировалась лишь сейчас, когда схлынуло адское напряжение неравного боя…

– Сними свой балахон, – спокойно попросил Андрей.

Ромель вскинул на него взгляд горящих глаз.

– Зачем? – Ему явно не понравилось подобное требование, и он ждал объяснений, застыв в напряженной позе с очередной стерильной упаковкой в маленьких, почти бессильных руках.

– Я хочу видеть, кто ты, – сохраняя прежний спокойный тон, произнес Андрей.

После его слов наступила неловкая пауза, затем стерильная упаковка с глухим шлепком упала на каменные плиты, а карлик, не произнеся ни звука, вдруг передернул плечами, так, будто его неожиданно ударила судорога, и ветхая одежда, всколыхнувшись от этого движения, вдруг соскользнула вниз, распластавшись кучей бесформенного тряпья.

Андрей вздрогнул от неожиданности и застыл, подавшись вперед, забыв о прикуренной сигарете, – первые несколько секунд он мог лишь немо, потрясенно смотреть на полупрозрачное, дымчато-сиреневое *нечто*, отдаленно копирующее маленькую человеческую фигурку.

Сквозь тело Ромеля был смутно виден фрагмент стены, а перчатки, которые не упали вместе с остальным тряпьем, казалось, висели в воздухе, словно завершающий штрих этого бредового видения, призванный свести с ума любого здравомыслящего человека…

Действительно, стоило признать: шок, который испытал Андрей, был не сравним с теми чувствами, что возникали у него при встрече с фантомными созданиями на Земле или несколькими днями ранее на Элио. Те энергетические призраки появлялись внезапно, необъяснимо и вызывали однозначное ощущение опасности, которое глушило все остальные чувства.

Теперь все складывалось иначе. Андрей смотрел на полупрозрачную, дрожащую, размытую по краям, струящуюся, словно знойное марево, фигуру и понимал, что ошибался в своих оценках, именуя подобных существ термином «призрак». Все обстояло намного сложнее, и…

– Это действительно был ты?! – потрясенный взгляд Кречетова сместился к смутным контурам опрокинутой зенитной установки и растерзанного мумифицированного тела, чьи останки Ромель заботливо собрал и сложил у стены.

Вечерние сумерки уже укрыли дальнюю часть площадки бастиона, но картины, врезавшиеся в память, заставляли воображение живо дорисовывать недостающие детали…

– Да, – раздался в ответ шелестящий шепот, исходивший от дрожащей сиреневой дымки. В его интонациях слышалось нечто сродни дуновению неизбывной тоски, которую это существо пронесло не через одно десятилетие…

Сумасшествие… Андрею казалось, что его разум внезапно низвергли с прочного пьедестала и он, потеряв опору, падает в бездну, роняя по пути обрывочные мысли…

– Я не понимаю… Как такое возможно? – Не в силах спокойно смотреть на сгусток энергии, Кречетов прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться, принять очевидное, но разум все равно отказывался адекватно воспринимать зрительный образ. Откровенно говоря, высказывая свою просьбу, он ожидал увидеть все, что угодно, – любое, пусть генетически изломанное, но состоящее из плоти и крови тело, – только не этот зримый энергетический сгусток, который по каким-то причинам сохранял устойчивую структуру, не рассеиваясь в пространстве…

– Твой разум спит, – внезапно дошел до его слуха шелестящий голос Ромеля. – Ты существо не нашего мира.

– Почему ты повторяешь одно и то же?! – встрепенулся Андрей, вновь открывая глаза. Его сознанию по-прежнему было не за что зацепиться, зрительный образ не давал ничего, кроме шокового состояния…

Пришлось заставить себя смотреть на сгусток энергии, обладающий гротескными чертами гуманоидной фигуры. Андрей ведь прекрасно знал, что Ромель может не только статично висеть в сантиметре от каменного пола, но и думать, разговаривать, двигать предметы в меру своих ограниченных возможностей… И все равно в душе Андрея не нашлось однозначного ответа на элементарный вопрос: бредит ли он или перед ним действительно то существо, что не раз и не два помогало ему во время неравной схватки с воинами Храма?..

Сознание молчало. Видимо, это и был тот самый *Сон Разума,* о котором так настойчиво толковал Ромель.

Андрей не понимал этой реальности и потому не мог *воспринимать* ее.

Нужно было примирить свой рассудок с *данностью,* поэтому Кречетов продолжал через силу смотреть на призрачную фигуру, и, как ни странно, по прошествии какого-то времени ему действительно стало легче. Оттого, что энергетический сгусток по-прежнему сохранял стабильность, Андрей понемногу начал успокаиваться, все четче осознавая, что перед ним скорее неразгаданное физическое явление, нежели плод воображения контуженого разума.

– Откуда ты знаешь, что я не могу воспринимать твой мир, Ромель? – спросил Андрей, нарушая затянувшуюся паузу.

– Я вижу, – ответил прежний шелестящий голос. – У тебя необычное тело. Твои мысли не здесь…

– Из-за того, что я ранен? – попробовал уточнить Кречетов, не понимая, что пытается втолковать ему карлик.

– Не плоть… – Дымка досадливо всколыхнулась. – Как я.

– Энергия?! – полуутвердительно предположил Андрей.

– Да. – Ему послышался облегченный вздох. – Могу я одеться? – спросил Ромель, которого явно угнетала демонстрация своего истинного обличья.

Андрей кивнул, запоздало извиняясь этим жестом. Его можно было понять – потрясение от увиденного еще не прошло, а последние слова Ромеля вновь требовали объяснений.

Через какое-то время Андрею пришлось с досадой признать, что его психика и разум не обладают такой степенью гибкости, чтобы однозначно и верно истолковывать скупые, почти всегда односложные фразы маленького существа…

– Объясни мне, Ромель… – Он вспомнил про сигарету, которая уже дотлела, обжигая пальцы, и прикурил от нее новую. – Объясни мне… – Кречетов запнулся, не в силах подобрать точной формулировки вопроса. – Как это произошло с тобой? – наконец произнес он.

– Был бой… – Карлик уже натянул свою хламиду, приняв прежний облик. – Я охранял госпожу, но она, занимая место в Круге, приказала мне не мешать… – Он говорил медленно и тихо, отрывая одно слово от другого долгими паузами, словно события далекого прошлого прокручивались перед ним, как медленно запущенное воспроизведение видеозаписи. – Я… пошел… увидел… – Он окончательно запнулся и начал озираться по сторонам…

– Зенитную установку? – негромко предположил Андрей, глубоко, до боли в рассеченном боку затягиваясь сигаретой.

– Да. – Карлик вскинул на него пронзительный взгляд двух голубых огоньков, светящихся под капюшоном. – Там… не было стрелка… Они приближались… Я сел, чтобы стрелять… Потом удар… Мне было… больно…

Спина Андрея холодела, покрываясь ледяным потом по мере того, как Ромель словно клещами вытаскивал из своей памяти смутные образы собственной смерти.

– Я посмотрел… на грудь… – сипло выдохнул карлик. – Там была дырка. Кровь… Я видел это сверху… Я должен был защищать госпожу… Я кинулся к ней, но мое тело осталось сидеть. Я был… и не был… – Он беспомощно задрожал. – Я видел бой… видел смерть, но я не мог… помочь… вмешаться… убить… – Слова выходили из него все медленнее, мучительнее, маленькое тело тряслось, словно его начали бить конвульсии…

– Хватит, Ромель!.. – Андрею казалось, что его голова разорвется от

боли, которая нарастала по мере того, как он в унисон шелестящему голосу начинал испытывать всю гамму безысходных чувств, которые переживал карлик. – Я понял, – хрипло произнес он.

Дрожь отпустила.

Ромель весь как-то сгорбился, поник, а Андрей, забыв про раны и боль, смотрел на тлеющий огонек сигареты, и в его голове пульсировала лишь одна мысль: гиперсфера, изнанка космоса, энергетическая вселенная, Великое Ничто, где всякое материальное тело имеет свой незримый отпечаток…

Неужели не только планеты и звезды имеют это свойство – отражаться на единое энергетическое поле аномалии в виде проекции?!

По логике увиденного и услышанного выходило, что да, именно так, но почему тогда люди не ведали об этом, глубоко, скрупулезно изучая гиперсферу самыми чуткими, совершенными приборами?!

Десятый энергоуровень… – нашептывало подсознание. – *Сердце аномалии, где все линии напряжения сливаются воедино, здесь энергетика концентрируется, приобретая масштаб измеряемых величин…*

– Что удержало тебя в таком виде? – внезапно для Ромеля спросил Андрей.

– Не знаю… – тихо ответил карлик. – Я ждал… Я не выполнил свой долг… Я не смог защитить ее…

– Свою хозяйку?

– Госпожу, – резко, неприязненно поправил его Ромель. – Я был воином. Свободным воином, а не рабом.

– Извини.

– Я ждал… – не обращая внимания на принесенные Андреем извинения, продолжал говорить Ромель, вновь понизив свой голос до звука, схожего с шелестом травы на ветру. – Я потерял разум… Я ходил… Искал… Я ухаживал за орудием и за собой…

– Сколько прошло времени?

– Не знаю… Очень много…

– Скажи, каждое существо в твоем мире имеет подобное тело? – Андрей имел в виду энергетический сгусток, в структуре которого на протяжении изрядного отрезка времени продолжала существовать информационная матрица, отражающая разум Ромеля.

Карлик присел на корточки. Похоже, что он задумался, вспоминая что-то.

– Госпожа объясняла мне… – наконец произнес он. Андрей не мог не заметить, что по мере их диалога фразы Ромеля становились все более

длинными и осмысленными, словно он медленно выходил из ступора многовекового забвения. – Каждый предмет… даже не живой… имеет свой отпечаток… – Он взял своими маленькими псевдоруками холодный клинок и посмотрел на него горящим взором, так что блики внезапно отразились на лезвии. – Он тоже имеет его…

– Чем тогда отличается моя проекция от проекции клинка? – интуитивно спросил Андрей.

Вопрос был точен. Настолько точен, что по телу маленького существа пробежала плавная судорога.

– Госпожа объясняла… Мертвый предмет имеет только тело. Дерево имеет только тело. Зверь имеет тело… Когда-то и человек имел только тело. Потом у него стал расти мозг. Он излучает энергию. У тела появился второй… – Карлик мучительно посмотрел на Кречетова, видимо не в силах припомнить какого-то слова.

– Компонент? – осторожно подсказал ему Андрей.

– Да!.. – энергично кивнул Ромель. – Разум… Потом к нему спустя много времени добавилось третье – душа.

– Это происходило здесь? – попытался уточнить Андрей и неожиданно для себя получил однозначный ясный ответ:

– Нет… Земля…

– Ты говоришь об эволюции человека на Земле?

Ромель неопределенно пожал плечами.

– Не помню… – признался он. – Так говорила госпожа.

Кречетов глубоко задумался.

Все услышанное трудно укладывалось в голове, но Андрей, не заметив момента разительной перемены, уже начал воспринимать этот мир вкупе с его странными, выходящими за рамки привычного явлениями.

Он невольно покосился взглядом в сторону Ромеля. Карлик сидел, глядя поверх зубчатой стены куда-то в закатную даль…

Стоило только признать, что сгорбленное, одетое в износившиеся лохмотья существо не плод воображения, не призрак, а *явление*, и те крохи информации, что с неимоверным трудом донес до его разума шелестящий, едва слышный голос, стали постепенно находить свое место в цепи фактов, которые определяли жизнь Андрея в течение нескольких истекших суток. Если верить Ромелю, то выходит, что любое физическое тело, лишенное разума, несет примитивную энергетику, которая вызывает незначительные возмущения энергетического поля аномалии. Говоря о появлении иных компонентов, Ромель со слов загадочной «госпожи» рассказывал об эволюции человека на Земле, – это буквально плавало на поверхности

сказанного, ведь только на планете-прародине был однажды пройден этот путь эволюционного развития, в результате которого выделился вид Homo Sapiens – человек разумный. Мозг примата, развиваясь, получил кору полушарий, которая, как давно доказано, излучает свое неповторимое энергетическое поле, что, естественно, вызывает соответствующее возмущение энергетики аномального пространства, и этот новый отпечаток, накладываясь на прежний, создает сложную, уже двухкомпонентную проекцию, которую условно можно разделить на «тело» и «разум». Несомненно, что третья составляющая, о которой упомянул Ромель, употребляя при этом термин «душа», являлось не чем иным, как дальнейшим развитием энергетики разума, когда поведением человека начали двигать чувства – сильные, неповторимые для каждого существа, они тоже несли свою неповторимую ауру, которая сделала проекцию человека трехсложной…

От напряжения Андрей опять ощутил дурноту и слабость.

Из-за кровопотери шумело в ушах и умственные усилия давались с трудом. Перед глазами после контузий то и дело возникали радужные пятна, которые на несколько секунд стирали краски окружающего мира, а потом исчезали так же внезапно, как и появлялись.

Постепенно его мысли теряли ясность, становясь расплывчатыми, – он медленно, но неумолимо погружался в болезненные ощущения, и сознание в какой-то момент поплыло, отдаляя реальность…

Он сопротивлялся сколько мог, думая о том, что нужно встать, осмотреться, – Андрей ни на секунду не забывал, что часть храмовников бежала от стен цитадели и они вполне могли вернуться, одни или с подмогой, однако любое физическое усилие вызывало резкую боль и дурноту…

Возможно, он так и провел бы остаток вечера и предстоящую ночь, сидя в полубессознательном бреду у каменной стены, если бы в ситуацию внезапно не вмешалась неожиданная сила.

Ромель первым почувствовал неладное – он резко обернулся, сделав это не поворотом головы, а всем телом, будто зверь.

Андрей не смог разобрать его шепота, но движение карлика заставило его насторожиться, на какое-то время мобилизовав остаток сил. Его рука неосознанно нашарила автомат, и в этот миг он увидел смутное движение, которое трудно было распознать на фоне сгущающихся фиолетовых сумерек.

Кто-то, пошатываясь, шел по направлению к ним от дальней стены бастиона.

Пальцы Кречетова сомкнулись на пистолетной рукояти оружия, он неловко упер «АРГ-8», зажав магазин оружия между колен.

Однако стрельбы не потребовалось – смутный контур человеческой фигуры двигался напрямую к ним, и спустя несколько секунд Андрей понял, что это раненая женщина пришла наконец в себя…

Ромель неожиданно встал, выпрямившись, и его шепот порвал тишину сгущающихся сумерек:

– Госпожа… Госпожа Лаонита!..

Андрея обдало жаром.

Он, не отрываясь, смотрел, как она медленно, пошатываясь, брела в их сторону, и наконец их взгляды встретились.

Лана лишь на секунду задержала свой взгляд на Андрее, потом ее взор перекинулся на автомат, зажатый им между колен, затем на карлика и дальше, настороженно, мучительно скользя по заметным даже в сумраке признакам недавно отгремевшего боя, – она не могла не увидеть кубометры вырванной взрывами, раскрошенной в щебень кладки стен, глубокие бреши, дым, который все еще сочился из подбитых БПМ, и этот медленный, мучительный обзор места недавних событий вернул ее внимание к Кречетову.

– Ты принадлежишь Храму? – спросила она, с трудом выговаривая слова.

Проследив за ее взглядом, Андрей понял, чем вызван вопрос, и его раздражение угасло – этот миг настороженного знакомства мог обернуть события любым образом, потому он ответил ей спокойно, без лишних эмоций:

– Я не храмовник. На тебе такая же экипировка, не находишь?..

Лана кивнула, соглашаясь, не став возражать против очевидного довода.

– Кто это? – Ее взгляд остановился на Ромеле.

– Госпожа Лаонита… – уже чуть менее восторженно повторил карлик, но его слова встретили слабый отрицающий жест:

– Меня зовут Ланита.

Ответ был краткий, но емкий. Очевидно, одна буква играла тут какую-то роль…

Эфемерное тело Ромеля всколыхнулось под одеждами.

– Ты сущность? – не отрывая от него взгляда, спросила Лана.

– Да, госпожа.

В ее глазах опять промелькнул протест, причина которого была совершенно не ясна Андрею, но следующий вопрос, обращенный к нему,

еще больше озадачил Кречетова:

– Скольких ты убил?

Он откровенно пожал плечами. Ему не нравилось собственное беспомощное положение и те властные нотки, что прорывались в окрепшем голосе едва пришедшей в сознание женщины, но она явно была озабочена ответом, потому что терпеливо ждала, не отрывая от него взгляда мутных от перенесенных ранений глаз.

Пришлось мысленно прикинуть количество жертв дневного боя.

– Человек тридцать, – наконец ответил он. – Приблизительно…

Она нахмурилась, потом посмотрела на стремительно темнеющие небеса и тихо сказала:

– Они скоро будут здесь. Нам не справиться с ними. Нужно где-то укрыться.

Три короткие отрывистые фразы. В них сквозили твердая уверенность, знание, и Андрей вдруг безотчетно поверил едва знакомой женщине. Она стояла в двух шагах от него, такая же изможденная, бледная, как и он, ее боевая броня, очевидно добытая в столь же неравном бою, мало отличалась от той, что носил Кречетов. Такая же тусклая, с выщерблинами от осколков и пуль, местами покрытая пятнами давно засохшей крови.

Если Ромель вызывал в нем двойственные чувства, то она – нет. Древняя боевая броня, когда-то разработанная для нужд космодесанта, отрывистая речь, настороженный взгляд, движения, властность – все выдавало в ней воина.

Она оторвала взгляд от стремительно темнеющих небес и протянула руку Андрею.

– Нужно уходить, – произнесла она. Кречетов принял этот жест.

Ее ладонь была узкой, холодной, пальцы чуть дрожали, но в движении чувствовалась сила, которую трудно было ожидать после тяжелейших ранений, едва не стоивших ей жизни.

Кого она опасается?

Опираясь на автомат, Андрей посмотрел вокруг, но не увидел ничего подозрительного, разве что глаза Ромеля тревожно горели в сгущающейся тьме.

– Где мое оружие? – спросила Ланита.

– Я не смог нести второй автомат, – ответил ей Андрей. – Он остался на соседнем бастионе.

Она повернула голову, пристально, в упор, посмотрев в его глаза.

Говорят, что глаза – это зеркало человеческой души. Неизвестно, что пыталась прочесть Ланита в серых глазах Андрея, но ее взгляд постепенно

утратил холодность, будто растаяли две льдинки.

– Ты вынес меня сюда? – внезапно спросила она.

– Да, – кивнул Андрей.

Лана вдруг вспомнила последние секунды своей сознательной борьбы, вновь ощутила близкое ледяное дыхание смерти и отчетливо поняла: он не просто нес ее на плечах многие километры по трудным горным дорогам, но еще и вырвал из объятий неминуемой смерти…

По понятиям Ланиты это стоило дорогого и значило для нее очень много, но сейчас не было времени на изъявление чувств, поэтому она негромко произнесла:

– Спасибо. Нам нужно уходить. – Тут же, без всякого изменения интонаций, она добавила, оборачиваясь к Ромелю: – Ты должен знать, где находится вход во внутренние помещения. Я помню, что под этой площадкой есть еще два этажа.

Карлик, которого поведение Ланиты ввергло в продолжительный ступор, встрепенулся.

– Да, госпожа, – прошелестел он. – Я знаю, где вход.

– Помещения сохранились? В них работает защита?

Ромель беспомощно пожал плечами.

– Мои руки… – тихо ответил он. – Они слабы. Я не мог открыть вход.

Лана досадливо поморщилась. Очевидно, она не отличалась мягкостью характера – по крайней мере, ее суждения были резкими.

– Ты глупая сущность, – произнесла она. – Не догадался сбросить свои лохмотья и пройти сквозь стену?

Для Андрея такой разговор звучал как очередная дикость, но он уже перестал удивляться, вернее, утратил ту остроту восприятия, чтобы адекватно реагировать на шокирующие заявления.

– Не суди Ромеля, – вступился он за карлика. – Я обязан ему жизнью.

Лана резко обернулась.

– Это не извиняет его глупости. – Она кивнула Ромелю, будто подталкивая его этим жестом: – Веди.

Андрей думал, что карлик как минимум обидится и исчезнет, просто растворившись в темноте, но нет, он послушно двинулся вперед, показывая путь.

Они прошли мимо опрокинутой взрывами зенитной установки, и Лана, мельком скользнув взглядом по мумифицированным останкам человека, которые разбросал взрыв, вдруг остановилась, всматриваясь в изменившиеся, но все-таки узнаваемые черты усохшей головы.

Жуть накатила на Андрея при виде этой немой сцены.

По чертам Ланы пробежала мучительная тень, ее губы вдруг задрожали, некрасиво искривляясь от того усилия, что приложила она, сдерживая внезапно подкатившее к горлу рыдание.

– Ромель… – Она тихо, беззвучно опустилась на колени, но не коснулась останков, лишь смотрела на них горящим, полубезумным от внезапно вспыхнувших воспоминаний взглядом, одновременно сжимая ладонями свои виски, будто силилась удержать нечто рвущееся изнутри наружу…

Карлик остановился, заметив эту разительную перемену. Спустя некоторое время Лана медленно повернула голову, посмотрев на сгорбленную сущность.

– Это ты?

– Да, госпожа.

– Я… – Ее голос вдруг сорвался… – Я вспомнила…

Единственное, что понял Андрей из разыгравшейся на его глазах сцены, это то, что Лана и Ромель были знакомы раньше, возможно она действительно когда-то была его госпожой, но совершенно утратила память о далеких событиях и вот теперь со всей очевидностью переживала мучительное раздвоение личности, когда часть воспоминаний о прошлом начала возвращаться к ней под воздействием окружающей обстановки.

Как сочетались ее молодость и явная древность узнанных ею останков, трудно было судить – Андрей по-прежнему не мог понять той физики времени, которая довлела над аномальным пространством, и поэтому он не стал вмешиваться, здраво рассудив, что теперь он не одинок в своих мучительных вопросах и Лана, родившаяся и выросшая тут, поможет ему разобраться хоть в чем-то…

– Извини, Ромель. – Ее голос предательски дрогнул. – Я не узнала тебя…

– Я не обижаюсь, госпожа… – прошелестел в ответ тихий голос. – Нам нужно спешить, чтобы скрыться.

– Да, ты прав. – Она поднялась с колен, скользнула взглядом по Андрею и, пропустив его вперед, добровольно решила замыкать процессию.

Андрей не возражал, понимая, что он самый медлительный член группы на данный момент, – он шел, тяжело припадая на раненую ногу, используя «АРГ-8» вместо костыля, и Лана, видя это, не решилась отобрать у него оружие.

Верхняя площадка бастиона имела около полукилометра в поперечнике, и для Андрея этот путь от передового закругления зубчатой

стены до того места, где ровный пол площадки сливался с монолитом скальных пород, оказался тяжким, болезненным испытанием.

Ночь уже вступила в свои права, паря над головой фиолетово-черной бездной, словно мрачное покрывало укутало исстрадавшуюся за день землю, а внизу, у подножия двух циклопических башен, где по-прежнему лениво сочился прогорклым дымком выгоревший дотла остов боевой планетарной машины, внезапно появился бледный, рассеянный свет…

Лана скорее почувствовала, чем заметила его, но тревога, мгновенно захлестнувшая разум, являлась лучшим доказательством начала предопределенных событий. Ей незачем было смотреть вниз – она и так знала, что сейчас, когда голубое светило ушло за изгиб планеты, его энергетика ослабела, и, чувствуя это, от мертвой, истерзанной плоти павших храмовников начала истекать голубоватая аура, медленно очерчивая своим сиянием холодеющие тела. Еще немного, и сущности павших покинут плоть. Они, медленно кружа, начнут подниматься вверх, скользя по незримым линиям напряжений, а их нематериальный разум будет хранить лишь последние, предсмертные воспоминания навек погибшей плоти. Боль и ужас агонии, ненависть к противнику – последняя вспышка эмоций будет гнать их примитивные сущности от мертвых тел ввысь, чтобы за время своего краткого существования, пока ночь еще парит над землей, достать того, кто стал причиной их смерти.

Утром, когда размытый по краям диск светила вновь озарит землю своими лучами, они истают, растворятся в потоке незримой энергии, распадутся, чтобы навек слиться с ней, но это произойдет не раньше чем через восемь часов, а пока черно-фиолетовое покрывало тьмы являлось гарантом их существования, они будут искать и найдут, ударят в последнем усилии мертвой воли. Лана знала об этом не понаслышке – призраки не раз преследовали ее, к тому же она прошла все ступени боевой школы Храма и помнила, информацию какого сорта внедряют в души бойцов беспощадные учителя. Этот последний удар был запрограммирован в каждом из них на уровне подсознательного рефлекса.

В распоряжении беглецов оставалось минут пятнадцать, не больше.

Лана перестала оглядываться, следуя за Андреем и Ромелем. Она знала, что неизбежно почувствует тот момент, когда какая-то из новоявленных сущностей воспарит на уровень верхней площадки. Она попыталась сосредоточиться, по привычке мобилизуя волю, сжимая в тугой комок энергетику собственного разума, но измученное ранами тело ослабло настолько, что вместо привычной концентрации Лана лишь ощутила шум в ушах да глухие удары собственного пульса.

Вокруг, куда ни глянь, простирались мертвый, бездушный камень стен да острые отроги скал, от которых при всем желании не возьмешь никакой подпитки – они мертвы, их энергия статична, она и в тонком измерении похожа на громоздящиеся друг на друга холодные камни…

Хоть бы пучок травы под ногами, горсть рассыпчатой земли с ее микрожизнью, но нет, лишь воет неподвластный ей ветер да густая тьма вязко топит очертания предметов, будто поглощая их…

Сосредоточенность Ланиты нарушил тихий голос Ромеля:

– Здесь, госпожа.

Они стояли у отвесной скалы, которая ограничивала площадку бастиона с тыльной стороны укрепления.

Не видно ни зги.

– Сними одежду, Ромель.

На этот раз карлик подчинился беспрекословно, и холодное голубоватое сияние разогнало тьму, осветив участок отвесной стены и фрагмент каменного пола площадки.

В призрачном рассеянном свете Андрей увидел ровную прямоугольную плиту, сливающуюся с серым фоном скал. Ее обозначала лишь щель, идущая по периметру, настолько тонкая, что в нее вряд ли вошло бы лезвие ножа.

Он оглянулся, чтобы спросить у Ланы, как следует поступить, и застыл, пораженный внезапно открывшейся картиной: над зубцами передовой стены укрепления медленно всплывали призрачные фигуры, словно целый манипул храмовников внезапно ожил и вновь устремился на штурм…

Издали они были неотличимы от тех фантомов, что атаковали блокпост на Элио, а затем охотились за Андреем на Земле.

Только сейчас наступило полное, ясное понимание, что это были именно они – энергетические сущности воинов Храма, каким-то образом исторгнутые из пучин аномалии космоса в метрику материальной вселенной.

– Что делать? – хрипло, резко спросил Андрей, нарушая ломкую тишину.

Лана на миг растерялась.

Враждебные сущности вот-вот заметят их, ощутив людей по следу энергетики живой плоти, а она не в силах ответить ударом на удар, ее странный спаситель не в счет – заглянув в его глаза, Лана поняла, что Андрей не может управлять своей природной энергетикой, а в его разуме царит полнейший хаос, сотканный из неприятия и недоумения.

Значит, оставался Ромель.

– Ищи углубление сбоку, в скале! – приказала она Андрею и, обернувшись к сияющей фигурке карлика, внезапно произнесла: – Ромель, ты готов по-прежнему служить мне?

– Да, госпожа.

– Даже если тебе придется погибнуть? НАВСЕГДА?! – Ее голос приобрел резкие, властные ноты.

– Почту за честь, госпожа Лаонита.

На этот раз она не стала обращать внимание на лишнюю букву, вставленную в ее имя.

– Ты воин!.. – Она закрыла глаза, и Андрей, который методично ощупывал стену, следуя периметру щели, внезапно вздрогнул всем телом, когда за его спиной раздался знакомый негромкий, но внятный речитатив.

Ноги на миг ослабли, и он оступился, припав к скале, голова непроизвольно повернулась, и он увидел ее – бледную как смерть, вставшую на колени, неподвижную словно изваяние… лишь губы Ланиты шевелились, выталкивая отрывистые, но звучащие нараспев фразы, произносимые на незнакомом языке…

Ромель…

Что творилось с маленькой сгорбленной фигуркой карлика, было невозможно описать.

Он рос. По мере того как нарастало напряжение слов, Ланита все больше бледнела, ее лицо приобрело землистый цвет, – даже Андрею было очевидно, что она отдает крохотный остаток своих жизненных сил, невероятным образом перекачивая их в эфемерное сгорбленное тельце карлика.

Сон… Сон разума, кошмарная галлюцинация, которая не могла пригрезиться ни одному психу или наркоману…

Призрачная фигура на глазах приобретала объем, плечи Ромеля расправились, выпрямился сгорбленный торс, чуть удлинились руки и ноги, окончательно формируя полноценную с точки зрения аномальных законов сущность.

Еще секунда – и перед Андреем стоял коренастый воин, такой, каким он был когда-то при жизни.

Последними проявились черты лица, сияющие голубизной волосы и глаза… Во имя Элио, что это были за глаза!.. Андрею захотелось зажмуриться, чтобы не видеть их – два горящих глаза без зрачков, из которых сочился свет…

В этот миг Лана, прервав на полуслове свой речитатив, вдруг

повалилась на бок, словно безвольная кукла, которую толкнула злая хозяйка.

Андрей будто очнулся.

Она потеряла сознание, лишилась чувств, может быть, умерла, отдав всю себя на восстановление сущности Ромеля, а он стоит, как последний лох в цирке Омикрона, наблюдая за невиданным шоу…

Свет от полнокровной сущности Ромеля стал ярче, но это не помогло Андрею, лишь отвлекало его, сбивая на постоянный мысленный вопрос: что там творится за спиной? – но он не оглядывался, возобновив свои лихорадочные поиски.

Углубление, о котором говорила Ланита, внезапно обнаружилось в десяти сантиметрах от пола справа. Его еще нужно было умудриться найти – выемка оказалась столь мала в диаметре, что туда едва прошел указательный палец. Андрея даже взяло сомнение, то ли отверстие он нашел, но в глубине был скрыт рычажный механизм – что-то поддалось под слабым давлением указательного пальца, и Кречетов поспешил отдернуть руку, услышав, как за каменной перегородкой глухо заскрежетала система противовесов.

Дверь, до этого едва различимая на фоне стены, с внезапной легкостью повернулась вокруг оси, открыв два узких прохода.

Не раздумывая и не колеблясь, Андрей, припадая на раненую ногу, вернулся к Ланите и поднял ее обмякшее тело, заскрипев зубами от боли…

За спиной ночь внезапно превратилась в день – посреди каменной площадки неожиданно брызнул холодный ослепительный свет, осветивший все потаенные уголки укрепления, – это энергетические сущности сошлись в схватке, и Андрею, который, пошатываясь, нес тело Ланиты, оставалось лишь надеяться, что это прекратил свое существование один из храмовников, а не бросившийся им навстречу Ромель.

В свете яркой вспышки он увидел крутые каменные ступени, по спирали уходящие вниз.

Шагнув в открытый проем, он случайно задел плиту, и та от толчка вдруг стала поворачиваться, вновь вставая на прежнее место.

Еще секунда – и плотный непроницаемый мрак каменного мешка окружил Андрея.

Он, изнывая от боли в ноге, на ощупь нашел край первой ступени, одновременно держась одной рукой за стену, сделал первый шаг в темноту.

* * *

Спуск вниз длился недолго, может, три-четыре минуты, но когда перед Кречетовым открылся смутно очерченный дверной проем, он уже едва передвигал ноги.

Прямоугольник входа на этаж выглядел серым пятном, едва заметным на фоне плотного мрака. Андрей вошел в него, по-прежнему не видя ни зги, лишь ощущая сложный запах чего-то застарелого – не то подгнившей древесины, не то иной, подвергшейся тлену органики.

Не в силах сориентироваться во мраке, он опустил тело Ланиты на пол, почти сразу за порогом, и услышал, как она слабо застонала.

Жива…

Щелчок термозажигалки не дал нормального освещения – раскалившийся кончик прикуривателя разгонял тьму всего лишь на два-три сантиметра, и Андрею пришлось на ощупь двигаться вперед, поднося смехотворный источник света к попадавшимся на пути препятствиям.

Он сумел добраться до огромного стола, занимающего центр помещения. На нем в свете красного огонька смутно просматривались какие-то предметы, некоторые отбрасывали характерный кровавый блик – значит, были сделаны из металла или стекла…

Андрей не успел развить свою мысль – в помещении вдруг стало чуть светлее, и он насторожился, однако напрасно: тусклое, едва приметное глазу сияние исходило от округлого предмета, к которому он только что подносил раскаленный кончик зажигалки.

Повторив операцию, Андрей убедился, что свет стал ярче – теперь он мог увидеть большинство предметов, стоявших на столе.

На первый взгляд масса непонятных приспособлений или приборов, меж которыми лежали толстые запыленные фолианты из древней пластбумаги, производила впечатление, что он попал в заброшенную лабораторию алхимика, но в тот момент Андрея волновали совершенно иные мысли, и все внимание, естественно, сосредоточилось на источнике света.

Прибор, который воспринял слабую тепловую накачку, оказался бесхитростен по своей конструкции и представлял собой прозрачный шар, установленный на позеленевшей медной подставке.

Вняв случайному опыту, Андрей поднес к его боковой поверхности зажигалку и держал ее раскаленный кончик у закругляющейся поверхности, наблюдая, как слабое инфракрасное излучение концентрируется в центре шара в виде слепящей ярко-красной точки.

Прошло секунд пятнадцать-двадцать, и вдруг красный огонек исчез, а

на его месте вспыхнуло яркое холодное белое сияние, озарившее все помещение до самых дальних уголков.

Андрею некогда было разбираться в сути явления – пользуясь появившимся освещением, он прежде всего вернулся к Ланите, всерьез опасаясь за ее жизнь, но она, к удивлению Андрея, уже пришла в себя и сидела на полу, бессильно прислонясь спиной к холодной стене.

– Ты как? – спросил Андрей, стараясь не обращать внимания на собственную боль, охватившую половину тела.

– Нормально… – едва слышно выдохнула она, но верилось такому утверждению слабо – стоило взглянуть на землисто-серое лицо Ланы и ее блуждающий взгляд, как становилось очевидно, что она едва удерживается на грани обморока. – Ты зажег форсфайт… – тихо произнесла она. – Молодец… – Ее взгляд остановился на массе расставленных в живописном беспорядке приборов. – Защита… – Ее слабый голос дрожал. – Найди шар с двумя обручами… Поставь его рядом с форсфайтом…

– Ромель, – напомнил Андрей, возвращаясь к столу прихрамывая.

– Я зову его… – ответила Ланита. Указанный ею предмет было несложно отыскать среди остальных вещей, похожих шаров оказалось даже два, но один имел потемневшие от времени медные обручи, которые могли скользить, свободно раскачиваясь вокруг стеклянного… шара, а второй тускло сиял серебром аналогичных приспособлений.

Андрей взял оба прибора, затем локтем сдвинул в сторону мешающие фолианты и поставил два непонятных устройства по бокам ярко сияющего источника света.

Как он и предполагал, внутри прозрачных как слеза сфер тут же вспыхнул собственный огонь, разница была лишь в том, что исполненные из серебра обручи тут же откликнулись, начав медленно раскачиваться на боковых шарнирах, а вот потускневшие, покрытые окислом медные кольца едва шевельнулись.

– Придержи их… – раздался слабый голос Ланы. – Ромель идет.

Андрей догадался, о чем она говорит, и прикоснулся ладонью к серебряным обручам, которые раскачивались все сильнее и вскоре их амплитуда должна была превратиться в круговое скольжение.

В этот миг, пока он держал ладонью элементы защитного устройства, ощущая исходящий от них пронзительный холод, на фоне глухой стены помещения внезапно наметился голубоватый контур, сотканный из знакомого сияния, и секунду спустя внутрь, пройдя сквозь камень, просочилась видоизмененная Ланитой сущность Ромеля.

– Отпускай… – тут же приказала она.

Андрей послушно отнял ладонь. Два обруча вновь начали быстро раскачиваться, и через некоторое время они уже описывали крути вдоль поверхности ярко сияющего шара – один двигался по часовой стрелке, а второй против, и одновременно с началом вращательного движения по стенам, полу и потолку комнаты заскользили их проекции: два серебристых кольца, похожие на лазерный спецэффект танцпола, стремительно проносились по объемному периметру комнаты, замыкая помещение в зримый световой кокон.

Андрей оглянулся на Ромеля.

Сущность, что опасливо скользнула под толстую каменную столешницу, избегая соприкосновения со стремительными кольцеобразными проекциями, уже не походила на карикатурную гуманоидную фигурку, сотканную из бледно-голубого света. Нет, он превратился в призрачный, полный яркой синевы контур человека с ясно различимой анатомией, выразительными чертами лица и даже деталями странной, на взгляд Андрея, такой же призрачной, как и тело, одежды.

В руках Ромеля, согнувшегося под столом, была зажата проекция клинка, энергетика которого оказалась несколько иной, чем та, что являлась основой его сущности, – лезвие светилось ослепительно белым, и с него чудным образом капали сгустки синевы…

– Ромель, можешь встать, – тихо произнесла Ланита. – Защитное устройство не наносит вреда тем, кто внутри комнаты.

Новоявленный воин вылез из-под стола и выпрямился в полный рост.

– Кровь. – Он с гордостью указал на сгустки синевы, что по-прежнему соскальзывали с белого сияния призрачного клинка. – Их кровь.

Андрей огляделся, нашел взглядом нечто похожее на кресла с высокими спинками и широкими подлокотниками, которые были смещены к дальнему торцу стола, и помог подняться Лане, попутно заметив, что несколько похожих кресел опрокинуты и лежат на полу.

Сев, он наконец смог расслабиться, и тут же боль, долго сдерживаемая усилием воли за порогом сознания, навалилась на него, словно желала отыграться за проявленное невнимание…

Он непроизвольно поморщился, глядя, как скользят кольца яркого света, искривляясь по углам комнаты, причудливо пересекаясь на плоскостях стен, – это движение на миг заворожило его, отвлекая от болезненных ощущений.

Лана молчала, с непонятным напряженным вниманием разглядывая предметы на столе, будто каждый из них был ей в новинку… Ее безмерно усталые глаза то сужались, концентрируя внимание на каких-то

ассоциациях, что вызывало в душе то или иное устройство, то вновь расширялись, и тогда в них проглядывал страх перед чем-то необъяснимым, не находящим отклика и ответа в душе…

Ромель быстро нашел себе занятие – он чистил кольца на втором шаре, делая это так, будто подобная операция была хорошо знакома ему, и вскоре по периметру комнаты скользили не только серебристые, но и ярко-желтые проекции, которые начал отбрасывать второй заработавший шар.

Андрей, терзаемый болью, с трудом сосредоточивался то на одной, то на другой детали обстановки, переживая в эти минуты глухой напряженной выжидающей тишины особенные чувства…

Ему как здравомыслящему человеку впору было сойти с ума от мистической иррациональности всех происходящих вокруг событий, и он действительно был недалек от того, чтобы, сжав руками голову, расхохотаться – от непонимания, боли, от того, что психика наконец начала окончательно сдавать, но…

Очередное, так напряженно ожидаемое событие вновь заставило нервы сжаться в комок, а разум – воспринять неправдоподобную с точки зрения обычной логики реальность происходящего. Сквозь камень стены внезапно сразу в нескольких местах начало продавливаться фиолетовое сияние чуждых сущностей, и тут же по стенам засверкали вспышки – это желтые и белые кольца, обегающие периметр помещения, резанули чуждую энергетику, словно раскаленные нихромовые нити податливый пластик…

Пальцы Ланиты побелели, вцепившись в широкие подлокотники жесткого неудобного кресла. Ее глаза горели безумным торжеством, она переживала что-то внутри себя, неотрывно глядя на сполохи света, которые для Андрея являлись нестерпимыми.

– Все… – неожиданно расслабляясь, выдохнула она, и Андрей, повернув голову, вдруг заметил, как порозовела ее кожа, влажно заблестели глаза, словно эти вспышки, которые оставили у него лишь радужные пятна на сетчатке глаз, каким-то образом вдохнули в нее жизнь.

Лана встала, огляделась вокруг и развернулась к Андрею.

Посмотрев на его лицо, искаженное болью и непониманием, она подняла руки и без предварительных пояснений приложила свои ладони ко лбу и груди Кречетова.

Он не успел толком осознать, что происходит, как окольцованный светом периметр комнаты вдруг закружился перед глазами и его сознание сорвалось в черную, лишенную мыслей и ощущений бездну…

Глава 9

Древняя цитадель.
Внутренние помещения передового укрепления.
Утро…

Ланита долго сидела за столом, глядя на разбросанные в беспорядке предметы.

За стенами комнаты уже наступил рассвет. Ромель, которого она отослала на разведку, еще не возвращался, но Ланита не беспокоилась – она чувствовала, что чуждые сущности сгинули и людям ничто не грозит в ближайшие часы, а может быть, и дни. Храмовники, получив столь болезненный удар, несомненно, вышлют новый отряд, но на это им понадобится время.

Лана не знала, на чем основана ее уверенность. За прошедшие часы прошлое и настоящее окончательно смешались в ее разуме, и она мучительно пыталась разобраться – что за странные воспоминания разбудила в ней несостоявшаяся смерть?

Предметы на столе были знакомы ей, как и сама комната, да и цитадель тоже… Откуда у вероотступницы Храма взялись эти обрывочные воспоминания? Где до сих пор пряталась память, напрямую связанная с очень похожей на нее женщиной по имени Лаонита, которая занимала центральное место в древнем, ставшем уже легендой Круге Силы, последним оплотом которого являлась эта высокогорная цитадель?

По мере того как текли часы ночного одиночества и размышлений, ситуация яснее не становилась. Мысли мешались в причудливый, слоистый коктейль, где обрывочные воспоминания прошлого накладывались на память о недавних событиях, и к утру, окончательно измучившись, Лана уже не могла четко определить, какие образы принадлежат ей, а какие – Лаоните…

Разум Ланы медленно, но неуклонно поддавался болезненному раздвоению, будто ее «я» раскололось пополам и теперь две половинки души расходились по разные стороны образовавшейся пропасти и при этом каждая норовила забрать себе часть рассудка…

На глаза Ланиты внезапно навернулись слезы. Она балансировала на грани срыва, с трудом выдерживая моральную пытку, не зная, как собрать воедино половинки расколотой души, – она теряла самообладание, все

глубже и болезненнее погружаясь в пучину раздвоенного сознания…

Из оцепенения ее вывел спасительный звук, принадлежащий грубой реальности: она услышала хриплый, надрывный кашель, затем невнятное слово, произнесенное на незнакомом языке, и скрип отодвигаемого стула.

Резко вскинув голову, она увидела своего спасителя, который, очнувшись от забытья, стоял, вцепившись правой рукой в широкий подлокотник старинного кресла.

Он был бледен, его взгляд еще окончательно не прояснился, но кризис, связанный с ранениями и потерей жизненных сил, миновал – это Лана могла определить с точностью.

Подумав об этом, она вдруг осознала, что вся ее прошлая жизнь очень похожа на сиюминутное состояние расколотого надвое рассудка. С трех лет она воспитывалась в боевой школе Храма, где ее учили беспощадно убивать, а потом покалеченную, полную злобы душу терпеливо пытались излечить мудрые учителя Круга, но только сейчас, глядя на Андрея, Ланита поняла, что все эти годы рядом с ней никогда не было человека, кто взял бы ее и понес, истекающую кровью, умирающую, не ведая, друг она или враг…

Одни внедряли в ее душу ненависть, другие – понятие добра, но обе противоборствующие стороны *использовали ее.* От этой мысли по телу Ланиты пробежал ледяной озноб. Она изначально была приговорена служить и умереть, только раньше не осознавала этого, до того момента, пока пули не порвали ее плоть…

Она отчетливо помнила, как долго, мучительно умирала у подножия холма, зная, что нет в этом мире человека, кто пришел бы к ней на помощь.

Оказывается, она ошибалась…

…Взгляд Андрея, обежав комнату, остановился на ней.

Ланита попыталась ободряюще улыбнуться, но улыбка на заплаканном лице вышла натянутой. Ее выдавали глаза, полные боли, отчаяния и растерянности.

Андрей сделал осторожный шаг, прислушиваясь к ощущениям собственного тела, и остановился.

– Не болит, – хрипловато произнес он, не отрывая взгляда от Ланы. Сколько раз он смотрел в ее бледное неподвижное лицо, гадая, выживет она или нет?..

Зная друг друга лишь по именам, они уже были близки – их души успели соприкоснуться, несмотря на пропасть, разделяющую два сознания…

– Ты удивлен? – Она по-своему истолковала его замешательство. –

Раны затянулись, я проверяла.

Андрей покосился на свой правый бок и только сейчас заметил, что на нем нет боевой брони, только рубашка со следами замытой крови да заштопанные вдоль бедра узкие бриджи.

– Сколько прошло времени? – спросил он.

– Уже рассвет, – ответила Лана.

– Всего-то?! – Андрей был поражен. Отодвинув массивное кресло, явно не рассчитанное на человеческую анатомию, он сел напротив Ланиты и пошевелил левой рукой, которая несколько часов назад отнималась от боли, но ощутил лишь слабое натяжение кожи в том месте, где должна была вспыхнуть отчаянная резь намеренно потревоженной раны.

– Ранения не могли затянуться так быстро, – произнес он, обобщая свои ощущения и мысли.

– Я помогла твоему организму, – скупо пояснила Лана, вставая из-за стола. – Подожди, я сейчас вернусь. – Она взяла из ниши в стене какой-то предмет и исчезла в плотном сумраке коридора.

Андрей не стал препятствовать ей. Оставшись один, он осмотрелся. Тусклый свет установленного посреди стола форсфайта разгонял мрак, у стены стояло два автомата, рядом раскрытый рюкзак и шесть магазинов к «АРГ-8». Оба металлокевларовых доспеха лежали бесформенной грудой в дальнем углу помещения около квадратной ниши в стене, которая хранила отчетливые следы копоти.

На столе рядом с сияющим шаром по-прежнему в хаотичном беспорядке громоздились непонятные предметы и устройства, но книги, которые он видел накануне, куда-то исчезли – очевидно, Лана убрала их.

Она долго не возвращалась, и Андрей приподнял рубашку, взглянув на рану, из которой он накануне вечером собственноручно выдернул осколок бронепластины.

В том месте, где острый кусок кевлара уродливо раскроил плоть, сейчас тянулся длинный розовый рубец…

Невероятно…

– Это умел делать каждый житель нашей страны, – внезапно дошел до его сознания голос Ланиты. – Раньше, – скупо добавила она, ставя на стол объемистый кувшин, в котором отчетливо плеснулась вода. – Пока не появился Храм и его воины не истребили тех, кто обладал древними знаниями, – закончила она свою мысль, доставая из ниши в стене два потускневших медных кубка.

Она старалась говорить спокойно и ровно, но по внешнему виду Ланы, ее мимике, жестам, по следам недавних слез и резким сменам

настроения нетрудно было догадаться, что в ее душе идет жестокая, но непонятная постороннему борьба.

– Я отправила Ромеля на разведку. – Лана налила воду в потемневшие от времени кубки и достала два брикета пищевых концентратов из того памятного пакета, который принес Андрею карлик.

– Это все, что есть у нас из провизии… – Ланита села в кресло напротив Андрея и внезапно произнесла, глядя ему в глаза: – Ромель сказал мне, что ты не из нашего мира. Это правда?

– Да, – ответил Андрей, отпивая глоток ледяной воды, явно набранной из подземного источника. Заданный Ланой вопрос заставил его мысли совершить резкий переход от окружающей обстановки к более глобальным проблемам. Сутки назад он полагал, что в этот мир его привело стечение роковых обстоятельств, но накануне вечером, наблюдая, как всплывают над кладкой бастиона энергетические тела призраков, он понял, что это не так. Здесь работала неизвестная ему физика аномалии, управляемая чьей-то целенаправленной волей.

Станет ли она отвечать на мои вопросы? – с сомнением подумал Андрей. Ланита старалась вести себя непринужденно – это выдавало в ней незаурядную силу воли, учитывая те признаки жесточайшей внутренней борьбы, которые наблюдал Кречетов.

– Лана, мы можем поговорить откровенно?

– В смысле? – нахмурилась она, вопросительно посмотрев на Андрея.

– Скажи, старые женщины, которые были убиты на плоскогорье, принадлежали к тем, кто хранил древние знания? – напрямую спросил он.

Лана вздрогнула всем телом, едва не пролив воду, которую наливала из кувшина в свой кубок.

– Откуда ты знаешь про Круг?! – Ее глаза разительно изменились, потемнели, в сузившихся зрачках мгновенно вспыхнуло подозрение. При всей своей симпатии к Андрею она быстро и здраво рассудила, что человек, не ведающий элементарных законов этого пространства, не может быть сопричастен к его высшим, тщательно скрывающимся на протяжении последнего времени силам.

Она медленно поставила кувшин на стол.

Глядя на ее реакцию, Андрей решил, что лучше разговаривать честно, чем пожинать впоследствии плоды собственных недомолвок. В конце концов, от того, смогут ли они понять друг друга, зависело ближайшее будущее обоих.

– Я не знаю, что такое Круг, – честно признал он. – Но я думаю, что мое появление тут в некоторой степени предопределил странный сон, в

котором девять существ пытались предупредить меня о назревающих событиях… – Он на секунду умолк, а затем внезапно спросил: – Ты была одной из них?

– Нет. – Лана отрицательно покачала головой. – Почему ты так решил?

– Вчера я слышал от тебя слова, похожие на монотонный речитатив. Они тоже произносили нечто подобное.

Выслушав Андрея, Лана помрачнела, откинувшись на спинку кресла. Ее взор как будто угас, черты лица вдруг заострились, словно одно упоминание о девяти таинственных существах заставляло ее душу поникнуть тело.

– Я всего лишь вероотступница, рядовой воин Храма, перешедший на сторону старого учения, – негромко произнесла она. – Я воин, призванный охранять Круг. – Ланита плотно поджала губы, немного помолчала и вдруг добавила: – Как видишь, я не справилась…

На некоторое время в комнате воцарилась тишина. Андрей понимал, что она тяжело переживает некие роковые события, которые произошли до того, как «Нова» совершила аварийную посадку на плоскогорье, но он был вынужден возобновить начатый разговор.

– Лана, расскажи мне о своем мире, – попросил он. – Я ничего не знаю о нем и едва ли могу понять, что за силы играли мной последние дни…

Она вскинула взгляд, вырвавшись из омута горьких мыслей.

– Что тебя интересует? – тихо спросила Лана, понимая, что не может отказать ему, как бы больно, горько ни было на душе.

– Все, – откровенно ответил он.

* * *

Поначалу взаимопонимание между Андреем и Ланитой походило на шаткие ненадежные мостки, проложенные над бездной пропасти, разделившей две воспитавшие их цивилизации.

– С чего начать? – собираясь с мыслями, спросила Лана. – Воспитатели Храма учили меня воевать, а на получение истинных знаний судьба отпустила мне совсем мало времени… – со вздохом призналась она.

– Как называется ваша планета? – спросил Андрей.

– Первый Мир, – не задумываясь, ответила она. – Это древнее название.

– Ты знакома с историей? Каким образом здесь появились люди и откуда возник Храм?

Ланита глубоко задумалась.

– Я знаю, что наши предки спустились на поверхность Первого Мира с небес, – наконец ответила она. – Они пришли с Земли. Сейчас никто уже не помнит, как выглядела эта планета, но по преданию она – худшее место во Вселенной, где уже невозможно жить.

Андрей кивнул, мысленно соглашаясь с такой оценкой. Зная историю человечества, он понимал, о чем только что сказала Ланита.

– Люди расселились по большой территории и жили мирно, занимаясь сельским хозяйством и строительством городов. У прежних поколений не было единой власти, каждая община жила по своим законам, но и вражды между отдельными поселениями не было. Иногда на территории, занятой людьми, появлялись иные существа, которые обитали в далеких областях.

Андрей мысленно напрягся. *Иные… Уж не логриане ли?*

Лана не заметила его реакции и продолжала скупое, сжатое изложение событий, о которых остались лишь обрывочные, не несущие подробностей сведения:

– Люди постепенно привыкли к необычной внешности чуждых существ и научились общаться с ними, обмениваясь знаниями. Думаю, это был недолгий золотой век моего народа, потому что настал день, когда в небесах Первого Мира начали один за другим появляться корабли храмовников.

По лицу Ланы пробежала тень. Очевидно, она вспомнила годы, проведенные в Храме, и Андрей без труда догадался, какого рода воспоминания могут вызвать такую мимику на лице молодой девушки…

– Это были злые, бескомпромиссные люди, – справившись с внезапно всколыхнувшимися эмоциями, продолжила Ланита. – Они, как и мои предки, появлялись в небесах Первого Мира на борту огромных космических кораблей, которые падали, разбиваясь о землю, а выжившие при катастрофах люди разбредались в отчаянии кто куда – их оружие не действовало, большинство машин, от которых они оказались остро зависимы, отказывались работать; и пришельцы буквально сатанели от этого, впадая в черное отчаяние…

– Кто-нибудь записывал историю планеты? – спросил Кречетов, памятуя о книгах, которые исчезли со стола.

– Нет, – ответила Лана. – О появлении храмовников рассказывали мне Учителя… Если говорить честно, я не до конца понимаю многие термины, а уж явления – тем более.

– Это не беда, – успокоил ее Андрей. – Возможно, я смогу восполнить некоторые пробелы. Извини, что перебил…

Глаза Ланы вновь подозрительно сузились.

– Ты знаешь, откуда пришли храмовники?

– Догадываюсь… Но, раз ты начала рассказывать, продолжай.

– Хорошо… – Лана отпила глоток воды, так и не притронувшись к пищевому концентрату.

– Поначалу, после крушений, пришельцы бродили по заселенным землям, словно дикие звери, сбиваясь в стаи, ссорясь между собой и враждуя с коренным населением, – продолжила она. – Упавшие с небес корабли высились грудами покореженного, обгорелого металла, а уцелевшие при катастрофах люди упрямо не хотели принимать новой реальности…

– А как вели себя твои предки? – спросил Андрей.

– Они жалели их, несмотря на множество кровопролитных столкновений, – ответила Лана. – Жалели, как неприкаянных, не знающих правды и не пытающихся даже задуматься над ней. – Она зло сверкнула глазами. – По моему мнению, предки были слишком мягки к пришельцам, идолом которых являлась война, и это мягкосердечие однажды дало страшные всходы…

Она вновь сделала короткую паузу, собирая воедино обрывочные, полученные из разных источников сведения.

– История утверждает, что на одном из терпящих бедствие кораблей в Первый Мир прибыл основатель Ордена храмовников – его имя хранится в тайне до сих пор. – Она взглянула на внимательно слушавшего ее Андрея. – Это был сильный духом, властный человек, который частично сумел проникнуть в суть окружающего пространства, но не захотел мириться с этим знанием, не принял его, а пошел наперекор, собирая вокруг себя разрозненные отряды единоверцев.

Под его руководством они построили укрепленную базу, которой дали название Храм и откуда провозгласили себя носителями нового закона. – Лана вздохнула. – Поначалу на них не обратили должного внимания – жители окрестностей спокойно отнеслись к факту начавшегося строительства… Они даже порадовались тому, что пришельцы наконец опомнились, перестали грызться между собой и грабить окрестные поселения, а принялись убирать обломки своих кораблей, транспортируя все материалы к четырем холмам, расположенным далеко отсюда, на равнинной части материка.

…Андрей, испытавший на собственной шкуре все катастрофические

коллизии, которые претерпела автоматика «Новы» по мере вхождения в околопланетное пространство, с трудом мог представить, какую титаническую работу пришлось произвести первым храмовникам, чтобы заново воссоздать и переоснастить свою технику, заменив мертвые системы на новые, более грубые, но действенные в местных условиях.

Голос Ланиты по-прежнему звучал ровно и глухо, а перед мысленным взором Кречетова разворачивались картины прошлого:

– …Результатом той деятельности, которую беспечно игнорировали исстари населявшие Первый Мир люди, стала война. Беспощадные, хорошо вооруженные, четко организованные отряды храмовников однажды вышли из-за стен выстроенной ими укрепленной базы и без труда захватили обширную область, поработив ее население и провозгласив власть новых законов. Мои предки пытались сопротивляться вторжению, но были жестоко разгромлены, а все, кто обладал древними знаниями, преследовались и уничтожались… – Лана внезапно умолкла, удрученно глядя на массу старинных предметов, занимавших большую часть стола.

– Это все? – нарушив возникшую паузу, уточнил Андрей.

– В общих чертах. – Подняв голову, Лана посмотрела на него. – Или тебя интересуют подробности моей личной жизни? – Губы Ланиты скривились в ответ собственным мыслям, по лицу опять пробежала тень. – Моя судьба не приведет тебя к пониманию Храма или Круга, – с внезапной горечью продолжила она. – Я не вкусила в полной мере ни того, ни другого. Моя жизнь – это сплошная череда лишений и неудач, в которых теперь я уже не вижу смысла.

– И все же?

Она зябко пожала плечами.

– В трехлетнем возрасте меня отдали Храму. Таков закон – один ребенок из любой семьи обязательно должен быть отдан на воспитание храмовникам. Там я прошла все мыслимые унижения, какие только может испытать человек, из которого формируют бездушного исполнительного воина. Не буду приводить подробностей, ладно?

Андрей кивнул, но она не смотрела на него.

– Не знаю, что помогло мне… Наверное, маленький звереныш, в которого превратилась моя душа, вместо слепого подчинения жаждал свободы, и на первом же боевом задании, когда мой манипул вышел в карательную экспедицию, чтобы уничтожить пособников Круга в одном маленьком городке, я убила офицера и старших солдат, пощадив лишь тех, кто был моими ровесниками… – Лана рассказывала, машинально массируя пальцами виски, будто что-то рвалось наружу из глубин ее разума. – Я не

помнила и не контролировала себя в тот день, – призналась она. – Я убивала и испытывала от этого какое-то черное упоение местью… В общем, когда я очнулась, половина манипула была мертва, а те, кого пощадила моя ненависть, стояли разоруженные у стены дома. Я едва сдержала себя, чтобы не убить и их, хотя понимала, что они уже давно не те дети, которые когда-то были оторваны от своих семей. Большинство из них стали настоящими храмовниками, впитав слепые идеи веры в то, что, уничтожив Круг и всех его пособников, преданные Храму воины смогут отложить оружие и жить иначе, – все это являлось чушью, но каждый человек должен во что-то верить, и они верили…

– Ты отпустила их?

– Да. А сама ушла в горы, даже не заглянув в тот дом. Месяца три-четыре я скиталась по горам, словно дикий зверь, пока однажды не вышла на известное тебе горное плато со святилищем на холме. Там я встретила девятерых пожилых женщин, но они не испугались ни моей боевой экипировки, ни того ада, что царил в душе… а просто накормили меня, дали обогреться, а потом, спустя несколько дней, предложили остаться с ними в качестве ученицы и охранницы одновременно.

– Странное предложение… – заметил Андрей.

– Да, – согласилась с ним Лана. – Я бы, например, не сделала такого, но они… Они другие.

– Им неведом страх? – уточнил Кречетов, которого всерьез интересовали эти существа, которых он не решался обозначить привычным термином «человек», вспомнив, как радикально ошибся, оценивая сгорбленного карлика.

– Нет, они знают чувство страха, но, взглянув в глаза, они без труда читают души, и, наверное, я чем-то приглянулась им.

– А кто они на самом деле? – спросил Андрей.

– Люди… – не колеблясь, ответила Лана. – Женщины. Девять очень старых женщин, посвятивших себя не борьбе с Храмом, как это утверждали мои наставники, а сохранению древнего знания, в надежде, что когда-либо им удастся вернуть ту жизнь, что была до появления храмовников.

– Они всерьез надеялись на это?

– Да. Они говорили о неизбежной смене поколений и вырождении традиций. Настоящими воинами были те, кто пришел с небес, но сейчас они в большинстве своем уже умерли. Храм начал постепенно вырождаться, – поколения моральных полукровок, таких, как я, вырванных из семей, не воспринимают идей ненависти, и их подчинение идет иным

путем – у большинства попросту сломаны и вновь воссозданы сознание и воля. Их ненависть, как говорили мне, привита насильственным путем, и то, что случилось со мной, однажды произойдет со многими.

– Это так? – усомнился Андрей, который знал силу воинской дисциплины и субординации. Иногда два этих понятия могли заменить собой все остальное, особенно если военная машина Храма организована по жесткой схеме полного подавления личности.

– Не в этой жизни, – горько ответила Ланита, подтверждая его мысли. – Храм силен, и все старое, мудрое будет окончательно истреблено до того, как произойдет предсказанное вырождение. Ты видел – им удалось настичь Круг. Четверо учителей мертвы, остальные, вероятно, в плену. Все… – Она вдруг горько разрыдалась, закрывая руками лицо. – Наступил конец, и теперь уже никто не сможет ничего сделать…

Андрей встал, обошел стол и осторожно обнял Ланиту за плечи.

– Успокойся, – сказал он, испытывая неловкость. – Из любой ситуации есть выход, ты же знаешь.

Лана подняла на него заплаканные глаза. Сейчас она была не воином, а женщиной, усталой, потерянной, лишившейся последней надежды… Ее влажная от собственных слез ладонь вдруг легла на руку Андрея.

– Спасибо… Не нужно меня утешать, – тихим прерывающимся голосом попросила она.

– Нельзя отчаиваться. Я на твоей стороне, хотя думаю, что ты рассказала мне далеко не все.

Ее рука медленно соскользнула с ладони Андрея.

– Почему ты так решил?

– Ромель вчера называл тебя госпожой… Хотя… Я не настаиваю, Лана. Я лишь пытаюсь понять этот мир…

Она проводила Андрея взглядом, пока он вновь не сел в кресло напротив, испытывая при этом такую горечь одиночества, что захотелось взвыть… Легкое прикосновение его руки будто обожгло ее, напоминая, что нет в этом мире ни одного близкого ей существа, разве что Ромель, настойчиво называвший ее чужим именем.

Это была пытка, которую сложно выдержать даже самому стойкому сознанию…

– Во мне живут две памяти… – внезапно, с дрожью в голосе, призналась она. – Я не понимаю, откуда взялась вторая, но она будто стучится изнутри… Иногда мне кажется, что я схожу с ума, а мой рассудок раскалывается на две половины…

– Когда это началось? – спросил Андрей.

– Давно… – ответила Лана. – Почти сразу после моей встречи с членами Круга… Я никогда никому не рассказывала об этом, – призналась она.

Андрей внимательно слушал, но разобраться во внезапно открытом ему не мог. Кречетов знал, что существуют расстройства психики, напрямую ведущие к раздвоению личности, однако, вспомнив энергетическое существо, называвшее Ланиту по имени, он остерегся применять к ней типичные оценки.

– Скажи, твои воспоминания повторяются?

– Нет, – покачала головой Лана. – Они всегда разные и, как правило, короткие… Я не придавала им такого значения, пока не очнулась по пути сюда…

– Ты приходила в сознание?

– Да. Ненадолго. Я увидела укрепления цитадели, и мою память будто прорвало… – Лана говорила все тише, словно у нее иссякали силы. – Я видела себя среди защитников цитадели, когда ее штурмовали машины храмовников… Но я ведь знаю, что это было давно, четверть века тому назад!..

– Ты узнала Ромеля?

– Да. Но это не моя память, понимаешь?! Я же не могу быть двумя людьми одновременно!

– Успокойся, Лана…

– Я спокойна… Я всего лишь выдрессированный Храмом убийца, которого по непонятной причине приютил Круг… Как я могла защищать эти стены?!

– Сколько тебе лет?

– Двадцать восемь… – ответила Лана и вдруг подняла на Андрея потрясенный взгляд. – Ты думаешь, есть взаимосвязь?!

– Ты сама сказала, что попала в школу Храма в трехлетнем возрасте. Именно в тот год, когда, по твоим словам, пала цитадель. Возможно, тебя взяли в плен ребенком и, все что ты вспоминаешь, запечатлела твоя детская память?

– Может быть… – неуверенно произнесла Лана и тут же возразила: – Но я вспоминаю себя взрослой женщиной, которую действительно звали Лаонита!.. – Она посмотрела на окружающую обстановку, вновь убеждаясь, что та знакома ей, и глухо произнесла: – Неужели я выжила лишь затем, чтобы сойти с ума?

Андрей понимал, что ей тяжело, но внезапная остро обозначившаяся проблема не имела сиюминутного решения, и потому он сказал:

– Лана, в мире не существует необъяснимых явлений. Вокруг меня тоже полно загадок, которые пока кажутся неразрешенными. В твоем рассказе есть взаимосвязь, нужно лишь правильно сложить факты.

– Да, я понимаю… – произнесла она, чувствуя, что на душе стало немного легче. Осторожная, но логичная оценка, высказанная Андреем, толкнула ее мысль на правильный путь. Он был совершенно иным человеком, не похожим ни на храмовников, ни на престарелых наставниц Круга.

Кречетов в этот момент думал о другом, одновременно оглядываясь по сторонам. Его заботило, что Лана не притронулась к пищевому концентрату, – слишком напряжен был их разговор, но силы все равно таяли, и их нужно было восстановить…

– Что ты ищешь? – спросила она, заметив, как взгляд Андрея осматривает комнату.

– У меня был такой маленький плоский контейнер… наверное, он остался на площадке бастиона.

– Нет, он тут. – Лана указала на нишу в стене. – Ромель перед рассветом принес его вместе с моим оружием. А зачем он тебе? – Она встала и подала ему медицинский кофр.

– Мы долго не протянем на голодный желудок, – ответил Андрей, открывая кейс. Достав упаковку с пищевыми таблетками, он распечатал ее и протянул Ланите две капсулы янтарно-желтого цвета.

– Что это?

– Заменитель пищи. Просто проглоти и запей водой.

Она недоверчиво посмотрела на два шарика, что лежали на ее ладони, но, заметив, что Андрей спокойно проглотил свою порцию, последовала его примеру.

– Теперь можно забыть о еде как минимум на сутки. – Он допил остатки воды из своего кубка и сказал, возвращаясь к прерванной теме: – Ты рассказала мне про Храм, но так и не объяснила, что такое Круг.

Лана задумалась, ощущая, что чувство голода действительно исчезло.

– На самом деле существовало два Круга… – начала она, машинально поглаживая пальцем поверхность древнего кубка. – Первый состоял из восьми иных существ и одного человека, женщины… – Лана побледнела, словно перед ее глазами сейчас проплывали четкие образы далекого прошлого. – Круг был создан, когда храмовники развязали войну… Существа, обладавшие древним знанием, объединились с людьми, чтобы противостоять общей угрозе, и их прибежищем стала эта цитадель.

– Ты постоянно упоминаешь об иных существах и древних знаниях,

но ни разу не обмолвилась, кем были эти чуждые людям создания и в чем суть древних истин.

– Я не знаю, – глядя ему в глаза, ответила Лана. – Мне кажется, что память, живущая во мне, принадлежит той женщине, которая была членом древнего Круга, но я толком не могу ничего понять. Образы возникают как вспышки, а потом исчезают… Я не могу их осмыслить и в такие моменты просто схожу сума…

– Лаонита? – интуитивно назвал он имя, которое упорно повторял Ромель.

– Да… – Лана поставила кубок, удрученно глядя на предметы. – Я знаю большинство из них… Я помню это место… и все… Дальше тьма, провал… Понимаешь, большинство знаний исчезло, храмовники взяли штурмом эту цитадель, уничтожили Круг, истребили всех, кто пытался отстоять этот мир…

– А как же те женщины, которых ты встретила? – напомнил Андрей.

– Да, они называли себя древним термином, – согласилась с ним Лана, – но на самом деле они лишь тень, отзвук былого… Я начала понимать это только сейчас… Они ходили по древним местам и пытались собрать крупицы сохранившихся знаний.

– Они делились с тобой своими открытиями?

– Да… – кивнула она. – Но я прошла лишь первую ступень, которая заключается в познании мира и обучении элементарному набору операций с собственной энергетикой, а также энергетикой внешней, стихийной.

– Значит, ты представляешь, что за силы действуют в окружающем пространстве? – Андрей наконец почувствовал, что их разговор подошел к той черте, за которой оканчивалась история и начиналась непонятная ему область аномальной физики.

Ланита долго смотрела на форсфайт, а потом произнесла:

– Учителя говорили, что мы живем в центре энергетической вселенной. Это одно из главных откровений древнего знания, которое было передано людям иными существами.

Гиперсфера? Они осознавали, где расположен Первый Мир?

– И что из этого следует? – спросил он, осторожно направляя ее мысль в нужном направлении.

– У каждого живого существа есть своя энергия. Она мала, изменчива, но обладает свойством влиять на окружающее нас незримое поле, деформируя его в виде своей копии. Только у камня, например, такой отпечаток всегда будет одним и тем же, а у живого существа он изменчив и состоит из трех частей.

– Тело, душа и разум? – спросил Андрей, вспомнив мучительные пояснения карлика.

– Да, – кивком подтвердила Лана и тут же спросила: – Кто тебе рассказал об этом?

– Ромель. Собственно, подобные учения существуют и в моей реальности, – тут же оговорился он, – но там они отнесены в разряд недоказанного, так как не имеют… – он запнулся, подбирая слова, – не имеют столь ярких подтверждений. Извини, я перебил тебя…

– Ничего. – Лана немного расслабилась, и это порадовало Андрея.

– Главной в трехсложной сущности является энергия разума, – продолжила она свои пояснения. – Данная энергия наиболее сильна, и лишь благодаря ей может сформироваться осознающая себя сущность.

– Такая, как Ромель?

– Да. В момент смерти напряжение всех жизненных сил организма, как правило, доведено до предела. Поэтому живущая в нас энергетическая структура бесконтрольно покидает тело и некоторое время сохраняет свою целостность.

– Почему – некоторое время? – спросил Андрей.

– Лишившись телесной оболочки, сущность, как правило, рассеивается, – пояснила Лана. – Энергетические последыши храмовников, которые не умеют подпитываться от окружающей среды, «живут» лишь некоторое время, в основном ночью, потому что энергия нашего солнца очень сильна: с рассветом ее потоки разрушают структуру фантомных тел.

– Храмовники знакомы с этой особенностью?

– Да. Они владеют некоторой долей знаний и используют их на самом грубом, примитивном уровне.

– Почему ты назвала составляющую разума главной? – спросил Андрей. – Ведь, чтобы сохранить устойчивость, важнее, на мой взгляд, оболочка, энергетическое тело…

– Это заблуждение, – покачала головой Ланита. – Любая, даже самая сильная сущность, разум которой не осознает окружающего, будет неизбежно рассеяна в пространстве. Только полностью осознав, кто ты и в какой форме пребывает твое «я» в данный момент времени, можно удерживать самого себя от неизбежной энтропии…

Андрея поразил последний использованный Ланой термин. Он принадлежал к миру науки и еще раз косвенно подтверждал, что здесь, в Первом Мире, знания людей двадцать третьего века причудливо смешивались с новыми истинами, которыми поделились с поселенцами иные, обитавшие тут издревле существа…

– Значит, Ромель смог уцелеть благодаря тому, что его разум осознал собственную смерть? – спросил он, делая осторожный, но верный вывод из сказанного.

– Да, – подтвердила его мысль Лана. – Он понял, что превратился в сущность. Будучи воином древнего Круга, он, естественно, проходил тренировки и знал, как следует удерживать свое энергетическое тело от губительного распада.

– Поэтому он носил одежду? – выдвинул Андрей очередное предположение.

– Да, – подтвердила Лана его догадку и тут же оговорилась: – Но лохмотья предохраняли его лишь от зримого спектра энергий. Он принял половинчатые меры – нужно либо наглухо закупорить сущность, оградив ее от всех внешних влияний, либо питать, заряжая от источников, схожих по энергетике.

– От других людей? – прервал ее Андрей невольно вырвавшимся вопросом.

– Это крайний случай, – поморщившись, ответила Лана. – Есть более приемлемые способы удерживать себя в бесконечности. Например, все живые организмы, не обладающие разумом, излучают подходящую ауру, которой можно питаться, не нанося им вреда. Энергетическое тело Ромеля истощилось, он был на волосок от гибели. Ты видел, что в критический момент я просто перекачала в него большую часть своих жизненных сил, восполнив объем его сущности.

Андрей повертел в руках кубок и поставил его на стол.

Он начал кое-что понимать. Смутный свет истины забрезжил перед ним. Кречетов знал, что аномалия является высокоэнергетическим отпечатком материального пространства, а рассказ Ланы лишь подтолкнул его мысль. Выходит, что все физические объекты, внедренные непосредственно в структуру единого поля гиперсферы, деформируют его в виде точной копии самих себя! Значит, любой предмет или живое существо Первого Мира содержит собственную объемную энергетическую копию!

Мысль Андрея работала с лихорадочной скоростью.

Допущение или аксиома? – думал он, вспоминая, что организму человека присуща своя собственная неповторимая энергетика – это доказано давно, однако вне аномалии биоизлучение слабо и регистрируется лишь чувствительными приборами, а здесь энергетическое «я» человека возрастает в тысячи раз и сохраняет свои свойства даже после физической смерти носителя. Примером тому была сущность Ромеля и призраки

храмовников, а их сравнение привело Кречетова к еще одному поразительному выводу: Ромель помнил себя, а сущностями храмовников руководили лишь последние, наиболее яркие предсмертные впечатления – потому они и шли по следу того, кто их убил.

Из такого сравнительного анализа выходило, что энергетическая сущность хранит в своей структуре информацию разума, а ее количество и качество зависит от того, когда человек осознал свое второе «я» – в момент смерти или задолго до нее!

По логике получалось, что, осознав при жизни свою энергетическую сущность, человек закладывал в ее структуру определенный объем собственной памяти.

Мысль Андрея скользнула дальше, наводя его на более потрясающие выводы.

Рассказ Ромеля, сохранившего частичку древних истин, которым обучали воинов древнего Круга, красноречиво свидетельствовал, что энергетические структуры возникли не здесь – они существуют и в реальном космосе, ведь не зря он упомянул о составляющей разума, которая появилась в процессе эволюционного развития человека на Земле!

Значит, всем нам издревле присуща энергетическая копия, хранящая структуру разума и поведенческих мотиваций, которые мы называем термином «душа», – потрясенно думал Андрей, – *но в условиях трехмерного космоса эта энергетика слаба, осознать ее, а тем более воспользоваться ею могли лишь единицы из миллиардов, а тут в условиях аномалии все тысячекратно усилилось, стало наглядным и доступным?*

Теперь он понимал, что сущность, сформированная в условиях десятого энергоуровня, попав в обычный, материальный космос, сохраняла не только свою структуру, но и чудовищный заряд, принесенный отсюда, и его уже не удивляло, что призраки, встреченные им на Элио или Земле, одним своим прикосновением плавили прочнейшие конструкции…

Это была уже не мистика… Одного не понимал Андрей – каким способом они проникали в пространство материального космоса и чья воля двигала ими?

Лана не могла прочесть его мысли, но, продолжив свой рассказ, она невольно затронула возникшие в сознании Кречетова вопросы.

– Когда я перешла на сторону Круга, упражнения, которые заставляли меня проделывать, казались мне какой-то глупой игрой, пока я однажды не смогла отделиться от собственного тела… – вторгся в его мысли голос Ланиты.

У Андрея по спине пробежал легкий озноб. *Он ведь только что*

размышлял именно над этим!..

– Ты можешь описать, в чем они заключались? – вслух произнес он, стараясь не выдать своих эмоций.

– Тренировки? – Лана пожала плечами. – Могу, конечно. Самая первая, базовая, состояла в том, чтобы, ложась спать, мысленно подготовить свое сознание к отторжению в бесконечность. Я долго не могла пройти этот этап, мое сознание сопротивлялось, упорно не желало верить, что в тот момент, когда тело и разум переходят в состояние полного покоя, который мы по привычке называем сном, энергетические составляющие на самом деле не спят, они, как ни странно, активируются, и сущность человека часто отделяется от физического тела, совершая небольшие прогулки, не осознавая при этом истинного смысла события.

– Ты хочешь сказать, что наши сны – это?..

– Бесконтрольный, неосознанный выход в бесконечность, – кивнула Лана, подтверждая его недосказанную мысль. – Научившись контролировать себя во время подобных «вылазок», человек начинает понимать и чувствовать свою энергетическую сущность. А когда чувствуешь и понимаешь – значит, не теряешь контроля, можешь управлять. По крайней мере, меня научили контролировать свои бессознательные перемещения во время сна именно так.

– А наяву? – с внутренней дрожью спросил Андрей.

– Это уже следующая ступень, – ответила Лана. – Ты прав, сформировать сущность можно не только в состоянии полного покоя… Это непросто – нужна прежде всего вера в свои способности, без нее никогда не выходит удачного опыта. Затем необходима концентрация воли и чуткое соизмерение своих сил, иначе можно лишить организм всей энергии – выйти из него в виде сущности, оставив позади бездыханное тело. Учителя заставляли меня концентрироваться и отторгать свое «я» в бесконечность. – Лана налила воды в свой опустевший бокал и сделала маленький глоток. – Удивительное чувство… – призналась она, – но мне редко удавалось испытывать его ради простого удовольствия. В большинстве случаев такая практика была вынужденной и являлась для меня боевым приемом.

Заметив, что Андрей не до конца понимает сказанное, она пояснила:

– Так можно обмануть противника: на минуту лишить свое тело всех жизненных энергий, вырваться из него, оставив плоть неподвижной и бездыханной, а потом резко вернуться, поднимаясь из мертвых в самый неудобный для врага момент…

– И ты… делала это? – Голос Андрея все же дрогнул.

– Да. – Лана спокойно посмотрела на него. – Существует еще

множество приемов манипуляции энергиями, – настоящий мастер способен проводить в бесконечности многие часы и даже дни без ущерба своему физическому здоровью, но это уже за пределами моих возможностей и знаний, – призналась она.

– Учителя Круга могли достичь большего? Например, пройти через бесконечность и вступить в контакт с моим спящим разумом?

– Несомненно…

– Значит, все сходится на них…

Лана внимательно посмотрела на Андрея.

– Ты ничего не рассказал о себе, – после короткой паузы напомнила она, – это несправедливо. Я не понимаю твоего утверждения.

– Сейчас объясню… – Андрей не собирался скрывать от нее тех событий, что привели его к рывку через аномалию. – Только тебе придется понять или хотя бы принять на веру существование иного пространства, которое в корне отличается от привычной для тебя реальности…

Ланита серьезно посмотрела на него.

– Я постараюсь, – пообещала она.

* * *

Рассказ Кречетова занял больше времени, чем короткое эмоциональное повествование Ланиты. Она слушала его, затаив дыхание, ведь фактически все, что излагал Андрей, являлось для нее ответным откровением.

Он как смог объяснил ей теорию аномалии космоса, рассказал о Великом Исходе, когда тысячи колониальных транспортов канули в пучинах гиперсферы и лишь малая часть из них вернулась назад в трехмерный космос.

По мере того как Андрей излагал факты истории неведомых ей миров, Лана начала понимать, откуда на головы ее предков повалились корабли пришельцев – это были боевые корабли-невозвращенцы времен Первой галактической войны. Своенравная аномалия, которая не принимала вольной трактовки своих законов, жестоко расправлялась с теми боевыми судами, у пилотов которых сдавали нервы во время сражения. Андрей перечислил ей множество случаев, когда капитан или первый пилот пытались вывести свой корабль из-под гибельных ударов включением гиперпространственного привода… но без точных предварительных расчетов корабль входил в аномалию по неизвестному вектору и в лучшем

случае совершал слепой прыжок с непредсказуемой точкой обратного перехода, а в худшем, как теперь было очевидно для них обоих, срывался на Вертикаль, ведь большинство космических сражений происходило в околопланетных пространствах, как раз там, где берут свое начало вертикальные линии аномалии…

– Значит, и мои предки, и храмовники принадлежат разным поколениям, рожденным на одной и той же планете? – спросила Лана, прерывая рассказ Андрея о далеких событиях прошлого.

– Да. Вашей родиной была Земля.

– Ты говоришь, что Галактическая война закончилась больше тысячи лет назад. Но ведь храмовники властвуют в Первом Мире не более века!

Андрей задумался, а потом ответил:

– Это согласуется с общей теорией аномалии, – произнес он. – С каждым новым энергоуровнем время течет быстрее, а расстояния между узловыми точками сокращаются. Наши ученые вообще предполагали, что здесь, на десятом уровне, не может существовать ни одно материальное тело, а время стремится к нулевому значению.

– Но это не так, – возразила Лана.

– Да. В этом наши астрофизики ошибались… – согласился он и добавил: – Когда я сумею вычислить время обращения Первого Мира вокруг центрального энергетического сгустка, станет ясна разница во времени. Думаю, что пропорция будет приблизительно равна отношению одного к десяти, но я могу ошибаться…

…Они не ощущали, как незаметно летит время. Андрей был приятно удивлен тем, что Лана смогла правильно оценить изложенные им исторические факты, но когда он перешел непосредственно к событиям, которые вынудили его совершить гиперпространственный прыжок на подготовленном профессором корабле, ее реакция оказалась совершенно непредсказуемой.

Ланита смотрела на него с непонятной виной во взгляде и, когда Кречетов умолк, вдруг тихо произнесла:

– Ты должен простить меня.

– За что? – не понял ее Андрей.

– Это я виновата в твоем появлении тут… – Лицо Ланы вновь посерело. – Ночью, у святилища, когда я поняла, что не уберегла Учителей, я кинулась на летающую машину храмовников и получила по заслугам… – Она виновато покосилась на свою экипировку, где были видны дыры, вырезанные Андреем в местах попаданий крупнокалиберных пуль. – Потом, когда машина улетела, унося с собой взятых в плен, я лежала на том

месте, где меня настигла очередь, совершенно позабыв, что утром дралась неподалеку от святилища, уничтожив целый манипул Храма, – дрожащим голосом пояснила она.

– Тебя настигли их сущности? – догадался Андрей.

– Да, – кивнула Ланита. – Они нашли меня, и я инстинктивно стала защищаться. Мне бы смириться, – тихо вздохнула она, – а я, отбиваясь, истратила последние силы, чтобы отшвырнуть их прочь, и при этом несколько мертвых храмовников откинуло в центр святилища. Я видела, как они исчезли, но не могла предположить, куда вынесет их бесконечность…

– Ты хочешь сказать, что призраки, напавшие на меня на Земле, были исторгнуты отсюда… тобой?

– Я лишь втолкнула их в центр Места Силы, а дальше заработал древний механизм, сути которого я не знаю, – ответила Лана.

Андрей сумел воспринять это откровение с внешним спокойствием, хотя внутри в очередной раз все вздрогнуло, сжалось: он подумал о десяти энергетических уровнях гиперсферы и тысячах световых лет реального пространства, что отделяли два древних сооружения друг от друга…

Теперь он знал, каким образом призраки попадали на Землю, но это еще не объясняло всех событий…

* * *

Через минуту их разговор был прерван внезапным возвращением Ромеля.

Он не просочился сквозь стену, а появился в дверях комнаты, причем неожиданно и эффектно. Кречетов, заметив отблеск металлокевлара, мгновенно схватился за автомат, который все это время стоял у стены около кресла, но Лана сразу же узнала под испятнанными кровью доспехами храмовника преданную ей сущность.

– Ты где был? – спросила она, насмешливо посмотрев на Андрея, который медленно опустил «АРГ-8».

– Летал, – лаконично ответил Ромель и тут же, не выдержав, с гордостью добавил, указывая на дыры в металлокевларе, сквозь которые просвечивала нежная синева: – Зенитки.

– Ты был в Храме?

– Нет, только внизу. Около святилища. – Ромель сел, и в такой позе его трудно было отличить от человека. – Бежавшие из-под стен храмовники

привели подмогу, но все отряды остановились на нижнем плоскогорье, – уже более пространно пояснил он. – Их там сейчас как муравьев. Летающие машины, зенитки, БПМ, люди – все возятся вокруг какой-то странной штуковины с короткими крыльями. Я таких не видел раньше.

Андрей невесело усмехнулся, вспомнив про двоих храмовников, заскочивших внутрь «Новы».

– Эта штуковина – мой космический корабль, – с нескрываемой досадой произнес он. – Что с ним пытаются сделать?

– Не знаю, – ответил Ромель. – Видел, таскают тросы, видел много людей… пять… нет, шесть летающих машин…

– Все ясно, – оборвал его Андрей. – Они собираются куда-то переместить мой корабль, наверное, для исследования.

– В центральный Храм, – не задумываясь, сказала Лана.

– Это далеко?

– Километров семьсот отсюда, не меньше.

Дьяволы Элио… – Андрей испытал острейшее чувство досады.

– Ромель, ты не можешь помешать им? – Кречетов посмотрел на сущность как на последнюю надежду отбить «Нову» у храмовников.

– Могу, – согласно кивнул тот. – Перерублю тросы, и все упадет. Далеко не улетят, не успеют.

– Нет, не годится… – Андрей вспомнил о нагромождениях скал, расположенных в районе плоскогорья, и подумал, что толку от корабля, рухнувшего на них, уж точно не будет. – Ладно… – произнес он, принимая неизбежный оборот событий. – Придется действовать иначе…

Лана пристально посмотрела на него, пытаясь понять, что он задумал, но Кречетов сидел, погрузившись в свои мысли.

– О чем ты думаешь, Андрей? – не выдержав, спросила она. – Мы не успеем преодолеть ущелье, до того как храмовники уберут оттуда твой корабль.

– Я уже понял это… – хмуро ответил он. – Меня беспокоит другое…

– Что именно?

– Мы так и не выяснили главного. С моим дядей явно общался Круг, – произнес он, возвращаясь к теме прерванного появлением Ромеля разговора. – Он намеревался прилететь сюда, построил корабль, следуя их рекомендациям, и вдруг резко изменил свое решение, а через пару дней был убит.

– Я не посвящена в планы Учителей, – сказала Лана. – Но мне трудно представить такие обстоятельства, при которых они могли пойти на убийство.

– Тогда остаются храмовники? – предположил Андрей.

– Нет… – Ланита отрицательно покачала головой. – Им это не по силам. В твоем мире действовали осознающие себя сущности, такие как Ромель.

– Значит, Храм обладает гораздо большим объемом древних знаний, чем это принято считать, – твердо произнес Кречетов. – Иного объяснения я не вижу.

Лана упрямо покачала головой.

– Я не стану отрицать, что храмовники в последнее время начали охотиться за древними истинами это так, но все уже утрачено безвозвратно… – произнесла она. – Даже Учителя не знали, как действуют Места Силы. Они пользовались святилищами чтобы, отделившись от тела, проникать по ту сторону бесконечности, но эти опыты требовали долгой подготовки и чаще всего оканчивались неудачей.

– И тем не менее они вступили в контакт с профессором. Значит, только твои наставницы могут дать исчерпывающий ответ на все неразрешенные вопросы, верно?

– Да, – ответила она и горько уточнила: – Могли…

Она внезапно поникла, но Андрей не позволил ей углубиться в собственные мысли.

– Ты сказала, что не всех адептов Круга убили, – ровным голосом произнес он.

Лана вскинула голову.

– Тех, кто выжил, взяли в плен, – дрогнувшие голосом ответила она. – Их содержат за сотни километров отсюда, в центральном Храме – это неприступное место, овладеть которым не по силам даже целой армии… Нет… – покачав головой, добавила Лана. – Туда не проникнуть.

У Андрея было на этот счет иное мнение. Его разум соизмерял возможное, пользуясь иными критериями опыта. Естественно, он ничего не знал об упомянутой базе, которую Лана назвала центральным Храмом, но опыт десяти лет службы в космической пехоте подсказывал – нет на свете неприступных мест…

– Лана, у меня, как ты понимаешь, есть ряд вопросов к твоим Учителям. Все так или иначе сходится на них. К тому же мне необходимо вернуть корабль…

– Андрей, у меня тоже есть вопросы к моим наставницам. – Ланита впилась пальцами в подлокотники кресла. – Но место их содержания неприступно, можешь мне поверить. Нас даже близко не подпустят к центральному Храму.

– Не факт… – упрямо покачал головой Кречетов.

Лана не ответила. Она не хотела вступать в бессмысленный, с ее точки зрения, спор, а Андрей не стал настаивать на продолжении разговора. Им обоим нужно было прийти в себя, осмыслить с таким трудом собранную воедино информацию, прежде чем принимать ответственные решения.

– Ромель, ты не заметил, чтобы храмовники двигались сюда? – спросил Кречетов.

– Нет. Они расчистили вход в ущелье и ждут.

Что ж… – мысленно рассудил Андрей. – *Пусть немного померзнут на ледяном ветру, а мы пока соберемся с силами…*

Глава 10

Древняя цитадель.
Десять часов спустя…

Наверное, в нем умер авантюрист-исследователь. Сделать вылазку, покинув надежное убежище, Андрея первоначально подвигла не страсть к открытиям, а вполне естественное чувство голода. Пищевые таблетки закончились, но Ланита ни разу не обмолвилась о еде, только пила чистую родниковую воду из подземного источника. Однако Кречетова не устраивал такой рацион.

Прихватив «АРГ-8», он решил выбраться наружу и пройти вверх по серпантину, поднявшись к основным укреплениям древней цитадели.

Лана, упорно пытавшаяся разобраться в древних предметах и собственной памяти, лишь кивнула, когда он сообщил ей о своем решении, но сопровождать Андрея отказалась. Ромель, естественно, остался охранять ее, и лейтенанту пришлось идти в одиночку.

Впрочем, он не жаловался на отсутствие общества – ему тоже было над чем подумать, шагая по старой растрескавшейся дороге, покрытие которой хранило явную печать времени.

Восхождение по серпантину заняло у него два часа.

Кто бы ни был проектировщиком данных укреплений, этот человек имел богатый военный опыт, ясный ум и был чужд вычурности. Со стороны древняя крепость была фактически незаметна – ее стены сливались со скалами, да и вблизи каждый отдельно рассмотренный Андреем фрагмент укреплений нес лишь скупую эстетику обработанного камня, без намека на украшения, лишние детали и иные привлекающие взгляд архитектурные изыски.

Почему ее выстроили тут, в высокогорье? – думал Андрей, преодолевая уклон ведущей вверх дороги. – *Только ради доступного материала и выгод естественного рельефа?*

Он остановился и посмотрел вниз, где в туманной дымке полудня тянулись горные отроги, сбегающие вниз теснинами ущелий; редкие перистые облака плавали слоистыми полосами над изобилием естественных плато, которые с точки зрения обороны казались не менее выгодными, чем данный район, с одной лишь разницей – там было теплее и дышалось легче. Здесь же ясно ощущалась разреженность воздуха, и на ум

невольно просилась мысль: а не этот ли фактор повлиял на выбор места строительства?

Если так, то следовало признать, что архитектор цитадели был знаком с летательными аппаратами, использующими подъемную силу воздуха. На таких высотах, где уже нет достаточной плотности атмосферы, большинство авиационной техники просто бесполезно – это доказывалось и тем, что вертолеты храмовников вынужденно приземлялись на расположенные ниже плато, а не высаживали десант под самыми стенами укреплений.

Поднявшись до середины изгибающейся дороги, Андрей внезапно наткнулся на огромные воронки десяти-пятнадцати метров в диаметре, которые покрывали изрядный отрезок серпантина, полностью разрушив дорожное покрытие. Это были несомненные следы от падения тяжелых бомб, вокруг в изобилии валялись куски металла, среди которых взгляду попадались характерные фрагменты стабилизаторов, – все это заставило Кречетова остановиться, внимательно оглядываясь по сторонам. Через некоторое время его взгляд нашел искомое: внизу, под обрывом, вдоль которого шла дорога, лежал исковерканный, но все еще узнаваемый остов «Гепарда» – орбитального штурмовика времен Первой галактической.

Теперь у него исчезли последние сомнения – в последний раз цитадель штурмовали нежданные пришельцы из космоса, сохранившие часть своей боевой техники, которую им удалось переоборудовать под местные условия, исключив из схем управления все компьютерные компоненты.

Он невольно поднял голову, посмотрев на бездонные фиолетовые небеса, в которых горячечным, размытым по краям пятном висел диск обогревающего планету энергетического сгустка.

Нет, опасаться орбитальных машин спустя добрую сотню лет после появления первых храмовников бессмысленно. За то время, пока новоявленная власть утверждалась на оккупированной планете, у них должно было закончиться планетарное горючее для реактивных двигателей тяжелых «Гепардов», да и сам парк техники без должной ремонтной базы наверняка обветшал.

Все увиденное им совпадало с воспоминаниями Ланы – свидетельства новейшей истории Первого Мира бросались в глаза на каждом шагу: сбитый «Гепард», воронки от бомбежки, россыпи потускневших гильз, то и дело попадавшиеся на пути, зенитные установки на передовых бастионах, вооружение и техника храмовников – это было привычно глазу и разуму, напоминало об оставшейся в невообразимой дали техногенной

цивилизации и частично раскрывало психологию людей, чьи корабли срывались на вертикаль во время жестоких битв Первой галактической…

Однако, глядя на титанические укрепления, Андрей мысленно отделял их от свидетельств новейшей истории, все четче осознавая, что перед ним неимоверно древняя постройка.

К такому выводу его привела простая логика.

Если принять приблизительно вычисленную им пропорцию временной разницы, то получалось, что первые поселенцы появились здесь примерно сто пятьдесят лет назад по субъективному времени Первого Мира.

Период Великого Исхода являлся одним из наиболее мрачных отрезков в истории Земли. Перенаселенную прародину прежде всего покидала та категория людей, кому было абсолютно нечего терять, – колониальные транспорты вычерпывали самые низшие слои населения, и тут возникал закономерный вопрос: был ли среди колонистов той поры хотя бы один человек, обладавший глубокими познаниями в не традиционной для двадцать третьего века архитектуре и фортификации?

Нет… – думал Андрей, перебираясь через воронки. – *Такую стройку не осилить без специальных знаний и соответствующей техники.*

Миновав разбитый участок дороги, Кречетов поднялся еще на несколько сот метров и оказался перед внутренними воротами цитадели, по обе стороны которых возвышались титанические башни, наполовину врезанные в монолит скалы.

Массивные ворота, вынесенные вперед относительно башен, некогда имели мощные створы, которые, к удивлению Андрея, оказались сделаны из гладко отполированного камня…

Он долго смотрел на обломки. Вероятно, каменные створы веками служили непреодолимой преградой для врагов, пока залпы башенных орудий боевых планетарных машин храмовников не разнесли их вдребезги…

Еще одно свидетельство тому, что цитадель строилась очень давно, по крайней мере, ее архитектор не был знаком ни с орбитальными штурмовиками, ни с ужасающей разрушительной мощью снарядов, начиненных таугермином.

Пройдя сквозь выбитые ворота, Андрей оказался на просторе внутреннего двора, с одной стороны ограниченного стенами, а с другой – отвесными скалами, в монолите которых на уровне вымощенной брусчаткой площади виднелся вход в тоннель.

С внутренней стороны к стенам были пристроены здания высотой в

два-три этажа. Большинство из них носило следы пожаров и разрушений, бойницы исполинских башен также демонстрировали языки копоти – значит, внутри укреплений не везде использовался камень, были и деревянные перекрытия, которые сгорели во время штурма.

Он потратил много времени, осматривая разрушенные постройки, пока не убедился, что все они намеренно сожжены, возможно с применением огнеметов, – уцелел лишь закопченный камень, все остальное превратилось в пепел, а затем под влиянием влажности – в липкую черную грязь, местами засохшую и потрескавшуюся.

Создавалось ощущение, что храмовники, взяв штурмом последний оплот сопротивления, тщательно уничтожали все, что могло быть пригодно для позднейшего восстановления… Если здесь имелись какие-то свидетельства далекого прошлого, то они сгорели, не оставив даже намека на свои формы или содержание.

Придя к такому очевидному, но неутешительному выводу, Андрей понял, что комната, скрытая в недрах бастиона, несет в себе во сто крат больше информации, чем немые, покрытые копотью стены, будь им хоть миллион лет…

Мрачное, полное немой скорби место, несущее в себе неразрешимую загадку, покрытую мраком тысячелетий, – подумал Андрей. За время подъема и блужданий по руинам он не увидел ни зверя, ни птицы, лишь камень, поржавевший металл, тусклые россыпи гильз от автоматического оружия да частые, преграждавшие путь воронки от бомб…

Он уже устал, но не хотел оставлять за спиной неисследованные постройки загадочной крепости, чтобы потом, оглядываясь назад, не мучиться запоздалыми сомнениями.

Единственным проходом, где он еще не побывал, оставался тоннель.

Присмотревшись, Андрей заметил торчавшую недалеко от входа ржавую металлическую розетку, в которой когда-то крепился факел.

Как он и предполагал, никаких следов электропроводки или иных признаков цивилизации. Максимум, что переняли обитатели Первого Мира от вторгшихся пришельцев, – это трофейное вооружение.

Хорошо, что прихватил второй, найденный в скрытой комнате форсфайт, – подумал Андрей, доставая компактный осветительный прибор.

Ему не давал покоя вопрос об истинном возникновении Первого Мира, его коренных обитателях, – он хорошо понимал, что предки Ланы и появившиеся позже храмовники – это пришельцы, невольные пленники аномалии космоса. Да, люди коренным образом повлияли на скрытый в

глубинах аномалии мир, наполнив его своей жизнью. Но ведь до появления первого сорвавшегося на вертикаль колониального транспорта эту планету уже населяли представители иных рас. Среди них пока что без сомнения удалось выделить лишь логриан, которые выстроили целый город, опять-таки расположив его в неудобном для проживания, труднодоступном высокогорье.

Все эти факты намекали на некую тайну, бурные непонятные события, что произошли тут до появления колонистов и воинствующих невозвращенцев Первой галактической войны.

Дождавшись, когда разгорится форсфайт, Андрей сделал шаг в тоннель, уводивший в недра скального массива.

* * *

Тоннель вел прямо, никуда не сворачивая.

Форсфайт разгонял мрак в радиусе трех-четырех метров, идти при таком освещении было несложно, и Андрей быстро двигался вперед, попутно отмечая, что и тут некогда шел бой, однако чем дальше он шел, тем эти признаки трагических событий попадались все реже, а затем исчезли вовсе…

Широкий проход по-прежнему вел в глубины скального массива – считая шаги, Кречетов понял, что прошел уже более километра, но не встретил ни одного бокового ответвления.

Неужели цитадель – это только верхушка айсберга? – невольно подумал Андрей, когда ноги уже начали гудеть от усталости.

Однако ничто не может длиться вечно, и этот тоннель тоже имел свое окончание – Кречетов внезапно вышел в просторный зал, имеющий странную с точки зрения удобства шарообразную форму. Посреди пролегала закругляющаяся кверху дорожка, подобные ей ответвлялись по бокам, через равные промежутки, а все стены почти до куполообразного свода зала оказались покрыты ровными рядами округлых отверстий.

Это, вне сомнения, были традиционные входы в жилища логриан, о чем дополнительно свидетельствовали ведущие к ним своеобразные тротуары, вымощенные, как и дорога в ущелье, каменными плитами, которые сплошь покрывали бороздки и засечки, предназначенные для того, чтобы обитателям круглых каменных нор было удобно передвигаться по ним, цепляясь мощными когтями за шероховатости плит.

Андрей остановился в недоумении и замешательстве. Мысль о том,

что цитадель построили люди, уже прочно утвердилась в его сознании, и расставаться с ней не хотелось, но ему было абсолютно непонятно такое «двойное дно». Выходит, титанические укрепления, возведенные в архитектурных традициях людей, защищали подземное, или, если быть точнее, внутрискальное поселение двухголовых ксеноморфов?

Впрочем, такая диспозиция вполне отвечала духу расы логриан, которые по историческому определению, составленному отнюдь не людьми, являлись существами трусоватыми, склонными прятаться за чужими спинами, оставаясь при этом в тени. Современный союз людей и логриан только подтверждал это расхожее мнение, зародившееся в среде инсектов без малого три миллиона лет назад.

Андрей решил потратить еще какое-то время на осмотр первого, доступного для человека яруса логрианских жилищ. Выше, на закругляющуюся кверху стену мог подняться разве что альпинист, несмотря на проложенные каменные дорожки, за выступы которых могли идеально цепляться лишь длинные когти логриан, которыми оканчивались их лишенные суставов ноги-щупальца.

Большинство сферических помещений, расположенных за округлыми входами, пустовало, в них не было ничего, лишь темный налет в форме давно пересохших лужиц на дне некоторых помещений немо свидетельствовал, что тут некогда шел процесс разложения плоти.

Андрею быстро наскучило созерцание одних и тех же картин, но он упорствовал, решив, что раз пришел сюда, то осмотрит все доступные помещения, и в конце концов был вознагражден.

Поначалу, когда он поднес светящийся форсфайт к очередному отверстию и увидел в его глубинах смутные очертания чего-то похожего на предметы меблировки, то не поверил своим глазам – монотонное блуждание по залу притупило остроту восприятия, но, подавшись вперед и присмотревшись, он понял, что перед ним действительно обитель человека, невесть как попавшего в логрианское поселение.

Не заходя внутрь, он разглядел грубо сколоченный стол, подобие стула, так же неказисто выполненного из кусков древесины, какие-то ветхие на вид ткани, служившие драпировкой каменных стен, и наконец… самого хозяина помещения, череп которого отразил тусклый свет форсфайта.

За столом, уронив руки, сидел мумифицированный, усохший труп…

Андрей, пораженный открывшейся картиной, сделал необдуманный шаг, войдя в округлое помещение с застойным воздухом, и вдруг прямо на его глазах все предметы пришли в странное текучее движение, но только

когда взметнулось первое облачко пыли, Кречетов понял, что все внутреннее убранство комнаты давно превратилось в прах, сохраняя свою форму лишь из-за отсутствия токов воздуха…

Первыми от колебания воздушной среды пришли в движение занавеси на стенах, Андрей отпрянул, застыв у порога, но поздно – на его глазах рассыпался стол, и в облаке поднятой пыли утонули очертания сидящей на стуле высохшей мумии, лишь что-то глухо, неприятно стукнуло об пол, откатившись в глубь комнаты.

Когда осела пыль, Андрей увидел пустое помещение, в центре которого лежали припорошенные человеческие кости; среди них медленно покачивался, показывая ряд пожелтевших зубов, перевернутый череп.

Андрей долго смотрел на него, пытаясь представить, кем был тот человек, чьи останки рассыпались на его глазах, и, не найдя приемлемых объяснений, он все же вошел внутрь округлого помещения, в надежде, что среди костей и пыли ему попадется хотя бы один не подверженный тлению предмет, который, быть может, натолкнет на разгадку…

Ему необычайно повезло.

В пыли валялись маленькие колючие кристаллы, которые до этого, видимо, лежали на столе. Они были легко узнаваемы, и это показалось невероятной удачей, каким-то запредельным везением – Кречетов мгновенно опознал в них *Логры*, работать с которыми умел любой человек, учитывая, что две расы тесно сотрудничали между собой на протяжении последних десятилетий.

Собрав с пола маленькие невзрачные кристаллы, Андрей сосчитал их.

Четырнадцать штук. Он знал, как правильно сопрягать *Логры*, чтобы из отдельных мини-компьютеров, работающих на источнике микроскопических тепловых колебаний, получить более сложную и производительную схему. В данном случае число кристаллов, очевидно, подсказывало, что они использовались для формулы записи, хранения и воспроизведения данных видео– и аудиоряда.

Андрей вышел из округлого помещения, сошел по дорожке вниз к центру зала, где остановился, поставив на пол тускло светящийся форсфайт.

Логры не отдавали тепло в ладонь, они были статичны, но это не значило, что хранящаяся в них информация утеряна, нужно было лишь подать энергию, и они вновь начнут функционировать. Данное свойство позволило в свое время реанимировать сверхмашину расы двухголовых существ – так называемый *Логрис*, который был собран из миллиардов отдельных кристаллов, паривших в космосе на протяжении трех

миллионов лет…

Положив автомат рядом с форсфайтом, Андрей присел на корточки, чтобы лучше разглядеть каждый *Логр*. Он рассматривал их в тусклом свете, поворачивая темные кристаллы разными гранями, сдувая с них пыль, пока наконец не увидел нужной ему последовательности.

Отследив места сопряжения, он стал осторожно соединять кристаллы, прикладывая их друг к другу. Если они не слипались самостоятельно, Кречетов делал легкое движение, как бы притирая одну грань к другой, пока не возникало взаимное притяжение гладко ошлифованных поверхностей.

В результате у него получилась колючая нить толщиной в два пальца и длиной около сорока сантиметров. Устройство было готово, но оставалось по-прежнему статичным. Как и в случае с форсфайтом, теперь требовался внешний источник тепловой энергии, но с этим у Андрея уже не возникало проблем.

Достав безотказную зажигалку, он раскалил кончик прикуривателя и стал медленно водить им вдоль черного глянцевитого шнура, получившегося из соединенных между собой *Логров*.

Для того человека, кто ни разу не видел активации логрианских устройств, процесс мог показаться маленьким техническим чудом: в какой-то момент черный шнур вдруг шевельнулся будто живой, затем плавно, медленно приподнялся над поверхностью каменного пола, воспарив сначала на пару сантиметров, а затем…

Шнур, набранный из кристаллов, вдруг начал изгибаться, одновременно поднимаясь вверх. На высоте полутора метров он неподвижно повис в воздухе, и, взглянув на него, Андрей понял, что последовательность собрана верно: перед ним висел замысловатый иероглиф – один из знаков древней логрианской письменности, соответствующий нашему термину «зрение».

Протянув руку, он коснулся крайнего кристалла, активируя воспроизведение информации, если таковая, конечно, была записана на собранном им устройстве.

Рядом с форсфайтом внезапно вспыхнул свет – такой же неяркий и призрачный, но сформированный в форме прозрачного цилиндра, внутри которого оказалась заключена маленькая фигурка человека, очень старого, обросшего седыми космами нестриженых волос и такой же всклокоченной бородой, скрывающей нижнюю часть лица. Его одежда представляла собой длинный отрез ткани, обернутый вокруг тела. Босые ноги виднелись из-под ниспадающей складками тоги, но проекционное устройство не показывало

ни окружающего интерьера, ни структуры пола, на котором стоял старик.

Андрей, затаив дыхание, смотрел на неподвижную фигуру, пока та внезапно не повернулась, слегка укрупняясь в размерах, и Кречетов внезапно услышал глухой голос:

– А… проклятый символ демонов, ты все еще висишь тут? – Старик тяжело закашлялся, его лицо, наполовину скрытое седой бородой, переместилось в фокус микрокамеры, демонстрируя искривленную, когда-то сломанную переносицу и густую сеть морщин, лучиками разбегавшихся от покрасневших водянистых глаз.

Андрея поразила речь старика. Его первая фраза представляла дикую смесь, состоящую из трудно узнаваемых на слух древних фонем английского языка, которые были щедро перемешаны с наиболее простыми шипящими словами, заимствованными из логрианской речи…

– Хорошо, – внезапно шевельнулись губы старца, – я стану говорить с тобой. Пусть твои хозяева не думают, что мне страшно…

Лицо незнакомца отдалилось, проекция приняла позу человека, сидящего на стуле. Почему логрианское устройство не зафиксировало деталей интерьера, Андрей не знал, но сейчас его меньше всего это занимало – все внимание Кречетова было приковано к речевому ряду, – он слушал, о чем говорит старик, в некоторых случаях скорее интуитивно догадываясь, чем понимая смысл отдельных терминов:

– Я грешен и несу заслуженную кару в этих подземельях… Да, я заключил плохую сделку, но мне грозила неминуемая смерть… – Старик пожевал пустыми губами, его взгляд стал задумчивым, рассеянным – видимо, забыв о присутствии логрианского устройства, он мысленно погружался в собственное прошлое. – Меня зовут Готман Майстер, мои предки родом из материковой Саксонии, откуда они вторглись на огромный остров, покорив обитавшие там племена бриттов… – Он опять закашлялся. – Потом… на нашу землю пришли норманны, все это происходило еще до моего рождения… но, видно, предопределило мою судьбу. У моего отца завоеватели отняли титул и земли, поделив их между норманнскими баронами, а его самого убили, когда мне не было еще и года, – потому я стал нищим до того, как научился говорить и ходить.

Старик надолго замолчал, глядя в одну точку перед собой, а затем продолжил после очередного приступа надрывного кашля:

– Злой рок преследовал меня. Вместо того чтобы править землями, ранее принадлежавшими моему роду, я был вынужден заниматься непосильным для человека трудом, ворочая камни на постройке крепости, которую решил возвести на месте прежних деревянных укреплений новый

хозяин земель и наших судеб – барон Форригайт.

Я был землекопом и каменотесом, злая судьба играла мной как щепкой, попавшей в бурлящий водоворот, но все же среди невзгод и непосильного труда я, выполняя прихоти ненавистного господина, сумел обратить на себя внимание и с некоторых пор стал возвышаться над другими, выполняя небольшие ответственные поручения. Вскоре мне удалось облегчить свою судьбу. Барон, отметив мое усердие, приставил меня учеником к старому хромому норманну, который владел искусством строительства укреплений и руководил всеми работами.

Я помогал ему размечать землю, передавал поручения, с его слов растолковывал рабочим, как нужно класть камень, ходил следом с куском пергамента, чтобы перечерчивать рисунки хромого Баррета, которые тот чертил на песке или земле.

Спустя год или два, когда фундамент крепостных сооружений был готов, случилось вот что – добрая стрела лесного разбойника, йомена, пронзила нечестивую глотку Баррета, оставив землекопов и каменщиков без его визгливой опеки.

Барон Форригайт пришел в бешенство, он посадил на колья и вздернул на дыбу всех, кого его воины настигли в лесу, без разбора, были то женщины, собиравшие травы, либо мужчины, заготавливавшие дрова для своих очагов, а потом, насытив свою ярость и проспавшись после неумеренной попойки в кругу своих вассалов, он неожиданно призвал меня и сказал, что либо я продолжу руководить строительством, либо моя голова займет место на одной из пик, которые с полусгнившими черепами и так в изобилии торчали вокруг незавершенной крепости.

Я согласился, не ведая, что сделает со мной этот норманнский пес… Десять лет я корпел над чертежами, постигая законы фортификации и древней науки эллинов – геометрии. Я выстроил крепость, завершив ее не так, как сделал бы хромой Баррет, и мой хозяин вознаградил меня за службу, швырнув гнить в мрачное подземелье, одно из многих, что я когда-то вычертил на пергаменте среди прочих планов крепости.

Все чертежи он сжег и пришел ко мне, чтобы, глумясь, объявить, что назавтра палач выколет мне глаза, отрежет язык и отрубит кисти рук, дабы нигде более не возвышалось крепости, подобной выстроенному мною замку Форригайт…

В ту ночь, когда я, стеная над своей судьбой, метался по тесному узилищу, не в силах спать или сидеть накануне обещанной казни, ко мне явился двухголовый демон.

Он возник из воздуха, осветив своим страшным сиянием все

подземелье, отчего стража в панике бросилась бежать, вопя во весь голос, но мне, измученному страхом, было все равно – я смотрел на демона и не боялся его, а когда он заговорил бестелесным голосом, который звучал в моей голове, я смог лишь внимать ему, ибо то, что предстояло мне пережить утром, было во сто крат страшнее, чем вся нечисть преисподней.

Он говорил со мной кратко и внятно, так что даже мой помутившийся от страха разум смог понять, что демон, похожий на двухголового змея, с щупальцами вместо ног, предлагает мне нехитрую сделку – раз наутро мне грозила смерть, – а в том, что после ослепления и отрубания рук я умру, не стоило и сомневаться, – он предлагает мне избежать мучительной казни, поступив к нему на службу.

Я грешен… Мой страх перед муками плоти был так велик, что я согласился… Тогда он расплавил прутья решетки моей камеры и сказал, что я должен бежать к старым камням, которые возвышаются за знакомым мне лесом, врастая в землю с незапамятных времен.

Выбраться из замка было несложно – зная каждый поворот коридоров, гонимый двумя страхами одновременно, я быстро оказался за стенами, и тут мне пришла в голову мысль, что теперь я свободен, а честный крест, начертанный во имя господа, отгонит сияющую нечисть, следовавшую за мной по пятам, освещая путь и наводя ужас на запоздалых прохожих.

Как горько я ошибся… Он не боялся креста, на него не действовали молитвы, которые срывались с моих дрожащих губ, – принуждая, он гнал меня через лес к тем старым камням, которым поклонялись дикие предки бриттов, не знавшие Христа и верившие в язычество…

Там среди круга камней сияющий демон заставил меня надеть странные неудобные одежды, похожие на доспехи рыцаря, и, понукая, загнал в центр круга.

Дальше я ничего не помню – очнувшись, я выл от страха и запоздалого раскаяния, ибо, сорвав с себя громоздкие одежды, увидел вокруг лишь дикие скалы да странный город, похожий на кусок обрывистого берега, где в норах селятся ласточки.

Только позже я узнал, что эти норы – жилища множества демонов во плоти, а значит, моя сделка, рожденная страхом, привела мою душу в преисподнюю…

Проекция на миг моргнула, и Андрей, напряженно слушавший исповедь древнего жителя Земли, испугался, что запись оборвется, но нет, изображение в призрачном столбе стабилизировалось, и глухой голос вновь зазвучал под сводами высеченного в глубине скал сферического зала.

– От горя, страха и раскаяния меня свалила лихорадка, – продолжил

свое повествование голографический призрак давно умершего Готмана Майстера, чьи останки рассыпались в прах от легкого дуновения воздуха…
– Демоны ухаживали за мной, и постепенно я смог снова встать на ноги. Тогда ко мне явился один из них и сказал, что мое чудесное вызволение прошло удачно: так как наутро мне грозила смерть, то исчезновение меня как исторической личности не принесет никакого вреда временным линиям. Я ничего не понял из этого объяснения, мне было очевидно лишь одно: избежав смерти от рук палача, я попал в рабство к нечистому и теперь мной будет понукать воля его страшных прислужников.

Однако демоны были кротки со мной, я не испытал ни котла с кипящей смолой, ни прочих мучительств, более того, старший из них отдал под мое начало целое сонмище адских созданий, чтобы они трудились, исполняя мои наставления.

Когда я спросил, чего они хотят от меня, он ответил:

«Ты будешь строить укрепления, чтобы защитить наш город».

Оказывается, прислужники дьявола тоже враждуют между собой, – прожив тут немало лет, я видел множество ужасных созданий, которые угрожали друг другу и делили место для проживания, как это делают иные известные мне народы на грешной Земле…

Адская сила демонов, отданная мне в помощь, в первое время заставляла трепетать душу и мутиться рассудок. Я не понимал, почему они прибегли к услугам такого ничтожного создания, как я. Только позже, горе мне, я понял, что творил…

Они изрыгали тонкие слепящие лучи света, который резал камень, как нож масло. Я никогда не видел подобной силы, но вырезанные блоки, которых не сдвинуть с места и тысяче человек, поднимались со своего ложа и парили над землей, в ожидании, пока я укажу, в каком месте им надлежит быть уложенными в кладку. Не было необходимости в растворе – вес камня, толщина блоков и их идеальное совмещение создавали воистину непоколебимые стены.

По мере продвижения работ мы тянули шахту в глубь скал, вырезая там этот огромный зал в форме шара, где я сейчас вынужден влачить свои дни в одной из нор этих нечистых тварей…

Крепость наверху росла с каждым днем, демоны, страшась чего-то, работали как проклятые, и местность вокруг действительно напоминала мне преисподнюю, как описывал ее наш святой отче: вокруг, куда ни глянь, сиял красный свет адовых лучей, из-под земли валил зловонный дым, раскаленные блоки по мановению сатанинской силы перемещались из шахты, медленно остывая на воздухе, наполняя окрестности громким

треском и зловонием…

Те дни стираются в памяти, сливаясь в сплошную череду, но в конце концов под моим руководством они выстроили невиданную на земле крепость, наполовину утопающую в скалах. Я не знаю такой армии, что была бы способна взять штурмом такое укрепление, но все оказалось тщетно…

Когда закончилась стройка, ко мне подошел главный демон, тот, что совратил мой разум в тесном подземелье замка Форригайт, и объявил, что я отныне свободен в своем выборе – остаться здесь или избрать свой путь. Вернуть меня на Землю он отказался, не объяснив причин. Тогда я спросил: «Кто станет защищать стены возведенной под моим руководством крепости?», и он ответил: «На твоей родине постоянно идут войны, и там много тех, кому назавтра уготована смерть. Мы приведем их сюда, и они станут нашей защитой».

Проклятый искуситель. Только теперь я понял, зачем двухголовому змию понадобилось сооружать укрепление с лестницами и комнатами, привычными для людей. Этот похититель душ моими руками воздвиг узилище для новых пленников, за чьими спинами он спрячется, уведя свой народ в глубину скал. Там они будут сидеть, дрожа в своих норах, а люди встанут на стены, чтобы отражать атаки иных, грозящих его народу исчадий…

Однако этого не случилось – на все воля божья, которая простирается и сюда, в неведомые пучины ада, – коварный искуситель не успел осуществить свой план: иные пришли раньше, чем он смог доставить на стены крепости хотя бы одного человека. На моих глазах ужасные создания, чьи тела напоминают громадных насекомых, вторглись со стороны предгорий, уничтожая на своем пути все. Они разрушили город демонов, который возвышался на краю плато перед крепостью, а затем беспрепятственно вошли в укрепления.

Демоны бились между собой, но мои хозяева выказывали трусость и неловкость, их избивали, уничтожая сотнями, в то время как я, гонимый ужасом, забрался в потайную комнату на верхних этажах правой башни и наблюдал оттуда за битвой.

Когда сражение прекратилось, уцелели немногие, а тела павших усеивали каменные склоны сплошным ковром. Иные исчадия ползали по ним, пожирая плоть, а потом, когда ночь опустилась над крепостью, они ушли, разрушив то, что оказалось им по силам, и больше не возвращались.

Прошло много дней, прежде чем я, полуживой от ужаса, голода и жажды, посмел спуститься из своего убежища и войти в тоннель, чтобы

узнать, остался ли кто-нибудь в живых.

Когда я спустился в подземный город, то увидел, что десяток двухголовых сидят тесной группой, издавая злобное шипение. Я подошел к ним и узнал, что передо мной все, кто остался в живых.

Один из них дал мне этот демонический символ, сказав, что если я захочу поведать свою историю тем, кто придет позже, то могу говорить, глядя в этот черный завиток, который запомнит мои слова и мой образ.

Теперь по прошествии времени исчезли и эти последние демоны, я остался один, проклятый и забытый, мою грудь разрывает боль, которую я заработал еще на строительстве замка Форригайт, – я знаю, мои дни сочтены, потому и говорю с оставшимся у меня демоническим символом. Может, кто-нибудь действительно услышит мою печальную историю…

Старик на минуту умолк.

Андрей смотрел на проекцию, потрясенный услышанным, но, оказывается, это не являлось концом записи. Спустя некоторое время голографический призрак вновь повернул голову, и его губы шевельнулись, произнося последнюю назидательную фразу:

– Кто бы ты ни был, слушающий меня, – беги, ибо демонов множество, они многолики и свирепы, а искусившие меня – самые слабые и трусливые из них…

* * *

Когда Кречетов, измученный, потрясенный и голодный, вернулся в скрытое помещение передового бастиона, его встретил головокружительный запах свежеприготовленной пищи, огонь, мятущийся в бесхитростном очаге, и встревоженный взгляд Ланиты, который, впрочем, тут же изменил свое выражение, как только она убедилась, что с Андреем все в порядке.

Пищу готовила не она – Ромель возился в дальнем углу помещения, у квадратной ниши в стене, где горели сухие ветки и откуда как раз исходил кружащий голову запах прожаренного мяса, а Лана, судя по всему, так и просидела в кресле за огромным столом, пытаясь разобраться в сути составленных на нем предметов.

– Ну как? – спросил Андрей, усаживаясь напротив. – Удалось что-нибудь выяснить?

Лана безнадежно махнула рукой, со вздохом отодвигая громоздкий, составленный из нескольких зеркал прибор.

– Давай будем есть, – вместо ответа предложила она. – Ромель более удачливый охотник, чем ты.

– Нет, – покачал головой Андрей, выкладывая на стол собранный им логрианский прибор. Цепочка сопряженных кристаллов тут же приподнялась над столешницей и повисла в воздухе, изогнувшись замысловатым иероглифом.

– Где ты это взял? – мгновенно напряглась Ланита, впившись в логрианское устройство изучающим взглядом.

– Я обследовал верхние укрепления цитадели и обнаружил внутрискальное поселение логриан. По-моему, мне удалось разрешить как минимум два вопроса.

– Какие? – спросила она, переводя взгляд с усталого лица Андрея на логрианское устройство и обратно.

– Во-первых, я узнал, кто построил крепость, а во-вторых, мне кажется, что загадка «иных» имеет логичное объяснение.

К столу подошел Ромель с подносом, на котором истекало сладким паром что-то невероятно ароматное.

– Что это? – спросил у него Андрей.

– Животное, – как всегда, скупо и лаконично ответил ему тихий голос сущности.

– Ты сам-то ел? – попробовал пошутить Андрей, которого удачная вылазка и неожиданное появление пищи привели в нормальное расположение духа, – он даже не подозревал, что в череде напряженных, изматывающих событий станут так дороги простые маленькие человеческие радости…

– Ел, – ответил Ромель, опуская поднос на освобожденный от приборов участок стола, – его энергию, – добавил он.

Андрея эти слова быстро привели в чувство. Внезапно возникшая эйфория мгновенно испарилась – не стоило забывать, в каком мире он находится…

Но, в конце концов… – его начала злить эта двойственность, – *нельзя же теперь все время изнывать от напряжения.* – Мысленные слова, обращенные к самому себе, походили на приказ, окрик, и это подействовало…

– Так… – Он посмотрел на Лану, лицо которой заливал нездоровый, проявившийся пятнами румянец. – По-моему, нам всем пора прийти в себя и мыслить днем сегодняшним. – Он протянул руку и в отсутствие столовых приборов просто оторвал кусок хорошо прожаренного мяса.

Ланита поджала губы.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Хватит цепляться за прошлое. Ты согласна умереть с голоду, сидя за этим столом, в тщетных попытках разобраться со своей памятью, ты не будешь жить, потому что коришь себя за то, что не смогла защитить Круг, а я цепляюсь за привычные стереотипы, мысленно шарахаюсь от разного рода явлений, не свойственных моему миру, – и что в итоге? – Он отправил в рот кусок мяса, прожевал его и закончил свою мысль: – Лана, мы выжили, и это стоит всего остального. Давай не будем терять добытого в бою. Ешь, а потом посмотрим принесенную мной запись и тогда решим – как быть дальше. Идет?

Она долго не отвечала, глядя на Андрея, а потом вдруг слабо виновато улыбнулась.

Странно было видеть улыбку на ее бледном, вечно серьезном лице.

– Хорошо… – Она обвела взглядом стол и, не найдя взглядом ничего, что могло бы послужить ножом или вилкой, последовала примеру Андрея.

* * *

К вечеру внезапно испортилась погода. Выйдя на воздух, Андрей заметил, как резко похолодало, – это со стороны гор подул пронизывающий ветер, который нес не только холод, но и облака. Свинцово-серые тучи толклись у близкого горизонта, цепляясь за смутно очерченные пики горных вершин.

Кречетов долго стоял у зубчатой стены, глядя в сумеречную даль, и в его голове опять тянулась нескончаемая череда вопросов, ответы на которые предстояло найти.

Что бы там ни говорила Ланита о неприступности центрального Храма, Андрей – с ней или без нее – собирался побывать в этом абстрактном пока месте.

Все увиденное однозначно свидетельствовало о древней, устоявшейся связи между Первым Миром и Землей, а пояснения Ланы относительно новейшей истории ее родной планеты давали ответ на вопрос, почему эта связь оказалась внезапно прервана, однако происхождение Первого Мира, как и восьми других планет, обращающихся вокруг энергетического сгустка, по-прежнему оставалось тайной…

Кречетов замерз, но пока не собирался спускаться вниз. Ледяной ветер освежал голову, прогоняя разморенную сытость, к тому же он чувствовал, что полного взаимопонимания между ним и Ланитой нет.

Порой ему казалось, что, вырвав ее из лап смерти, он оказал женщине медвежью услугу – ее постоянно терзало чувство вины, какие-то непонятные воспоминания, которыми она делилась скупо и неохотно.

Задумавшись о ней, Андрей неосознанно соскользнул на мысли о загадочном Круге. Зачем адепты Круга являлись к нему, какая связь была у них с покойным профессором и кто, в конце концов, убил его?..

Змеиный клубок… – с оттенком раздражения подумал Андрей, ежась от холода. По его понятиям, из создавшейся ситуации был только один выход – добраться до этих загадочных личностей, пока с ними не расправились храмовники, и попытаться освободить, хотя бы ради получения вразумительной информации.

К тому же надо было выяснить судьбу «Новы». Андрей не сомневался в том, что, готовя корабль к столь ответственному погружению в пучины аномалии, его дядя был попросту обязан предусмотреть способ возвращения в нормальный, материальный космос…

…Течение его мыслей прервал звук шагов. Андрей оглянулся.

От потайного хода, ведущего на нижние этажи укрепления, к нему шла Лана, вслед за которой бесшумно скользил Ромель.

Взгляд на эту пару вызывал у Кречетова назойливое ощущение неправдоподобности. Возможно, именно в этом крылась причина его настороженного отношения к ней?

Лана, как всегда, была сосредоточенна и молчалива. Поравнявшись с Андреем, она жестом отослала Ромеля и, облокотившись о каменный зубец стены, долго смотрела на надвигающиеся признаки непогоды, потом, будто очнувшись от собственных мыслей, поежилась под порывом ледяного ветра и тихо сказала:

– Зима.

Кречетов нахмурился.

– Ты просмотрела запись? – спросил он.

Лана кивнула, по-прежнему глядя на приближающийся атмосферный фронт, и добавила, будто не расслышав адресованный ей вопрос:

– Теперь нам не грозит повторная атака храмовников.

– Почему? – Андрей повернулся спиной к ветру. Ему было непонятно, отчего ее так волнуют поднявшаяся непогода и надвигающиеся тучи, а не найденная им запись.

– Сегодня ночью пойдет снег, и ущелье станет непроходимым, – ответила Лана на его вопрос.

– Значит, мы тоже будем отрезаны от остального мира? – взглянув на плотную череду облаков, переспросил он.

– Да, если не отправимся вниз немедленно.

Скупо обрисованная, но вполне реальная перспектива никак не устраивала Кречетова. Погода действительно портилась прямо на глазах, а он не желал оставаться среди древних укреплений отрезанным от остальною мира.

– Тогда давай собираться? – полуутвердительно произнес он. – Чего мы ждем?

Ланита искоса посмотрела на него. Ее лицо было бледным и серьезным. Казалось, что напряжение между ними растет, с каждой секундой грозя превратиться в пропасть полного непонимания.

– Ты разве не слышал, что сказал Ромель? Внизу полно храмовников, они блокировали ущелье и ждут, что мы начнем спускаться, – напомнила ему Лана.

– А иного пути отсюда нет? – Андрей неприязненно посмотрел вниз на смутно очерченные руины логрианского города, понимая справедливость ее слов.

Она отрицательно покачала головой.

– Нет. Я знаю эти места, хотя и не поднималась к цитадели.

Андрей продолжал хмуриться, обдумывая ее слова.

– И что нам остается в таком случае? – справившись с неприятными мыслями, спросил он, слушая, как свистит меж зубцами стены усиливающийся ветер.

– Жить… – неожиданно и мягко ответила она, словно за те неполные четверть часа, что она провела в одиночестве, что-то надломилось в очерствевшей, полной крови и ненависти душе. – Просто жить, как ты и предлагал. – Лана слабо улыбнулась, поймав его взгляд, но ее бледные губы дрожали, а изо рта с каждым словом вырывались облачка пара. – Природа сама хочет этого, – тихо добавила она.

– Но… – Он хотел сказать, что подразумевал несколько иное, однако, заметив, что Лана вся дрожит, подумал, что сейчас не лучшее время для споров. Что-то действительно надломилось в ней, а зловещие признаки непогоды, надвигающейся со стороны гор, не несли для Андрея столь очевидных последствий, чтобы проявлять упрямство и жестокость в ту минуту, когда Лана в отчаянии пришла к нему, стараясь перекинуть маленький мостик через растущую бездну внезапно возникшего отчуждения.

– Пойдем вниз, – предложил он. – Ты замерзла. – Он снял порванную куртку и накинул ее на плечи Ланиты. Она инстинктивно прижалась к нему, ища защиты от холода, и Андрей вдруг почувствовал, насколько она

одинока, растерянна и беззащитна, несмотря на кажущуюся твердость и силу характера…

Внизу горел огонь – это Ромель натаскал достаточно сухих веток с необъятного пространства пустоши и, приготовив пищу, вновь растопил нехитрый камин, который выглядел как простая квадратная ниша в стене комнаты. От него веяло теплом, и контраст с ледяным уличным ветром подействовал на них обоих одинаковым образом. Небольшая комната без окон показалась отрезанной от всего внешнего мира, в ней было уютно, и даже заваленный чуждыми предметами стол, гротескные, преувеличенно большие кресла из твердых пород дерева, неярко сияющий форсфайт и изогнувшийся над ним иероглиф логрианского устройства – все это больше не раздражало.

– Ромель, посторожи наверху, – попросила Лана, с усилием придвигая к огню одно из огромных кресел.

Андрей помог ей, и они уселись в него вдвоем, благо места хватало.

– Ромелю не будет там холодно?

Лана склонила голову на плечо Андрея и, глядя в мятущиеся языки пламени, нашла его руку, спрятав свои озябшие пальцы в его ладонь.

– Нет, – ответила она. – Зима – лучшая пора для энергетических сущностей.

– Ты говоришь, что…

Лана повернула голову, и слезы в ее глазах заставили Андрея замолчать. Он не понимал, что происходит с ней.

– Не уходи… – Ее губы дрожали. – Я знаю… Ты хочешь уйти, со мной или без меня, но поверь – храмовники сейчас собрали на плоскогорье подле святилища свои лучшие силы, чтобы уничтожить источник проблем…

По ее щеке сбежала слеза, но Лана не смахнула ее, продолжая смотреть в глаза Андрею.

– Почему ты плачешь? – не выдержав внезапно возникшего молчаливого напряжения, спросил он.

– Я не хочу тебя терять… Я в первый раз за все годы почувствовала, что живу… Ты… – Ее голос прервался… – Ты сделал для меня больше, чем думаешь…

– Не преувеличивай…

– Я не преувеличиваю. – Глаза Ланы влажно блеснули. – Я всю жизнь была воином, неважно, той или иной стороны, но рядом никогда не было человека, кто взял бы и стал тащить меня умирающую… через горы… Я всегда была одна, и во мне всегда жила ненависть…

Их пальцы сплелись. Говорить больше не хотелось. После всего

пережитого это инстинктивное доверие друг к другу, внезапно возникшее взаимопонимание, которое родилось на уровне озябших, измученных душ, отгораживало их от всей остальной вселенной, будто не они, а кто-то другой бился насмерть с отрядами храмовников, а сейчас у огня сидели просто мужчина и женщина, два безмерно усталых человека, позабывших, что судьба свела их вместе, проведя его через сотни световых лет и десять энергоуровней аномалии космоса, а ее через кровь и смерть…

Не было той пропасти, что лежала между ними еще час назад, – она истаяла, исчезла, будто ее растопило тепло от нехитрого очага…

– Я пойду с тобой… – тихо сказала Лана. – Если мои учителя живы, то их содержат там же, куда увезли твой корабль.

– Ты больше не веришь в неприступность центрального Храма? – негромко спросил Андрей.

– Я росла там и знаю, что он неприступен… – произнесла она. – Но жить без ответа на вопросы еще мучительнее…

– Ты говоришь, что завтра пойдет снег, – напомнил Андрей, медленно перебирая ее пальцы.

– Все указывает на это, – ответила Лана, теснее прижимаясь к нему.

– Но если нас отрежет от остального мира, что станет с твоими учителями?

– Мы ничего не можем сделать сейчас, – тихо, но настойчиво повторила Лана. – Храмовники ждут внизу, они постоянно настороже, и проскользнуть мимо них будет невозможно. Очень просто умереть… – внезапно добавила она. – Труднее жить и ждать. – Ее глаза при мысли о плененных Учителях потемнели. – К храмовникам в плен редко попадают существа, владеющие истинным знанием, – пояснила Лана. – Их не убьют – храмовники будут искать способ заполучить информацию, но им не удастся этого сделать легко и быстро. Я росла в Храме и знаю, что узники томятся там годами. Это вне стен Храмов их воины кичатся своей техникой и кричат, что им не нужны древние истины. На самом деле они жаждут тех знаний, что по глупости отвергли до начала войны. Поэтому они будут терпеливы и бережны с членами Круга – их станут склонять к сотрудничеству…

Андрей молча выслушал ее. Слова Ланы показались ему здравыми, но он не привык уповать на мудрость и терпеливость тех людей, кто уже наглядно продемонстрировал ему свою жестокость и бескомпромиссность.

Нужно уходить завтра утром… – думал он. – *Выспимся, соберемся и отправимся вниз. Если действовать осторожно, то заслоны храмовников можно пройти, тем более что с нами будет Ромель…*

Эти мысли успокоили его. У Андрея накопились свои вопросы к загадочным существам, которые перевернули его жизнь, вторгшись в сознание Кречетова той памятной ночью. Он знал, что не успокоится, пока не встретится с ними.

Огонь догорал, но им не хотелось вставать, нарушая возникшую близость, проще было теснее прижаться друг к другу, впитывая тепло согревшихся тел.

За толстыми стенами, завывая, дул ветер, и мрачные тучи затягивали небо, прорываясь через заслон горных хребтов, но это буйство стихии наблюдал лишь Ромель, удобно устроившийся меж каменных зубцов.

Ему действительно было хорошо – он радовался своей новой жизни и не хотел мешать двум живым людям, которые с таким трудом нашли дорожку друг к другу…

* * *

Утром, когда Лана еще спала, Андрей открыл глаза.

Огонь в камине давно погас, и стены их убежища источали холод.

Укрыв Ланиту, он оделся и поднялся на площадку бастиона.

Шел снег. Ветер стих, и все обозримое пространство от низкого неба до близкой земли затягивала сплошная пелена медленно кружащихся белоснежных хлопьев.

Сделав шаг, он утонул по щиколотку в выпавшем за ночь снегу и понял: Лана была права – вольно или невольно им придется остаться тут, чтобы переждать период зимней непогоды.

Нельзя сказать, что он был удручен этим, – после того, что произошло между ним и Ланой, жизнь этим утром представлялась в немного ином свете. Одного Андрей не знал: как тяжела окажется для них эта вынужденная зимовка.

Часть 4. РАЗОРВАННЫЙ КРУГ

Глава 11

Первый Мир.
Три месяца спустя…

Прошла зима, и первые талые ручьи уже сбежали с гор, орошая растительность долин, пробуждая ее к новому циклу сезонной жизни. Размытый по краям диск энергетического сгустка с каждым днем посылал все больше тепла, и горные склоны зазеленели, хотя по утрам еще чувствовались легкие заморозки.

Три существа продвигались этим теплым весенним днем по старой логрианской дороге, что вела от плоскогорий к зеленеющим внизу долинам. Два человека и скользящая вслед им энергетическая сущность шли открыто, потому что вокруг на десятки километров не было никого, кроме дикой, просыпающейся после зимы природы.

До ближайшего Храма лежали сотни километров пути, а люди, наученные горьким опытом, больше не селились в предгорьях, зная, что воинствующие храмовники уничтожат любое поселение, стихийно возникшее около запретных мест.

Лана и Андрей двигались спокойным, размеренным шагом – после долгой и трудной зимовки в горах оба заметно похудели, но выглядели гораздо лучше, чем в первые дни после встречи. Их раны окончательно затянулись, уже не напоминая о себе, да и разум обоих вырвался из стесняющих обстоятельств. Для Ланы это были тяжкие воспоминания, связанные с потерей наставников и внезапными, обрывочными образами прошлого, с которыми она попросту смирилась, принимая их к сведению, но уже не пытаясь мучительно восстановить некое утерянное «я», от которого в ее душе остались лишь эти тревожащие обрывки образов, мыслей и чувств.

Андрей также сумел преодолеть свой собственный кризис – в этом ему помогли те трудности и лишения, которые преподнесла суровая зима, – в заботах летело время, а разум постепенно свыкался с новой реальностью, исподволь начиная воспринимать большинство явлений Первого Мира за данность.

Однако это не означало, что они оба напрочь забыли, откинули прошлое и превратились в рядовых обитателей затерянной в глубинах аномалии космоса планеты. Нет. Далекой осенней порой, когда отряды

храмовников, откатившиеся от стен цитадели, окончательно потеряли их из вида, им пришлось смириться с силой обстоятельств, – не оправившиеся от ран, изможденные морально и физически, слабо знавшие друг друга и запутавшиеся в странных явлениях, они не могли снова ринуться в гущу событий – такой шаг для обоих был равносилен самоубийству…

Теперь все обстояло иначе, и они с первыми признаками наступающей весны покинули укрывшую их цитадель, чтобы выйти навстречу своей судьбе, действуя уже не по слепой воле обстоятельств, а осознанно и целеустремленно.

… Миновав последние горные отроги, они вышли к пологим зеленеющим склонам, и теперь настала пора свернуть с проторенных в древности дорог: с каждым новым днем небо, обычно хмурое, облачное, постепенно прояснялось, да и высота уже была не та, чтобы не опасаться вертолетов храмовников, которые с улучшением погоды могли в любой день возобновить патрульные полеты над территориями, объявленными Храмом запретными для любых посещений.

На деревьях уже появилась первая зелень, и клейкая нежная листва, распускающаяся из набухших почек, обещала надежно скрыть путников от посторонних глаз.

Лана, которая хорошо знала прилегающую к святилищу местность, уверенно повела Андрея и Ромеля по известным ей тропам, где им не грозило внезапное обнаружение с воздуха.

Чем ниже они спускались, тем теплее становилось вокруг, зелень, казалось, набирала силу и цвет с каждым пройденным километром пути, кое-где уже виднелись ранние весенние цветы, распустившиеся сразу, как только сошел снег.

Во время очередного привала, когда отряд остановился под сенью деревьев, окружающих небольшое лесное озерко, Кречетов, положив на землю автомат и обернувшись, чтобы помочь Лане снять тяжелый рюкзак, заметил:

– Тут много растительности, которую я знаю.

Ланита села, вытянув уставшие ноги, и снизу вверх посмотрела на Андрея.

– Это имеет какое-то особое значение? – спросила она.

Кречетов огляделся по сторонам.

– Думаю, да, – ответил он. – За полтора века флора Земли, завезенная на борту колониальных транспортов, не могла распространиться по таким огромным площадям. К тому же этот лес не похож на искусственные насаждения, – добавил он, глядя на дремучие заросли хвойных и

лиственных деревьев, плотно окружавшие озерко.

– Почему ты решил, что эти деревья с Земли? – Лана тоже огляделась вокруг, но ее взгляд, привычный к природе Первого Мира, не мог подметить тех особенностей, что бросались в глаза ее спутнику.

– Не все, но многие, – уточнил Андрей, присаживаясь рядом с ней на мшистый валун, выступающий из-под узкой полоски прибрежного песка. – Моя родная планета тоже была заселена колонистами, – объяснил он, – и на Элио встречаются многие из растущих тут кустарников и деревьев. Ну а исходный посевной материал, которым комплектовались хранилища космических кораблей, естественно, имел земное происхождение… – Он на минуту умолк, продолжая внимательно изучать окрестности, а затем признался, мысленно сопоставляя накопившуюся информацию: – Мне не дает покоя та запись на логрианских кристаллах. – Андрей сорвал травинку и машинально надкусил ее. – Я думаю, мы упускаем важный момент в ее осмыслении.

– Послушай, разве не за этим мы отправились в путь? – спросила Лана. – Я согласилась с тобой, так наберись терпения и ты. Если нам удастся освободить моих Учителей, думаю, они ответят на все вопросы.

– А знают ли они ответ? – неожиданно спросил Андрей.

Ланита удивленно посмотрела на него. Он взял ее за руку и сказал, глядя в глаза:

– Милая, нам было необходимо отключиться от глобальных проблем, просто ради того, чтобы выжить, перенести эту зимовку, но теперь то время прошло, верно?

– Да… – согласилась она, потому что знала – их обоюдное молчание, отказ от обсуждения многих тем был лишь временным пактом, но все равно, добывая пищу, заготавливая дрова, собирая снег, чтобы растопить его для получения воды, согревая друг друга в постели, каждый из них невольно продолжал мысленно возвращаться к событиям осени, искать ответ на поставленные жизнью вопросы. – И что ты думаешь по этому поводу? – спросила она, не отнимая руки от теплой ладони Андрея.

– Скажи, сколько еще на территории Первого Мира святилищ, подобных тому, расположенному на плоскогорье?

Лана задумалась, потом пожала плечами.

– Я могу припомнить десяток Мест Силы, но, вероятно, их намного больше.

– А что такое *Место Силы?* – Он сделал ударение на двух последних словах.

– Круг древних камней, обычно отмечающий место, где энергетика

обладает особыми свойствами, открывающими доступ в бесконечность… – ответила Ланита, явно повторяя формулировку, часто слышанную ею из чьих-то уст.

– То есть мегалиты лишь отмечают конкретное место, сами не являясь источником энергии? – уточнил Андрей.

– Наверное, так… Я не думала над этим, – созналась Лана, для которой святилища, разбросанные по территориям Первого Мира, не являлись чем-то из ряда вон выходящим.

Андрей встал, подошел к кромке воды и посмотрел на свое отражение.

– Помнишь, что я рассказывал тебе про гиперсферу и вертикальные линии напряжения? – не оборачиваясь, спросил Андрей.

– Да, – раздался за спиной ее ответ.

– Так вот, я думаю, что через каждый круг камней проходит одна из вертикалей. Святилищ на территории Первого Мира должно быть ровно столько, сколько разумных рас нашей Галактики сумели в своем развитии постичь суть аномалии и хотя бы раз скользнуть по вертикали от собственной планеты к центру всего сущего, то есть сюда, в пространство десятого энергоуровня. Вспомни последнюю фразу несчастного Майстера: *«Кто бы ты ни был, слушающий меня, – беги, ибо демонов множество, они многолики и свирепы, а искусившие меня – самые слабые и трусливые из них…»* – на память процитировал он.

– Я не встречала чуждых рас, – выслушав его, ответила Лана. – По крайней мере, не в этой жизни… – с грустью добавила она.

Андрей вернулся к ней и опять сел рядом.

– Ты часто думаешь об этом?

– Да, – созналась она. – Порой мне кажется, что все это выдумка, но потом приходит миг, и я начинаю вспоминать образы, события – они такие четкие и ясные, что невозможно воспринимать их как свою фантазию.

В кустарнике мелькнул и тут же пропал призрачный силуэт Ромеля. *Верная сущность,* – подумал Андрей, глядя, как едва заметно затрепетали ветви одного из раскидистых кустов – это Ромель встряхивал древовидное растение, собирая с него плохо различимые в дневном свете капли энергетической ауры.

Вскоре он уже не сможет так вольготно передвигаться. Придется надеть тяжкую для призрачной сущности одежду и уподобиться нам…

Мысли Андрея вернулись от Ромеля к Ланите, и он спросил, возобновляя прерванный разговор:

– Ты можешь объяснить, почему в древний Круг и в Круг

сегодняшний входили девять членов? Это просто традиция или число участников несет в себе практический смысл?

Она задумалась, перебирая свои воспоминания, потом вдруг привстала, взяла палочку и, ни слова не говоря, принялась чертить знаки на влажной полоске прибрежного песка, при этом черты Ланы внезапно омрачила тень, которая сразу перешла в выражение предельной сосредоточенности, словно ее разум в этот миг отрешился от реальности физического мира…

Символы, которые выходили из-под ее руки, были знакомы Андрею. В силу образа жизни, который он вел на Элио, и сформированного склада мышления он не мог покривить душой, сказав, что относился к ним серьезно, – для него две начерченные Ланой разновеликие звезды, круг и математический знак бесконечности являлись, с одной стороны, простыми геометрическим фигурами, а с другой – неизменной атрибутикой голографических фильмов определенного сорта, которые он если и видел, то мельком, считая данный вид кинопродукции вздором…

Никогда не говори «никогда»… – невольно подумалось ему, в то время как Ланита закончила рисунок и теперь напряженно смотрела на собственное произведение.

– Первым, элементарным концентратором силы является звезда, – наконец, нарушив молчание, пояснила она. – Для ее работы нужны пять существ. Далее, по возрастающей, – шесть и девять, – она поочередно указала на гексаграмму и круг.

Андрей неотрывно смотрел на криво начерченную пентаграмму, поражаясь той гамме мыслей и чувств, что вдруг возникла, заставив в один миг пересмотреть множество знакомых с детства понятий…

Неужели нужно было потонуть в неизведанных пучинах аномалии космоса, пройти через тяжкие испытания, чтобы его разум сопоставил две очевидные, известные любому технически грамотному человеку схемы?

Сколько раз он видел этот затасканный в веках символ, осмеянный одними и почитаемый другими, но разве могло прийти ему на ум, что настанет день – и он увидит в простой пятиконечной звезде ясный практический смысл, четко описанный известными ему математическими уравнениями?!

– Лана, объясни мне смысл первых двух построений… – чувствуя, что стоит на пороге потрясающего личного открытия, попросил он.

Ланита покорно закрыла глаза.

Некоторое время она сидела, углубившись в пучину своих мыслей, ассоциаций и образов, по большинству связанных с неразгаданным

прошлым и потому мучительно, с трудом выходящих из глубин подсознания.

Наконец она заговорила, не открывая глаз, чуть хрипловатым голосом, словно медиум, работу которого однажды наблюдал Андрей во время одного из шоу на Омикроне:

– Пентаграмма собирает энергию, необходимую для отсыла существа в бесконечность… – глухо произнесла она. – Гексаграмма… – ее рука безошибочно указала на шестиконечную звезду, хотя глаза Ланы оставались по-прежнему закрыты, – предназначена для вызова существ или предметов из иного пространства бесконечности… Круг, как и символ непрерывности, служит для накопления энергии в особых случаях…

Она умолкла так же внезапно, как и заговорила. Некоторое время Ланита сидела, по-прежнему закрыв глаза, потом ее веки дрогнули, и она посмотрела на Андрея. В ее расширенных зрачках медленно таяло запредельное напряжение, они сужались, и одновременно в выражении глаз Ланы все явственнее проступал упрек.

– Никогда больше не делай так!.. – с неожиданной необъяснимой яростью выдохнула она.

– Извини. – Андрей понял, в чем она его упрекнула, но внезапное озарение стоило тех нервных усилий, которые пришлось приложить Лане, чтобы вырвать из своего подсознания необходимую информацию.

– Ты использовал меня, как… – Она вдруг умолкла, не сумев подобрать адекватного слова.

Андрей сел рядом с ней на песок и обнял Лану за плечи.

– Я не использовал тебя, – произнес он. – Но, боюсь, тебя использовали другие люди, – добавил он, кивнув в сторону рисунков. – Твои Учителя объясняли тебе значение этих фигур?

– Нет, – с трудом приходя в себя, ответила Ланита.

– Значит, информация была скрыта в твоем подсознании? – предположил Андрей.

– Это память… Память той женщины, – глухо произнесла она.

– Я это понял. Остается лишь выяснить – откуда она в тебе?

– Не знаю… – Лана нервно, порывисто встала, отойдя к кромке воды, а Андрей остался сидеть, напряженно глядя на незамысловатые рисунки.

Жизнь часто преподносит нам уроки, и Кречетов только что получил один из них – столь очевидный, что его трудно было бы не воспринять…

Во что сейчас превращены в нашем мире ничтожные обрывки древних знаний, чудом уцелевшие под прессом техногенной успешно развивающейся цивилизации? – с горькой самоиронией думал Андрей,

вспоминая массу дешевой видеопродукции, различные встречавшиеся на его боевом и жизненном пути религиозные секты… да тот же балаган шоу-ярмарки Омикрона-6, где тучная женщина вещала глухим потусторонним голосом, сидя в центре начерченной на полу пятиконечной звезды…

Он провел целые месяцы в невольных мучительных размышлениях; мысленно он уже начал постигать изначальную суть возникновения Первого Мира, сопоставив запись с полученного по пневмопочте логрианского кристалла с той информацией, которую ему удалось собрать тут, но цепь его рассуждений каждый раз обрывалась в одном и том же месте. Он не представлял, как при отсутствии элементарных технических средств могла осуществляться внепространственная связь затерянной в глубинах аномалии планеты с иными мирами…

…А ведь настоящим первоисточником доступных, но непонятых знаний являлась история Земли, которая до сих пор молчаливо и верно хранит их. Не смогли приумножить или хотя бы правильно истолковать эти знания поколения докосмической эры, а потом, когда взрывообразное движение через аномалию космоса расселило человечество по территории сотен иных миров, о них просто забыли, – новая реальность рождала новые мифы, а древнейшая история прародины человечества осталась пылиться на полках…

И вот сейчас, сидя на берегу небольшого лесного озерка, Андрей Кречетов, убежденный сторонник технического прогресса, не веривший до определенной поры ни во что, кроме выводов собственного рассудка, с очевидной, болезненной ясностью понимал: каждая религия древней Земли, каждое верование, предание, легенда несли в себе крупицу *истинных событий*, – их смысл был потерян под позднейшими наслоениями домыслов, и каждое новое поколение, не обладая необходимыми знаниями, вносило свою лепту в данный процесс, окончательно превращая отзвук реальных фактов в сказки, слепые верования или сомнительные оккультные науки…

…Лана, окончательно придя в себя, обернулась.

Андрей сидел, сосредоточенно глядя на ее рисунки, а его рука той же самой палочкой чертила на влажном песке какие-то схемы.

Забыв про внезапно накатившее бессилие и иррациональную обиду, она вернулась к нему, посмотрев на схематичные изображения.

– Что это? – спросила она, разглядывая пять заштрихованных квадратов, соединенных между собой двойными линиями, копирующими начерченную ее рукой пентаграмму.

– Схема стандартного генератора низкочастотного поля, – ответил

Андрей. – Это устройство предназначено для обратного перехода космического корабля из пространства аномалии в трехмерный континуум. – Его рука опять принялась чертить подобные квадраты, но уже под гексаграммой: два треугольника, наложенные друг на друга, образовали копию шестиугольной звезды, только все линии опять оказались двойными, а в каждой вершине присутствовал заштрихованный условный знак. – Это генератор высокой частоты, – пояснил он, – двухконтурный пробойник метрики, современное компактное устройство, генерирующее импульсы, которые по своей мощности превышают энергетический порог, свойственный нормальному космосу. В результате разряда возникает воронка гиперпространственного перехода, и космический корабль затягивает сквозь нее в пространство энергетической вселенной, которую ты называешь бесконечностью, я – гиперсферой, а наши с тобой предки, жившие на Земле, именовали термином «астрал»…

Лана, для которой большинство технических терминов было лишено практического смысла, с трудом поняла суть сказанного. Она посмотрела на Андрея точно так же, как он смотрел на нее, когда Ланита объясняла ему принципы формирования энергетических сущностей.

Да, они олицетворяли собой две половины единого знания, но им было неимоверно трудно соединиться, чтобы наконец обрести истину…

В этом мире, где остовы рухнувших с небес космических кораблей соседствовали с артефактами миллионолетней давности и энергетическими сущностями, такой синтез знаний был единственно возможен…

Истина…

У Андрея от этого слова вдоль позвоночника кралась медленная щекотливая дрожь.

– Ты понимаешь, что это значит?

Лана долго смотрела на него, а потом ответила:

– Догадываюсь…

– Тебе знаком термин *«астрал»*. – Андрей произнес последнее слово с шипящим звуком, и Ланита вздрогнула.

– Логрианский язык?

– Да. Звучит немного странно, но, несомненно, это их понятие, обозначающее «бесконечность». Насколько я знаю, логриане были первыми разумными существами иной расы, кто посещал Землю около трех миллионов лет назад.

– Они оставили людям знания о бесконечности?

– Да. Но наши первобытные предки не смогли осмысленно удержать их, и конкретные практические сведения постепенно исказились,

превратившись в мифы, или стали основами религий, а реальные приспособления приобрели статус мест культового поклонения дохристианской эпохи…

– А Первый Мир? Он существовал в то время? Как логриане могли открыть и заселить его, если не обладали свободой перемещения через аномалию? – спросила Лана, разом высказав внезапно возникшие у нее вопросы. – Ты же сам рассказывал мне, что древние расы не смогли изобрести гипердрайв и оттого пользовались только стационарными устройствами, связывающими конкретные планеты… – напомнила она.

– В этом и кроется разгадка, – ответил Андрей. – Логриане не открыли Первый Мир, а *создали его.*

– Как?! – потрясенно спросила она.

– Думаю, при определенных условиях в гиперсферу можно отправить объект любой массы, – ответил Андрей. – Нужны лишь соответствующие энергетические мощности.

– Не могу себе представить… – сокрушенно покачала головой Ланита.

– Зато я могу, – произнес он, расстегнув ворот и снимая со своей шеи цепь логрианских кристаллов, которые он привык носить таким образом в течение долгой и трудной зимы. – У меня есть еще один, – признался Андрей, когда освобожденная нить привычно изогнулась в воздухе, приняв форму замысловатой фигуры.

– Еще один *Логр?!* – Она не сумела скрыть своего удивления и замешательства.

– Да. Я получил его по пневмопочте утром того дня, когда начались события на Элио, – сохраняя видимое спокойствие, ответил Андрей.

– Почему ты не говорил мне о нем? – нахмурилась Лана.

– Он содержит фрагмент древней видеозаписи, которую поначалу не было возможности воспроизвести. А потом, в период зимовки, я вспоминал про него, но не хотел тревожить тебя своими домыслами. Понимаешь, я только сейчас, после твоих пояснений до конца понял суть записанных на нем событий, – признался он, расстегивая наплечную кобуру, оставшуюся от бесполезной в местных условиях «гюрзы». Само оружие покоилось на дне десантного рюкзака, а удобную кобуру Андрей давно приспособил для ношения мелких предметов первой необходимости.

Достав черный колючий кристалл, он некоторое время крутил его в пальцах, изредка поглядывая на парящий в воздухе иероглиф, затем встал и одним движением легко разнял черную нить на две половины. Вынув один кристалл из старой последовательности, он расположил на его месте новый *Логр* и восстановил сопряжение двух половин логрианского устройства.

Глядя, как черная нить вновь изогнулась, приняв форму знакомого знака, он удовлетворенно кивнул, коснулся концевого кристалла и вернулся к Лане, сев рядом.

– Придется потерпеть, я разорвал старую запись, заместив один участок информации на новый.

– Ладно уж… – Лана была заинтригована, но еще не подозревала, какое потрясение ей предстоит испытать спустя несколько минут.

В цилиндрической проекции появилось трехмерное изображение старика Майстера, который излагал историю свой жизни. Когда он дошел до середины повествования, изображение внутри столба бледного света внезапно моргнуло, радикально изменившись, и Лана, напряженно ожидавшая этого момента, вздрогнула, увидев совершенно непривычную для своего разума картину.

Звезды…

Мириады звезд, рассыпанные по полотнищу мрака, – это была лишь деталь фона, но она впервые видела материальное пространство, и чернота космоса, щедро осыпанная точечными уколами света, поразила ее…

– Смотри… – Андрей обратил ее внимание на иную часть изображения.

…Снятый крупным планом шар планеты приближался к звезде, следуя по касательной траектории относительно светила.

Шли секунды, в которые логрианское устройство записи спрессовало часы, а может, даже и дни реального времени, и прямо на глазах желто-коричневый шар планеты стал приобретать красноватый оттенок – он раскалялся, двигаясь в опасной близости от ярко-голубой звезды. Даже Лана, едва знакомая с такими понятиями, как «физика» и «астрономия», сумела ощутить катастрофическую суть процесса. Она видела, как по поверхности планеты змеились огромные трещины, как непонятная сила выдирала исполинские фрагменты раскаленной планетарной коры и швыряла их вверх, к ослепительному взъярившемуся солнцу… Она ждала, что покрытый трещинами шар вот-вот разорвет на части, но нет – раскаленный планетоид уже начал удаляться от растревоженной звезды, а вслед ему, будто жадный, ослепительный язык, тянулся длинный выброс энергии…

Еще секунда, и в космосе полыхнула вспышка, ослепившая все записывающие видеоустройства.

Запись оборвалась.

Андрей коснулся крайнего кристалла, остановив вновь появившееся изображение Готмана Майстера.

– Что это было? – сдавленно спросила Лана.

– Этой записи три миллиона лет, – ответил Андрей, касаясь указательным пальцем острых вершин крайнего кристалла. Изображение, только что просмотренное ими, начало отматываться назад, пока в проекционном пространстве не появились четыре логрианских корабля.

– Тебе знакома такая форма?

– Нет… – покачала головой Лана. – Никогда не видела ничего подобного.

– Это космические корабли логриан, – пояснил Андрей. – Записанные события видеозаписи происходили в период расцвета их цивилизации, когда наши с тобой предки еще пребывали в стадии первобытного строя и пользовались каменными орудиями труда.

– Зачем они сожгли планету?

– Они не сожгли ее, а отправили в иное пространство, пользуясь энергией выброса звездного вещества как грубым, но мощным пробойником метрики нормального космоса.

– Планета ушла в бесконечность?! – с холодком в груди предположила Лана.

– Да, – утвердительно кивнул он.

Ланита напряженно застыла, нервно покусывая губы.

– Я видела Первый Мир? – наконец спросила она.

– Не знаю… – покачав головой, откровенно признался Андрей. – Когда мой корабль попал в это пространство, я увидел девять планет, расположенных на орбите вокруг энергетического сгустка. Восемь миров мертвы, лишены атмосфер и имеют характерные повреждения в виде оплавленной, покрытой трещинами поверхности, на которой нет никаких признаков последующей деятельности разумных существ. Нетрудно понять, что они отправлены сюда аналогичным способом, но являются следствием неудачных экспериментов. Только девятая попытка привела к успеху…

– Зачем они делали это?! – с дрожью в голосе спросила Лана. Для нее новая информация являлась откровением, которое потрясало разум.

Андрей прекратил манипуляции с кристаллами и вернулся к ней. Сев рядом, он обнял Лану одной рукой за плечи, а второй принялся чертить на песке условную схему спирального рукава Галактики, на окраине которого располагалась Земля.

– Три миллиона лет назад вот тут, – он отчеркнул часть схематично изображенного пространства, – существовали четыре цивилизации древности. Логриане, дельфоны, инсекты и хараммины, – перечислил он. –

Цивилизация двухголовых ксеноморфов являлась самой развитой из них. Именно логриане первыми предсказали существование аномального пространства, теоретически обосновали его структуру, но, как я уже говорил тебе, они не смогли создать компактного устройства, аналогичного нашему современному гипердрайву. Им удалось построить лишь стационарные приемопередающие устройства, базировавшиеся на планетах. Я своими глазами видел эти древние контуры генераторов. Их главный недостаток заключался в следующем. Прежде чем канал гиперсферной транспортировки связывал между собой два мира, на них нужно было доставить необходимое оборудование. Это отнимало десятилетия, а может, и века, потому что корабли древних цивилизаций не могли перемещаться быстрее, чем распространяется свет.

Лана кивнула, давая понять, что разобралась в сути сказанного, – долгие зимние вечера, проведенные в укреплениях цитадели, пошли на пользу им обоим. В свободное от повседневных забот время они делились своими знаниями. Лана постигала элементарные понятия физики материального космоса, а Андрей с ее слов узнавал, по каким законам существует аномальное пространство Первого Мира…

– Очевидно, логрианским ученым, как и моему дяде, удалось теоретически предсказать существование вертикалей и их свойства. – Андрей говорил медленно, обдумывая каждое слово, ведь он впервые озвучивал собственные мысли, собирая их в единую логичную последовательность. Он начертил на песке упрощенную схему, которую видел на страницах рукописей, принадлежавших покойному профессору. – Вертикаль – не что иное, как проекция силы тяготения, говоря проще – ниточка, привязывающая каждую звездную систему к единому галактическому центру, – объяснил он. – И логриане, и мой дядя осознали это, основываясь на единой логике. Они справедливо предполагали, что из той области, где сходятся все нити мирового напряжения, открывается доступ к любой звездной системе Галактики.

Лана недоуменно покачала головой.

– Почему тогда они не расселились по всем звездным мирам, а влачили тут жалкое существование, воюя с другими народами за клочок земли?

– Они попали в ловушку, – ответил Андрей. – Как ты думаешь, почему восемь попыток создания узловой станции в глубинах аномалии окончились неудачей – ведь все планеты оказались тут, но они до сих пор кружат по своей орбите мертвыми обожженными глыбами?

Ланита ответила не сразу.

– Они не знали свойств этого пространства? – наконец осторожно высказалась она.

– Да, – согласился с ее интуитивным выводом Андрей. – Сгусток энергии, освещающий и согревающий Первый Мир, излучает незримое магнитное поле такой мощности, что в его границах резко падает производительность любых электрогенераторов, дают сбой электронные системы. Все традиционные источники энергопитания и связанные с ними машины вдруг становятся несостоятельны, – пояснил он, вспоминая печальный опыт сближения с Первым Миром и аварийную посадку на его поверхность. – Логриане не могли знать это наверняка, но, видимо, раз от раза они наращивали мощность отправляемых в аномалию энергоносителей, пока девятая попытка не привела к временному успеху – их приемные устройства, расположенные в глубине планетарной коры, заработали – и первые живые существа смогли ступить на поверхность планеты, отправленной в недра Великого Ничто, – продолжил он развивать свою мысль. – Наверняка первопроходцы не ожидали встретить тут источник тепла и света. – Андрей взглядом указал на размытый диск энергетического сгустка. – Они готовились строить узловую станцию, базируясь в герметичных убежищах, но аномалия преподнесла им возможность сформировать нормальную биосферу на территории планеты, где предстояло жить и работать не одному поколению… – Андрей искоса взглянул на Лану, напряженно слушавшую его пояснения, и добавил: – Зная психологию логриан, я могу смело предположить, что они не пренебрегли дарованным аномалией шансом, тем более что создать первичную, непригодную для дыхания атмосферу нетрудно, а ее дальнейшее преобразование – это удел особых форм микроорганизмов и примитивных растительных форм…

– Подожди… – прервала его Ланита. – Мне сложно… Я еще могу представить мертвый мир, низвергнутый сюда, но ты же сам объяснял мне, как отказали на твоем корабле все источники питания, отключились компьютеры…

– И тем не менее я сел.

– Да, но одну посадку нельзя сравнить с… – она запнулась, припоминая нужный термин, – с преобразованием планеты, – секунду спустя добавила она.

Андрей кивнул.

Ослабив застежки видавшего виды десантного рюкзака, он засунул руку на самое дно и извлек оттуда импульсный пистолет системы «гюрза». Взглянув на привычное оружие, он вздохнул, положив его рядом с «АРГ-8»

– штурмовой автоматической винтовкой, использующей для выстрела химический заряд, и вытащил из кармана зажигалку, работавшую на принципе термоэффекта, возникающего в результате молекулярного взаимодействия двух пластин из специального сплава.

Лана наблюдала за ним, воздерживаясь от комментариев или вопросов.

Андрей уже показывал ей «гюрзу», и она знала – оружие не работает. Зато древний автомат, к которому он изготовил самодельный глушитель, стрелял безотказно, да и зажигалка не раз выручала их во время зимовки.

– Ромель… – негромко позвал Кречетов.

Из кустарника вынырнула призрачная фигура их верного хранителя.

– Я тут… – прошелестел голос.

– Посмотри сюда, – попросил он Лану, жестом указывая на ряд предметов, около которых застыл Ромель.

– Импульсное оружие и энергетическая сущность – это две крайности, отражающие измененную физику данного пространства, – произнес Андрей. – В условиях реального космоса безотказно действуют импульсное оружие, генераторы электрического тока, но ты никогда не встретишь зримых проявлений действительно присущего всем живым существам, но мизерного по своей мощности биополя.

– И что это значит?

– Здесь работает закон сохранения энергии, – терпеливо пояснил он. – Аномальное пространство также подчинено аксиоме, которая гласит, что энергия не возникает из ниоткуда и не исчезает бесследно. Где ослабевает одно, там неизбежно усиливается другое, и ты сейчас видишь перед собой последовательность, наглядно поясняющую, какие физические процессы усилились, а какие ослабли в условиях аномалии. Для меня это означает, что все явления, происходящие тут и имевшие место на древней Земле, связаны уже не с мистикой, а с физикой.

– Я еще нужен? – тихо осведомился Ромель, выслушав абсолютно непонятный для него монолог Кречетова.

– Нет, спасибо… – Андрей посмотрел на сущность, извиняясь взглядом за то, что использовал душу воина в качестве наглядного пособия.

– Тебе легче от смены терминов? – спросила Лана, когда Ромель исчез в зарослях, исполняя привычную для него роль ненавязчивой охраны.

– Да, – искренне признал Андрей. – Это возвращает мне уверенность в том, что каждое явление объяснимо.

– Но ты так и не ответил на мой вопрос о двухголовых.

– Да, мы отвлеклись… – Он взял в руки импульсный пистолет, сжал

сенсор активации, но так и не дождался трепетного индикационного сигнала на рукояти.

– Судя по записи, первыми тут появились логриане, – отложив оружие, произнес Андрей. – Я думаю, они прошли через порталы, подключенные непосредственно к установкам ядерных реакторов, которые своей избыточной мощностью перекрывали аномальную потерю энергии, что привела к краху предыдущих восьми попыток. Освоившись, они адаптировали свою технику к условиям Первого Мира и занялись его преобразованием, но время сыграло с ними злую шутку: оно течет здесь много быстрее, чем в реальном космосе, и когда передовому отряду логриан удалось добиться прогресса в освоении планеты и наладить устойчивую обратную связь через вертикали с уже существующими порталами, расположенными на внутренней поверхности искусственного мира инсектов, обстановка в реальном космосе трагически изменилась – Сферу Дайсона атаковали орды Предтеч, от которых пострадали все без исключения цивилизации древности, и вместо запланированной поддержки логриане внезапно столкнулись с проблемой: через открывшиеся порталы в Первый Мир хлынули орды обезумевших насекомых, которые бежали из разрушающейся на глазах Сферы.

– Ты рассказываешь так, словно сам был участником тех событий, – задумчиво произнесла Лана.

– Их нетрудно отследить логическим путем, – ответил Андрей. – Я знаю историю древнего космоса, знаю про массовый исход инсектов из полуразрушенной Сферы, а две видеозаписи позволяют правильно домыслить ход событий. Миграция предтеч заставила цивилизации древности покинуть большинство колонизированных планет, и потому связь Первого Мира с известными порталами попросту оборвалась. Логрианам, осваивавшим эту планету, и вторгшимся сюда инсектам ничего не оставалось, как делить между собой клочки уже преобразованных, пригодных для жизни территорий. Логриане, вероятно, успели сформировать атмосферу планеты, но очаги биосферы на ее поверхности приживались с трудом…

– И что, по твоему мнению, случилось потом? – спросила Лана, вспомнив откровения старика Майстера.

– Логриане более неприхотливы, чем инсекты, которым необходим теплый и влажный климат. Наверное, последние просто вымерли или же продолжают жить где-то вне пределов освоенных людьми пространств. Этого я не могу знать наверняка, а вот относительно логриан… – Андрей ненадолго задумался. – Запись ясно доказывает, что они полностью

разгадали свойства аномалии и научились манипулировать ее энергиями. Их мини-компьютеры работают на основе инфракрасного, теплового спектра, то есть лограм не повредило магнитное поле центрального сгустка, однако самих логриан не устраивала перспектива навечно остаться тут. В поисках выхода из создавшегося положения они открыли, что Первый Мир, двигаясь по орбите, периодически пересекается с некоторым количеством вертикалей, – значит, на поверхности планеты в определенное время возникают места, откуда возможен стремительный рывок через десять энергоуровней аномалии.

– Ты говоришь о возникновении Мест Силы?

– Да, – кивком подтвердил Андрей. – И еще я думаю, что наиболее стабильная вертикаль, которую вычислили логриане, ведет к Земле.

– Почему именно к Земле? – недоверчиво спросила Лана. – Я слышала про различные формы чуждой человеку жизни, представители которых появились в Первом Мире задолго до падения колониальных транспортов…

– Природа, – пояснил Андрей. – Оглянись вокруг. Я не зря обратил твое внимание на окружающую флору. В большинстве здесь представлены растения Земли, значит, логриане, продолжая осваивать эту планету, заимствовали биологический материал с нашей прародины.

Лана смогла лишь кивнуть, вынужденно соглашаясь с этим доводом: ей оставалось только поверить Андрею на слово, ведь она никогда не бывала на иных планетах и не разбиралась в происхождении тех или иных растений.

– Значит, ты считаешь, что логриане остались тут навечно? – спросила она. – Почему они не переселились на Землю, например, раз уж сумели забрать в Первый Мир того же Готмана?

– Это сложный вопрос, – ответил Андрей. – Дело скорее в природных инстинктах логриан, которыми был когда-то сформирован образ их мышления. Первобытная или же средневековая Земля не являлась тем местом, где ксеноморфов ждал радушный прием, как братьев по разуму. Люди той поры еще не доросли до подобных понятий – откровения старика Майстера лишний раз иллюстрируют это. Логриане слишком отвратительны на первый взгляд, и их наверняка принимали двояко – либо как богов, либо как исчадий, причем вероятнее последнее. Но я знаю, каковы логриане на самом деле, – они пацифисты по природе и идут на конфликты только в крайнем случае, когда их вынуждает к конфронтации другая сторона. К тому же их было слишком мало для покорения Земли или создания в среде нарождающейся человеческой цивилизации устойчивой

религии, которая обеспечила бы их господство.

– Но должны же они были искать какой-то выход? – резонно возразила Лана.

– Естественно. И свидетельство тому – «иные».

– Чуждые расы?

– Да. Они не могли появиться на территории Первого Мира сами по себе. Теперь я понимаю, что неправильно сформулировал предыдущий вывод относительно святилищ, – скорее их количество обусловлено не успехами иных галактических рас в освоении гиперпространства, а попытками самих логриан отследить, куда ведут вертикали, доступные с поверхности этой планеты.

– Ты считаешь, что они находили Места Силы и, пользуясь вертикалью, перемещались в иной мир, без дополнительных устройств на том конце бесконечности?

Андрей кивнул.

– Вспомни Готмана. Что заставил его сделать логрианин, когда загнал в святилище?

– Надеть какой-то костюм, – слегка нахмурившись, припомнила Ланита.

– Это скорее всего скафандр, – резонно предположил Андрей. – Лично я не вижу принципиальной разницы в том, происходит ли перемещение посредством малого космического аппарата или используется индивидуальное средство защиты… Здесь критичны свойства самой вертикали – она перемещает попавший в ее поток материальный предмет от одной точки напряжения к другой, защищая при этом от воздействия возрастающих энергетических полей аномалии.

– Места Силы не работают сами по себе, – внезапно произнесла Ланита. – Я проходила через них и ощущала при этом либо недомогание, либо, наоборот, прилив сил, но меня никогда не выбрасывало в иной мир.

– А как быть с сущностями храмовников, которых ты отправила на Землю? – напомнил Андрей.

– Сущности состоят из энергии, – отвергла его довод Ланита. – В этом случае Место Силы работает автоматически. Я всего лишь оттолкнула их от себя.

– Посмотри на рисунки, Лана, – Андрей указал на схемы, вычерченные на песке. – И вспомни про Ромеля… – добавил он.

Ланита на миг растерялась, пытаясь мысленно взаимосвязать сущность погибшего воина и едва осознанные схемы, которые с неимоверным напряжением выдало ее подсознание, а затем дополнил

своими значками Андрей.

Видя ее замешательство, Кречетов пришел на помощь.

– Я ведь уже наглядно показал тебе, что в условиях Первого Мира практически не работают традиционные источники энергии, но зато тысячекратно возрастает потенция всего живого, вплоть до того, что энергия живых существ становится зримой и может нести информационный отпечаток личности, – произнес он, вновь доставая зажигалку. – Вот что давало твоим Учителям возможность манипулировать аномальным пространством. – Он сжал податливый корпус, демонстрируя Ланите мгновенно раскалившийся кончик прикуривателя. – Это нехитрое устройство работает лишь потому, что основано не на электричестве, а на химической реакции двух искусственных сплавов.

– Ну и что?

– Тепло, – кратко пояснил он. – Химические реакции жизнедеятельности с выделением тепловой энергии. Скажи, твоим Учителям требовался отдых, после того как они работали в Местах Силы?

– Да, – кивнула Лана. – Длительный отдых, еда… – Она вдруг вспомнила саму себя в тот миг, когда усилием воли отдала часть своей энергии Ромелю и после лишилась чувств.

– Сущности, с которыми я столкнулся на Элио, обнаруживались только в инфракрасном диапазоне, – продолжил Андрей. – Они были невидимы простым глазом и состояли из сгустка тепловой энергии. А вот на Земле я видел их невооруженным глазом.

– Ты знаешь – почему?

– Предполагаю. Планета Элио не обладает собственным геомагнитным полем, а Земля имеет его. По всей вероятности, именно магнитное поле, взаимодействуя с тепловой энергией сущности, заставляет светиться молекулы окружающего воздуха…

– Хорошо… – Лана чувствовала, что ее разум уже переполнен, он не воспринимает часть информации, но она не могла позволить себе сдаться, остановившись на полпути в трудных для нее, но невероятно важных рассуждениях, в которых постепенно зрела истина… – Ты можешь объяснить мне свое видение процессов без сложной физики?

– Попробую. – Андрей сам ощущал, что перенапряжен, но его желание довести нить рассуждений до логического конца было так же велико, как и у Ланиты.

– Уже очевидно, что в условиях Первого Мира самым мощным источником энергии является тепловое излучение, – произнес он, вынужденно повторяясь в формулировке окончательного вывода. –

Магнитное поле, которое распространяет центральный сгусток, вызывает сбой в работе электронных приборов и резко повышает сопротивление традиционных проводников, ослабляя силу тока до ничтожных значений, заставляя напряжение критически падать уже на выходе любого генератора… – Он поднял взгляд на Лану.

– Это понятно, – устало ответила она, стараясь сохранить сосредоточенность. – Поясни, как можно перемещаться из одного мира в другой, не имея, как ты говоришь, «адекватных источников энергии».

– Я ошибался. Они есть.

– Где?

– В нас, – ответил Андрей, глядя на рисунки. – Наши тела – идеальный, мощный и бесперебойный источник тепловой энергии. Здесь действуют аномальные законы, и если на Земле или на Элио я в лучшем случае мог нагреть ладонью какой-либо предмет до температуры тела, то тут выделяемой энергии достаточно для более радикального воздействия на окружающее.

Вспышка…

Это опять была память той женщины, за которую безоговорочно принял ее Ромель.

Она стояла в центре круга, на знакомой до боли площадке бастиона. Ладони рук, воздетые к небесам, медленно поворачивались, провожая плавным жестом движение летающих машин врага.

Губы выталкивали монотонные слова, складывающиеся в ритмичную формулу внутренней концентрации…

…Кожу начало пощипывать. Воздух вокруг внезапно стал змеиться, словно стояло не стылое утро, а полуденная жара.

Глаза Лаониты потускнели, на висках выступили бисеринки пота, кожа посерела, – теперь накопленная энергия, сконцентрировавшись на кончиках пальцев, начала влиять на силовые линии окружающего ее пространства, деформируя их нужным образом, и вдруг…

Одно из образовывавших Круг существ, наиболее отвратительное с точки зрения человеческой эстетики, внезапно напряглось, словно его мышцы свела судорога, и одновременно с этим в воздухе разлился жар. Ослепительный сгусток, зародившись на конечностях существа, сорвался в свободный полет, прочертив слепящую дугу между бастионом и заходящими для повторного бомбометания машинами, – первая вспышка длилась не более секунды, но вслед за ней ударили новые – это остальные члены Круга достигли пика своей концентрации, и восемь новых тепловых

разрядов один за другим пронзили стылый разреженный воздух…

Восемь, потому что один из сгустков внезапно ударил в сторону, поразив одиноко растущую сосну, которая умудрилась зацепиться корнями за выветренные расселины в скалах. Дерево моментально вспыхнуло, превратившись в жаркий факел, а в небе над ним одна из машин, которую догнали шесть разрядов, вдруг потеряла плавность своего смертельного скольжения и начала переворачиваться в воздухе, роняя из своего чрева груз бомб, которые сыпались не на укрепления, а вниз в ущелье…

Еще секунда, и летательный аппарат начал падать вслед за своим разрушительным грузом…

Лана резко тряхнула головой, отгоняя наваждение чужого прошлого…

– Ты прав… – обессиленно сказала она. – Можно заставить свое тело выделять энергию. Я только не знаю, откуда она берется.

– Это просто, – ответил Андрей, не став донимать ее расспросами о том, куда только что погружался ее разум. – Организм человека может резко повышать температуру тела, пережигая жировые запасы клеток. – Он вдруг невесело усмехнулся. – Только вот я не знаю, как регулировать данный процесс по собственному желанию…

– Зато я знаю… – тихо ответила Лана.

Их знания, мысли сближались все теснее во время трудного для обоих разговора. Они обсуждали вопросы, которыми на протяжении миллионов лет задавались лишь единицы из необозримого количества разумных существ…

– Если ты владеешь техникой подобного процесса, то объяснить остальное не составит труда, – сказал Андрей, возвращаясь взглядом к рисункам. – Пять человек, исполняя роль живых генераторов энергии, встают вокруг известной заранее точки, через которую проходит вертикальная линия напряжения гиперсферы. Центр такого построения должно занять существо либо предмет, который необходимо транспортировать. Энергия пяти источников распределяется вокруг него с таким расчетом, чтобы возникшее поле имело напряжение более низкое, чем собственная энергия вертикали. Тогда срабатывает основной закон гиперсферы, силовая линия аномалии захватывает окруженный низкочастотным полем предмет и отторгает его из высокоэнергетичной вселенной в область нормального пространства. Так совершают обратный переход наши космические корабли, причем чем выше напряжение поля, тем медленнее происходит переход. Вещество при этом не изменяет своих свойств.

– Выходит, что функция гексаграммы обратна по своей сути?

– Да. Шесть источников формируют два треугольника и направляют энергию непосредственно в точку прохождения вертикали. Тогда на обратном конце канала образуется воронка, затягивающая в аномалию любой находящийся рядом с ней предмет.

Лана покачала головой.

– Это трудно представить. Ведь ты сам говорил про разницу во времени между этим миром и остальными планетами материального космоса.

– Это означает лишь то, что логриане знали точное значение временного расхождения. Хотя они могли действовать иначе, не утруждая себя синхронизацией. Попав отсюда в мир, расположенный в пространстве нормального космоса, можно было создать обычный генератор высокой частоты или использовать компактные накопители энергии для разового прорыва метрики. На мой взгляд, гораздо важнее знать точное место, где берет начало вертикаль.

– Поэтому их и обозначали каменными мегалитами?

– А что может быть доступнее и долговечнее, чем этот твердый природный материал? По-моему, это логично, причем, заметь, размер каменных глыб таков, что их не по силам ни разрушить, ни переместить без специального оборудования. Таким образом, логриане попросту страховались от самодеятельности населявших ту или иную планету народов, а наши ученые впоследствии веками ломали головы над вопросом: зачем, а главное – каким образом жители древней Земли возвели столь титанические сооружения?

Лана присела рядом с Андреем и задумалась, обхватив колени руками.

– Теперь мне понятно, откуда взялось столько Мест Силы и как к нам попали иные существа, – произнесла она. – Только зачем логриане испытывали каждую найденную вертикаль?

– От безысходности, – ответил Андрей. – Скорее всего они просто искали планету, где могли бы поселиться не в ущерб другим цивилизациям, а по ходу этих поисков доставляли сюда, в Первый Мир, образцы чуждой жизни, а иногда и представителей иных галактических народов, о которых мы не имеем никакого представления.

Ланита надолго задумалась.

– А потом люди вышли в космос, изобрели гипердрайв, и первые колониальные транспорты, срываясь на вертикаль, оказались тут в околопланетном пространстве Первого Мира? – спустя некоторое время продолжила она нить его рассуждений.

– Да. Если нашим предкам и были оставлены какие-то знания, то за миллионы лет они утратили их, и выход в дальний космос мы осуществили сами, без чьей-либо опеки. Видишь, прошло почти два тысячелетия космической эры, прежде чем мой дядя смог теоретически обосновать свойства вертикалей…

– А может быть, ему подсказали? – осторожно осведомилась Лана.

– Нет, – подумав, покачал головой Андрей. – Я видел его записи, которые ясно говорят, что он шел к этому открытию сам. Скорее всего, он понял истинное значение расположенных на Земле мегалитов и отправил в аномальное пространство разведывательный зонд, не подозревая, что аппарат выбросит на поверхность Первого Мира внутри святилища. Наверное, твои Учителя нашли лишившийся энергии прибор и поняли, откуда он взялся.

– Тогда они, должно быть, вступили в контакт с твоим дядей? – предположила Ланита. – Учителя могли отправлять свое сознание через бесконечность, – добавила она.

– Без сомнений, иначе спроектированный им корабль не учитывал бы особенностей местной энергетики, а я не обнаружил бы на его борту начерченный от руки план местности, который отражал фрагмент поверхности Первого Мира с обозначенным на нем высокогорным святилищем. Все складывается, Лана, кроме одного…

– Что именно тебя тревожит?

– Его внезапная смерть, – ответил он. – И появление двух сущностей на Элио, которые были присланы по мою душу.

Лана резко привстала, пристально глядя на него.

– Ты по-прежнему думаешь, что мои Учителя…

– Успокойся, – Андрей мягким движением заставил ее сесть. – Я думаю не о них… Мне кажется, что и ты, и они сильно недооценивали Храм и в особенности того загадочного человека, что стоит во главе этой организации.

– Андрей, они отвергают древние учения! – эмоционально напомнила Лана.

– Тем более это настораживает. Боюсь, не все так просто, как это видится с первого взгляда.

Глаза Ланиты вдруг изменили свое выражение. Она подумала о чем-то крайне неприятном, и от Андрея не укрылась эта мгновенная смена ее настроений.

– О чем ты? – напрямую спросил он.

Лана долго молчала, а потом все же произнесла:

– Теперь ты знаешь, как вырваться из Первого Мира. – Ее голос не дрогнул и глаза оставались сухими, но Андрей догадывался, что за чувства посетители в эти мгновения ее душу и разум.

Иногда она бывала непоколебима, как настоящий воин, а порой вела себя так же непоследовательно, как обычная любящая женщина…

Он не стал упрекать ее за этот порыв, хотя сердце и вздрогнуло от несправедливой обиды.

– Лана, я не собираюсь бежать отсюда, – сказал он.

Она промолчала в ответ, но подбородок Ланиты все же предательски дрогнул – испытав близость, они никогда не обсуждали своих взаимоотношений вслух… Возможно, ей вдруг стало не по себе от ясно сформулированных, но требовавших доказательств умозаключений Андрея…

…Глухое лесное озеро… Узкая полоска влажного прибрежного песка, на котором едва просматривались линии начерченных от руки схем, способных перевернуть многие представления о древней истории Земли и непредсказуемо, взрывообразно повлиять на дальнейшее развитие человечества…

Два человека, принадлежащих разным по своей сути пространствам, сидели рядом, не думая в эти мгновения ни об истории, которая создавалась здесь и сейчас, ни о глобальных потрясениях, что неизбежно произойдут, как только остальной цивилизации откроются врата вертикалей, а с ними и Первый Мир, откуда расходятся миллиарды дорог, ведущие к светилам, расположенным по ту сторону бесконечности…

Нет… Они думали сейчас не об этом.

– Я не собираюсь бежать отсюда, – глядя на Ланиту, повторил Андрей. – Он сжал ее ладонь и добавил: – Я люблю тебя, и путь у нас будет только общим…

Ее глаза вдруг подернулись туманной дымкой влаги, с ресниц сорвались две слезинки и побежали по щекам, чертя извилистые дорожки.

– Я тоже… Люблю тебя… – Лана не смогла вынести горького облегчения этих слов и, прижавшись к Андрею, вдруг разрыдалась. – Я хотела услышать это от тебя… – обжег его прерывистый шепот. – Прежде чем мы…

Лана не окончила фразы – слово «смерть» также не произносилось ими вслух, но оно витало в воздухе при каждом упоминании о пресловутой базе храмовников.

Андрей не мог принять такого глухого отчаяния с ее стороны.

– На свете нет неприступных крепостей, – повторил он уже однажды

сказанную фразу, – и думать ты сейчас должна не о том…

– А о чем я должна думать? – Она слегка отстранилась, и Кречетов увидел ее залитое слезами лицо. – Видишь, я еще могу плакать, – пряча глаза, добавила она.

Он вытер ее слезы.

– Выкинь из головы весь страх и всю ненависть, что воспитал в тебе Храм, – серьезно произнес Андрей. – Ты уже не изгой, прячущийся по лесам, а они, как выясняется, не боги.

– Я это знаю, – ответила Ланита. – Я знаю, что пойду туда, потому что должна либо вызволить Учителей, либо убедиться в их гибели. Но ты?..

– Можно я останусь просто мужчиной? – Он смотрел в ее глаза, не желая высказывать вслух тех мыслей, что копились в душе лейтенанта, пусть опоздавшего из отпуска на неопределенный, неизвестный ему самому срок, но оставшегося в строю, несмотря на непреодолимую силу обстоятельств.

Только сейчас он осознанно подумал о том, что долг офицера, давшего присягу не отдельной личности или планете, а всей Конфедерации солнц, обязывает его немедленно любой ценой вырваться отсюда, лишь бы донести бесценную информацию о мире, который действительно стал узловой станцией гиперсферы, как это замышляли логриане три миллиона лет назад…

Эта мысль тенью скользнула по его лицу, на миг омрачив его…

Нет. Он не мог так поступить. Сущности, уничтоженные на Элио, явно не были творением наставников Ланы, а значит, как он справедливо предположил, Храм владеет гораздо большими знаниями, чем могло показаться со стороны… К тому же Андрей не питал особых иллюзий относительно своего возвращения. В обитаемой Галактике прошли годы, там могли свершиться какие-то знаковые события, и, возможно, среди высшего командного состава флота не найдется такого человека, кто станет внимательно слушать дезертировавшего лейтенанта, рассказывающего о неразгаданном противнике, который может дотянуться из глубин гиперсферы до любого из миров.

Андрей не стал делиться этим с Ланой. Она жила, мыслила своими мерками, далекими от тревог и внутренних сомнений лейтенанта военно-космических сил Конфедерации солнц. Достаточно было того, что они любили друг друга, их цели совпадали, а значит…

Андрей посмотрел на Ланиту.

Слезы в ее глазах высохли, и только покрасневшие веки говорили о том, что несколько минут назад она плакала. Лицо Ланиты больше не

осеняла тень неуверенности, – она смотрела на Андрея, остро осознавая в этот момент, что он остается единственным человеком, встретившимся на ее жизненном пути, кому она могла просто поверить, без оговорок и сомнений…

Не говоря ни слова, они мыслили в унисон.

– Я хочу, чтобы ты научила меня выходам в бесконечность… – наконец произнес Андрей, проведя ладонью по ее щеке. – Всему, что умеешь сама, – добавил он.

– Это потребует времени.

– У нас неблизкий путь, – спокойно ответил он. – А ударить мы сможем только раз, второй попытки уже не будет.

Лана долго смотрела на него, потом кивнула и обернулась, пытаясь отыскать взглядом Ромеля, который еще в середине их разговора удалился в заросли, наверное, промышляя своим обычным занятием – охотой.

Вокруг стояла глухая тишь, лишь едва слышно шелестела юная листва деревьев да над землей, прорываясь тонкими завитками испарений, плыл необычайно теплый для этого времени года воздух…

Не заметив никаких признаков движения, Ланита посмотрела на Андрея.

– Тепло как… – Она вдруг слабо улыбнулась, и ее лицо разительно изменилось, заблестели вечно серьезные глаза, да и ямочки на щеках Андрей, к своему изумлению, видел впервые.

– Давай останемся тут до вечера… – предложила она, расстегивая ворот одежды. – Можем мы с тобой еще полдня побыть просто людьми?

Андрей молча кивнул.

Говорить не хотелось, как в тот давний, ненастный вечер, когда они сидели у жарко пылающего камина…

Глава 12

Первый Мир.
В семистах километрах от предгорий, начало лета…

Это было обычное раннее утро. Небольшой поселок проснулся с первыми лучами восходящего светила, когда небо еще хранило фиолетовые краски ночи. В окнах домов не зажигался свет, но признаки пробудившейся жизни ощущались во всем. Вот скрипнула дверь хлева, и тут же хрипло залаяла собака, где-то прокричал припозднившийся петух, а спустя несколько минут полусонный пастух уже шел по улице, сгоняя в стадо коров, которых выводили к нему женщины.

Мирный пасторальный пейзаж, который вполне мог принадлежать обычной сельской местности Земли века девятнадцатого, постепенно наполнялся звуками и красками разгорающегося утра, но двух человек, затаившихся в кустарнике за обочиной дороги, не волновала сельская жизнь.

Они ждали появления иных обитателей Первого Мира, и, как выяснилось, – не напрасно.

Расплывчатый диск голубого светила уже поднялся высоко над горизонтом, когда небеса огласил далекий басовитый стрекот и почти сразу, вторя ему, послышался приближающийся к поселку шум мотора.

Минут через десять на дороге появилась темная точка, за которой тянулся шлейф медленно оседающей пыли.

Андрей поднял ствол «АРГ-8», поверх которого был закреплен оптический прицел.

Машина, что приближалась к поселку, ранее относилась к классу легких БПМ, но сейчас о ее боевом прошлом можно было лишь догадываться – из восьми ведущих осей осталось только три, огромные литые колеса со стертым рисунком протектора износились до такой степени, что шестиколесное транспортное средство с округлой дырой вместо башни едва не цепляло днищем о поверхность грунтовой дороги.

Плавное движение ствола переместило фокус оптики на лобовой скат брони. Две узкие щели смотровых триплексов окружали пустые глазницы демонтированных приборов, от носовых орудий остались лишь смятые в гофру гнезда.

Тяжелого вооружения нет… – мысленно отметил Кречетов. – *Уже*

хорошо.

Спустя некоторое время доведенная до безобразного состояния машина проехала мимо, вызывающе урча скверно отрегулированным водородным двигателем.

Пыль долго оседала за ней. Андрей засек время, продолжая следить за оседающим шлейфом, пока Ланита, спустившись с дерева, беззвучно не подкралась сзади.

– Что выходит? – тихо спросила она, ложась рядом с ним на сырой ковер прелой прошлогодней листвы.

– Шесть секунд, – ответил Андрей. – Если вдруг не поднимется ветер, то пыль дает по три секунды на выстрел.

– Может, все-таки остановить их? – предложила Лана. – Ромель мог бы встать на дороге.

– Нет, – отрицательно качнул головой Андрей. – Машина в безобразном состоянии, согласен, но это не значит, что у них нет сигнального устройства связи. Одно нажатие кнопки, и все полетит псу под хвост.

– Ты думаешь, что сбором провизии занимаются воины? – презрительно фыркнула Лана. – Отбросы, из тех, кто не прошел и первой ступени подготовки.

– И тем не менее рисковать не будем. Ты хорошо рассмотрела кабину?

– Да. Там два человека, сиденья расположены вплотную к панели управления, сектор поражения, как ты и предполагал, открывается только сзади.

– Тогда тем более не станем рисковать. Будем бить с твоей позиции.

– Вдвоем?

– Да. Тогда получается не три, а шесть секунд на выстрел. Вполне достаточно, на мой взгляд. Ромель… – Он обернулся. – Ты действуешь только в крайнем случае, если я или Лана промахнемся. Постарайся не оплавить приборную панель.

– Понял… – раздался едва слышный ответ сущности.

– Все, мы поднимаемся.

– Я буду у дороги, в кустах. – Бледное пятно призрачного света мелькнуло и исчезло, просочившись сквозь пыльную листву.

* * *

На высоте десяти метров, где две ветви старой сосны образовывали

подобие узкой площадки, остро пахло хвоей. Андрей и Лана облюбовали это место пять дней назад. Отсюда как на ладони была видна окраина села, да и грунтовая дорога просматривалась в обе стороны на несколько километров.

Старые, покрытые сизым налетом мха, разлапистые ветви сосны надежно маскировали укрытие, и обнаружить позицию могла разве что собака по запаху человеческого следа, но избирая точку наблюдения, Андрей предусмотрел все, вплоть до направления ветра, который, как правило, дул со стороны поселка.

До ближайшей околицы было не менее полутора километров, дорога, по которой ездили храмовники, на этом участке круто изгибалась, петляя между полем и заболоченной, заросшей кустарником низиной, дальше проселок карабкался на холм и через два километра выходил на асфальтированное шоссе, которое по прямой вело к основной базе вторгшихся в Первый Мир пришельцев.

– Едут, – раздался тихий голос Ланиты. Андрей пальцами раздвинул прядки хвои. На краю поселка действительно показалась машина, за которой тянулся неизбежный в сухую и жаркую погоду столб медленно оседающей пыли.

– Не напрягайся. Еще пять минут.

Старая БПМ с округлой дырой вместо башни удручающе медленно ползла среди знойного марева и поднятой пыли. Казалось, время застыло, а сама машина похожа на муху, неудачно попавшую в сироп…

Когда до поворота оставалось меньше ста метров, Андрей тронул Лану за плечо, знаком напомнив ей: «Твой – тот, что справа».

Она кивнула, поднимая ствол «АРГ-8», обмотанный серой тряпкой.

Кречетов повторил ее движение.

БПМ, десантный отсек которой был загружен мешками с провизией, проползла мимо скрытой позиции, окутывая расположенный ниже кустарник плотными клубами пыли, и, взревев двигателем, сбавила ход, вписываясь в поворот дороги.

Андрей прильнул к оптическому прицелу.

В поле зрения мелькнул выщербленный борт, зубчатая полоса поворотного круга, оставшаяся от привода башни, и наконец в тонкой паутине прицельных линий показались плечи и голова водителя, до этого скрывавшиеся за скатом лобовой брони.

Палец Кречетова медленно потянул курок, выбирая люфт спускового механизма, пока не почувствовал упругое сопротивление, и мгновение спустя автомат, поставленный в режим одиночного огня, глухо вздрогнул.

Отчетливо лязгнул возвратный механизм, горячая гильза, ударившись о ствол, беззвучно канула вниз, и тут же раздался второй приглушенный хлопок – это выстрелила Ланита.

– Вниз!.. – Андрей уже скользил по шероховатому стволу, закинув за спину автомат.

Упруго приземлившись на обе ноги, он тут же отскочил в сторону, освобождая место для Ланы, и, пригибаясь, бегом кинулся вперед, ориентируясь на отчетливый звук работающего двигателя.

БПМ стояла сразу за поворотом дороги, съехав одним колесом в неглубокую канаву.

Не останавливаясь, Кречетов запрыгнул на теплую броню и припал на колено, готовясь разрядить автомат внутрь машины, но вторично стрелять не потребовалось – оба храмовника были мертвы.

Ни слова не говоря, Андрей ухватил огрузневшее тело водителя и выволок его из кабины через округлую дыру, оставшуюся на месте демонтированной орудийной башни.

Ланита уже вскарабкалась по скату лобовой брони и, закинув за спину автомат, молча возилась со вторым храмовником, который оказался намного тяжелее ее самой.

С трудом приподняв безвольное тело, она перевалила его за зубчатый край поворотного механизма, позволив с глухим неприятным звуком скатиться на дорогу. Выпрыгнув следом, Лана ухватила его за отвороты одежды и вслед за Андреем поволокла в кусты. Он уже справился со своей ношей и вернулся, чтобы помочь ей.

– Где? – задыхаясь, спросила Лана. Кречетов молча указал на пузырящееся темное зеркало стоячей воды, и они вдвоем приподняли мертвое тело. Трясина с глухим плеском приняла его и тут же жадно забурлила, медленно засасывая храмовника.

– Все… назад, к машине.

* * *

Ромель уже замел следы на дороге, и, когда они вернулись к БПМ, он заканчивал вытирать промасленной тряпкой кровь, которая забрызгала нехитрую приборную панель.

– След колеса, – коротко напомнил ему Андрей, занимая место водителя.

Система управления боевой планетарной машины не составила для

него особой загадки – вся электроника была попросту выброшена, а на своих местах оставались лишь аварийные рычаги да пара педалей, предназначенные на тот случай, если в бою вдруг отказывал бортовой компьютер.

– Обзора никакого, – с досадой произнесла Лана. Отдышавшись, она уже успела осмотреться, отметив узость смотрового триплекса.

– Не высовывайся, – предупредил ее Андрей, потянув рычаг управления. Бронемашина нехотя подалась назад, возвращаясь на грунтовку.

Ромель тут же соскользнул с борта, стирая след, оставленный передним колесом. Через минуту он вернулся, молча заняв заранее оговоренную позицию среди наваленных как попало пыльных мешков.

Андрей к этому моменту окончательно разобрался в управлении и тронул БПМ с места. Старая бронемашина дернулась, взревев двигателем, потом несколько раз чихнула, грозя вот-вот заглохнуть, но потом все же сдалась и медленно покатила по дороге, взбираясь на отлогий скат холма.

– Время? – коротко осведомился Андрей.

– Пять минут, – ответила Лана, взглянув на наручные часы, а затем поднимая взор к безоблачным небесам.

У горизонта появилась точка – это патрульный вертолет храмовников завершал очередной круг.

Андрей, занятый управлением, не слышал приближающегося стрекота, все звуки заглушал шум, доносившийся из моторного отсека БПМ, чей водородный двигатель уже давно выработал свой ресурс и теперь медленно, но верно разрушался, чудом сохраняя работоспособность.

Тень вертолета пронеслась над ними, когда БПМ уже вскарабкалась на холм, но сверху все выглядело гладко: пятиминутная заминка у поворота никак не повлияла на обычный график движения, – учитывая техническое состояние бронемашины, она могла к этому моменту находиться на полпути отсюда, и это тоже не вызвало бы подозрений. Андрей сомневался, что пилот вертолета вообще обратил внимание на ползущую по гребню возвышенности бронированную коробочку, – они находились в самом сердце оккупированной храмовниками зоны, всего в двух десятках километров от пресловутой базы, где те уже много десятилетий чувствовали себя полновластными хозяевами положения, и все расчеты Кречетова строились именно на этом факторе.

Он знал, как разлагающе действует подобная иллюзия неуязвимости на самые боеспособные подразделения, и потому решил сделать ставку на внезапность…

…С гребня отлогой возвышенности открывался вид на тесную цепь из четырех холмов, ложбины между которыми были засыпаны таким образом, что наверху образовалась обширная площадка, объединившая их в единое целое. Естественное природное укрепление было дополнено высокими стенами, скрывавшими за собой внутреннюю инфраструктуру центрального Храма, и единственное, что можно было хорошо различить с дороги, так это сплошные заграждения из мономолекулярной проволоки и долговременные огневые точки, соединенные змейками траншей, которые покрывали склоны четырех возвышенностей.

Опорная база храмовников действительно казалась неприступной, Андрей не сомневался, что ниже пояса заграждений подступы к холмам заминированы, и для штурма подобных укреплений даже по современным меркам потребовался бы штатный состав целой орбитальной группировки с непременной космической бомбардировкой и огневой поддержкой наземных серв-машин.

Прежде чем начать действовать, они с Ланой и Ромелем больше двух недель наблюдали за укреплениями, составляя подробный хронометраж всех караульных смен и выездов машин за пределы базы, пока не пришли к согласованному мнению, что самым слабым звеном в системе являются несколько старых машин, которые периодически объезжали окрестные села, собирая продовольствие.

Только захватив одну из них, они получали шанс спокойно миновать все внешние рубежи обороны и беспрепятственно добраться до главных ворот базы.

Что располагалось внутри периметра стен, по ту сторону объединенных насыпью холмов, не знала даже Ланита, – внутри база делилась на изолированные сектора и была эшелонирована в глубь возвышенностей. Боевая школа, в которой обучались мальчики и девочки, отобранные в подконтрольных Храму поселениях Первого Мира, дислоцировалась неподалеку от главных ворот в первом наземном секторе, там же, по соседству, находились все подсобные службы. За долгие годы обучения Лана бывала только в упомянутых зонах, ни разу не спускаясь ниже первого подземного уровня и никогда не покидая двух соседствующих секторов, обнесенных высоким забором с охранными вышками, расположенными по углам периметра.

Что скрывали в себе недра возвышенностей, также оставалось загадкой, но тюремный блок, следуя логике, должен был размещаться именно там.

Впрочем, Андрей не ломал себе голову над тем как попасть в зону

содержания заключенных, – он с Ланой разработали предельно четкий план действий, и теперь им предстояло самое трудное – безошибочно реализовать его.

* * *

До ворот базы оставалось не более двухсот метров, когда Лана не выдержала долгого напряженной молчания.

– Андрей… – тихо произнесла она. – Ты уверен…

– Нет, – односложно ответил он, не повернув головы: все его внимание было сосредоточено на управлении машиной и приближающихся воротах. – Но поворачивать поздно, – спустя несколько секунд добавил он, заметив, как дрогнули створы, приоткрывшись на полметра, чтобы пропустить двух вооруженных храмовников, лениво вышедших навстречу приближающейся машине. Судя по тому, как они остановились в десятке метров от приоткрытых ворот, для них проверка возвращающейся с продуктами машины уже давно стала рутиной. Скорее всего, ее не досматривали вообще, а видимое соблюдение процедуры предназначалось для возглавлявшего караул офицера.

Сонный умиротворенный покой. Андрей безошибочно разгадал это состояние гарнизона, наблюдая, как происходит смена постов, движутся караулы, въезжают и выезжают машины. Да, за сотни километров отсюда, где воины Храма еще испытывали на себе все превратности статуса захватчиков, они, соответственно, являлись грозной, дисциплинированной, сплоченной силой; туда, в гарнизоны периферии, отправлялись наиболее боеспособные подразделения, а здесь, в зоне давнего безраздельного владычества, дисциплина и бдительность неизбежно падали.

…Андрей остановил БПМ, не доезжая до ворот, с таким расчетом, чтобы две караульные вышки, расположенные по бокам огромных створов, оставались в зоне прямого огня.

Двигатель машины внезапно взревел и заглох.

– Эй, Джонни, – один из вышедших навстречу храмовников сделал шаг вперед. – Ты что это придумал? Ну-ка, заводи свой хлам, сейчас будет проезжать механизированная группа…

Этого еще не хватало… – метнулась в голове Андрея мысль, и он, взглянув на Лану, тихо сказал:

– Работаем.

* * *

Это был черный день для караула, заступившего ранним утром на охрану главных ворот. Четыре часа назад они выпустили за пределы базы старую, дышащую на ладан бронемашину и никак не ожидали, что ее возвращение будет иметь смертельные последствия для большинства из них.

Такое вообще не могло пригрезиться сегодняшнему поколению обитателей построенной более века назад укрепленной базы.

– Я же сказал тебе – заводи мотор! – гневно прорычал храмовник, когда на его первую реплику не последовало ни ответа, ни какого-либо действия. Он шагнул вперед одновременно с тем, как на смотровой площадке появился дежурный офицер.

Он вытянул шею, пытаясь понять, что происходит, но лобовой скат бронемашины полностью скрывал сидящих внутри, и было непонятно, отчего те не реагируют на окрики и команды.

В следующий момент случилось совершенно невероятное – вместо водителя и экспедитора изнутри БПМ внезапно поднялись двое незнакомцев в боевой экипировке Храма и, ни секунды не промедлив, тут же открыли огонь: не давая ни опомниться, ни вскрикнуть, они били одиночными выстрелами из «АРГ-8», на стволы которых были навинчены самодельные глушители, – в знойной полуденной тишине звуки выстрелов казались невнятными, идущими издалека ватными хлопками, но последствия огня были чудовищны. Первыми на землю повалились двое вышедших за ворота караульных, а онемевший от неожиданности офицер даже не смог двинуться с места – расширенными от ужаса глазами он смотрел на незнакомца, который резко повел стволом автомата, снова раздался хлопок, и мимо мелькнуло тело, падающее с вышки, еще один поворот ствола, и запоздалая мысль погасла в простреленной навылет голове офицера, лишь образ хладнокровного стрелка еще долю секунды таял на сетчатке глаз, пока мертвое тело мешком оседало на деревянный помост смотровой площадки…

– …Ромель, не высовывайся вперед! – Андрей спрыгнул со ската брони, фиксируя взглядом обстановку, но Лана отработала безупречно – с ее стороны все было чисто, пулеметчик на правой вышке лежал без движения, еще один храмовник корчился в пыли под опорами проволочного заграждения, третий сидел, запрокинув простреленную голову, так и не успев встать из-за стола в застекленной наблюдательной

будке.

Хотя бы одного оставить в живых… – проскальзывая в щель приоткрытых ворот, напомнил себе Андрей, досадуя, что офицер так не вовремя высунулся на смотровую площадку. Все, кто видел Лану или Ромеля, были заранее приговорены к смерти, иначе их план тут же утрачивал смысл.

За воротами не оказалось больше никого, в глубь базы тянулась асфальтированная дорога, с обеих сторон ограниченная высокими проволочными заграждениями, вдали, метрах в трехстах, маячили еще две вышки, но Андрей по опыту знал: раз с них не открыли немедленный огонь, значит, они с Ланой действительно отработали чисто и внутренние посты не оповещены о внезапном вторжении.

Он полагал, что в их распоряжении осталось минуты две, не больше, потом соседние посты периметра неизбежно обратят внимание на брошенную у ворот машину и кто-нибудь задаст себе логичный вопрос: почему она так и не заехала на территорию базы?..

…Он нашел взглядом вход в расположенное под застекленной будкой одноэтажное здание и жестом приказал Ланите, чтобы она с Ромелем искала обходной путь, а сам рывком преодолел открытое пространство и прижался к стене караульного помещения.

Тишина…

Он резко распахнул дверь, врываясь внутрь.

Свободная смена, состоящая из пяти человек, спала. *Отлично.* Андрей резко переместился в глубь помещения, и их оружие, составленное в пирамиду, оказалось у него за спиной.

Он быстро собрал боекомплекты, закинул за спину свой автомат, взял другой, тихо, без щелчка присоединил магазин и вдруг резко, с отчетливым звуком передернул затворную раму, вгоняя патрон в ствол.

От внезапного звука один из спящих пошевелился, потом поднял голову и, увидев незнакомца, попытался вскочить, но Кречетов тут же направил на него ствол автомата, недвусмысленно давая понять: «Еще движение, и ты труп».

Храмовник осел, осоловело глядя на него мутными не то со сна, не то от внезапного приступа страха глазами.

– Буди остальных, – негромко, но внятно приказал Андрей.

Теперь он увидел в глазах проснувшегося настоящий ужас.

– Ну?

Тот немо затряс головой, неотрывно глядя на Кречетова, а его руки вслепую тормошили спящих на соседних койках.

– Всем встать, – приказал Андрей. – Спиной к стене, руки за голову, смотреть на меня…

Пять человек устраивали его намного больше, чем один.

Никто из них даже не попытался дернуться, хотя в глазах варьировались разные чувства – от полнейшей прострации до откровенной ненависти.

Шли драгоценные секунды, но Андрей в этом случае выказал терпение, дождавшись, пока его приказ будет исполнен буквально, – только когда все пятеро встали у стены, он выразительно повел стволом автомата и произнес:

– Полгода назад на базу был доставлен необычный летательный аппарат. Где он?

Ответом послужила гробовая тишина, и Кречетов нажал на спуск.

Грохот выстрелов разорвал вязкую тишь, в замкнутом помещении взметнулось облако выбитой пулями штукатурки стен, со звоном покатились по полу гильзы, кисловатая вонь сизыми завитками медленно поплыла над разворошенными койками. Двое из пятерых храмовников внезапно осели на пол, но Андрей знал, что они лишь контужены выпущенной поверх голов очередью.

– Я спрашиваю, ГДЕ МОЙ КОРАБЛЬ?! – заорал он, вновь сжимая гашетку «АРГ-8».

Еще двое храмовников без сознания рухнули на пол, у одного из уха потекла кровь…

Последний оставшийся на ногах воин стоял у выщербленной стены бледный как полотно, его руки мелко тряслись, по лицу, рассеченному осколком кирпича, каплями сочилась кровь.

– Я перестреляю вас всех! – Андрей не ждал никакого вразумительного ответа, он лишь *передавал информацию.* – Где мой корабль?!! – В тесном помещении вновь ударила короткая очередь, и последний, самый стойкий из пятерых караульных все же не выдержал, когда пуля обожгла висок, содрав лоскут кожи, прежде чем впиться в стену.

Взглянув на пять бессознательных тел, Кречетов вышел на улицу из задымленного помещения.

Лана и Ромель прятались за углом здания.

– Нашла? – спросил он.

– Да.

– Веди, время поджимает.

Ланита молча скользнула вперед, показывая путь. Они прошли вдоль стены караульного помещения и оказались в нешироком пространстве, с

одной стороны ограниченном глухой стеной, с другой – кольцевой дорогой, обочину которой с противоположной стороны огораживал высокий сетчатый забор.

Сразу за стеной караульного помещения в траве виднелся квадратный канализационный люк с частыми прорезями для стока талых и дождевых вод.

Андрей с усилием поднял его и держал на весу, чтобы не приминать траву, пока Лана и Ромель не спустились в дурно пахнущий колодец.

– Придержи, – попросил он Лану, опустив люк на ребро, так что по бокам остались широкие щели. Она кивнула, молча прижалась к осклизлой стене и взялась за торец металлической решетки, давая Андрею возможность спуститься вниз, потом они вместе водворили люк на место.

С поверхности до их слуха долетел звук моторов приближающихся к воротам машин. Очевидно, это подошла та моторизованная группа, о которой упоминал мертвый храмовник.

– Убираемся отсюда!

Лана вновь кивнула, жестом указывая направление.

* * *

У главных ворот базы в эту минуту происходило буквально следующее.

Две грузовые машины в сопровождении планетарного танка подъехали к пропускному пункту и остановились.

Из башенного люка БПМ по пояс высунулся офицер. Ему хватило одного беглого взгляда на валяющиеся в неестественных позах мертвые тела караульных, чтобы оценить обстановку: он выкрикнул команду и тут же нырнул назад, под защиту брони. БПМ попятилась, с визгом повернув башню, чтобы ворота базы оставались под прицелом спаренных орудий, в то время как закрепленные в лобовом скате брони крупнокалиберные пулеметы нацелились на вход в единственное расположенное подле ворот здание.

С затормозивших позади грузовиков спрыгивали храмовники и тут же занимали позиции. Четверо из них стремительно вскарабкались на вышки, двое припали на колено, держа под прицелом автоматов приоткрытый створ ворот, еще одна группа метнулась к входу в караульное помещение, остальные залегли, заняв круговую оборону возле машин.

Их слаженные, стремительные действия совершенно не походили на

сонливую расслабленность уничтоженного охранения, и, задержись Андрей хоть на минуту, ему было бы уже не выбраться живым из одноэтажного здания, откуда в этот момент выводили полуодетых, совершенно дезориентированных бойцов отдыхавшей смены…

Когда закончился беглый осмотр прилегающей местности и поступили первые доклады, вновь глухо лязгнул люк БПМ, и офицер, возглавлявший колонну, спрыгнул на теплый скат брони. Двое его подчиненных уже закрывали ворота базы, убедившись, что за ними в заглохшей машине никого нет.

Мельком взглянув на оставшихся в живых караульных, он поднялся в застекленную будку. За столом у аппарата внутренней связи сидел незнакомый ему капитан из подразделения внутренней службы. Его голова была прострелена навылет, в стекле будки зияло окруженное сеточкой трещин отверстие, противоположное панорамное окно густо покрывали серые, осклизлые на вид комочки, на полу под стулом растеклась липкая лужа крови.

С трудом оторвав взгляд от трупа, офицер снял трубку коммуникатора, предварительно убедившись, что оптиковолоконный кабель не пострадал от выстрела.

Связь работала исправно.

– Дежурного по базе, – коротко обронил офицер.

– Да? – спустя несколько секунд раздался ответ.

– Сэр, докладывает командир третьей мехгруппы лейтенант Стрейч.

– Что случилось, лейтенант? – В голосе дежурного не ощущалось никакого беспокойства.

– Вторжение, сэр. Караул главных ворот уничтожен. В живых осталось несколько человек из отдыхавшей смены.

На том конце связи возникла пауза, потом изменившийся до неузнаваемости голос дежурного по базе хрипло спросил:

– Ты в своем уме, лейтенант?! Живо передай трубку капитану Шадрину!..

Стрейч покосился на труп, который сидел на стуле, запрокинув простреленную навылет голову, и ответил:

– Боюсь, он не сможет говорить с вами, сэр.

– Почему?!

– Он мертв. – Лейтенант выждал несколько секунд и добавил: – Мои люди восстановили целостность периметра. Я жду дальнейших указаний, господин майор.

* * *

По всей территории огромной базы гулко, надрывно выли сигналы тревоги. Везде, куда ни глянь, теперь вместо сонного покоя наблюдалось нервозное, но управляемое движение. Группами и поодиночке пробегали вооруженные люди, из укрытий выдвигалась техника – в основном это были БПМ двух модификаций. Тяжелые планетарные танки, лязгая гусеницами, занимали места в оборудованных специально для них капонирах, а легкие бронемашины, передвигавшиеся на шестнадцати литых колесах, патрулировали внутренние дороги. Подземные уровни спешно перекрывались опускающимися из-под сводов мощными переборками, а во всех тоннелях, проложенных в недрах холмов, уже дежурили усиленные наряды храмовников… Однако прошло полчаса, затем час, а все предпринятые меры не дали ровно никакого результата, словно караул у главных ворот был расстрелян призраками, которые исчезли, не оставив иных зримых следов, кроме брошенной машины, мертвых тел и остывших гильз…

…В глуби подземных бункеров тучный майор докладывал, стоя навытяжку перед устройством связи, которое хоть и имело небольшой дисплей, но передавало лишь звуковой ряд:

– Сэр, мы прочесали всю поверхность и два подземных уровня. Никаких следов посторонних не обнаружено.

– Что говорят выжившие, майор? – раздался в ответ приглушенный голос.

– Они утверждают, что караул был атакован одним человеком. По описанию, высокий, худощавый, с короткой стрижкой, экипирован как воин Храма, но говорит с акцентом. Поведение крайне неуравновешенное, по словам пятерых солдат, он настоящий псих…

– В чем это выражается? – с нотками глухого раздражения спросил незримый властный голос, невольно заставлявший майора вытягиваться в струнку перед обшарпанным интеркомом.

– Он пытался допрашивать их о каком-то корабле, якобы доставленном на базу полгода назад, а когда не получил немедленного вразумительного ответа, открыл огонь по безоружным людям.

– Но он не убил их? – уточнил голос.

– Нет, сэр. Думаю, он был разъярен и потому не попал. Все бойцы, которых он допрашивал, имеют контузии и легкие ранения от рикошета пуль. Они говорят, что он орал про космический корабль и требовал выдать

его местоположение. Я полагаю…

– Мне все ясно, майор, – оборвал его незримый абонент. – Я знаю, кто он. Приказываю продолжать активное прочесывание, усилить наряды в районе вертолетных площадок… но ни при каких обстоятельствах не вести огонь на поражение. Доведите до сведения каждого воина на территории базы: он нужен мне только живым.

– Но, сэр…

– Никаких «но», майор. Ищите. Он где-то затаился, но мне безразлично, сколько времени он станет отсиживаться, чтобы вновь притупить вашу бдительность, – учтите лишь одно: этот человек будет прорываться в район вертолетных площадок, и ваша обязанность взять его живым, иначе я прикажу расстрелять всех, кто несет ответственность за прорыв периметра, включая офицеров. Все понятно?

– Да, сэр…

– Докладывать каждые тридцать минут. Я жду результата.

* * *

Суета, царящая на всех уровнях центрального Храма, едва ли ощущалась в запутанной системе канализации. Тут существовали свои реалии: под ногами журчала вода, стоял стойкий смрад нечистот, вязкая тьма заполняла тесное пространство проложенных под землей труб.

Тут можно было легко сорваться в вертикальный колодец или просто зайти в тупик запутанных коммуникаций, схемы которых знали лишь единицы из многочисленного технического персонала базы.

Если бы не свет, который источала сущность Ромеля, Лана и Андрей едва ли смогли бы пройти по этому лабиринту, тем более что магистральные трубы, диаметр которых позволял передвигаться не только крысам, но и человеку, через равные промежутки пересекали решетки. Ромель беззвучно плавил их своей энергией, а Андрей разгибал обрубленные с одного торца прутья, чтобы освободить проход.

Больше часа они двигались по хитросплетению зловонных труб, пока Ланита не остановилась на очередном перекрестке, в центре которого зиял вертикальный колодец. Вода с шумом рушилась в него, но само скрещение труб оказалось достаточно просторным, свод перекрестка терялся во мраке, а тусклое голубоватое сияние, исходящее от Ромеля, высвечивало из темноты два широких выступа, на которых были установлены проржавевшие насосы.

– Пришли! – прокричала Ланита на ухо Андрею. Шум падающей воды почти заглушал слова. – Я уже думала, что потеряла чувство направления… – добавила она, оглядываясь по сторонам.

Он кивнул, жестом указывая на участок свободного и относительно сухого пространства за одним из агрегатов.

Здесь уже можно было разговаривать, не крича друг другу на ухо, – внушительный, побитый ржавчиной кожух неработающего насоса отбивал не только брызги, но и звук.

– Это точно то место? – спросил Андрей.

– Да, – ответила Лана. – Именно то… – Она не стала развивать тему, чтобы не давать волю памяти, которая хранила много отвратительных эпизодов ее «обучения» в боевой школе Храма.

– Ромель, отвечаешь за Лану. – Андрей посмотрел на сущность воина, который по их плану должен был остаться тут, охранять тело Ланиты…

Призрак кивнул. Для него такое напоминание являлось излишним. Андрей обернулся.

– Ну что… Я пошел…

Их прощание было недолгим – оба испытывали одинаковое гложущее чувство неизвестности, и это делало слова бессмысленными, невыносимыми. В любом, даже самом тщательно проработанном плане все равно таилась угроза внезапных непредвиденных обстоятельств, и Лана с Андреем не могли знать наверняка, суждено ли им встретиться вновь.

Они обнялись.

– Береги себя…

– Ты тоже… – Он неловко прижал ее к груди – трудно было проявлять чувства, стоя на маленьком сухом пятачке, в окружении низвергающихся нечистот. – Все… – Он твердо взглянул в ее глаза. – Мне пора…

– Свет… – дрогнувшим голосом напомнила Лана. Андрей достал форсфайт, и вскоре бледное сияние озарило осклизлые стены.

– Ты знаешь, где искать меня. – Он ободряюще коснулся щеки Ланиты. – Но прежде ты должна переговорить с ними.

– Да, я все помню.

Тянуть дальше было невыносимо, ее пальцы медленно выскользнули из ладони Андрея, и он, не оглядываясь, шагнул в мрачный канализационный тоннель.

Ланита долго смотрела ему вслед, пока бледное пятно света не растворилось во мраке, а потом, когда последний отблеск форсфайта окончательно исчез, она села на гулкий, покрытый ржавчиной пол. Нужно было сосредоточиться, но поза оказалась неудобной, и тогда она просто

легла на спину, оставив под правой рукой снятый с предохранителя автомат.

Некоторое время Ланита смотрела в сгущающийся под сводом мрак, потом закрыла глаза, и затхлая реальность стала постепенно отдаляться от ее сознания.

Разум Ланиты медленно концентрировал волю, устраняя из сознания неуверенность, страх за любимого, стирая словно губка внезапно очнувшиеся, но совершенно ненужные сейчас воспоминания юности, и наконец все проявления внешнего и внутреннего мира окончательно истончились, исчезли, оставив ее бесстрастное, сконцентрировавшееся «я» один на один с БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ…

Только Ромель мог наблюдать, как от неподвижного тела Ланиты вдруг отделилась голубоватая, напряженно мерцающая сущность. Несколько секунд новоявленный призрак статично висел в затхлом воздухе, а затем, приняв форму овального сгустка энергии, соприкоснулся со стеной и исчез, просачиваясь сквозь кристаллическую решетку металла и камня.

На покрытом коростой ржавчины полу осталось ее тело – пустая физическая оболочка, лишенная разума и души, – оно дышало глубоко и ровно, словно хорошо отлаженный автомат.

Ромель беззвучно опустился рядом и приготовился ждать, зная, что исчезнувшая сущность обязательно вернется сюда.

Иначе просто не могло быть. Он знал, какой силой обладает Лаонита, ну а что до храмовников… Пусть только сунутся, тогда поймут, что он уже давно не сгорбленный карлик, прячущийся от обжигающих лучей светила по заброшенным подземельям…

Мысли Ромеля были просты, бесхитростны, а вера – непоколебима.

* * *

Андрей, возвращаясь знакомым путем, сохранял внешнее хладнокровие – по крайней мере, окаменевшие черты его лица, освещенного бледным светом форсфайта, не выдавали истинных чувств, которые переживал Кречетов.

Они разыгрывали смертельную шахматную партию, ставкой в которой являлись не только их жизни и главным оружием был отнюдь не автомат, а разум.

Система, выстроенная Храмом, не являлась эталоном совершенства, скорее она была данью безысходности, следствием психологии вынужденных невозвращенцев Первой галактической войны, но при всех

ее недостатках два человека не могли существенно повлиять на ход истории Первого Мира, действуя слепой силой оружия.

Любая акция осуществима лишь в том случае, когда она тщательно продумана, а ее исполнители ясно представляют себе конечную цель. – Андрей ни на миг не забывал этой аксиомы.

Вступать в открытую схватку с храмовниками, которых только на территории данной базы насчитывалось больше тысячи человек, было явной самоубийственной нелепостью, а если учесть, что подавляющее большинство воинов Храма являлись скверно воспитанными детьми, насильственно вырванными из круга своих семей, то их уничтожение приобретало оттенок неоправданного убийства.

Нет злых или добрых людей, есть обстоятельства, формирующие сознание тем или иным образом…

…Не доходя до вертикального колодца, через который они спустились в канализацию, Андрей свернул в боковое ответвление трубы и почти сразу увидел бледное пятно света.

Погасив форсфайт, он прошел еще несколько метров и осторожно посмотрел вверх.

Так и есть… Очередной люк, приспособленный для приема талых и дождевых вод. По стене круглой шахты тянулась цепь проржавевших скоб, и он начал медленно подниматься, стараясь не производить никакого шума.

Через минуту путь преградила тяжелая решетка.

Андрей прислушался.

Где-то рядом негромко урчал мотор, на фоне которого слышались отдаленные голоса.

Пришлось рискнуть, полагая, что поиск иного выхода из канализационной системы приведет к аналогичному результату… База храмовников сейчас должна быть похожа на разворошенный муравейник…

Он поднялся еще на одну скобу, нагнул голову, коснувшись плечом тяжелой преграды, и напрягся, приподнимая люк.

Вниз посыпалась ржавая труха от скобы, на которой он стоял, но скоба выдержала, и люк медленно подался вверх. Удерживая его плечом, Кречетов приподнял голову, выглядывая наружу.

БПМ застыла метрах в двадцати от него, демонстрируя свою корму, справа и слева возвышались одноэтажные постройки с узкими окошками под самым скатом крыш Отдаленные голоса доносились оттуда, и если это были казармы, то выходит, что воины Храма жили в условиях, близких к тюремным…

Вывернув шею, Андрей оглянулся назад и понял, что находится ровно

посередине просторного плаца, ограниченного с трех сторон П-образной постройкой. Застывшая впереди БПМ блокировала единственную дорогу, но в здании позади него был расположен вход, и это вполне устраивало Кречетова.

Сдвинув люк, он быстро выпростался наружу, резко откатился в сторону и вжался в теплый потрескавшийся асфальт, уже с автоматом в руках, но за этим движением не последовало ни окрика, ни выстрелов.

Ползком вернувшись к люку, он сдвинул решетку на место и короткой перебежкой метнулся к крыльцу, недоумевая, почему на плацу не оказалось патрулей, а на крышах зданий снайперов. Неужели он так сильно переоценил противника? Хотя отдаленный вой сирен давно стих, они все равно должны искать его, ведь прорыв периметра базы и уничтоженный караул – это не шутки, а по словам Ланы, на ее веку подобных вторжений не было вообще…

Приоткрыв дверь здания, он скользнул внутрь.

Никого. Пустой длинный коридор с редкими коробками дверей.

Гулкие шаги раздались внезапно, заставив его метнуться к ближайшему входу во внутреннее помещение.

– Стоять! – раздался сзади гортанный окрик, и тут же вдоль коридора резанула щедрая автоматная очередь.

Андрей вышиб дверь плечом, едва не попав под шальную пулю, которая расщепила косяк над его головой, и оказался в просторной комнате, всю площадь которой занимали обычные двухъярусные нары, аккуратно застеленные нехитрыми спальными принадлежностями.

Поначалу сумрак помещения обманул его, но мгновение спустя он внезапно услышал характерный, хотя и странно приглушенный звук: кто-то вручную передернул затворную раму «АРГ-8», и вдруг в тишине раздался ломкий, еще не окрепший голос:

– Дядя, не двигайся! Я… Я стрелять буду!..

Детские казармы… – осенило его. Вот почему он не встретился на плацу с бойцами Храма, – со слов Ланиты он знал, что эта маленькая зона окружена двойным забором с вышками и патрулировать ее незачем – кроме самого плаца, куда он так удачно выбрался, все вокруг контролировалось охраной периметра. Андрей успел подумать об этом, медленно, демонстративно кладя на пол свой автомат, – воевать с детьми он не собирался, и потому храмовник, ворвавшийся секунду спустя в спальное помещение, увидел совершенно неожиданную для себя картину: пришелец, которого вот уже два часа искал весь личный состав базы, стоял с высоко поднятыми руками под прицелом деревянного муляжа «АРГ-8», который

сжимал в неокрепших руках бледный как полотно восьмилетний воспитанник.

Через минуту, когда на Андрея надели наручники, он поймал взглядом испуганные, затравленные глаза пленившего его мальчонки и вдруг подумал, что судьба, наверное, хранит его, помогая выжить, не совершив при этом роковых ошибок…

Первая часть плана, самая трудная и непредсказуемая, была отработана безупречно…

Глава 13

Центральный Храм.
Скрытые помещения второго подземного уровня…

Из «детской зоны» его вывели через единственные ворота в ограждающем ее периметре и сразу же заставили спускаться по длинному наклонному тоннелю, у въезда в который стоял планетарный танк.

Видимо, конвоировавшие его храмовники получили приказ вести пленного под землей, чтобы Кречетов не мог рассмотреть планировки внешних секторов базы или коммуникаций, что располагались за ней, по ту сторону объединенных насыпью холмов.

Путь оказался долог, навстречу организованными группами двигались отряды бойцов Храма по пять-шесть человек – явный признак отбоя общей тревоги, и Андрей мысленно отметил, что прорываться по подобным тоннелям с боем явилось бы сверхзадачей…

Наконец тоннель перешел в горизонтальную плоскость, а еще метров через триста конвоиры остановились подле массивных дверей, по обе стороны которых располагались собственные посты охраны.

Тюремный блок? Или все-таки резиденция командующего силами Храма?

Последнее было бы предпочтительнее: оставляя в живых пятерых храмовников, он рассчитывал, что переданная через них информация будет истолкована строго определенным образом…

…Кречетов не успел толком оглядеться, как бронированная дверь открылась и его грубо втолкнули внутрь. Трое охранников вошли следом; двое из них остались у дверей, а третий ударом автоматного приклада заставил двигаться остановившегося пленника.

Он сделал вид, что потерял равновесие, и упал, давая себе возможность осмотреться, а заодно умерить рвение конвоя, выказав ту степень физического изнеможения, какую должен испытывать человек, два часа прятавшийся от прочесывавших базу патрулей.

Лежа на полу, он успел окинуть взглядом помещение и понял, что его привели в длинный узкий зал, больше похожий на отсек космического корабля с убранными за ненадобностью переборками. Скорее всего, когда-то данное помещение действительно являлось отрезком длинного герметичного перехода, соединявшего две части некой пространственной

конструкции, – об этом наглядно свидетельствовали овальные окна с толстыми многослойными стеклами, оправленными в специальный уплотнитель. В данный момент они были закрыты опущенными броне-жалюзи, и потому дальняя часть зала тонула в полумраке, который слегка разгоняли непонятные оранжевые блики.

– Поднимите его, – внезапно раздался из сумрака глухой, чуть надтреснутый голос, в котором, несмотря на властность, явно звучали старческие нотки. – И обращайтесь поаккуратнее с нашим гостем.

Кречетова рывком поставили на ноги и опять толкнули, но теперь уже не автоматным прикладом меж лопаток, а рукой в плечо.

Он не стал сопротивляться и уже через двадцать шагов смог разглядеть дальнюю часть сумеречного помещения. Глухая переборка была тщательно задрапирована тканью, скрывая за собой фактуру стены, из пола выступала покатая полусфера объемного монитора, рядом стояло несколько кресел, в стену, противоположную овальным окнам, был врезан камин с черными подпалинами копоти на верхних элементах искусно выполненной инкрустации. Именно от него исходили мятущиеся отсветы пламени, которые Андрей заметил еще у дверей.

Впрочем, это был лишь фон – все внимание Кречетова приковал к себе сидящий в одном из кресел человек, чей голос только что приструнил конвоиров.

Старость наложила неизгладимый отпечаток на его черты, коротко остриженные волосы белели сединой, будто шапочка, натянутая на морщинистую кожу черепа, глубоко запавшие глаза, прятавшиеся среди морщин, казались водянистыми, но это было ложным впечатлением: стоило старику поднять взгляд, как Андрей увидел твердый, холодный блеск его зрачков и понял, что перед ним сидит личность, о характере которой глупо и опасно судить по внешности…

Конвоир, подчиняясь легкому кивку, подтолкнул Андрея к креслу и заставил сесть напротив хозяина этого странного помещения.

– Сними с него наручники, – лаконично приказал тот.

Охранник выполнил приказ и отошел на шаг, оставаясь за спиной Кречетова.

– Свободен, – отправил его прочь старик, внимательно, испытующе глядя на Андрея, который разминал затекшие от оков запястья.

Некоторое время в длинном сумеречном зале висела тишина, потом старик усмехнулся, видимо в ответ своим мыслям, и произнес:

– Хорошо вошел. Дерзко. – В его тоне прозвучало иррациональное удовлетворение, будто Андрей являлся как минимум его воспитанником, а

не внезапным пришельцем.

Кречетов покосился в сторону темной полусферы компьютерного монитора, с холодком подумав при этом: *к чему бы оно здесь?..*

– Пытаешься проанализировать свои ошибки?

Андрей вновь поднял взгляд.

– Только одну, – скупо ответил он, решив во что бы то ни стало придерживаться прежней линии поведения. – Я недооценил численность гарнизона.

– Ты зря обозначил свои намерения, сынок… – наставительно произнес старик. – Нужно было добить пятерых караульных и двигаться быстрее, тогда бы я решил, что ты какой-нибудь свихнувшийся одиночка из местных и рейд организован по мою душу…

Андрей нахмурился, изобразив непонимание.

– Что мне толку в покушении на вас? – угрюмо спросил он, демонстрируя полное безразличие к личности сидящего напротив человека.

Старик удивленно посмотрел на него.

– Ты не знаешь меня? – напрямую спросил он. Кречетов лишь пожал плечами, давая понять, что он не может знать поименно всех обитателей Храма. Его собеседник понимающе кивнул.

– Вот она, цена забвения, лейтенант, – задумчиво произнес он и вдруг добавил резким голосом, в котором звучали нотки гнева и властности одновременно: – Перед тобой Тиберий Надыров, щенок!

Жизнь в такие моменты измеряется миллисекундами…

Мозг вдруг начинает работать с невероятной скоростью, но это происходит на уровне подсознания, а ощутимая нервная реакция похожа на ледяную тень прошлого, которая внезапно касается разума…

Тиберий Надыров… Адмирал Земного альянса, командующий Вторым ударным флотом, наиболее одиозная, жестокая и загадочная фигура той эпохи. Он воевал всего год, но за этот отрезок времени успел натворить немало бед. На его совести были тотальные бомбардировки планеты Дабог, именно он, как утверждают, несет ответственность за атаку беззащитной межзвездной станции, которую беженцы с разных планет превратили в космический корабль, и, наконец, вершиной его карьеры стал жестокий захват планеты Кассия, где флот Надырова провел первые боевые испытания шагающей планетарной техники, созданной конструкторами Земного альянса по прототипу аграрных машин Дабога…

Память Кречетова работала безупречно: флагман Второго ударного флота Земли пропал в спонтанном гиперпереходе, когда его внезапно атаковали на орбитах Элио крейсера военно-космических сил планеты

Кьюиг…

Это происходило в 2609 году…

Тиберию Надырову было тогда тридцать лет, а сейчас Андрей видел перед собой старика, который смотрел на него пронзительным взглядом, ожидая, что же скажет ему пленник в ответ на прозвучавшее имя, и чувствовал, как почва уходит у него из-под ног, в переносном смысле, разумеется, но легче от этого не становилось…

– Сколько вам лет, адмирал? – наконец спросил Кречетов, нарушая тягостную тишину.

– Сто тридцать два года, – с металлической дрожью в голосе ответил ему Надыров. – Значит, ты хорошо знаешь историю? Похвально… – Он помолчал, глядя на угли в камине, и добавил: – Десять к одному… Такова пропорция временной разницы между реальным космосом и этим пространством. – Он усмехнулся. – Ты уже давно вычеркнут из списков своей части, лейтенант Кречетов.

Вот он, тот фактор непредсказуемости, который способен разрушить самый тщательно проработанный план…

– Не напрягайся, лейтенант, тебя я знаю лишь заочно, не так близко, как твоего дядю, который возомнил, что может жрать из двух чашек одновременно. – Надыров в упор посмотрел на пленника и добавил тем же резким, неприязненным тоном, отвечая на невысказанный, но предательски промелькнувший в глазах Андрея вопрос: – Я держу под контролем всю южную часть континента, и если по запретным зонам расхаживают сумасшедшие старухи, то это происходит с моего ведома и лишь до тех пор, пока мне это выгодно, ясно?

Андрей кивнул, потому что все его карты внезапно оказались смешаны, – он рассчитывал встретить во главе храмовников уроженца Первого Мира, преемника тех офицеров Земного альянса, чьи корабли срывались на вертикаль гиперсферы во время космических сражений Первой галактической войны, а получилось, что, спровоцировав встречу, он сам сунул голову в пасть седого, битого жизнью зверя, пережившего свою эпоху, но не утратившего смертельной хватки и образа мышления той далекой поры.

У него оставался лишь один шанс выбраться отсюда – принять брошенный вызов.

– Зачем вы убили профессора, адмирал? – напрямую спросил он.

Надыров пристально посмотрел на него, а затем ухмылка тронула краешек его губ.

– Держишь удар? Молодец. Я думал, ты открестишься от него.

– И все же? – Андрей выдержал его взгляд. – Мы действительно не были близки, но профессор…

– Он был предателем, – оборвал его Надыров. – Трусливым, алчным и глупым. – Адмирал тяжело встал и прошелся по пространству, ограниченному креслами. – Эти старухи, что ползали по древним постройкам, искали чуждые знания, уничтоженные моими людьми… – Надыров говорил хрипло, с придыхом. – Я долго наблюдал за ними, потому что после полувека прозябания в этом мире понял, что совершил ошибку, уповая лишь на свой технический потенциал. – Он с откровенной досадой указал на камин, дрова в котором уже прогорели, а угли начали подергиваться прахом золы, проглядывая из-под пепла, как множество злобных глаз затаившихся там тварей. – Видишь? Это только малая часть бед. Обычно я не сетую на скверное отопление, отсутствие электричества, но, Фрайг меня раздери, под старость мерзнут кости и в определенный момент начинаешь испытывать моральную усталость от тщетных попыток оживить хоть один компьютер, зло берет, когда под рукой полно импульсного оружия, но нет возможности применить его в деле, а низкочастотные генераторы на твоих глазах постепенно превращаются в покрытый окислами хлам… – Надыров вернулся к креслу и сел, откинувшись на его спинку.

Сердце Кречетова билось глухо и неровно, но разум работал четко, не сообразуясь со стрессовыми ощущениями. Смертельные обстоятельства вкупе с аномальной реальностью в течение полугода не позволяли лейтенанту расслабиться – он многое постиг за этот отрезок времени, а постоянный психологический прессинг со стороны чуждого мира действительно научил его рассудок держать информационные удары, проводя мгновенный анализ стесняющих обстоятельств…

Вырвать нить разговора у Надырова, поймать того на алогизме, заставить его нервничать…

– Адмирал, я успел вкусить «прелестей» этого мира, – нарушил он наступившую паузу. – Я убивал ваших людей и видел сущности, отлетающие от бьющихся в агонии тел. – Он пошел на осознанную дерзость. – Не надо внушать мне мысль о беспомощности Храма.

Надыров пронзительно посмотрел на Кречетова.

– Ты жив, пока я не разочаровался в тебе, понятно?! – подавшись вперед, с угрозой произнес он. – Будешь пытаться вести двойную игру, как твой дядя, – сдохнешь раньше, чем успеешь осмыслить это…

Андрей пожал плечами.

– Я шел не за информацией, – с упрямым безразличием ответил он. – Мне нужен был корабль. Вы взяли меня – так радуйтесь. Ползать на коленях не стану, но зачем делать из меня идиота?

– Хочешь знать, как вышло с профессором? – сощурился Надыров.

– Раз уж я здесь – почему бы нет? – угрюмо ответил Андрей. – Я видел его записи и хорошо понимаю, что те «полоумные старухи» не передали ему ничего, кроме общих сведений да туманных картинок. От этого не умирают…

Надыров долго молчал, словно в его душе шла внутренняя борьба, потом хмуро посмотрел на Кречетова и произнес:

– Ты умнее, чем я ожидал. Это радует… – с непонятным, леденящим душу удовлетворением усмехнулся он. – Что ж… – Надыров кивнул, будто разговаривал сам с собой. – Бессмысленно отрицать, я многое уничтожил… но за столько лет только слепец не постигнет элементарных явлений и закономерностей этого пространства. – Он вскинул на Андрея тяжелый пронзительный взгляд. – Я знал, что рано или поздно наверху, – он сделал неопределенный жест, – найдется умник, который откроет дорогу сюда. Поэтому я ждал, терпеливо отслеживал, как эти предатели рода людского кочуют по запретным местам.

Последняя фраза адмирала вызвала в душе Андрея недоуменный вопрос, но он промолчал, оставив его при себе.

– Когда твой дядя сделал свое открытие, я сразу же узнал об этом. Старухи не ведали, что их постоянно держат под наблюдением мои люди, и потому безупречно исполнили отведенную им роль – осуществить первый контакт, не оттолкнув и не напугав пробившегося сюда человека. – Надыров говорил медленно, взвешенно. – Конечно, профессор испытал шок, осознав, что в недрах аномалии есть населенный мир, но постепенно он свыкся с мыслью об этом, не подозревая, кто на самом деле правит планетой.

– Вы использовали его вслепую? – глухо спросил Андрей.

– Поначалу… – мрачно кивнул адмирал. – Старухи передали достаточно сведений, чтобы у твоего дяди появилась возможность подумать над конструкцией корабля, способного не только погрузиться в эти пучины, но и выбраться назад. К этому его подталкивало здоровое желание приобрести неоспоримые доказательства своей теории, превратить уравнения в практическое, бесспорное открытие, которое вознесло бы его на вершины славы и успеха. Меня вполне устраивал такой расклад – зная предполагаемое место посадки, я бы овладел кораблем в любом случае.

Надыров замолчал, видимо, вновь переживая какие-то неприятные

для себя события. Прошло несколько минут, прежде чем он заговорил вновь.

– Срыв произошел внезапно… – тем же глухим голосом продолжил адмирал. – Эти чертовы ведьмы передали ему информацию о Храме, и он попросту испугался лететь сюда. Твой дядя метался между страхом и амбициями, не зная, что ему делать – рискнуть или оставить все как есть, удовольствовавшись достигнутым. Мне пришлось самому идти на контакт… – досадливо поморщился Надыров, словно воспоминания ассоциировались у него с чем-то гадостным. – Я вылетел в район древнего капища, в то время как мои люди получили приказ захватить либо уничтожить этих зарвавшихся мерзавок…

– Не понимаю… – Воспользовавшись паузой, Андрей рискнул продемонстрировать полную неосведомленность. – Я видел эти каменные столбы, но что в них толку?

Надыров подозрительно посмотрел на него, но потом все же ответил:

– Через них проходит линия напряжения аномалии, связанная с Землей. – Он продолжал пронзительно смотреть на Кречетова. – Что, боишься спросить, почему я до сих пор нахожусь тут? – Он криво усмехнулся. – Это знание ничего не стоит без источника энергии. Нужен низкочастотный генератор, а без него аномалия проводит лишь энергетические импульсы. Старухи использовали тепло, формируя фантомный образ, который подхватывала линия напряжения и проецировала на том конце вертикали, я продвинулся дальше в своих прежних попытках вырваться отсюда – вертикаль проводит не только тепловую энергию, но и световые волны, а также спокойно захватывает сущности…

Андрея пробила короткая дрожь… Он подумал в этот миг, что наступил момент истины, ради которого он рисковал своей жизнью…

– Я вступил в контакт с твоим дядей, – действительно продолжил Надыров. – Для этого я использовал нехитрое устройство, состоящее из двух зеркал. Отражение написанного на бумаге текста перевернуто, потому я направлял его в центр очерченного камнями круга через второе зеркало. Твой дядя быстро усвоил урок и ответил мне аналогичным образом. Зрелище впечатляющее: на поверхности какой-либо из каменных глыб вдруг появляется изображение букв…

Андрей молча слушал его, ощущая, как мурашки ползут по коже.

Надыров ничего не знал об истинном способе перемещения по вертикали материальных тел, но он, сам того не подозревая, раскрыл одну из мифических загадок древности – адмирал только что обрисовал ему

элементарную физику, при помощи которой возникали «пылающие письмена», упоминающиеся во множестве преданий древней Земли…

– …Мы заключили сделку, – ворвался в его мысли голос Надырова, возвращая разум Андрея в реальность сумеречного зала. – Профессор получил от меня гарантии безопасности и исчерпывающую информацию об аномальном пространстве, в ответ он дал мне слово, что экспериментальное погружение в гиперсферу будет осуществлено в ближайшие дни. – Надыров насупился. – Он не учел разницы во времени. Я выждал сутки у капища, но корабль не появился и профессор не вышел на связь. В реальном времени Земли мое ожидание составляло более десяти дней, и я понял, что он решил просто обрубить концы, исчезнуть, присвоив себе всю информацию об этой планете, полученную от обеих сторон. Он считал себя недосягаемым в пространстве реального космоса, но ошибся. Вертикаль захватывает и проводит любую энергию, ей безразлично, что попадает в ее тенета – световая волна или сущность.

Андрей знал, что адмирал говорит правду, – он хорошо помнил изуродованное тело, сгоревший офис, но тут возникал явный нонсенс.

– Убить и найти – это не одно и то же, адмирал, – скептически произнес он. – А уж угон флаера и механическое изъятие кристаллодисков…

– Да, – спокойно кивнул Надыров. – Неподготовленные сущности в пространстве реального космоса живут недолго, обычно они исчезают с восходом, когда их структура распадается под воздействием световых волн. Исполнители моей воли были другими. Они знали, как защитить себя, умели обращаться с компьютерами, были способны питаться и действовать разумно. Более того, они жаждали попасть на Землю… Они хотели видеть, что стало с планетой, которую они защищали…

– Первая галактическая давно закончилась, адмирал…

– Не тебе судить!.. – с непонятной вспышкой гнева оборвал его Надыров. – Никто из вас не знает, что здесь тоже шла ВОЙНА! Вы развивались там, в нормальном пространстве, а тут… – Он сделал резкий жест, подзывая охранников, и приказал им: – Откройте окно и убирайтесь!

Андрей повернул голову, чтобы видеть происходящее за спиной.

Храмовники, которые привели его сюда, послушно принялись вручную поднимать тяжелые броне-жалюзи, которые закрывали панорамное окно.

Ландшафт, постепенно открывшийся взору, заставил Кречетова оцепенеть: за овальным окном простирался ровный участок обнаженного, остекленевшего базальта в виде вытянутой многокилометровой воронки с

отлогими краями, в которой стоял исполинский космический корабль.

Его клиновидный корпус сразу же напомнил Андрею виденную когда-то хронику времен Первой галактической войны, а когда взгляд Кречетова различил буквы на скошенном скате лобовой брони титанического крейсера, которые складывались в два слова: «Тень Земли», то исчезли последние сомнения. Перед ним в естественной посадочной воронке, образованной от адских температур, которые извергали планетарные двигатели, стоял совершенно не тронутый временем флагман Второго ударного флота.

Крейсер «Тень Земли». Тот самый космический корабль, с борта которого были нанесены первые ядерные удары по Дабогу…

– Ты видишь только половину реальности, лейтенант, – раздался голос Надырова. Убедившись, что охранники уже вышли, оставив их один на один, адмирал встал и, подойдя к глухой стене, дернул за шнур, раздвигая плотную драпировку.

Андрей увидел такое же овальное окно, из-за которого сочился неяркий красноватый свет.

– Подойди сюда, – приказал ему Надыров.

Он повиновался.

Два разноликих пространства столь сильно отличались друг от друга, что у Кречетова мгновенно исчезли те чувства, что пробудил в нем вид исполинского крейсера, – картина за вторым окном была еще более впечатляющей.

За толстым стеклом располагался накрытый непрозрачным куполом каньон. Очевидно, это углубление образовалось в результате неудачной, катастрофической посадки космического корабля, схожего по своим размерам с «Тенью Земли». Андрей видел глубокий разлом, дно которого хранило следы плазменных двигателей: спекшийся от адских температур базальт превратился в стекловидную массу, которая светилась, источая тускло-красное сияние.

– Это след от падения «Интерпрайза», второго корабля моей эскадры, – раздался за спиной Кречетова голос адмирала. – Свет, который ты видишь, источает нагретый базальт. Крейсер при падении прожег кору планеты на глубину залегания магматических пород. Идеальные условия для сущностей, не находишь?

Андрей и сам видел это.

Раскаленная базальтовая плита, под которой, по всей вероятности, располагалась каверна планетной коры, заполненная магмой, источала достаточно тепла для подпитки сущностей, а купол из освинцованного

материала наглухо перекрывал доступ в каньон всем видам разрушительных, вредоносных излучений.

– Перед тобой мой личный ад, лейтенант. Присмотрись внимательнее. Их осталось слишком мало, чтобы различить сразу, а раньше они липли к стеклу, как рыбы в аквариуме…

Надыров говорил о сущностях. Андрей видел несколько из них, сидящих на разогретых планетарным теплом выступах оплавленного базальта.

– Кто они? – с содроганием спросил Андрей.

– Офицеры моего корабля, – ответил ему Надыров. – Те, кто вместе со мной вел войну с пришельцами, пока твоя драгоценная цивилизация спокойно развивалась там, наверху… Полноценные, осознающие себя сущности, по-прежнему преданные своему адмиралу. Они сильны и опытны, для них ничего не стоит отыскать человека в многомиллионном городе или аккуратно вытащить кристаллодиск… Это ответ на твой вопрос, а теперь смотри, я покажу тебе настоящую реальность этой адской планеты…

Надыров отошел в сторону от окна и потянул за какой-то рычаг, расположенный в стене.

В красноватый свет искусственного разлома внезапно выдвинулась внушительная платформа, на которой, образуя круг, стояло девять цилиндров: восемь из них располагались по периметру плиты, а один, пустой, возвышался в центре.

– Смотри, Кречетов, смотри внимательно, перед тобой твари, с которыми я столкнулся на этой планете.

Восемь расположенных по периметру плиты цилиндров действительно содержали в себе бледно-голубые сущности.

Это были призраки, оставшиеся от существ иных рас. Андрей узнал двух логриан, инсекта, но пять остальных жизненных форм оказались абсолютно незнакомы ему. Смутные, расплывчатые фигуры хранили лишь общую форму тел, по которой можно было судить, что две из них принадлежали гуманоидам, еще одна, наиболее крупная, походила на звероящера и, наконец, две последних обладали явно выраженными крыльями. Большего количества подробностей невозможно было различить из-за красного сияния, змеящихся по стеклам бликов и расплывчатости форм самих созданий…

– Вот настоящая реальность этого мира. – Надыров застыл у окна с перекошенным лицом, словно вид нечеловеческих форм вызывал у него отвращение или страдание. – Теперь здесь живут только люди, – произнес

он, жестом указывая на бледные призраки иных существ. – Я дрался с этими тварями, не понимая, куда занесла аномалия «Тень Земли», я основал Храм, чтобы очистить этот мир для людей, а когда стало ясно, что планета расположена не в материальном космосе, я понял, что эти твари прибывают сюда по каким-то каналам транспортировки…

Адмирал тяжело закашлялся, а потом продолжил глухим надтреснутым голосом:

– Хуже всего было осознавать, что предатели рода людского заодно с этими исчадиями чужих эволюции, которые наверняка искали способ, чтобы вырваться отсюда на простор наших человеческих миров. Они хотели получить Землю и другие планеты, но я встал им поперек глотки. Я загнал всю свору в древнюю крепость и уничтожил одним ударом. Видишь их? – Надыров вдруг цепко ухватил Андрея своими старческими пальцами и подтолкнул к стеклу. – Смотри внимательно, лейтенант. Это их проклятый Круг, который безраздельно правил планетой до моего прибытия. Когда мои войска штурмовали цитадель, я уже знал, что они ускользают в виде сущностей, и приказал изготовить ловушки. Нехитрое приспособление, как видишь. Двойной цилиндр из поляризованного стекла с вакуумной прослойкой. Они не могут видеть нас, не в состоянии просочиться наружу, они не умирают, но и не живут…

Адмирал еще несколько мгновений смотрел на чуждые сущности, а потом вдруг резко задернул штору, будто вид нечеловеческих жизненных форм приносил ему страдание.

– Садись… – указал он Кречетову на кресло.

Андрей молча подчинился. В первую минуту после столь наглядной и одновременно чудовищной демонстрации он потерял способность адекватно реагировать на события. Адмиралу удалось не просто нарушить его душевное равновесие – он смешал все мысли Кречетова, думая, что теперь окончательно раздавил своего пленника, и на минуту это было именно так…

Андрей сидел, не поднимая взгляда, а мысли в его голове совершали хаотический танец, перескакивая с одного на другое…

Он понял, что бесполезно объяснять Надырову историю возникновения Первого Мира, бессмысленно рассказывать о том, что в современном космосе люди мирно сосуществуют с логрианами и инсектами, – разум адмирала пожирала ксенофобия, и его рассудок не воспринял бы никаких доводов или пояснений.

Надыров действительно вел войну и свято верил в ее справедливость, в то, что он заслонил человечество от вторжения иных жизненных форм…

Да, он был жесток, циничен, но в его извращенном войной мышлении присутствовала толика здравого смысла. Космос необъятен, и в нем царят законы выживания видов. Стоило взглянуть на сущности нечеловеческих созданий, чтобы осознать. Первый Мир – это граница, которую действительно нужно контролировать, иначе, кроме древних существ, которым открыли путь сюда первые поколения логриан, могут появиться иные, не столь лояльные к людям расы, чьи миры расположены в далеких, недоступных пока областях галактического диска.

– Почему вы столь откровенны со мной, адмирал? – наконец глухо спросил Андрей.

Надыров, очевидно, ждал этого вопроса.

– Я ждал тебя, Кречетов, – спокойно признал он. – Ждал, что ты придешь за своим кораблем. К сожалению, я не техник и уже достаточно стар, чтобы возиться с непонятным мне аппаратом.

Разум Андрея постепенно отходил от шока, и он уже мог отвечать здраво и взвешенно. Да, ситуация резко менялась прямо на глазах, но это не значило, что он теперь побежит на коротком поводке у престарелого адмирала.

– Вы пытались убить меня на Элио, – напомнил он. – Почему я должен теперь сотрудничать с вами?

– Забудь, – отмахнулся Надыров, откидываясь на спинку кресла. – Это была перестраховка. Я поддерживал связь с отправленными на Землю сущностями и от них узнал, что дядя отправил своему племяннику маленькую посылку. Я не знал, что находится в ней, и, естественно, был озабочен.

– Элио не Земля…

– Ты забыл, где находишься? – резко оборвал его адмирал. – Здесь сходятся вертикали, ведущие к миллионам миров, и я за сотню лет тщетных попыток вырваться отсюда успел отследить многие из них, по крайней мере те, что связаны с памятными мне планетами… Мы говорим не о том, лейтенант. Да, мои сущности покушались на тебя, но ведь ты жив, а я понес ощутимые потери благодаря твоей воинственности. – Надыров проницательно посмотрел на Кречетова. – Мы квиты…

Андрей придерживался иного мнения на сей счет, но предпочел промолчать. В сложившейся ситуации ему оставалось одно – идти до конца.

– О чем в таком случае мы должны говорить? О корабле профессора?

– Да. Я хочу вернуться на грешную Землю. Пусть она уже не такая, какой была тысячу лет назад, но я тоже стар, и желание умереть на родине,

а не в этих проклятых недрах аномалии, должно быть вполне понятным для тебя.

– Я не понимаю, адмирал, – покачал головой Андрей. – Вы сделали собственные открытия, разгадали, что вертикаль способна передавать информацию посредством светового потока. Почему вы не дали о себе знать, не послали сигнал бедствия, наконец?

– Ты забываешь, кто я… – Адмирал криво усмехнулся. – Твоя цивилизация все еще помнит ту войну. Нет, лейтенант, я могу вернуться только инкогнито, как частное лицо. Иначе я обреку себя на то, чтобы провести остаток дней в комфортабельной тюремной камере, а перед смертью буду судим как военный преступник. Я слишком хорошо понимаю это, потому и уничтожал всю информацию, которую твой дядя хотел опубликовать отдельным изданием.

– Вы всерьез надеетесь на то, что, вернувшись на Землю, я буду молчать и не выдам вас?

Надыров медленно повернул голову, пристально посмотрев на Андрея.

– Ты не выдашь меня, Кречетов.

– Почему?

– Потому что ты останешься здесь.

– С какой стати?!

– Не дерзи мне, лейтенант!.. Ты покажешь, как управлять кораблем, и останешься тут, потому что Ордену храмовников нужна свежая кровь, нужен лидер, который встанет во главе Храма, заняв место старика… – Он сделал резкий жест, не давая Андрею возразить. – Ты молод, энергичен, у тебя есть необходимый боевой опыт, но ты глупец, если не понимаешь, что там, – он указал на плотную занавесь, – там *чужие!..* Этот мир нужно охранять от их повторного вторжения, иначе твое драгоценное человечество одним прекрасным утром проснется в окружении подобных тварей…

Андрей молча выслушал его.

Он совершенно не ожидал подобного оборота событий.

Встать во главе Храма? Он покосился на Надырова и вдруг понял, что этот властный старик, на тысячелетие переживший собственную эпоху, находится в здравом уме и ясной памяти. Он излагал именно то, что замыслил.

Единственной ошибкой, закравшейся в логику адмирала, была его уверенность в том, что Кречетов может управлять «Новой».

Андрей не знал, как привести в действие механизмы лишенного

энергии корабля. Профессор не оставил никаких инструкций на этот счет, а раскрывать Надырову настоящую тайну Вертикали он не собирался: вкусив психологии адмирала, Кречетов понимал, что, как только речь зайдет о Круге и манипуляциях древними знаниями, которые он и Лана по крупицам воссоздали из обрывочных свидетельств прошлого и известных Андрею современных технологий, адмирал тут же вспомнит о своих фобиях и непрекращающейся войне, которая крепко засела в его рассудке…

Похоже, из сложившейся ситуации не было реального, устраивавшего все стороны выхода, но Надыров не понимал этого, будучи твердо уверенным в знаниях Андрея и его готовности принять вакантную должность.

Он просто уничтожит меня, когда узнает обо всем…

– Мне нужно подумать, адмирал. Надыров тяжело посмотрел на Кречетова.

– О чем ты собираешься думать, лейтенант?!

– Смогу ли я принять ваше предложение, – спокойно ответил Андрей.

Адмирал некоторое время смотрел на Кречетова, а потом жестом поманил к себе охрану.

– Уведите его. – Он дождался, пока на Андрея наденут наручники, и добавил: – Я думаю, что тюремный блок быстро приведет тебя к здравомыслию, лейтенант. Либо ты примешь мое предложение, либо умрешь. Третьего я тебе не дам.

Третий подземный уровень.
Тюремный блок.

Камеру, где содержали Учителей, Ланита нашла не сразу, – только после третьей попытки она поняла, что попала в нужное ей помещение.

Некоторое время ее сущность не проявляла своего присутствия, настороженно наблюдая за обстановкой тесной, наглухо закрытой комнаты, где на полу была навалена куча прелого тряпья, служившего постелью для пятерых престарелых женщин.

Острое чувство жалости смешивалось в душе Ланы с теми подозрениями, что день ото дня крепли в ее душе с той поры, как Андрей на берегу лесного озера обронил эту емкую фразу: *«Кто-то использовал тебя»…*

Чем больше она размышляла над своим прошлым, тем острее казались ей странности, которым раньше она попросту не придавала значения.

Из долгих мучительных раздумий у Ланы остался лишь один глобальный вопрос, который она собиралась задать Учителям, прежде чем принимать какие-либо решения относительно дальнейших действий.

Убедившись, что «глазок» в двери камеры закрыт, она позволила своей сущности медленно просочиться сквозь кристаллическую решетку металла, которым были облицованы стены, пол и потолок камеры.

Напряженный голубоватый свет озарил помещение, заставив узниц поднять головы.

Все они были измождены до крайности, их лица хранили печать безразличия, покорности своей судьбе, но, заметив ясно различимый контур сущности, продавливающейся сквозь стену их узилища, пять немощных тел разом зашевелились, отчего куча тряпья, наваленная на холодный пол, пришла в волнообразное движение.

Пройдя сквозь стену, Лана застыла посреди тесного помещения.

Всякое движение в камере вдруг прекратилось, никто не издал ни звука, страшась привлечь внимание охраны, лишь в водянистых глазах пяти старух застыло немое изумление.

– Ланита?.. – наконец прошептала одна из них.

Душа Ланы в этот момент готова была разорваться от жалости, сострадания, но она не выказала этих чувств, хотя ей было безумно тяжело сдержать свою горечь при виде их жалкого положения…

– Да, это я. – Ее голос был тих и ровен, как и у любой сущности.

– Зачем ты так рискуешь, девочка, ведь вокруг полно храмовников!.. – сдавленным шепотом произнесла одна из старух. – Где ты оставила свое тело?

– Неважно, – ответила Лана. – Я пришла поговорить. Возможно, мне удастся вызволить вас отсюда.

– Это неоправданный риск… – прошептала Зигида, самая старая из адептов бывшего Круга.

– Я не одна, – скупо сообщила Лана.

– Ты сущность? – внезапно спросила ее Дилайя.

– В смысле того, жива я или нет? – Лана понимающе кивнула. – Я выжила. Несмотря на то, что вы послали меня на смерть.

– У нас не было выбора, – тихо произнесла Зигида. – Мы слишком долго проявляли беспечность, считая, что Храм не знает о нас. На самом деле они все время шли по нашим следам, находились в курсе всех экспериментов и в решающий момент вмешались, решив, что нас пора устранить. Твое мужество позволило нам в последний раз совершить работу в святилище, предупредив двух человек о грозящей им опасности.

– Я знаю, – ответила Лана.

– Откуда? – недоверчиво вскинула голову Дилайя.

Призрак Ланы отрицательно покачал головой.

– Сначала я задам свой вопрос.

Зигида пристально посмотрела на нее, но не смогла выдержать горящего взгляда сущности.

– В тебе огромная энергия… – в замешательстве прошептала она, отводя глаза.

– Почему вы взяли в ученицы полубезумную храмовницу? – спросила Лана, не в силах более выдерживать моральной пытки. Ее жалость к Учителям была велика, хотя она и подозревала, что они несут ответственность за ее исковерканное детство и юность…

– Мы проявили милосердие и сострадание… – прошептала Дилайя.

– Ложь, – отвела этот довод Лана. – В иных случаях вы проявляли не милосердие, а осторожность.

– Ты не веришь нам? – с трудом шевеля губами, спросила молчавшая до этого времени Фрая.

Лана не могла затягивать разговор. В любой момент ее могли обнаружить.

– Либо я услышу правду, либо навсегда уйду отсюда, – тихо произнесла она. – Вам знакомо имя Лаонита?

Если бы посреди тесной камеры вдруг прогремел взрыв, то потрясение пяти престарелых женщин было бы меньшим.

В немом оцепенении они смотрели на сущность, а в их глазах ужас и непонятное торжество сменяли друг друга.

– Говорите, кто я!.. – потребовала Лана.

Первой от шока очнулась Зигида.

– Ты вспомнила? – дрожащими губами прошептала она.

– Кто я?! – повторила свой вопрос Лана. – Кто из вас отдал меня в Храм и что вы сделали со мной перед этим?

Зигида низко опустила голову, и вслед за ней этот жест покорности и почтения повторили еще четыре бессильные старые женщины.

– Ты все поняла сама… Прости нас, госпожа… Мы не могли поступить иначе…

– Рассказывайте по порядку. – Лана обернулась к Зигиде. – Говори ты. Я знаю, мне было три года, когда храмовники взяли штурмом цитадель и уничтожили Круг.

– Они не уничтожили его, госпожа… – ответила Зигида. – Они убили физические тела, пленив сущности.

У Ланы все оборвалось внутри.

Сущности древнего Круга в плену у храмовников?!

Видимо, ее призрачное лицо отразило вспышку чувств, потому что Зигида, глядя на нее, покачала головой.

– Ты не все вспомнила.

– Так помоги мне!

– Хорошо… Слушай. – Старшая наставница отбросила все сомнения. – Тебя действительно зовут Лана, ты дочь Лаониты, единственной посвященной из числа людей, кто входил в древний Круг… Мы, – она обвела взглядом присутствующих в камере, – мы были ученицами Лаониты. Когда храмовники разбили ворота и ворвались на бастионы, мы были там, но успели спрятаться. – Зигида волновалась, ее голос дрожал, а рассказ получался скупым и бессвязным. – Они убивали без пощады, но когда схватка дошла до истребления адептов Круга, командир храмовников остановил своих людей. Они окружили истощенных существ, не став уничтожать их немедленно, – сначала на вершину укрепления принесли странные цилиндры из толстого стекла. Затем храмовники стали по одному убивать иных, а когда от холодеющего тела начинала отделяться сущность, ее загоняли в ловушку и закупоривали там… – Зигида на миг замолчала, собираясь с силами, чтобы поведать Лане самое страшное: – Твоя мать поняла, что происходит, и, не дожидаясь своей очереди, вырвалась из физического тела, стремясь сразу же просочиться сквозь каменные блоки укрепления, но, когда она выходила из телесной оболочки, один из храмовников успел ожечь ее уничтожающим лучом света.

– Где была я? – спросила Лана.

– Вместе с нами в потайной комнате бастиона. Ты ничего не понимала из происходящего вокруг и просто играла с предметами на столе, когда сквозь стену к нам проникла погибающая сущность твоей матери. Ее структура начинала распадаться прямо на глазах, и она, понимая, что гибнет, приказала нам сделать это.

– Что?!

– Поместить ее распадающуюся сущность в тебя, в свою трехлетнюю дочь, а потом… – Зигида запнулась, уже не в силах говорить.

– Ну? Что было потом?

– Потом мы должны были дождаться, когда станут уходить последние отряды храмовников, и тайно вывести тебя к ним.

– Зачем? – с горечью спросила Лана.

– Это была воля твоей матери. Она сказала, что храмовники не

успокоятся, будут искать исчезнувшую на глазах сущность, и нет лучшего места, где ты могла бы укрыться, кроме самого Храма. Только тут, в этих проклятых стенах, ты могла вырасти, избежав узнавания и преследования.

– Мать надеялась, что ее сущность соединится с моей?

– Да… Ведь так и вышло, верно? – с дрожью спросила Зигида.

– Наполовину… – тихо ответила Лана.

– А древнее знание?

– Оно во мне… Но воспоминания лишь наполовину восстановили его.

– Значит, часть истины все же утеряна?

– Нет. – Лана повернула голову, обвела горящим взглядом пятерых бывших наставниц – или учениц? – и внезапно спросила: – Вы готовы следовать за мной?

– Да, госпожа… – раздался единый шепот, похожий на легкое дуновение ветерка.

– Сущности древнего Круга содержатся здесь?

– Мы не знаем…

Лана на мгновение задумалась, потом кивнула, словно принимая этим жестом всю жестокость окружающего ее мира, и сказала:

– Собирайтесь с силами. Я скоро вернусь. Возможно, всем нам предстоит драться и умереть.

Никто не посмел возразить ей. Лишь пять пар глаз проводили исчезающую сущность пристальными взглядами, пока яркое голубое сияние не истончилось, растворившись в материале стены.

Когда пропал последний отблеск и камера вновь погрузилась во мрак, тихий голос Зигиды произнес:

– Готовьтесь, сестры. Ради этого мы жили…

Второй подземный уровень.
Тюремный блок…

Его втолкнули в металлическую камеру, похожую на клетку из-за частой стальной решетки, что образовывала переднюю стену помещения. В ней располагалась узкая скрипучая дверь из таких же металлических прутьев полуторасантиметрового диаметра.

Когда с лязгом захлопнулся вход в узилище, Андрей, не обращая внимания на злобный окрик конвоира, требовавшего отойти к задней стене клетки, огляделся, стоя у порога.

Камера была совсем небольшой, полтора на полтора метра, низкий потолок и пустые отверстия креплений, оставшиеся на нем после

демонтажа каких-то агрегатов, не оставляли сомнений в том, что когда-то это был отсек космического корабля.

– Я сказал – к стене! – прорычал сзади надсаженный голос, и приклад «АРГ-8» с глухим звоном ударил в прутья решетки.

Видно, конвоир целил в зазор, рассчитывая ударить Кречетова в спину, но промахнулся.

Крики и лязг привлекли внимание немногих изможденных узников, что поодиночке сидели в подобных камерах, и офицера, который дремал за ободранным, превращенным в стол компьютерным терминалом, расположенным в конце длинного коридора.

С характерным звуком по полу проскрежетали ножки металлического стула, и офицер встал, направляясь к камере нового заключенного.

– Ну что там у тебя, Дункан?

– Эта тупая сволочь не слушает приказов, – раздраженно ответил охранник. Видимо, понятия субординации в подразделениях внутренней службы Храма были окончательно истерты временем либо в наряды тут направляли только отбросы воинского контингента – к такому выводу пришел Андрей, выслушав короткий диалог.

Он, собственно, не собирался злить охранника – голова Андрея была забита проблемами иного сорта. Он все еще находился под впечатлением встречи с адмиралом. На всякий случай он сделал шаг к дальней стене своей камеры, и, как оказалось, вовремя, потому что офицер не сильно отличался от своего подчиненного. Выслушав злобное пояснение охранника, он вытащил из ножен уже знакомый Андрею серо-голубоватый клинок и попытался им достать спину нового заключенного.

Андрей, обернувшись, спокойно посмотрел на стальное жало, которое не изъела коррозия лишь благодаря легирующим добавкам сплава – клинок явно не страдал от излишнего ухода и внимания, на нем четко виднелись какие-то жирные разводы и застарелая грязь, забившаяся в каждую царапину на поверхности металла.

– Ты, урод… – Высокий худой офицер впился в Кречетова взглядом своих маленьких крысиных глаз с непомерно расширенными зрачками. – Ты будешь выполнять приказы, или мне открыть камеру и показать тебе, кто тут главный?

Андрей не ответил на оскорбление. Кивнув в знак того, что признает «тюремные правила», он сел на привинченный к полу металлический стул лицом к решетке.

Со стороны соседних камер раздались шаркающие шаги и легкие вздохи разочарования – видимо, остальные заключенные, прильнувшие

было к решеткам, расходились по своим местам – намеченный спектакль сорвался.

Офицер вложил клинок в засаленные ножны и произнес:

– Сиди смирно.

Андрей закрыл глаза. Все получилось…

* * *

Прошло приблизительно минут десять, прежде чем он ощутил присутствие Ланиты.

Они долго, упорно тренировались во время нелегкого семисоткилометрового перехода, и теперь для них не составляло труда узнать энергетику друг друга.

– Как? – тихо осведомился голос, исходящий от пола камеры.

– Долго объяснять, – шепотом ответил Андрей. – В двух словах: я был на приеме, главный храмовник превзошел все ожидания. С ним бесполезно вести разлагающие беседы. Ты нашла Учителей?

– Да. Они этажом ниже. Андрей, они сказали, что сущности древнего Круга содержатся где-то тут.

– Знаю. Я видел их.

Лана едва сдержала изумленный вздох.

– Что будем делать? – спросила она, подавив раздирающие ее чувства.

– Выход один, – шепотом ответил Андрей. – Прорываться с боем.

– Куда?

– Сначала к сущностям древнего Круга, потом к вертолетной площадке и святилищу.

– Будем уходить с планеты?

– Да. Теперь у меня на руках все доказательства. Главное – выжить.

– Я поняла. Продумай детали, пока мы с Ромелем поднимемся по канализации.

– Хорошо.

– Я люблю тебя…

* * *

Через полчаса погасили свет, и в тюремном коридоре воцарился сумрак. Андрей расслабленно сидел на стуле, ожидая появления Ромеля. Он

уже сосчитал количество охранников, мысленно проработал маршрут движения, но выходить из тела не рискнул – подобные операции с собственной энергией не нравились ему в той мере, как Ланите. В бою он все же предпочитал полагаться на трезвый ум, рефлексы тела и безотказное оружие в руках.

Минуты ожидания медленно утекали в бесконечность.

Вернувшись в свое тело, Лана несколько минут отдыхала, собираясь с силами перед предстоящим рывком.

Ее душа, еще утром расколотая на две половины, наконец соединилась. Она хотела узнать правду о себе и одновременно боялась ее, но теплое слово *мама* согревало, Лана больше не страшилась того, что рвалось из глубин подсознания, напротив, ее сердце трепетало, словно изнутри его омывал ласковый поток родной энергии.

Мы выживем, мама…

Она одним движением встала с осклизлого холодного пола, подбирая автомат и РД.

– Ромель!

Преданная сущность тут же возникла перед ней, выскользнув из-за проржавевшего кожуха насоса.

– Ты готов?

– Да, госпожа, – ответил тихий, но твердый голос.

В полу одной из камер, расположенной на третьем уровне подземных коммуникаций базы храмовников, в районе отхожего места внезапно пошел легкий дымок.

Металлическая плита раскалялась, словно изнутри ее резали автогеном, но на самом деле металл плавился под воздействием энергетической сущности Ромеля.

Удушливый дым еще не успел заполнить камеру, когда участок пола вдруг не выдержал и провалился вниз, падая в глубины канализационного колодца твердеющими на лету кусками металла.

В образовавшееся отверстие проскользнула сущность, затем раздался голос Ланиты:

– Намочите тряпки и остудите края отверстия!

Зигида и Фрая быстро выполнили указание. Ромель в это время просочился сквозь потолок, но спустя несколько секунд вернулся.

– Два охранника спят, один ходит. Свет погашен, – доложил он. – Над нами коридор.

– Бери того, который не спит. Только тихо.

Дежурным по коридору был Дункан, тот самый охранник, что пытался ударить Андрея прикладом автомата в спину.

Он медленно вышагивал вдоль камер в томительном ожидании смены, которая должна была наступить через полчаса.

Все заключенные за исключением новенького спали. Дункан как раз поравнялся с его камерой и недовольно подумал: *«Чего сидит таращится? Спал бы себе…»*

Охранник не заметил, как за его спиной возникло энергетическое существо, а в следующий миг, когда его голубоватый свет озарил узкое пространство, было поздно: Ромель вдруг раскинул руки, словно обнимая невидимым покрывалом энергии оторопевшего от неожиданности охранника, и тот не успел даже вскрикнуть, просто кулем ополз на пол, уже без признаков жизни.

Андрей лишь мельком взглянул на Ромеля, который принялся разогревать участок пола, – встав со стула, он протянул руку и отцепил от пояса охранника ключи. Затем, осторожно отворив скрипучую дверь, выбрался в коридор. Автомат охранника лежал тут же. Поднять его было делом секунды. А спустя еще несколько Андрей уже стоял в дверях небольшой комнаты, где за столом дремали офицер и еще один храмовник.

Нельзя было поднимать шума, пока Ланита и ее Учителя не выбрались на этот уровень подземных коммуникаций, поэтому Андрей не стал стрелять. Ворвавшись в тесную караулку, он увидел, как офицер сонно приподнимает голову, и резко ударил его в кадык, заставив подавиться изумленным возгласом. Второй охранник успел вскочить, осоловело глядя по сторонам, и Кречетову ничего не оставалось, как испытанным приемом врезать ему в висок.

Он не знал, потерял ли охранник сознание или же умер, времени на детальный осмотр не было, – сорвав с обоих храмовников ремни экипировки, он накрепко связал их, воткнул им кляпы и только после этого занялся оружием.

«АРГ-8», которыми был вооружен караул, оказались самого устаревшего, примитивного образца, не чета тем автоматам, которыми пользовались храмовники в районе горного плато, к тому же они находились в ужасном состоянии.

Вернувшись в коридор с двумя автоматами в руках, Кречетов увидел, что Ромель уже проплавил дыру в перекрытии.

Заключенные в камерах зашевелились, кого-то разбудил свет, кого-то

шаги и звук передергиваемых затворов – это Андрей проверял оружие, – возня в камерах постепенно перешла в удивленные возгласы. Но Кречетов не спешил давать свободу проснувшимся узникам, он не мог знать наверняка, нет ли среди них проштрафившихся воинов Храма.

Резко обернувшись, он заставил смолкнуть заключенных, выразительно поведя стволами двух автоматов.

– Тихо, – произнес он. – Получите ключи, когда мы уйдем.

* * *

В преддверии боя время вновь начинает течь иначе, восприятие окружающего изменяется, мысли становятся скупыми, а все чувства будто умирают в груди…

Так ощущал себя Кречетов.

Двести метров наклонного тоннеля, два поста охраны, как минимум одна бронированная дверь и снова тоннель, только теперь с двусторонней развязкой, а там…

Дальше двухсотметрового отрезка Андрей загадывать не стал.

Худшее было впереди, все осознавали это. Никто не строил иллюзий, не уповал на чудо, они знали лишь одно: придется идти и убивать… либо они сами останутся лежать в лужах крови и человечество еще долгие годы не узнает о существовании Первого Мира, возможно, что сбудется мрачное пророчество Надырова, и…

Каждый думал в эти секунды о своем, кто-то глобально, а кто и мельче, приземленнее, но цель была одна – дойти.

Дойти во что бы то ни стало.

– Ключи! – Андрей кинул связку за прутья ближайшей камеры и шагнул к дверям, ведущим из тюремного блока в магистральный коридор второго подземного уровня.

Узники провожали их молчаливыми взглядами. Что они могли подумать об этой группе, состоявшей из одного мужчины, вооруженного двумя автоматами, следовавшей за ним молодой женщины, одной энергетической сущности и пятерых древних старух, с трудом выбравшихся из дыры в полу?

– Берегите силы, – не оглядываясь, приказал Андрей, адресуя свои слова прежде всего пятерым старухам, кутавшимся в ветхие балахоны. – Вперед не высовываться, под пули не лезть. Ромель, ты наш отвлекающий

фактор, мы с Ланой расчищаем путь. Все, вперед!

Он распахнул дверь тюремного блока.

Началось…

Ромель выскользнул в коридор, мгновенно метнулся от стены к стене, и его заметили – на первом посту охраны, у механизма, опускающего аварийную перегородку, возникло суматошное движение, но тут же грохнули два одиночных выстрела, и многотонная плита остановилась – оба храмовника, не ожидавшие внезапного нападения, повалились навзничь.

Андрей почувствовал, как тугие звуки стрельбы, эхом прокатившиеся по коридорам, срывают лавину событий. Теперь нет ни секунды времени на заминки, нет права на оплошность, есть только один путь:

– Вперед!

В такие мгновения приходит совсем иное видение реальности…

…Ярко-голубое пятно неслось по коридору вдоль самого потолка, одновременно совершая зигзагообразные движения, а по летящей сущности уже щедро били два автомата со следующего блокпоста, одновременно из глубин тоннеля слышались крики и скрежет опускаемого вручную механизма. Пули с гулким визгом высекали искры из металлического потолка коридора, яркое пятно сущности слепило глаза, привлекало внимание, и в воцарившемся вдруг хаосе одиночные выстрелы прозвучали глухо, неприметно, лишь последний из трех храмовников, тот, что вручную пытался опустить переборку, в последний миг перед смертью увидел, что по коридору движется группа людей.

Двести метров, второй пост, наполовину опущенная бронированная плита, за ней развилка тоннелей, в глубине которых уже слышны крики.

– Гранаты. Обыскать трупы! Лана, левый тоннель, Ромель, направо!

Гулкая, отдающая звоном в ушах очередь прошивает пространство левого тоннеля – это Ланита прикрывает Учителей, пока те обыскивают подсумки мертвых храмовников. Ромель опять превращается в слепящее, мечущееся под потолком правого коридора пятно, и Андрей закидывает один автомат за спину – оружие слишком тяжелое, чтобы прицельно стрелять с двух рук.

Одиночные выстрелы похожи на очередь, затворная рама выплевывает горячие гильзы, посылая их в звонкий перестук по металлическому полу.

Чисто…

Кречетов обернулся, но Лана уже справилась: в коридоре слышен чей-то протяжный предсмертный стон, но нет злых росчерков ответного огня.

– Опустить переборку, живо!

Пять женщин, передав ему найденные у мертвых гранаты, тут же беспрекословно наваливаются на ворот, вращая зубчатые шестерни, и многотонная плита опускается, перекрывая развилку тоннелей. Андрей и Лана синхронно опускаются на колено, посылая выстрел за выстрелом в сужающийся проем.

Все…

С той стороны в бронированную плиту молотят пули, но это уже не имеет значения. Пока не имеет…

– Вперед!

* * *

У заветных бронированных дверей валяются трупы. Андрей отстрелял весь магазин, пока Ромель отвлекал сбежавшихся по тревоге охранников, но двери еще предстоит взломать, а с той стороны коридора уже слышны крики.

– Лана, держи их!

Ромель без приказа бросается вперед – что ему пули, которые режут воздух, наполняя широкий тоннель визгливым, изматывающим нервы звуком рикошета?

Ланита стреляет короткими очередями, но магазин пустеет слишком быстро, и она перекатом уходит к другой стене, на ходу меняя боекомплект, пока Андрей оттаскивает трупы от бронированных дверей, одновременно срывая с них подсумки.

– Сюда! – Он жестом указывает старухам на страшную баррикаду. – Спрятаться за них, живо! Лана, отходи назад!

Ромель по-прежнему мечется впереди, но храмовники уже разобрались, что к чему, и Ланита вовремя успевает присоединиться к своим наставницам, сгорбившимся в узком проеме между стеной тоннеля и баррикадой мертвых тел, – теперь автоматные очереди прошивают тоннель в метре от пола.

Андрей последним заскочил за страшное укрытие, напряженно выжидая, пока храмовники подойдут ближе. Под бронированными дверями высится горка из девяти подсумков, в руках Кречетов сжимает гранату с активированным взрывателем.

– На пол!

Теснина тоннеля на миг превращается в ад.

Детонировавшие гранаты выбивают один из створов бронированных

дверей, осколки вязнут в мертвых и живых телах с одинаковым чавкающим звуком, и лишь малая их часть не находит жертв, уходя на излет.

На старых женщин накатывает жуть, желудки выворачивает от обилия крови вокруг. Но Андрей, не церемонясь, подталкивает их автоматным прикладом по направлению к дверям, а сам врывается первым, успев лишь крикнуть:

– Лана, не стреляй! Держи вход!

Он как чувствовал это.

В знакомом сумраке длинного зала тускло светится красным овальное окно, и на его фоне фигура Надырова выглядит более зловещей, чем любой виденный Андреем призрак.

Адмирал стоит и смотрит.

На что?!

Кречетов рывком устремляется вперед, но Надыров не оборачивается, и Андрей коротким ударом сбивает его с ног, одновременно вырубая сознание.

Есть…

Наваждение миллисекунд заканчивается…

Сбив с ног адмирала, Андрей поднял взгляд и увидел, на что так завороженно смотрел Надыров.

Адмирал был абсолютно уверен, что Кречетов примет его предложение, и, не дожидаясь покорного согласия, решил сделать свой последний ход, насладившись на прощание окончательной смертью столь ненавистных ему существ.

За толстым бронестеклом в пространство каньона по-прежнему была выдвинута овальная плита, но с ее поверхности исчезли цилиндры – теперь там, распластавшись, лежали истощенные сущности иных, а к ним со всех сторон медленно подступали сытые, сильные, напитанные энергией фантомы, оставшиеся от офицеров Земного альянса, некогда возглавлявших экипаж крейсера «Тень Земли».

За спиной гулко ударил автомат Ланиты, но Андрей уже понял: он свое дело сделал, теперь тут нужна она… Он метнулся назад, мельком заметив вошедших в зал старух и Ромеля, который устремился к треклятому бронестеклу.

– Лана!

Она обернулась на крик.

– Лана, иди, я прикрою. Там… – У Андрея не хватило слов, он смог лишь выразительно махнуть рукой, а в следующий миг ему стало не до сущностей – со стороны незаблокированного тоннеля лезли храмовники, с

которыми он теперь остался один на один.

* * *

Ланите хватило одного взгляда, брошенного сквозь толщу бронестекла, чтобы понять суть событий, происходящих в узком, залитом красноватым светом каньоне.

Это были они, существа древнего Круга, вернее – их истощенные, фактически беспомощные сущности, которые кто-то отдал на заклание сытым, напитанным энергией фантомам.

Она не задумывалась ни на миг, только успела крикнуть:

– Ромель!

Что-то взорвалось внутри сознания, которое машинально потянулось к ним, еле шевелящимся на подогретой каменной плите, и энергетическую сущность Ланы будто вышвырнуло из тела физического – она даже не успела осознать тот миг, когда ее фантом прошел сквозь кристаллическую решетку трехслойного стекла.

Вокруг били фонтаны тепловой энергии, она струилась со всех сторон, омывала остекленевший базальт, горячими смерчами закручивалась под черным куполом, и Ланита, не концентрируясь, одним машинальным порывом скрутила ее в тугой испепеляющий ком и метнула в сторону ярко сияющих призраков.

Стена огня рванула вверх, отсекая овальную каменную плиту от остального пространства каньона, а она все в том же неистовом порыве опустилась в центр Круга, успев лишь заметить, как зашевелились вокруг нее беспомощные сущности.

Она оборачивалась, ловила взглядом потускневшие глаза каждого из них, не пугаясь нечеловеческих форм, а, напротив, трепетно *узнавая* их, своих друзей, тех, кто делился с ней самым сокровенным, кто поставил ее во главе Круга, осознанно отдавая дань силе человеческого разума… и когда поднятая ею огненная буря начала опадать бледными языками пожирающего воздух пламени, Лаонита вдруг заговорила, нараспев произнося слова древнего языка, складывая их в особую форму концентрации, переводя при этом взгляд с одного существа на другое, побуждая их к жизни после многолетнего забвения и плена.

Она не видела, как Ромель вихрем налетел на ближайший фантом, разрывая в клочья сытую структуру давно утратившего боевые навыки призрака, и это дало Лаоните еще несколько секунд форы…

Она использовала их.

Каждый миг этого запредельного напряжения вливал силы в ослабленные сущности древнего Круга, и они вдруг начали вставать, одна за другой, подчиняясь ее призыву, впитывая струящуюся вокруг энергию, они восстанавливались на глазах, в течение секунд набирая прежнюю силу, и когда Лана начала приходить в себя после инстинктивного порыва, вокруг нее стояли уже не бледные погибающие тени, а полнокровные энергетические сущности.

Они вновь преданно окружали ее, и Лана с торжеством почувствовала, что Круг восстановлен, его уже не разорвать простым ударом чуждой энергии, да это противоборство было ни к чему – хватит уже смертей, и реальных, и энергетических…

– Ромель, назад, уходим отсюда!

Толстое бронестекло не могло остановить реанимированные сущности – они выскользнули из своего узилища, осветив ярким голубым светом сумеречный зал, а призраки людей, минуту назад надвигавшиеся на них, не решились последовать за существами, которые только что казались им беспомощными и уязвимыми, а теперь вдруг превратились в осязаемую силу, которой управляла хрупкая молодая женщина…

* * *

Возвращение в мир физический было болезненным, Лана едва не погубила себя, вырвавшись из плоти, но, к счастью, все обошлось, лишь кружилась голова да звуки навалились со всех сторон, словно кто-то хотел порвать ее барабанные перепонки.

Пошатнувшись, она встала и тут же увидела Андрея, который, припав на одно колено, менял автоматный магазин, по его плечу струилась кровь, рубашка под правой лопаткой густо напиталась ею, и Лана поняла, что он ранен.

Преодолев дурноту, она взглянула на окружавшие ее сущности, но мир еще двоился в сознании, не было целостности восприятия, разум с трудом воспринимал смену ощущений…

Андрей снова открыл огонь, и она пошла к нему, все еще плохо воспринимая реальность.

Увидев Ланиту, он на миг оглянулся и, оценив обстановку, крикнул:

– Бронестекло!

Она с трудом поняла его, но лающие, отрывистые звуки одиночных

выстрелов так больно били по ушам, что мир физических ощущений взял свое, – она оглянулась, увидела второе панорамное окно, за которым в фиолетовых сумерках возвышался титанический корпус крейсера, и время вновь обрело для нее прежний практический смысл…

Он долго не продержится… – стучало в висках, и тогда Лана инстинктивно позвала Ромеля.

Сущность воина тут же возникла перед ней.

– Ромель… – прерывающимся голосом произнесла Ланита, – скажи им… пусть выжгут… стекло… – Она с трудом подняла руку, указывая на овальное окно.

* * *

Когда преграда расплавилась, стекая на пол, в задымленный зал внезапно ворвалась вечерняя прохлада.

Андрей, отступая, расстреливал последний магазин, но Лана к этому моменту уже окончательно пришла в себя, и очередь, выпущенная ею, дала Кречетову возможность доковылять до опрокинутых кресел.

В зал лезли храмовники, еще немного – и они прорвутся внутрь, но Лана пока что сдерживала их…

Андрей знал, что нужно делать…

Приподняв бессознательное тело Надырова, он с усилием шагнул вперед.

В этот моменту у Ланиты кончились патроны, и на мгновение в зале стих грохот, сменившись вязкой тишиной.

Храмовники застыли в дверях, пораженные увиденным.

Незнакомец стоял посреди зала, удерживая тело Надырова с приставленным к подбородку адмирала автоматным стволом.

– Назад… – прохрипел он. – Еще шаг, и я вышибу ему мозги.

Среди ворвавшихся в зал храмовников оказались двое офицеров.

– Ну? – Кречетов окинул их мутным от боли взглядом. – Я не шучу!..

Они все равно колебались, не зная, как поступить, но в этот момент оглушенный адмирал пришел наконец в сознание.

– Делайте, что вам сказано, ублюдки, – прохрипел он, чувствуя, как ствол автомата вминает в горло его собственный кадык.

Храмовники попятились, но один из офицеров остался стоять на месте.

Ланита уже перезарядила автомат и встала рядом с Андреем,

поддерживая его.

– Скажи остальным, пусть уходят внутрь корабля.

Она кивнула, передавая приказ, а Кречетов, медленно отступая к прожженному насквозь панорамному окну, крикнул:

– Вертолет, полностью укомплектованный и исправный, на эту площадку, возле крейсера. Даю пять минут на исполнение! – Он склонил голову и шепнул на ухо Надырову: – Адмирал, подтвердите… Иначе вам не увидеть Земли, клянусь…

– Исполняйте приказ! – прохрипел Надыров.

Глава 14

Первый Мир.
В ста километрах от горного массива.

Вертолет натужно месил лопастями прохладный ночной воздух. Установленный в открытой рампе крупнокалиберный пулемет смотрел мертвым зрачком ствола в окружающее пространство, но их никто не преследовал, лишь девять сущностей, включая Ромеля, летели вслед, не отставая от машины.

Андрей с трудом удерживал сознание. От кровопотери шумело в ушах, он плохо соображал, и оттого тяжелая машина иногда начинала рыскать из стороны в сторону.

В соседнем кресле сидел связанный адмирал. Лана, наскоро обработав раны Андрея, отвела своих бывших Учителей в хвостовую часть отсека и что-то растолковывала им.

Впереди показались смутные очертания горного плато, и Андрей начал постепенно снижаться.

У горизонта занимались первые краски наступающего рассвета, и им следовало торопиться.

Тяжелая машина пролетела вдоль обрывистой кромки безлюдного плато, потом повернула, чуть кренясь набок, и начала снижаться у подножия холма, на вершине которого темнели очертания мегалитов.

Круг замыкался…

Теперь оставалось совершить самое сложное…

Вертолет коснулся поверхности плато, взметая вокруг тучи пыли, его двигатель в последний раз взвыл и замолк, лишь лопасти продолжали некоторое время вращаться по инерции.

Сияющие сущности опускались на вершину холма у мегалитов.

– Лана, не забудьте скафандры, – оборачиваясь, напомнил Андрей.

Лицо адмирала исказила гримаса досады.

– Ты думаешь, все будет так просто, умник?

– Посмотрим… – скупо ответил Андрей, не желая обмениваться с адмиралом пустыми фразами.

* * *

Прошло еще минут двадцать, пока к центральной части святилища перенесли связанного Надырова и три скафандра, отобранных Андреем в шлюзовом отсеке крейсера «Тень Земли».

Полоска зари уже разлилась светло-сиреневой зарницей.

Андрей и Лана подошли к Ромелю.

– Прощаться не будем, воин… – произнес Кречетов. – Мы вернемся, не успеешь соскучиться.

– Обещаешь? – прошелестел тихий знакомый голос.

– Клянусь, – ответил Андрей. – Охраняй наставниц и не забудь: вы должны быть у святилища ровно через неделю.

– Хватит времени? – усомнился Ромель.

– Там, куда мы отправляемся, пройдет два с половиной месяца, – ответила ему Лана. – Так что не волнуйся, мы успеем.

– Я буду ждать… – тихо произнес Ромель и, не оборачиваясь, заскользил вниз к вертолету.

– Пошли… – Андрей обнял Лану здоровой рукой. – Нужно торопиться. Боюсь, им повредит рассвет.

Восемь сущностей расположились по периметру святилища. Андрей не успел толком разглядеть их в залитом красным светом каньоне, да и сейчас не было времени, он лишь мельком скользнул взглядом по двум гуманоидным фигурам, мысленно отметив, что те никак не походят ни на людей, ни на харамминов. Звероящер и крылатые создания, похожие на огромных летучих мышей, вообще выглядели вызывающе чуждо. На их фоне две сущности логриан да призрак инсекта смотрелись вполне симпатично. Андрей никогда не мог представить, что в его жизни возникнет ситуация, когда ксеноморфы вдруг станут вызывать в его душе родственные ассоциации…

Все… Хватит тянуть… – мысленно одернул он самого себя.

Надырова уже облачили в скафандр, и Андрей стал помогать Ланите. Справившись с ее экипировкой, он быстро надел свою.

Пять наставниц Ланы уже стояли на своих местах, образуя пятиугольное построение.

– Начинаем, – произнес Андрей, закрывая забрало на гермошлеме связанного адмирала.

Проверив экипировку Ланы, он загерметизировал свой шлем и сделал знак рукой.

Монотонный речитатив поплыл над мегалитами, но Андрей не слышал его – обняв Ланиту, он стоял в центре круга, а у их ног,

сгорбившись, сидел адмирал.

Бледно-красное зарево вдруг начало разливаться внутри древней постройки, оно становилось все ярче, напряженнее, но никто из них не знал, что должно произойти на самом деле, поэтому, когда перед глазами вдруг взвихрилась черная хмарь гиперпространственного перехода, Ланита, которая никак не могла унять дрожь, даже не успела вскрикнуть: ей показалось, что прошло мгновение, даже меньше, и она вдруг ощутила болезненный удар о почву…

Она инстинктивно вскочила, оглядываясь вокруг, и внезапно увидела *небо…*

Над ее головой простирался бездонный купол черных небес, на котором сияли мириады ярких колючих точек.

Ноги Ланиты внезапно подкосились, и она медленно опустилась на колени.

Это была Земля…

Она смотрела на небеса, не замечая ничего вокруг, а голубое сияние, возникшее в центре Стоунхенджа, уже выбрасывало над поверхностью земли призрачные фигуры сущностей древнего Круга.

Андрей глядел на них в немом зачарованном оцепенении, и лишь адмирал, которого неуклюже повалило на бок, проявлял полное безразличие к открывшемуся пейзажу вожделенной планеты.

ЭПИЛОГ

Планета Элио.
Зал совещаний штаб-квартиры Конфедерации солнц.
Две недели спустя…

– Докладывайте подробно, адмирал, – произнесла Шейла Норман, занимая свое кресло во главе длинного овального стола.

Она мало изменилась за два десятилетия бессменного руководства Конфедерацией – казалось, что время не властно над ней, и в сорокапятилетней женщине с легкостью можно было узнать ту девушку, которая однажды, роковой для человечества ночью села в рубку шагающей серв-машины, чтобы отразить внезапную атаку харамминов на Элио…

С той поры многое изменилось в обитаемой Галактике, мир стал сложнее, когда к человечеству присоединились две иные расы – логриане и инсекты, но она не жаловалась на бремя, выпавшее ей.

– Две недели назад в управление внешней разведки Конфедерации по каналу гиперсферной частоты поступил сигнал, предваряющий кодовое сообщение.

– Что содержал сигнал и каковы коды? – Шейла понимала, что ее не стали бы беспокоить из-за пустяков, но она привыкла к четким недвусмысленным докладам подчиненных.

– Сигнал содержал три красных маркера тревоги, шифрованные паролями пятилетней давности, а также требование срочной эвакуации. К кодам прилагался рапорт некоего лейтенанта Кречетова, пропавшего без вести пять лет назад на планете Земля во время отпуска, а также два переведенных в электронный формат образца генетического кода.

– Ваши действия? Откуда поступил сигнал?

– С Земли, мэм. Мы выслали эвакуционно-спасательный модуль по указанным координатам.

– Что за генетические коды были приложены к сообщению?

– Один принадлежал лейтенанту Кречетову, а второй…

– Ну? – Шейла вскинула взгляд.

– По базам данных он опознан как геном адмирала Тиберия Надырова!

Шейла удивленно посмотрела на главу разведуправления.

– Это так?!

– Да, мэм. Мы эвакуировали лейтенанта вместе с адмиралом и сопровождавшей их женщиной, данных о которой нет ни в одной компьютерной базе Конфедерации.

– С ними был кто-то еще? Коды тревоги подтвердились?

– Только со слов лейтенанта. Вот его подробный рапорт. Никаких существ иных рас на Земле не обнаружено, но командир модуля доложил, что на протяжении полета на борту корабля фиксировались многочисленные энергетические аномалии. Объяснить их происхождение он не может.

– Дайте рапорт лейтенанта, – потребовала Шейла. Ей понадобилось некоторое время, чтобы изучить две страницы лаконичного текста.

Наконец, закончив чтение, она подняла взгляд и спросила:

– Вы проверили труды профессора Кречетова?

– Да. Мои специалисты однозначно утверждают, что его теория полностью обосновывает новые свойства вертикалей. Сам профессор погиб пять лет назад при невыясненных обстоятельствах.

– То есть косвенные данные указывают, что рапорт лейтенанта соответствует истине?

– Это требует дополнительной проверки, но у меня сложилось именно такое впечатление. Я разговаривал с ним, допросил Надырова, все сходится, нет никаких разночтений в показаниях.

– Если исключить провокацию, вы отдаете себе отчет, чем обернется это открытие для всей цивилизации? – Шейла, не выдержав, встала и в волнении прошлась вдоль огромного демонстрационного экрана.

– Да, – ответил адмирал. – Это означает, что в сердце гиперсферы существует пространство, откуда по вертикальным линиям напряжения открывается свободный доступ ко всем объектам звездной и планетной величины нашей Галактики.

– Невероятно… – Шейле редко изменяла ее невозмутимость, но прочтенный рапорт потряс ее. – Если мы найдем аргументированное подтверждение рапорту, то перед нами встанет острейшая проблема. – Она обернулась. – Через этот мир открывается доступ не только от нас, но и к нам… Три красных кода тревоги… – вслух рассуждала она, – это означает контакт с тремя неизвестными ранее цивилизациями. В таком случае Первый Мир, как называет лейтенант эту планету в своем рапорте, автоматически становится *границей,* – она подчеркнула последнее слово, – и тот, кто контролирует его, будет контролировать всю обозримую Галактику?

– Да.

– Адмирал, мы должны проверить это, немедленно.

– Лейтенант Кречетов готов привести доказательства и открыть всю информацию по Первому Миру, – ответил глава разведуправления, – но он поставил одно условие.

– Какое?

– Он добивается личной встречи с вами.

Шейла на миг задумалась.

– Где он сейчас?

– В приемной, мэм. Вместе с адмиралом и той загадочной женщиной.

– Хорошо. – Шейла Норман вернулась в свое кресло. – Обеспечьте охрану помещения и введите их.

* * *

Три человека вошли в огромный зал совещаний.

Кречетов был бледен, он еще не вполне оправился от ран, полученных при прорыве с базы храмовников, Надыров взирал на окружающее с мутным, презрительным безразличием во взгляде, Ланита держалась спокойно, полагаясь на Андрея.

Наступал очередной критический миг.

Шейла Норман окинула взглядом вошедших, кивком поздоровалась, задержав взгляд на адмирале Надырове, а затем произнесла:

– Садитесь, господа.

Она перевела взгляд на Кречетова.

– Я ознакомилась с вашим рапортом, лейтенант, и понимаю всю значимость вашего открытия. Но мне нужны доказательства для принятия ответственных решений.

Андрей встал.

– Я их привез, – ответил он. – Если сюда принесут мощный источник магнитного поля, то я смогу продемонстрировать их.

– Распорядитесь, адмирал, – коротко приказала Шейла.

Через минуту генератор был доставлен.

– Включайте, но прошу – соблюдайте спокойствие. – Андрей посмотрел на президента Конфедерации. – Не нужно лишних неразумных действий.

Она не понимала, о чем идет речь, но кивнула, соглашаясь.

Легкое касание сенсора – и прибор заработал, генерируя магнитное поле.

Эффект был шоковым, потрясающим.

Воздух в задней части огромного зала будто сгустился, принимая зримые формы сияющих нежной голубизной фигур.

Восемь нечеловеческих сущностей стояли за спиной Кречетова.

Шейла с трудом удержала себя в руках, сохранив самообладание.

Она узнала фигуры двух логриан и инсекта, но остальные существа были абсолютно незнакомы.

– Госпожа президент, адмирал, – голос Кречетова вдруг принял официальную сухость интонаций, будто он являлся не боевым офицером, а дипломатом. – Перед вами энергетические сущности представителей иных цивилизаций. В своем рапорте я указывал, что они полностью осознают себя в данной форме и могут представлять собственные цивилизации, несмотря на потерю физических тел.

Два гуманоида, звероящер и крылатые создания выступили вперед.

Шейла Норман смотрела на них, не в силах скрыть своего потрясения.

– Я приветствую вас… – Ее голос все же дрогнул. – От лица человечества и Конфедерации в целом. – Шейла встала, приложив руку к груди.

Она обернулась, посмотрев на Ланиту и Андрея.

– Вы мужественные люди… – произнесла она, не зная, что еще можно добавить к этой лаконичной, но полной глубинного смысла фразе.

– В Первом Мире ждут нашей помощи и поддержки, мэм, – глядя ей в глаза, ответил Кречетов. – Храм обезглавлен, но на его место должна прийти новая сила, которая будет более разумно контролировать границу множества пространств.

Планета Элио.

Закрытый пансионат управления внешней разведки Конфедерации солнц.

Две недели спустя…

Два офицера шли по узкой бетонированной дорожке, ведущей к небольшому одноэтажному зданию, затерявшемуся среди вековых сосен: капитан космофлота Конфедерации солнц Андрей Кречетов и лейтенант только что сформированного подразделения космической пехоты Ланита Кречетова.

Накануне они оформили свой брак по законам содружества миров, и вот теперь, накануне отлета к месту будущей службы, решили навестить последнего участника памятных событий.

Адмирал Надыров сидел в кресле перед компьютерным монитором. Он еще более постарел за эти дни, но его глаза по-прежнему выдавали незаурядную волю к жизни.

Услышав звук открывающихся дверей, он обернулся.

Несколько секунд Надыров смотрел на молодую пару, а потом кивнул, взглядом указав на свободные кресла.

– Мы пришли проститься, адмирал, – произнес Андрей, положив на стол рядом с креслом Надырова толстый фолиант, явно приобретенный в антикварном магазине. – Первый переоборудованный крейсер отправляется в пространство Первого Мира через два дня.

– Получил новые погоны, капитан?

– Да, адмирал. И Ланита тоже, как видите. Мы возвращаемся в Первый Мир, так что ваше желание отчасти сбылось – я возглавлю гарнизон военно-космических сил Конфедерации, который будет контролировать планету и доступные вертикали.

– Что ж… – Взгляд адмирала внезапно утратил прятавшуюся в глубинах зрачков ненависть. – Удачи вам… Обоим.

Он отвернулся, но Андрей с Ланой не обиделись на старика. Тесно обнявшись, они тихо вышли, затворив за собой дверь.

Для них наступала новая жизнь, и ничто не могло омрачить их заслуженного счастья.

Когда за ними закрылась дверь, адмирал долго сидел, глядя в одну точку. Он знал, что его будут судить как военного преступника, но надеялся, что старость не позволит ему дожить до этого дня.

Обернувшись, он посмотрел на толстую старинную книгу, оставленную Кречетовым на столе, затем взял ее в руки, ощущая тяжесть пластбумаги, и прочел название, вытесненное на обложке:

«ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛИ. МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?»

notes

Примечания

1

Маргиналий – пометки на полях книги или рукописи.

2

Текстоглиф – специальный символ, обычно шифрующий целую последовательность стандартно исполняемых программ или действий. Предназначен для эффективного управления кибернетическими системами в режиме программирования либо ввода команд с сенсорной клавиатуры.

3

Демпфер – устройство для уменьшения или предотвращения вредных механических колебаний, в данном случае – отдачи при стрельбе.